

SEATTLE PUBLIC LIBRARY

0 01 00 4613633 8

ДОСЬЕ

НИКОЛАЙ ЗЕНЬКОВИЧ

**БЫЛА ТАКАЯ
АРМИЯ:
КНИГА-ЭПИТАФИЯ**

Т Р И Э П О Х И А Р М И И Р О С С И И

ОЛМА
МЕДИАГРУПП

СЕРИЯ «ДОСЬЕ»

Николай Зенькович
БЫЛА ТАКАЯ АРМИЯ
Книга-эпитафия

МОСКВА
ОЛМА-ПРЕСС Образование
2004

УДК 355/359
ББК 68.49(2)
3 567

Исключительное право публикации книги Н. А. Зеньковича «Была такая армия» принадлежит издательству «ОЛМА-ПРЕСС Образование». Выпуск произведения или его части без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

Зенькович Н. А.

3 567 **Была такая армия: Книга-эпитафия.** — М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004. — 416 с.: ил. — (Досье).

ISBN 5-94849-639-2

В отличие от нынешней Российской армии, получившей боевое крещение в военных акциях против своего народа, Советская Армия родилась в сражениях против иноземных захватчиков. За годы своего существования (1918—1991) она действительно была непобедимой и легендарной: ни одной проигранной войны! Известный мастер «литературы факта» Николай Зенькович в своей новой книге-эпитафии «Была такая армия» не дает забыть об уникальном явлении XX века, каким в истории мирового военного искусства навсегда останется Советская Армия. Каждому, кто в ней служил, будет что вспомнить и о чем пожелать.

УДК 355/359
ББК 68.49(2)

ISBN 5-94849-639-2

© Издательство «ОЛМА-ПРЕСС
Образование», 2004
© Зенькович Н. А., 2004

КАК СЛУЖИЛИ В СОВЕТСКОЙ АРМИИ

(Вместо предисловия)

Елена Георгиевна Кожедуб, редактировавшая все мои книги, выходявшие в издательстве «Олма-Пресс», удивительно тонкий и деликатный человек, по прочтении новой рукописи осторожно спросила:

— А кто вел дневник? Вы сами?

Речь шла о записях, которые легли в основу книги.

— Как вам сказать, — замылся я. — А что, видно?

— Сидя в кабинете, такое не напишешь...

Елена Георгиевна права. Армейские блокноты действительно принадлежат мне. Заполнялись они в 1969—1970 годах, когда я проходил срочную службу в Советской Армии.

Замысел обратиться к ним именно сейчас появился по нескольким причинам.

Одним из побудительных мотивов найти старые блокноты, пылившиеся на антресолях, стали почти ежедневные сообщения новостных телевизионных программ о трагических происшествиях в Российской армии. Самовольное оставление воинских частей с оружием, открытие огня по сослуживцам, жуткие случаи смерти солдат от недоедания и болезней, самоубийства — все это не укладывалось в голове.

— Когда мы служили, у нас такого не было! — каждый раз восклицал я, слушая ставшими привычными репортажи об очередном расстреле караула.

— Не хватало еще, чтобы полковники убегали из своих частей! — кивнула как-то раз дочь-старше-

класница на мои погоны, к которым она привыкла с детства.

Ей, наверное, казалось, что армейским полковником ее отец был всегда. Но ведь я, как все мои сверстники, тянул солдатскую лямку и видел армейскую жизнь изнутри, будучи рядовым оператором радиолокационных средств обнаружения противника и наведения ракет. Иными словами, спал в казарме, ходил в наряды, участвовал в учениях.

— А как было у вас? — спросила она однажды после очередного моего гордого восклицания. — Неужели всего этого не было в твоей армии? Как же вы служили?

Меня словно током пронзило. Вот они, ключевые слова!

И я полез на антресоль в поисках дождавшихся своего часа армейских блокнотов.

БЛОКНОТ I

Пунктирная линия. ПОВЕСТЬ ИЗ НАГРУДНОГО КАРМАНА

5 ноября. Солдат с маршальской фамилией

Второго ноября в последний раз устроили переключку и повезли в горвоенкомат. Там городской сборный пункт. Оркестр. Проводы. С трибуны дали наказ — вручить вымпел и гильзу с землей, политой кровью освободителей, лучшему подразделению. Затем стояли в шеренгах по командам и ждали «купцов». Подошли старший лейтенант и прапорщик. По эмблемам и петлицам мы гадали, какой род войск.

Нас посадили в автобусы и повезли в Боровск. Сначала в военный городок, потом в городскую баню. Выдали новенькую форму. Вышли и не узнали друг друга — все одинаковые, хотя за день успели перезнакомиться. В городок топали пешком. Тело после бани горячее, распаренное, сапоги новые, не разношенные, шинели непривычно длинные.

Курс молодого воина, или карантин по-старому. Разбили на взводы. У нас командир — молоденький лейтенант. Лет двадцати, не более. В этом году окончил военное училище. Замкомвзвода — младший сержант Вандюкевич, симпатичный рослый парень, редактор стенной газеты, опубликовал одну заметку в армейской газете «На боевом посту», а вторую использовали в обзоре писем.

Сегодня в части было торжественное собрание, выступал командир. Огласили большой список награжденных. Кто-то из новобранцев передал лучшему взводу гильзу с землей с братской могилы.

Нас во взводе двадцать. Все ребята — зеленая молодежь. Я, кажется, самый старый. Со мной пятеро с высшим образованием.

Сосед, однофамилец маршала, окончил нархоз, крепко сбитый парень. Дома жена и маленькая дочка. С особенным удовольствием рассказывает о том, как до армии его любили девушки.

О друзьях и знакомых: работает там-то, его дядя или тетя там-то.

А вот Петя Ракитный, пожалуй, самый симпатичный человек. Окончил институт физкультуры, преподавал в школе, в декабре ожидает прибавления в семье.

В армии все на виду. Сразу ясно, кто есть кто.

А вообще удивительное чувство — чувство строя. Как будто не двадцать человек, а один, и ты частичка этого целого, его неотрывная и составная часть. Я впервые хожу строем. Как все-таки преобразует людей военная форма. Все, и те, кто имеет высшее образование, и механизаторы широкого профиля, призванные из глухого села, вдруг стали какими-то одинаковыми. По внешнему виду человека в солдатской шинели не определишь его принадлежности к той или иной социальной группе. И только разговор выдает с головой.

Сегодня был первый кросс на три километра. На такие расстояния прежде бегать не приходилось. Страшно устал, перешел на шаг. Вандюкевич помогал советами. Все-таки мне здорово повезло, что у нас такой сержант. В других взводах похуже. А мы поначалу окрестили его Бандюкевичем.

Есть в нашем взводе два полюса: Оринник, молодой паренек из Березовска, кажется, впервые заехавший так далеко от дома, застенчивый, высокий, худой, с замедленной реакцией, и Коля Панкратов, общее посмешище, балагур и грубиян. У Оринника пока не все ладно со строевой. Вандюкевич учит его, помогает, как может. Пожалуй, самое странное в том, что маршальский тезка предупредил всех, чтобы они не потешались над Оринником. Вообще, носитель гром-

кой фамилии претендует на роль некоронованного короля взвода.

Приходил помощник начальника политотдела по комсомолу. Фамилию не уловил, произнесена была невнятно, скороговоркой. Старший лейтенант. Спросил, есть ли кто, знающий комсомольскую работу. Я сказал, что после университета проработал около года в комсомольской газете «Юный романтик». Записал фамилию, название газеты, должность и сказал, что в политотделе освобождается место инструктора по комсомолу и что он еще вернется к этому разговору.

А вообще-то делаю эти записи после отбоя, тайком, и уже получил замечание сержанта соседнего взвода. Надо ложиться спать.

6 ноября. Лавровый лист

Праздник будем отмечать три дня. Сейчас около восьми вечера, мы сидим в ленкомнате и смотрим телевизор. Передают концерт. Направился было в бытовку, чтобы сделать записи, а лейтенантик, наш комвзвода: марш в ленкомнату! Ему лет двадцать, не более, совсем юнец. А перед этим пришел наш старшина, построил всех и учинил разнос за то, что плохо убрали казарму. Заставил перемывать.

А еще нас водили строем в клуб посмотреть фильм. Клуб плохонький, одноэтажное деревянное здание напоминает допотопный сарай-развалюху. Показали две или три части, вошел майор и объявил, что кино отменяется. С тем и ушли.

Завтра торжественное построение и праздничный ужин. Посмотрим, что это такое.

Позавчера на политинформацию пришел двадцатилетний лейтенант, командир второго взвода. Совершенно не знал, о чем говорить. Речь невразумительная, косноязычная. Путался, сбивался, а потом вдруг начал рассказывать свою биографию. Притом самым подробнейшим образом: в каком году закончил шко-

лу, когда поступил в военное училище, как сдавал экзамены, даже вспомнил, что председателем госкомиссии был генерал-майор. Рассказывал подробно, называл точнейшие даты: когда получил диплом, какого числа куда приехал и т. д.

Становлюсь постепенно настоящим солдатом. Вандюкевич даже назвал мою стойку по команде «равняйся» эталоном, похвалил строевой шаг.

Сегодня пришивали черные петлицы к шинелям, получили эмблемы. Искали нитки, иголки.

Как служится? По десять раз на день моем и чистим сапоги. В столовую, на перекур — строем и только строем. Удивительно, не чувствую никаких болей в желудке: то ли ремень туго стягивает, то ли в самом деле я совершенно здоров.

Панкратов очень смешливый, грубый, но не ленивый. Наоборот, с охотой берется за всякую работу. Любо смотреть, как она кипит в его руках!

Изучаем уставы. Сложного пока ничего нет. Взвод схватывает все буквально на лету. Вандюкевич доволен, говорит, таких давно не было.

Пели строевые песни: «Катюшу» и «Веселей, солдат, гляди!» Разучивали вчера на вечерней прогулке. Зарядку по утрам делаем в одних гимнастерках. Шинелей пока не носим.

Вообще-то заметно, что большинство не в своей тарелке. Многие, и это чувствуется, скучают по дому, вспоминают родных. Говорят о девушках и о девках. И похабные анекдоты тоже рассказывают.

Перечитал сейчас начало: «Праздник будем отмечать три дня». В обед нас собрали в ленкомнате. Пришел старший лейтенант, помощник начальника политотдела по комсомольской работе — фамилию снова не уловил. Скороговоркой, как из пулемета, отстучал: «Праздновать будем в кавычках, потому что наш долг охранять своих матерей, отцов, невест, их спокойный досуг. Не исключена и тревога ночью».

Как же все-таки трудно одеться утром за считанные секунды! В казарме тесно, голос сержанта подобен

громовому раскату: «Взвод, подъем!» Кровати двухъярусные, в очень узком проходе одеваются сразу четверо. Сапоги одинаковые, гимнастерки, брюки, ремни, пилотки — тоже. Попробуй разобраться спростонья и, главное, с непривычки, во всем этом хозяйстве. А голос сержанта подстегивает, торопит: «Взвод, стройся!» Не укладываешься в срок — команда «отбой!»

А вечером снова тренировка. За те же проклятые секунды нужно раздеться и броситься в постель. Не укладываешься в положенный срок — команда «отставить!» И снова все вскакивают, одеваются, занимают место в строю. Потом команда «отбой». И снова все летят в кровати.

Сегодня за обедом Вандюкевич спросил:

— Кому попался лавровый лист?

Кто-то из наших ответил:

— Мне.

— Значит, скоро получишь письмо.

Оказывается, существует такая солдатская примета. Интересно, кто получит первое письмо во взводе?

Октябрьские праздники. Целых три дня ничего не делаем. Крутят кино, смотрим телевизор.

Мозоли — солдатская болезнь. Баллада о лавровом листе и мозолях. О том, как они болят, как мучительно шагать в тяжелых сапожищах.

А полку — идти...

12—15 ноября. Сержанты Петин и Петюх

Сегодня десять дней, как мы солдаты. Много событий пролетело. Во-первых, уехал домой Вандюкевич. Отличный был сержант. Отслужил свое, демобилизовался.

Прислали другого. Родом из-под Медвежьегорска. Маленький, верткий. Построил взвод и начал пугать службой. Что ни слово, то крепчайшее выражение. Маршальский тезка смотрит на него с восхищением. Вандюкевич по сравнению с ним — институтская ба-

рышня, несмотря на грозную кличку. Нас он (Петин) называет рылами.

Говорит знакомому караульному:

— Знаешь, какие у меня рыла собрались? Институты электроники позаканчивали!

Не иначе, гордится.

Получил письмо от Веты. Написала сама первая. Ответил вчера. Кажется, обрадовался. Может, потому, что очень муторно на душе. Вета отправляется туристкой в загранку. Что-то очень похожее на ревность шевельнулось во мне.

Ходят слухи, что карантин будет только до пятнадцатого, что все уезжают в Степные Просторы, и мы тоже.

Маршальский тезка заметно меняется. Вокруг него уже не тусуются группки прыщеватых юнцов. Он совсем не говорит о женщинах.

Из всех нас, одногодичников, уже устроился Семиренко. Его зачисляют писарем в продсклад.

Петя Ракитный молчит, но, видно, у него на сердце кошки скребут: от жены вестей никаких, а она должна в декабре рожать.

* * *

Сегодня утром нас выстроили в казарме. В леномнате заседала комиссия по распределению. Вызвали и меня. Начальник политотдела подполковник Аксенов, еще какой-то подполковник, майор. Я от-рапортовал. Задавали разные вопросы. Направили во второй дивизион. Наши распределились следующим образом: Ракитный в первый дивизион, Семиренко в первый (а как же относительно слухов о писарстве в продскладе?), тезка-маршала в третий. Я один во второй.

С политотделом ничего не получилось. Видно, я не подошел. Берут какого-то охламона из шестого взвода. Говорят, неплохо рисует.

Что со мной будет, неизвестно. Все упорнее ходят слухи о поездке в Степные Просторы. Притом указы-

вают даже срок — четырнадцатого либо пятнадцатого ноября.

Так тягостно на сердце. Вспоминаю Тимку, прошлое. Очень плохо. Не хочется ни говорить, ни писать, ни думать.

Первым письмо получил Обрывченко — от брата, которого вот-вот должны призвать.

Петюх — новый сержант.

— Выше голову! По своей земле шагаем!

Это Петюх.

Не везет нам на сержантов: Петюх уезжает в командировку. Должен прийти другой. Как-то тихо и незаметно исчез Петин.

Сегодня ходили в город. Боровск довольно большой населенный пункт. Много улиц, имеются даже многоэтажные дома. Достопримечательность и предмет гордости горожан — единственный светофор на перекрестке.

Отправили домой вещи, одежду, в которой прибыли на сборный пункт. Непривычно смотреть на штатских, на девушек. Шествовали строем в длиннющих шинелях, в зимних шапках-ушанках.

Карантин еще не окончен. Вот-вот расформируют. Остаются считанные дни, по всему чувствуется.

Маршальский однофамилец получил сразу два письма от жены. Читал вслух всему взводу. Радостный и умиротворенный.

На политзанятиях лейтенант говорил, что всех, кто имеет высшее образование, будут обучать военным специальностям. Вот так.

Пахать по-черному — любимое выражение Петюха. Приедаются строевые занятия. Одно и то же.

* * *

Суббота. Сокращенный учебный день. С утра повели в медпункт. Делали прививки. Все ходят как в воду опущенные. Болят лопатки.

Водили в кино, в солдатский клуб. Смотрели «„Табаго“ меняет курс».

У нас опять новый сержант. Вчера пришел некто Квашнин. Сегодня ушел. Пришел новый — Андреев из первого взвода, до армии работал на большом металлургическом заводе.

Надо было бы написать материалец в родной «Юный романтик» о первых шагах будущих ракетчиков. Хотя в принципе писать пока еще не о чем — на сборах нового пополнения не бывает боевых пусков. Быстрее бы в подразделение, что ли.

Сегодня один солдатик, выпускник музыкального училища, подошел ко мне:

— Напиши хорошее письмо моей девушке.

Сначала не понял. Оказывается, у него письма получаются не очень, вот он и просит по-дружески, чтобы я написал за него.

— Понимаешь, для того, чтобы написать, надо знать степень ваших отношений, ее характер, привычки. Это дело деликатное, глубоко индивидуальное.

— Так я тебе расскажу!

Картинка! Кажется, он попадет в музвзвод.

Учимся разбирать и собирать автомат. Впервые в жизни сделал это самостоятельно. Неповторимое чувство, когда держишь в руках боевое оружие. Видно, оно знакомо многим мужчинам. А как будет на стрельбище?

Лемешевский прибежал из солдатского кафе, рассказывает о конфликте со «стариками». Кто-то ударил его, кто-то хотел отобрать деньги и конфету. Оринич и Панкратов бросили его и удрали. В кафе стоят «деды» и, как только увидят молодого солдата в пилотке, требуют полтинник — за вход! Как в вильнюсской «Дайнаве».

16 ноября. Солдат с маршальской фамилией

Маршальский тезка утром взорвался:

— Масла сегодня ты не получишь. Взял три куска мяса?

Это — на Семиренко.

Оба закончили нархоз. Семиренко — раздатчик за нашим столом. Основная его обязанность — раздавать пищу. Как правило, он наливает всем девятерым, сидящим за нашим столом. Себе в последнюю очередь, что остается. Почти всегда внакладе. Пока он раздает, все моментально расхватывают хлеб и сахар. А ему достается кусочек хлеба потоньше, сахара — поменьше.

И вдруг такие слова.

Семиренко сначала не понял. Когда дошло, побледнел. У него замедленная реакция. Парень он флегматичный, немногословный.

— Все. Больше раздатчиком не будешь! А если попробуешь, дам в морду. Ты знаешь по институту, как я могу хорошо это делать!

Нам стало не по себе. Воцарилось неловкое, тягостное молчание. А он, огромный, грузный, самоуверенный, довольно потирал руки, вытянув их над столом.

Честное слово, Семиренко по справедливости, стараясь не обойти каждого, раздавал мясо. К тому же все видели, какое это непростое дело — кусочки настолько неодинаковые по размеру, что надо быть настоящим виртуозом, чтобы разделить их поровну. Да и говорить вслух о подобных мелочах как-то неловко. И вдруг такое крохоборство! Он же и воспитатель: за столом ребята, которым по восемнадцать лет. Нет, диплом не показатель воспитанности.

Пишу эти строки утром, в ленкомнате. Сегодня воскресенье, выходной день, и мы ничего не делаем. Смотрим телевизор.

Да, еще о маршальском тезке. В хоззвезде у него дружок. Иногда приносит ему на обед персональную тарелку с огромными горячими кусками мяса. Воспринимается общественностью стола не очень, хотя он и предлагает нам. Вчера, например, все по очереди отказывались от его угощения.

Шепот: «пятое-десятое», «майорская жена»... Голоса:

— Старик, а может, написать ей? Пусть присылает рублей по пятнадцать—двадцать, а? Не обеднеет.

— Ты же мужчина. Сергей!

Не понял.

Еще. Вокруг сидят, разинув рты, совсем желторотые юнцы. Перед ними человек, окончивший институт. Для многих из них институт — предел мечтаний, нечто недосыгаемое, а обладатель диплома о высшем образовании окружен ореолом таинственности. И вот он начинает рассказывать этим пацанам об интимных отношениях с... женой. Одни отворачиваются и делают вид, что у них неотложные дела, другие отходят, у третьих от смущения и стыда пылают лица. В рот рассказчику заглядывают единицы.

Колька Панкратов, тракторист из глухого села, разбитной и веселый, окончивший восемь классов, в минуту откровенности признался (чистосердечно, без утайки), что ему очень понравилось чистить по утрам зубы, до армии он этого никогда не делал, — и тот однажды вспылил:

— Ты что, министр? Ведешь себя, как будто ты главный!

Вчера было много писем. Петя Ракитный получает их регулярно и, по-моему, безмерно счастлив. Вечером была встреча с ветераном войны, полковником.

20 ноября — 20 декабря. Лола и Вета

Получил письмо от Веты. Какое-то очень юморное и в то же время тоскливое.

Написал несколько новелл о новобранцах для «Боевого поста».

Позавчера разговаривал с Аксеновым, начальником политотдела. Довольно интересный человек. У него домашняя библиотека — около шести тысяч книг. Аксенов обещал дать статью для моего «Юного романтика», но почему-то не несет. В день ракетчиков видел его в столовой. Из-за отсутствия вместительного клуба там проходило торжественное собрание.

Он подозвал меня:

— Вы бы написали о встрече с ветераном.

Что я сегодня и выполнил.

Видел тех троих «дедов», которые били нашего, из карантина. Аксенов здорово их прорабатывал. Определили всех троих на гауптвахту.

* * *

Карантин закончен. Нас окончательно распределили по частям. Я попал во второй дивизион. Сборы молодых там продлятся числа до пятого. Потом будет присяга. Служить предстоит в первой батарее. Командир у нас капитан Кошельков, весьма добрый человек. Во всяком случае, так показалось с первой встречи. Сержантом сейчас Малиновский. Другой сержант — Субботин. Предпочтение отдаю Малиновскому. Отбой за сорок пять секунд нам уже не устраивают. На подъем отводят пять—шесть минут. Это уже кое-что!

Вероятно, буду оператором на пусковой.

Как нас встретили «деды» в дивизионе? А вот как. Просто исчезают вещи. Подменяют ремни, погоны, шапки. Заменяли погоны и у меня — в каптерке. Подсунули нечто жеваное, на обратной стороне красуется надпись: Мозоль Н. Надо полагать, фамилия.

Есть у нас парень — Оринич. Колоритнейшая личность. Стоит ему только появиться где-нибудь в компании, как все хохочут. Так вот, у него подменили ремень. Оринич по наивности, как и предупреждали новобранцев, с жалобой к прапорщику; исчезло, мол, в неизвестном направлении военное имущество, кто-то ножки приделал. Зря рассчитывал зеленый солдатик на сочувствие или тем более на помощь. Это другим везет на прапорщиков, которые, словно отцы родные, пекутся о подчиненных. Ориничу попался такой, каких в кино не показывают и журналистам для написания положительных очерков не рекомендуют, нетипичный, словом. И вот этот нетипичный прапорщик коршуном налетел на необтертого новобранца: знаешь, что бывает за утерю военной амуниции? А мо-

жет, ты ее загнал гражданскому населению по сходной цене? У Оринича слезы на глаза навернулись, но и это не смягчило сурового стража казенных портянок. Прячь, где хочешь, вот и весь сказ. Уставшие от жизни «деды» вальяжно прохаживаются взад-вперед, прислушиваются, перемигиваются. Пронесло. Прапорщик-то знает, куда девалось военное имущество. Неужто они все здесь заодно?

Занятия до обеда. Потом занимаемся хозяйственными работами: перетаскиваем кирпичи с места на место, ровняем колеи в непролазной грязи на контрольно-техническом пункте, попадается и «чистая» работенка — сбор окурков на прилегающей к казарме территории, например.

У Пети Ракитного родилась дочь. Вчера он получил телеграмму. Поздравили его, и раздатчик, он теперь новый для нас, удружил виновнику торжества огромный кусище великолепного мяса. Петя начал было делить его между всеми, но мы дружно запротестовали:

— Рубай, Петро, тебе еще надо о сыне подумать!

Ходил он какой-то непонятный, взволнованный, расчувствовавшийся.

Больше ничего интересного не произошло. От Веты получаю письма регулярно. Они неровные: то с чувством, то холодные и чужие. Обещает сюда приехать.

«Боевой пост» пока не подает признаков внимания к начинающему военкору. Молодец Зинуля! Регулярно присылает моего родного «Юного романтика». Как одуряюще пахнет типографской краской свежий номер газеты, извлеченной из фирменного светло-голубого конверта!

Оказывается, не все благополучно у меня и со строевой. Раньше я был довольно высокого мнения о своей походке и даже об умении ходить в строю. Ан нет, не умею оттягивать носок и ставить ногу всей ступней.

Учимся, как надо отдавать честь на месте и в движении.

Вчера вышли на общий развод. Принимал командир. Поздоровался со строем. Отвечали не очень дружно: подвел неумелый карантин. Командир досадливо поморщился, недовольно взглянул в нашу сторону, но промолчал. Потом назвал фамилии нескольких «дедов» — они увольнялись. Поздравил их, пожелал всех благ и вручил проездные документы.

И вот они вместе с командиром поднялись на трибуну. Впервые за два года службы взглянули сверху на строевой плац, на однополчан, проходивших перед ними торжественным маршем. Незабываемые, волнующие минуты! Они запомнятся на всю жизнь. Смотрели дембеля на нас, свою смену, и казалось им, что вся солдатская жизнь промелькнула перед их глазами. Будет о чем рассказать родным и землякам, а позднее, конечно, и детям. В последний для них раз колыхнулось боевое знамя и исчезло за углом казармы. Прощай, строй!

А мы... Мы вернулись в свой дивизионный карантин. «Зеленым» взводом командует очередной новый лейтенант, недавний выпускник зенитно-ракетного училища.

Не знаю, что у меня получается: то ли личный дневник, то ли записки солдата. Все-таки ориентируюсь на записки солдата. В конце концов, ведь никто не знает, кто такая Вета. Она может и не работать в редакции молодежной газеты. А раз так, значит, солдат без подруги не солдат. Можно и про нее писать.

В первой батарее с высшим образованием я один. А всего в дивизионе таких трое. Все зачислены операторами.

Вчера до обеда была огневая подготовка. Учились разбирать и собирать автоматы, набивать магазин патронами, целиться, принимать правильное положение при стрельбе.

Позавчера переписывал начисто расписание занятий личного состава батареи. Бог мой, сколько там разных предметов! И физика, и электротехника! Даже закон Ома для участков цепи изучается. Все это я ус-

пел давно позабыть, да, признаться, и знал не очень хорошо. А тут придется учить все заново.

Занятия начнутся первого декабря. Это — начало нового учебного года. Итоги его подведет весенняя проверка. Говорят, что те, кто на отлично ее сдаст, получают кратковременный отпуск. Я-то вряд ли получу: с боевой и особенно физической подготовкой у меня не очень здорово. Весной будет новый призыв, месяц как-нибудь пройдет, а с первого июня учебный год продолжится.

Вчера после огневой подготовки чистили и смазывали автоматы. Операция заняла ни много ни мало — около трех часов. Нужно было насухо вытереть все металлические части автомата так, чтобы не осталось ни капельки влаги, а потом смазать ружейным маслом.

Оказывается, чистить автомат тоже не совсем простое дело. Приступить к смазке можно лишь, если сержант примет твоё *натерение*. А мне попался педант Субботин, заставлял несколько раз чистить, выковыривать грязь из зазоров и шурупчиков.

Сложнейшая наука! Но нужная, — а вдруг во время ведения огня застопорит автомат?.. Чистка и смазка — первейшая забота. Хотя, если откровенно, довольно нудная.

* * *

Вчера должны были пойти в первый наряд. На кухню. Пришли в медпункт, и там выяснилось, что нас посылать на выполнение столь важной задачи нельзя: до обеда нам делали прививки. Снова неудача!

А сегодня вместо учебы драили казарму. Я красил коридор. Ожидается комиссия из округа по проверке подготовки к новому учебному году. Пол блестит, как новенький.

Семиренко уехал в Бобрик. Оринича тоже куда-то увезли. Приходил Ракитный. Поговорили о разных разностях.

Никак не могу придумать название для записок. То

ли «Ракетный гром», то ли «Гром с ясного неба». Не знаю пока. «Боевой пост» по-прежнему молчит.

Написал Вете третье письмо на этой неделе. Вчера получил от нее очередное. Какое-то очень рассудочное. Пишет о дне рождения матери, отмечавшемся в «Лебедушке», о друзьях ее отца, полковника, командира партизанской бригады, той самой, которой командовал прославленный герой, широко известный в Лесной Стороне. Ее отец был у него начальником штаба. Пишет, что снова повеяло на нее детством, что это люди, которые ее вынянчили. С десятого декабря она едет в загранку. Говорит, что будет писать даже из разных городов.

Это можно будет использовать в книге. Она заполонила меня всего. Ею только и живу.

* * *

На разводе командир дивизиона сообщил: завтра пойдем на стрельбы. Стрельбище в одиннадцати километрах от городка. Одиннадцать туда, одиннадцать обратно. Наши ворчат: в других частях на бронетранспортерах ездят стрелять, а у нас? Саенко, бывший курсант военного училища, бывший сержант, вот-вот увольняющийся в запас, подливает масла в огонь:

— Это еще цветочки! А кросс на три километра не хотите? А на одиннадцать? Топаешь до старта на своих двоих, берешь дистанцию, потом снова топаешь одиннадцать километров до своего городка.

До обеда занимались огневой подготовкой. Учились правильно занимать позицию для ведения огня, падать, вскакивать, снова падать и снова вскакивать.

Что-то нога побаливает. Надо будет после обеда сходить в санчасть. С другой стороны, хочется побывать на стрельбище. Первый выстрел из автомата!

Сегодня приехала комиссия из округа проверять подготовку к новому учебному году. Не военный городок, а встревоженный муравейник. Завтра строевой смотр. Проводит командир соединения.

Четыре дня пролежал в санчасти. Медсестра, пожилая и полная, типичная офицерская жена, экстравагантно-провинциальная, между собой медперсонал кличет ее Зульфией. Дочь Зульфийи Лола.

Вышел из санчасти к присяге. Принимали все новобранцы. Об этом надо написать отдельно. Может, даже очастливилю впечатлениями читателей «Юного романтика». То была незабываемая минута. Нас поздравляли командиры и политработники, «старички», представители общественности славного города Боровска.

Очень волновался. Даже голоса своего не узнал — до того он изменился. Боялся, вдруг что-нибудь перепутаю, сделаю не так: нечетко повернусь кругом или забуду левой рукой сжать шейку автомата — этот прием выполняется по стойке «смирно», когда приводящий к присяге поздравляет новобранца. Но все обошлось благополучно. Теперь мы настоящие солдаты.

И все-таки трудновато даются азы солдатской науки. Не сразу привыкаешь к строгой размеренности воинской службы, к четкому и неукоснительному ее распорядку. Не простая это наука — быть солдатом. Одним она дается легче, другим труднее.

Эпизод с Колькой Панкратовым. Дело было еще в карантине. Совсем не такой представлял он себе военную службу поначалу. Будни армейские горько разочаровали парня. Вместо того, чтобы ракеты запускать, портянки учат правильно наматывать! В строю ходить! За сорок пять секунд одеваться!

Мой зема (земляк) Колька — парень сообразительный. Проснулся как-то минут за десять до общего подъема. Смотрит: его обмундирование рядом на табурете лежит. Брюки — сверху. Дай, думает, незаметно натяну их под одеялом. А там только сапоги да гимнастерка останутся.

Сказано — сделано. Раньше всех стал в строй в то утро рядовой Панкратов.

Дальше — больше. Зачем, скажите на милость, портянки обматывать, когда сапоги и так можно натянуть, на босу ногу? Еще быстрее стал в строй рядовой Панкратов.

Да разве сержанта проведешь?

— Рядовой Панкратов, выйти из строя!

Стоит Колька перед строем, краснеет.

— Вот вы сапоги без портянок, на босу ногу, надели, — выговаривает сержант молодому воину. — А если бы марш-бросок километров на двадцать пять предстояло совершить? Как бы вы шли?

Молчит Колька, но по всему видно: переживает крепко.

— Не ради каприза делаю я подъем по два-три раза. Натренировать вас надо. Запомните, в современной войне решают даже не минуты, а секунды, — тон сержанта Субботина подчеркнуто корректно-вежливый. Выговаривает без грубости и хамства.

— Все портянки да портянки, — неуверенно возражает Колька. — Когда же настоящее дело начнется? Мы же ракетчики...

— Сначала надо изучить азы воинской службы, а потом уже за технику браться. Понимаю ваше нетерпение. Сам был таким — ракеты по ночам снились. Всему своя очередь. На то мы и солдаты.

Ну и Субботин! Никогда бы не подумал, что он способен на такое. Или рисуется?

* * *

Вчера были в первом наряде. На кухне. Поработали здорово. Не чувствую ни рук ни ног.

Ходили на полигон. Из-за этого и загремел в санчасть. Прошли примерно двадцать пять километров пешком.

Перед этим нас построили на плацу. Вручили автоматы, противогазы. Рассказали о тех, кому они принадлежали прежде, чье место в строю мы должны занять сейчас.

Волновались все. Особенно, когда ощутили на плече тяжесть автомата. До этого не раз слушали об ответственности воина за мирный труд миллионов людей. Конечно, мы и раньше понимали, что значит стоять на страже Родины, а вот душой почувствовали, когда взяли в руки оружие. Как незаметно повзрослели, возмужали вчерашние беззаботные ребята. Руки крепко сжимают ремни автоматов, глаза строго смотрят из-под насупленных бровей.

На рассвете следующего дня нас ждало первое испытание на звание солдата.

Учебная тревога!

Шли долго. Так долго, что в какой-то момент казалось: нет больше сил сделать и один шаг. Но и после этого еще шли и шли.

Размеренно покачивалась колонна, блестели штыки в лучах солнца, выглядывавшего из-за облаков.

Тогда мы впервые поняли смысл слов — воинский коллектив, законы солдатской службы. Ощущение слитности, спаянности воинского подразделения — одно из самых сильных и непреходящих.

Надо будет написать триптих о присяге, первом походе и первых стрельбах. Стреляли одиночными и очередями. Правда, у меня все — в молоко.

Говорят, что будем частенько ходить в наряды. Чуть ли не завтра снова.

Вот уже восемь дней, как от Веты нет вестей. Нет и родного «Юного романтика». Что такое, не знаю. Послал в свою молодежку первый материал за подписью «рядовой».

В санчасти около часа разговаривал с Лолой. Симпатичная девчонка. Солдаты из санчасти отзываются о ней грубо. Напрасно.

Но и от нее нет никаких вестей. Вообще, что-то меня все забыли. Ну и пожалуйста. Смогу и один прожить.

Очень трудно в наряде. Весьма. Но — надо привыкать.

Возвращались с полигона. Брели из последних сил. Один узбек вдруг побледнел, круто вышел из колонны и сел прямо на снег. Его подхватил Субботин и буквально тащил на себе.

О Лоле. Она учится в Холмском университете, на журфаке. Дал ей тему.

Сборы молодых солдат на исходе. Я определен в первую батарею. Командир — капитан Кошельков. Трудно что-нибудь сказать: почти не знаю его. Невысокого росточка, аккуратен, подтянут. Сержант — Субботин. Ему двадцать лет, но на вид значительно старше из-за полноты. Единственный сын у родителей.

И опять ничего нет от Веты. И газет тоже нет. Что бы это значило?

Какое-то чувство заброшенности и отрешенности. То Тимку вспоминаю, то ее. Иногда до того муторно, что хоть в петлю лезь. А тут еще со строевой не ладится. Удивляюсь, как только нервы выдерживают.

Плохо, очень плохо. Единственное — книга. Надо делать отдельные новеллы, рассказы, которые бы продолжали одну тему и были связаны единым замыслом. В самое ближайшее время непременно триптих о присяге. Если даже один материалец в месяц — будет двенадцать. Каждый по двадцать страниц — это уже кое-что!

* * *

Неделю провалялся в санчасти. Написал-таки о присяге, еще кое-что. Сегодня выписывают. Несколько раз приходила Лола. Написал ей контрольную. Дал пару тем для статей. Одну она принесла, но это не то.

Приближается январь. Надо будет писать заявку на книгу.

От Веты пришла одна открытка из Варшавы. Последний раз я ей писал третьего декабря. Все. Больше не буду. Она чужой человек. Я отправлял ей письма из санчасти, но она даже не поинтересовалась, что со мной. Просил, чтобы приехала одна, а она говорит, что приедет только со всеми. Значит, она сделала выбор сама. Написала перед отъездом, на вокзале. А еще утверждает, что думает и вспоминает. Кончено. Больше ни строчки.

Странный человек подполковник Чернов. Вызвал меня позавчера. Дал задание написать за него статью для районной газеты, из которой попросили политотдел рассказать о ратных делах своих земляков. Чернов — заместитель начальника политотдела. Сказал: делать в нерабочее время.

А сегодня начал учить, как надо читать газету. Газетчика, делавшего газету, учат ее читать! Недаром ходит о военных столько ехидных анекдотов.

Рекомендация:

— А почему бы вам не побеседовать с командирами тех, о ком предстоит писать?

Как будто у меня есть для этого время. Как будто мне разрешено беспрепятственно ходить взад-вперед по казармам, запросто разговаривать с офицерами. Пусть создаст условия, а потом спрашивает. А то вдруг начинает объяснять цель и высокое назначение журналистики. Притом каким тоном!

Нет, нет и еще раз нет! Пусть все летит к чертям свинячьим. Никуда и ни к кому ходить не буду. Хотя приказ есть приказ. Интересно, бывают ли глупые приказы?

Поучает:

— Вам надо наедине с героями беседовать, чтобы люди разоткровенничались, открылись.

Это где же я с ними наедине говорить должен? В казарме, где среди военного народа яблоку упасть негде?

Но это все детали. Просто я, видно, слишком впечатлительный человек и беру много в голову. Кто для меня этот Чернов, писанный красавец с черными усами, гарнизонный сердцеед, искренне убежденный в своих необыкновенных умственных и внешних данных? Двадцать два года я жил, даже не подозревая о существовании гиганта мысли в Боровском гарнизоне, и, думаю, спустя десять месяцев вряд ли будет добрый повод вспомнить имя самовлюбленного двузвездного Макаренко. Нужно относиться к подобным мелочам по-субботински. А то вчера до двенадцати ночи рабо-

тал у некоего майора Четко. Кто он мне? Даже капитан Кошельков, мой комбат, и то возмутился: на все приказания, сказал он, не реагировать. «Только через меня!» Ай да комбат!

А вообще настроение очень паршивое. Если штабисты и политотделы нуждаются во мне, пусть забирают к себе, там я буду все делать по долгу службы. А здесь, в батарее, я солдат, рядовой, и мне плевать на конторских чиновников.

Характерная сценка: утром в казарму пожаловал подполковник Чернов, поздоровался с командиром дивизиона, комбатом, увидел меня, встретился глазами и отвернулся. А я стоял рядом с ним. Кто я ему? Рядовой в грубой солдатской гимнастерке. Ему зазорно подавать мне руку.

Кончено. Сам туда больше ни ногой. Все приказы и просьбы только через комбата. Зачем мне чье-то покровительство?

Все это было.

Я — человек независимый.

Очень паршивое настроение.

К тому же, пусть создают условия, чтобы я им писал, за их подписями. В казарме невозможно писать даже для себя.

От Веты, кроме открытки из Варшавы, больше ничего нет. И газет нет. Ни «Юного романтика», ни писем. Решил — писать ей больше не буду. Хватит. И даже с Новым годом и днем рождения не поздравлю. Как зовут, так и отзываются.

И все же с нетерпением жду почту. Может, статью в «Юном романтике»? Не знаю, не знаю. Но я должен быть твердым и непоколебимым. Если бы она обо мне хоть иногда вспоминала, непременно подала бы весточку. Ведь она знала, знала, что я в санчасти, что я болен, что мне плохо. И — ни слова, ни полслова. Долго молчала, потом то письмо с упреками, что, мол, опять она оказалась ни с кем, и только обещание приехать, причем с дружным юноромантичным коллективом, а не одной. И это после моего письма, особенно печального. А она неделю молчала, а потом черкнула

несколько строк перед отъездом в Москву с вокзала, буквально в последнюю минуту. Вот подлинная цена ее чувствам, ее отношению ко мне. А ты идеализировал, воображал невесть что, дурашка.

Нет, все. Ни слова больше ей не напишу.

Прокричали построение на ужин. После рыбы с кашей напишу еще чего-нибудь.

С двадцать первого декабря мы уже по батареям. Теперь располагаемся вместе со «стариками», едим с ними за одним столом, и вообще — полноправные бойцы. Сегодня была лыжная прогулка. Здорово! Солнце выглянуло, от казарм отошли в шинелях, а потом так жарко стало, что в одних гимнастерках остались.

В пятницу отправляемся на полигон. Снова, во второй раз, двадцать пять километров пешком, а затем стрельбы.

Сегодня двадцать пятое, пять денечков остается до Нового года. Только пять. А пятого января мне двадцать два года. Двадцать два!

Сразу же после Нового года сообщу свой адрес в издательство «Алый парус», напишу заявку. В санчасти написал два репортажа в «Боевой пост» и в «Юный романтик» новеллу. Собственно, это вторая глава книги о ракетчиках. Есть тема и для третьей. Но ее буду творить где-то в январе. Может, попаду денька на три в санчасть. Там и сотворю.

Да, за это время оба мои материала вышли в «Боевом посту». По поводу первого звонил сам Аксенов, говорил, что его жене понравился. Второй, по словам одного из ефрейторов, в дивизионе было не достать — ушел в конвертах без марок по домашним адресам героев.

В санчасти, когда я там находился, Лола была частым гостем. Вроде бы маму навещала, притом довольно регулярно. Солдатики, приходившие на прием к доктору, с удивлением взирали на чудо: девчонка в военном городке! Чувство, испытанное при разговоре с ней, непередаваемо. Первая особа женского пола за полтора месяца моего общения исключительно с представителями сильной половины человечества.

Общался с ее мамашей. Ставит в ужасно неловкое положение: каждый день приносит гостинцы. Ее муж, майор Тупиев, замкнутый, угрюмый службист, в строевом отделе нашей части. Зульфийи должностное положение мужа кажется значительным. Она смотрит на тех, кто не в штабе части, снисходительно. Туда, по ее разумению, попадают избранные, отличающиеся от остальных офицеров. Как-то Лола обронила, что ее мамаша — женщина деятельная и что-нибудь для меня «провернет». Но что-то пока никаких реальных результатов не видно. Правда, первая надежда засветилась: как будто Лола сама, набравшись храбрости, вела довольно успешные переговоры с моим командиром дивизиона на предмет увольнений некоего печального романтика в армейской шинели, и хлопоты прекрасной девушки были правильно поняты. На всякий случай страдающий романтик был обеспечен домашним адресом, по которому его всегда угостят божественно вкусными пельменями.

Завтра двадцать шестое. Из загранки должна вернуться Вета. Но нет, нет, больше о ней ни слова. Все кончено, несмотря на «целую» в открытке из Варшавы.

Какой-то упадок сил, и моральных, и физических. А тут еще мозоль на левой ноге. Не помогают и вязаные носки.

О санчасти. Там есть один санитар со странной фамилией Езво, бредит милицией, правдоискатель. Любителю поговорить, поспорить. Жизнь уже порядком потрепала его. Пообтерся, кое-что повидал.

И — Щершунович, аптекарь, окончивший медучилище, юморист, его, по-моему, недолюбливают в санчасти.

И — зубной врач, Корпель Александр Петрович, с его неторопливой, но очень громкой и внятной речью.

* * *

Вчера заступил дневальным на КТП. Вся наша батарея в наряде. В карауле. Нас, молодых, пока в караул не пускают. Будем ходить только в январе.

Наша задача открывать и закрывать ворота автопарка. Наша — это моя, рядового Кулака и ефрейтора Токарева. Последний и. о. командира отделения, он вместо сержанта Китанова, который в госпитале. Помещение КТП малюсенькое. Холод стоит страшный, градусов двадцать пять, завязываем ушанки. На КТП маленькая печка, вернее, труба. Ни черта не греет. На стенах висят сосульки. Токарев раздобыл где-то электроплитку. Она немного спасает, но все равно холодна дикая. Сидишь между двумя источниками тепла и мерзнешь. Завтрак, обед и ужин во вторую смену. Все холодное и безвкусное. К тому же и этого мало.

Печку топим... водой. Регулируем включателями и выключателями. Здорово!

Вчера лег в 22.30. Разбудили в час ночи. С часу до четырех утра дневалил. С четырех до подъема спал. В общем, голова болит, ноги гудят. А каково будет на постах, в карауле?

Вчера пошел в штаб за листами наряда. Встретил знакомого. Условились, что зайду к нему побриться. Ужин как раз задержали на час. Пришел, только начал бриться, входит подполковник Чернов. Картинка: стоит солдатик в кабинете подполковника и самым наглым образом наводит марафет на лице. Не прореагировал.

Завтра идем на стрельбище. Говорят, дадут валенки и танковые куртки. Опять двадцать пять километров. Мужайся!

А сегодня уже двадцать шестое. Четыре дня до Нового года! В казарме объявление: пятого января отчетно-выборное комсомольское собрание дивизиона. Секретарь — сержант-сверхсрочник Олег Рослов, ничего парень, слегка заикается. Вчера его принимали кандидатом в члены партии.

* * *

И снова — мозоли!

Собрались на полигон. Экипировались как следует: противогазы, подсумки, автоматы. Шли пешком

девять километров. Да, еще выдали валенки новехонькие, не разношенные.

Топали два часа. Притопали. Отстрелялись. У меня четырнадцать очков. Обрато ехали на машине.

Это, собственно, и спасло ноги. Но все равно мозоли на них вскочили преогромные. С кроваво-синеватым оттенком. Забежал в санчасть. Перевязали, дали освобождение на три дня от физо и строевой. Завтра будут зачетные занятия по физо и строевой подготовке. Принимает командир дивизиона. Так что освобождение кстати. Кошельков уже придумал, чем меня занять. Предстоит выпускать новогодний номер стенгазеты. В ленкомнате было небольшое собрание батареи. Обсуждались итоги стрельбы. Батарея едва-едва вытянула на тройку. И все же это лучшие показатели в дивизионе. Из наших только у одного ноль целых, ноль десятых.

Скоро снова заступим в наряд. Видно, в воскресенье. И на Новый год тоже. В Пустынное Место поедем где-то в феврале.

Вета по-прежнему молчит. Елкин прислал вчера письмо. Спрашивает, почему я не пишу. Видно, не дошел еще мой солдатский треугольник.

Особых новостей нет. Да, Зульфия вчера приходила на КТП, чем привела в неопишваемое изумление весь героический наряд. Лейтенант Банников пробиывает мне увольнение. Вчера говорит:

— Передай Лисину, чтобы он не ставил тебя в наряд на воскресенье. Скажи, что я беру тебя на весь день.

А сегодня, перед отправкой на полигон, пришел в казарму:

— Понимаешь, весь дивизион идет в наряд. Придется на Новый год похлопотать.

Все это, конечно, не без участия Лолы. Чем это я заслужил такую благосклонность?

До Нового года четыре дня. В январе надо будет написать третью главу книги. Время!

Что-то в последнее время я начал регулярно делать записи. Видно, потому, что работать над чем-нибудь значительным нет времени, вот и приходится обращаться к блокноту, благо он всегда при мне.

До Нового года три дня. Сегодня в 16.00 должен был приехать командир соединения со сборов, и по этому поводу на разводе было приказано делать генеральную уборку.

Как сказал заместитель командира:

— Вы должны встретить приезд командира новыми успехами в боевой и политической подготовке.

И встречали.

Лично я с двумя боевыми друзьями по приказу комбата драил линолеум бензином до желтизны. Несмотря на то, что они оба принадлежали к славному сонму дедов, драили.

О Новом годе никаких слухов. Олежка Рослов ходит и, заикаясь, собирает деньги на ремонт телевизора. Но голос нашего комсомольского вождя напоминает глас вопиющего в пустыне. И вообще мы тридцать первого декабря заступаем в наряд.

Вестей от Веты нет. Уже три дня прошло, как она вернулась из своей заграницы, а писем нет. Ну и не надо.

Мне все безразлично. Проживу как-нибудь и один. Ладно, на сегодня пока хватит. Надо думать над содержанием третьей главы.

Спи, мой друг, не надо грусти,
Все равно нас всех отпустят.
Спи, и пусть тебе приснится
Город юности твоей...

Вчера получил сразу четыре письма от Веты. Извиняется, укоряет себя за то, что отправила такое плохое письмо перед поездкой за границу. Сообщает, что

очень тоскует, что хочет приехать и, скорее всего, приедет одна.

Все равно писать ей не буду. Пусть как знает и как хочет.

Ай, не хочется почему-то вести записи в дневнике. Сегодня заступаю дневальным по дивизиону.

Вчера бежали кросс на тысячу метров. У меня четыре минуты пятьдесят пять секунд. Норматив — четыре пятнадцать. Были плохие погодные условия, холодно, ветрено и скользко.

Занимаюсь химзащитой. Было контрольное занятие. Принимал командир дивизиона (кадэ). Я сдал на тройку.

Откликнулся родной «Юный романтик». Должны навестить в первых числах января. Готовлюсь, подшиваю парадный мундир.

* * *

И еще одно письмо от Веты. Снова извинения, снова ссылки на старое письмо, снова заверения, что без меня не может.

Нет, писать не буду!

Не буду!

* * *

Сегодня последний день года. Дневалою. Только начал убирать в умывальной комнате (пишу утром), как позвонил Федотов.

— Приходи в столовую. Бери обед для караула.

Бывают и среди сержантов хорошие люди. Яркое подтверждение тому — Федотов. Вчера мне нужно было убирать в туалете, а он поручил это малоприятное занятие кому-то из молодых. Дежурный по дивизиону лейтенант Лискин спросил у него:

— Ты дал ему наряд?

— Я. Надо же кому-то убрать туалет. Не будет же он (то есть я) убирать.

И сегодня тоже повышенные знаки внимания к моей персоне. Отличный парень. Узнал, где я работал до призыва, подошел с блокнотом:

— Что такое аудиенция?

После паузы:

— Ты правду пиши о солдатах. Только правду.

А сначала он мне не показался таким. В карантине несколько раз устраивал подъем.

Такая же история, как с Малиновским и Субботиним. Когда я узнал, что Малиновский мой зема, мне хотелось, чтобы он был у нас сержантом. Субботин сначала не понравился — огромного роста, уверенный в себе, с крупными чертами лица. А на поверку оказалось, что Субботин во сто раз лучше, чем зема Малиновский. Чуткий и заботливый командир.

Пришел караул, забирает завтрак, надо уходить. Остальное допишу позже. Да, фамилия маршальского тезки, о котором шла речь раньше, — Василевский. Это необходимо уточнить сразу, поскольку в ткань повествования влетает еще один однофамилец маршала — Малиновский.

* * *

Вчера так и не успел сделать очередные записи, совсем замотался с этим нарядом, будь он неладен.

Сажу в ленкомнате, в углу маленькая пушистая елочка, вокруг стук домино. Выходной. И завтра тоже.

Нет ни праздничного концерта, ни игр. Кто как хочет, тот так и веселится. Вчера так и не дождались поздравлений. Правда, мне удалось один раз хлебнуть за своеобразие текущего момента. Уважили «старички». Видел, как в туалете из горла пили шампанское.

Завтра два месяца, как я в армии. Осталось десять. Пять раз по столько.

Какое-то чувство одиночества и заброшенности. И никак оно не проходит. Иногда к горлу подступает предательский комок, вспоминаю ее, встречу прошлого Нового года, Тимку, и кричать хочется. Излить душу некому, даже поговорить по-человечески и то не с кем.

Ну и пусть. Мне ничего не надо, все опостылело. Не хочу ничего и никого.

Проживу и один, в гордом и таинственном одиночестве.

А новогоднего настроения ни на йоту.

* * *

И опять то же и те же.

Со вчерашнего дня ждал вызова к Тупиеву, готовился, подшил мундир, и вот уже два дня от них ни слуху, ни духу. Конечно, кто я им? Шинель да сапоги. Их здесь тысячи.

Странно, но вчера с нетерпением ждал почты. Напрасно. Чувствую, не будет и сегодня.

Завтра рабочий день, праздники кончаются. За эти двое суток не написал ни строки. Вчера сильно болела голова, а сегодня... Сегодня отдыхал. Не из железа же человек сделан.

Написал только заявку в «Алый парус», но вот беда, нет конверта, так и лежит не отправленная в общей тетради.

Очень, очень тоскливо.

Вчера по телевизору шла первая серия «Войны и мира». Заглядывает солдат:

— Это что, военный фильм?

А сегодня «Золотой теленок». Хохот, шум. Никто из них не только не читал Ильфа и Петрова, имен таких не слышал никогда.

С ума можно сойти от подобных картинок и сюжетов. И никакого просвета впереди. Но ничего: сегодня два месяца, как я здесь. Осталось ровно десять.

И — человек, помогай себе сам!

* * *

Так и не получилось ничего вчера с выходом в город. Конечно же, что тут особенного, кому нужны шинель да сапоги. Ну и не надо.

Сегодня рабочий день. Был развод. Потом комбат построил батарею:

— Рядовой Гращенко, выйти из строя!

— Есть!

— За пьянку в новогоднюю ночь объявляю четыре наряда вне очереди. Повторите!

Молчание.

— Повторите!

Снова молчание.

— Объявляю трое суток ареста.

Гращенко — верткий паренек с писклявым голосом. Он всегда слышен в казарме.

Все гадали: каким образом комбат узнал о распитии спиртного в новогоднюю ночь?

Вчера отправил письмо в «Алый парус».

Пятого, то есть послезавтра, день рождения. Двадцать два! Должна приехать веселая компания во главе с Елкиным из «Юного романтика». Но комбат сказал, что пятого занятия по тактике в поле. И продлятся они самое малое шесть часов. Как выкрутиться, ума не приложу. Может, отпустят?

Итак, следующий праздник пятого января. Потом, по моей системе отсчета времени, тринадцатого января — старый Новый год. А потом двадцать третьего февраля — День Советской Армии и Военно-морского флота. А затем весна и весенние праздники.

Чуть-чуть не написал письмо Вете. Раздумал. Кажется, это была последняя попытка. Теперь уж точно писать больше не буду.

Все кончено.

5—15 января. Мама Лолы и каптер Мозоль

Вчера вызывал Аксенов. Говорили о разных разносях. Дал журнал «Октябрь» с романом Кочетова «Чего же ты хочешь».

А сегодня утром подведение итогов учебы за декабрь. Вел Кошельков. Очень плохо у всех с физо. В батарее только сорок три процента выполнение нор-

мативов. Плохо у многих старичков, даже у моего кумира Субботина. Ему двойка. Мне тоже двойка. Комбат прикрепил ко мне шефа-наставника — Мозоля, каптерщика, окончил восемь классов и «девятый коридор, правда, вместе с братом», — скромно уточняет он. На его странной помеси языков слово «вместе» почему-то означает «пополам». Женат, верная супруга трудится в сельском магазине, в котором есть все, кроме книг. Ни мой шеф-наставник, ни его супруга такого товара не переносят. Зато с физо, надо отдать должное, у моего мучителя превосходно. Дока и на брусках, и в кроссах, и на лыжах. Шеф-наставник предлагает обучать неумелого салагу ежедневно с шести до семи утра в спортзале.

По итогам учебы первое место в батарее занял расчет Китанова. Правофланговым в ней — по росту — являюсь я.

Да, с физо действительно худо. Надо будет позаниматься и подтянуться. То ли в феврале, то ли в марте предстоит поездка на полигон в Пустынное Место.

Аксенов рекомендовал написать о лейтенанте Мелихове, руководителе группы политучебы. Он ведет у нас политзанятия, и я должен отметить, что ведет он их со знанием дела. Надо будет с ним побеседовать и подготовить очерк в «Боевой пост».

Сейчас Китанов в госпитале. Вместо него ефрейтор Токарев. Его койка возле моей, рядом. Иногда мы обмениваемся мнениями о жизни. Производит впечатление глубокого парня, достаточно серьезного и зрелого в суждениях. Турсенов после отбоя перебирается к нам, и мы, случается, допоздна ведем дискуссию.

А завтра день рождения. Двадцать два года! И завтра заступаем в наряд. Скорее всего, пойдем на КТП. Это еще ничего, тем более что сейчас на улице не очень холодно, к тому же есть что почитать.

Третья глава книги вырисовывается все заметнее. Видно, уже можно браться за перо — вызрело. Даже и название есть: «Разводящий еще не пришел».

В марте курсы офицеров. Не исключено, что в Холмске.

А от Веты нет ничего. Я так и не написал ей. И очевидно, не буду.

* * *

Вот и двадцать два стукнуло. Никто не поздравил: ни родственники, ни друзья, ни Вета. Только отец-командир на разводе вывел из строя и от имени всего личного состава батареи произнес слова поздравления. И Лола отличилась. Вся батарея рассматривала подарок: зеркальце, одеколон, конфеты и печенье. Что было, когда увидели конфеты! Младший сержант из второй батареи, огненно-рыжий крепыш, решительно раздвинул толпу военных:

— А ну-ка, дай печенинку!

Открыл пакет и протягивал всем желающим. Протянул и старшему сержанту Ченцову. А тот забрал все вместе с оберткой. Только Турсенов, интеллигентнейший казах, сочувственно произнес:

— Самому небось не досталось, да?

— Ничего, я сегодня именинник.

Как я ждал, что кто-нибудь придет, как прислушивался к каждому звонку дневального! Комбат даже в наряд не поставил, хотя заступила вся батарея. Ждал все время, но никто не приехал. Может, гололедица помешала? Говорят, все рейсы автобусов отменены.

А если не гололедица причина? Если что-то другое? Не знаю, теряюсь в догадках.

Сегодня будет отчетно-выборное комсомольское собрание части. Надо будет написать отчет в «Боевой пост».

И вообще планы:

1. Смотр комсомольских дел.
2. Семинар.
3. Кто вы, лейтенант Мелихов?

И только после этого — «Разводящий еще не пришел».

Что-то давненько не жаловал меня родной «Юный романтик». Прошел уже месяц, как отправил первый материал, но так ничего и не напечатано.

Отдал вчера Чернову статью. Наконец-то отделался от весьма неприятного дела.

Все время приходит и звонит Зульфия. Лола хочет со мной встретиться, может быть, завтра придет на КПП. Но говорят, что наша очередь заступать в караул.

Итак, дело. Прежде всего, дело, и только оно. На повестке дня отчет, и только он.

Бесит отношение дедов к молодежи. Вчера моему знакомцу Эмбаеву не хватило кружки для чая. Что он делает? Правильно, сбрасывает хлеб и сахар с кружки Косиловича, обложив при этом зеленого солдата, салагу, изощреннейшим матом, и забирает ее себе. Почему именно Косилович удостоился таких знаков внимания? Нет, этот салажонок не был причастен к отсутствию необходимого набора столовых принадлежностей. Ларчик открывается просто: Косилович оказался ближе всех к разгневанному *дедушке*. Делят масло они не поровну. Самые большие куски забирают себе, остальное, что останется, достается нам. Остальное — это жалкие крохи. Чай наливают сначала себе. Откуда такие унижительные традиции? Офицеры о них знают, но не осуждают и, кажется, в большинстве случаев берут сторону дедов.

К Новому году Эмбаев получил посылку с гусем. Принес в столовую. Но угощал только дедов. Представьте сцену: несколько человек, давясь, поглощают за общим столом гуся. А мы, молодые, сидим и смотрим. Нам не положено.

Все это мелочи быта. Главное — дело, и только дело.

16 января — 5 февраля. Лейтенант Мелихов

Давненько не брался за дневник. Все дела. Итак, по порядку. В субботу пришел майор Тупиев с Зульфией, организовали увольнение. Ходил в воскресенье после часу. Был до девяти вечера.

Пришел к Тупиевым. У Лолы отдельная комната. Выпили бутылку вина, пообедали. Магнитофон, телевизор. Отвык я от этих вещей.

Зульфия заглянула в комнату:

— Может, в кино сходите?

Лола передернулась:

— Куда идти в такую погоду?

Погода и в самом деле была отвратная. Но дело, видно, вовсе не в ней. Лола критически посмотрела на мои сапоги:

— Поеду на сессию в Холмск, привезу ваш штатский костюм.

Я сразу понял, в чем дело. Ей было неприятно идти по городу с солдатом. Что подумают знакомые? Мое отношение к ней как-то сразу изменилось. Принципиально не буду цеплять университетский ромб, не надо.

В часть отправился раньше, хотя увольнительная была до двадцати двух. По дороге подвез на «Волге» шофер командира части.

Странный человек майор Тупиев. Ни о чем со мной не говорил, ничего не расспрашивал, отмалчивался.

Лола на другой день через маму передала «Литературку». Здесь статья Урланиса «Безотцовщина».

Вчера пришли из караула. Шестой пост, самый дальний, *салажий*. Поспал не более полутора часов. Начкар лейтенант Мелихов, инженер-энергетик, женатый, весьма интересный человек. Только заступил на пост, присел осторожно на выступ (погода стояла великолепная, словно весной, текли ручьи), как услышал приглушенные шаги, колыхнулись очертания фигуры.

Вскочил, как ошпаренный:

— Стой, кто идет?

— Начальник караула.

Конечно же, он заметил, что я сидел. Тем более, что я не успел перекинуть автомат на плечо. Но не сказал ничего.

Говорили с ним долго — около полутора часов. Прямо на посту. О многом, о разном. Он первым предложил мне перейти на «ты» и держаться поближе к офицерам.

Вернулись из караула, а завтра заступаем снова. Обидно, что воскресенье снова уйдет бесцельно. Плохо еще и то, что погода ухудшилась. Мороз усиливается.

Получил письмо от Елкина. Пишет, что не смогли собраться. Елкин сейчас в отпуске. Валя в Москве, Зинуля больна, у Веты больна Даша.

Не выдержал, написал письмо Вете. Сначала одно, сдержанное и суховатое. Потом второе, более эмоциональное. Ссылался на выезд в запасной район. Уж как-то особенно тоскливо стало. И Зинуля отчего-то перестала присылать «Юный романтик».

Все чаще приходят мысли о дальнейшей жизни, об аспирантуре. А может, остаться на военной службе? Не знаю. Домой хочется и не хочется.

Сегодня будет военно-теоретическая конференция, на которую меня пригласил Аксенов с целью отражения ее в любимой воинами газете «Боевой пост».

Да, я начальник штаба «Комсомольского прожектора» дивизиона. Уже выпустил одну газету. Насчет смотра комсомольских дел ничего не получилось. Уж больно неинтересным было собрание. Едва не сорвалось. Долго искали двадцать человек, которые не явились.

Выступил и я. Критиковал за отсутствие главной линии в работе, плохую организацию досуга.

Любимая газета воинов «Боевой пост» организовала школу военкоров. Однажды было опубликовано первое задание — написать заметку. И вот эта статья начиналась с хвалебной оды в мой адрес. Имеется в виду первый опус «Здравствуй, армия!» Оказывается, он написан свежо, оригинально, многие читатели уже заметили фамилию рядового Н. Бомеля. Конечно же, они не знают, что этот рядовой — член Союза журналистов СССР.

Что-то нет ничего моего в «Юном романтике». Более месяца. А это очень важно для меня. Надо писать уже третью главу, а необходимой подзарядки нет.

Видно, скоро должен попасть в санчасть. Был разговор с начальником медслужбы (ох, Зульфия), и он дал соответствующее указание. Это хорошо. Можно будет и полечиться, и поработать, и отдохнуть малость...

* * *

Должен был идти в караул, но, судя по всему, не пойду. На разводе Лисин подошел к Мелихову, что-то шепнул ему, и тот отправил его к Ченцову. Слышал, как Мелихов разговаривал с Ченцовым, донеслись отдельные слова, вроде «салага есть салага», «для меня все воины равны» и т. д. Но заменили. Сначала хотели в патруль по соседней деревушке, а потом совсем освободили. Буду писать весь день, в том числе и о военно-теоретической конференции, на которой вчера присутствовал по приглашению Аксенова.

* * *

Пришла корректура книги рассказов. Наивный, думал поеду в Холмск вычитывать, да где там. Просился у командира денька на два — не получилось. Сейчас подошел Лисин и сказал, что надо идти в наряд на КТП. Ну и ладно, вычитаю там. Будет ночь, а отправлю в воскресенье. Должны дать увольнение.

От Веты получил одно письмо, правда, немного суховатое. Написал ей два сразу и сегодня одно.

Записался вчера в нашу библиотеку. Взял Платонова. Читаю.

* * *

Вчетверо сложенный листок телеграммы: «Необходимо личное присутствие по корректуре. Из издатель-

ства «Алый парус». Бог мой, в двери каких кабинетов не стучался я с этим телеграфным бланком. Всюду проволочки, мытарства. Отказал и кадэ:

— Моя жена печатается в районной газете, однако ее никогда не вызывали в редакцию перед выходом стихков в свет.

Так и сказал: «стишков».

И вдруг изменил свое решение. Не под влиянием ли Аксенова? Сам прибыл в учебный корпус, где мы были на занятиях:

— Бомель! Поедете во вторник, чтобы к среде попасть в издательство.

— Ура!

В тот же день мы заступали в караул. Попросился у Лисина, чтобы пойти в увольнение. Разрешил в пятницу.

Наступила пятница. Это было вчера. И вот не отпустили в увольнение из части. Притом не разрешил кадэ. Лисин сказал, что он мотивировал свой отказ теми же соображениями — предстоящим отъездом в Пустынное Место, о чем говорил и мне.

В общем, моя программа-минимум: сегодня отстоять караул, в понедельник уехать домой.

Итак, слухи подтверждаются, мы все-таки уедем в Пустынное Место. Говорят, там страшная холодина, стены казармы не удерживают тепло, и все спят в танковых костюмах. И что поедем якобы в теплушках.

Сегодня уже пятое февраля. Последний месяц зимы. Потом весна. До дембеля тридцать пять недель. Не так уж и много.

7 февраля. Лола, Вета, Лида

Вета пишет регулярно. Обещала приехать, но поездка сорвалась. Сейчас сидит в далеком глухом райцентре. Командировка.

Просит, чтобы почаще присылал ей письма, чтобы писал о том, как люблю ее и хочу видеть.

Поеду домой, возьму сумку, блокноты, бумагу, теплое трико, рукавицы. Месяца полтора еще продлится зима.

Сегодня должна вернуться Лола с сессии. Вета писала, что она заходила в редакцию и должна привезти мне сюда журналы. После двенадцати надо будет забежать в санчасть.

Занятия до двенадцати. Потом уборка казармы. А после обеда наряд, караул.

Мороз опять усилился, подул резкий пронизывающий ветер. Вряд ли будет тепло в карауле. Но ничего, зиме скоро конец. А то уж так надоела.

Хорошую штуку я придумал — дневник. С ним легче. Как будто постоянно разговариваю с кем-то знающим, умным, сочувствующим, понимающим.

Да, новость в «Юном романтике». Хилькевич развелся. Говорят, завалился в редакцию довольный и веселый, хмелил на радостях компанию.

Здесь, в армии, особенно в карауле, заставляю себя думать о чем угодно, только не о Лиде. Беспokoит дальнейшая моя жизнь. То в аспирантуру поступать хочется, даже тему диссертации придумал, то за границу поехать в военную газету. Но в первом случае сдерживает иностранный, во втором — сила привычки и непонятная боязнь нового. Хотя уверен, что жить в Холмске после всего не смогу. Что мне там делать?

Вета дает мудрый совет: взять на вооружение ее лозунг «Все проходит» и «Что было, то было». Но не так-то просто все позабыть.

Все чаще мне начинает казаться: у нас с ней ничего не будет. Слишком мы разные люди.

Ну хорошо, прошло три месяца. Пройдет еще девять. В конце концов, настанет день, когда кончится служба. Что тогда делать? Куда идти? Как устраивать свою жизнь?

Пора мечтаний, сладостных и лучезарных, ушла. Мне уже не хочется быть непризнанным гением. Слишком много увидено и пережито. Жизнь проще, чем казалась раньше.

Основная линия.
НОВЕЛЛЫ ИЗ ПИСЬМЕННОГО СТОЛА
ТЫ У МЕНЯ ОДНА

В субботу вечером Толя Сахарчук получил письмо. Каждому солдату приходят письма, одному больше, другому меньше. Принято считать: воины первого года службы получают их чаще. Но на самом деле армейский стаж здесь вовсе ни при чем. Коля Мозоль осенью уже увольняется в запас, а письма получает каждый день. Скучает, видно, его Марийка.

А вот имя Сахарчука, разменявшего только седьмой месяц службы, почтальон выкрикивает не чаще одного-двух раз в месяц. Тем не менее, когда он в субботу вручил Толе письмо, это не стало событием.

Событие произошло на другой день, в воскресенье. После возвращения с дистанции, где солдаты бегали трехкилометровый кросс, Толя отошел в сторонку и устроился возле крайней палатки, где было относительно тихо. Достал из-за голенища потертую тетрадь в черном переплете, извлек из кармана куртки сложенный вчетверо листок бумаги и пробежал глазами. Это вошло у него в привычку: прежде чем браться за ответ, еще раз перечитать письмо.

С ответом сегодня дело явно не клеилось. Несколько раз Толя начинал писать, набрасывал на бумаге первые строки, но потом безжалостно их вычеркивал.

Это было удивительно! Чтобы Сахарчук, один из самых начитанных солдат в батарее, не раз помогавший товарищу «по-литературному» оформить письмо к знакомой девушке, Толя Сахарчук, наш признанный поэт, и вдруг не мог написать письмо домой? Невероятно.

Весь день Толя не находил себе места. Впервые оценил он точность выражения «муки слова». Теперь он сам мучительно искал нужные слова. Ему было стыдно за свои прежние сухие, сдержанные письма к матери. Что-то словно перевернулось в душе, заставило по-иному взглянуть на мир.

Так было однажды в детстве. В четвертом классе он сидел за партой с худенькой, болезненной на вид девочкой со смешными косичками и большими очками на носу-пуговке. Как-то Толя из озорства нацепил ее очки и остолбенел. Окружающие лица и предметы вдруг резко выступили из серой пелены, обрели четкие контуры, стали необычно контрастными.

Оказалось, Толя страдал врожденной близорукостью. Избежав каким-то чудом медицинских проверок, он даже не подозревал о своем недуге, не представлял, что окружающий мир значительно ярче, богаче, чем он его воспринимает. Тогда он открыл его для себя заново.

Нечто подобное произошло и сейчас. С той только разницей, что теперь процесс этот протекал медленно, постепенно, на протяжении шести месяцев армейской службы. Письмо только подтолкнуло, ускорило процесс, помогло сформулировать то, что зрело в сознании.

Вот оно, письмо, лежит перед ним — обыкновенный лист бумаги, вырванный из школьной тетради. Большие неровные буквы: руки матери куда увереннее действуют граблями, лопатой, нежели пером. В который раз он перечитывает письмо.

«Здравствуй, мой дорогой сынок! Сообщаю, что твое долгожданное письмо я получила, и спешу дать ответ. Толичек, почему ты так редко пишешь? Я совсем извелась, ожидая от тебя весточки...»

Это была сухая правда. Он писал матери редко и мало. В первые дни службы, когда проходил курс молодого воина, услышав, бывало, свою фамилию, лихорадочно хватал конверт, но, взглянув на обратный адрес, разочарованно прятал в карман гимнастерки: еще успеется, выпадет свободная минутка, тогда и прочитает. Да и какие могут быть новости у матери? Одно и то же — все заботы по хозяйству. Но случилось и ему нетерпеливо разрывать конверт, пахнущий духами.

Он знал: матери не нравилась его знакомая девушка. Собственно, она и не скрывала своей неприязни

к той, которая, по ее мнению, лишила его сна и покоя. Мать считала: Татьяна не пара Толику. Сын сердился, просил не вмешиваться, дать возможность ему самому решать свою судьбу. Мать расстраивалась, плакала. Толя демонстративно хлопал дверью и уходил из дому в надежде встретить ее, свою любовь.

Они познакомились в городском парке. Нет, Толя не был любителем танцевальных вечеров и находил странным подобное времяпрепровождение. Несмотря на все попытки друзей, он так и не научился танцевать. Обычно, придя с ними на танцверанду, Сахарчук останавливался у входа и, как десятки таких же молодых людей, стоял и слушал музыку.

У Татьяны были сильно подведенные глаза, модные джинсы. И вся она со своей явной претензией на моду была вызовом этому тихому районному городку. Татьяна первая подошла к нему.

Они встречались почти каждый день. Вскоре Анатолий пригласил ее к себе домой и познакомил с матерью. Той сразу не понравилась манерная, избалованная девушка. Сын застенчивый и серьезный юноша, а Таня показалась ей чересчур легкомысленной.

Жизненный опыт подсказывал матери, что ничего путного из такой дружбы не выйдет. Но всегда ли верх одерживает мудрость? Юности свойственны горячность и нетерпение, стремление к самостоятельности суждений и поступков. Мать не сумела убедить сына.

Перед уходом в армию почти все последние дни Толя проводил вместе с Татьяной. Все уже было решено: два года она будет ждать его, каждый день писать письма. Однажды она показала ему большой пакет, перевязанный голубой лентой. Там были конверты, ровно 730, только что купленные на почте.

— Ведь тебя не будет 730 дней, — тихо сказала она.

И тогда Толя поцеловал ее. Первый раз в жизни.

Они переписывались три месяца. За это время Толя получил 80 писем. Восемьдесят первое было от ее мужа, который просил незнакомого солдата Анатолия Сахарчука не тратить больше бумаги, так как жена в

его письмах не нуждается. Да, да, неделю назад она стала его женой.

Толя помрачнел. Потом подошел к другу, у которого была гитара, попросил спеть что-нибудь для души. Тот внимательно на него посмотрел, прошелся пальцами по струнам, и зазвучала грустная мелодия, одна, другая. Чувствуя, как к горлу подкатывает горький комок, слушал Толя песню о том, как не дождалась любимая солдата.

Значит, вышло не так, как мечталось
И снилось,
Значит, ты не ждала, значит, зря
Переписка велась.
Я тебя не виню, нелегко ждать
Два года солдата.
Я друзьям напишу: ты меня
Дождалась...

Гитарист сделал паузу, задумчиво перебрал струны, подбирая новую песню из своего неиссякаемого репертуара, но Анатолий тихо дотронулся до его плеча: — Не надо...

С того дня почта его больше не интересовала. Ждать писем, кроме как от матери, было неоткуда.

Оказывается, мать была права. Татьяна чересчур легкомысленный человек: встретила другого и потеряла голову.

Толя сильно переживал, получив письмо. В армии все это переживается куда острее и болезненнее, чем дома, на гражданке.

Как-то в библиотеке, перелистывая томик стихов Есенина, он наткнулся на удивительные строки: «Коль нет цветов среди зимы, так и грустить о них не надо». Прочел, поразился глубине мысли и... успокоился. Лишь изредка писал матери:

«Жив, здоров, служба идет нормально, привет всем».

С матерью у него сложились своеобразные отношения.

Анатолий рос третьим в семье. Жили они тогда в деревне. Мать с отцом работали в колхозе, две старшие сестры ходили в сельскую школу. Он не знал войны, так как появился на свет спустя десять лет после ее окончания, но война оставила в его душе неизгладимый след.

Отец его, старший сержант, механик-водитель танка, до войны был трактористом в колхозе. Войну начал под Москвой. И когда уже реяло над поверженным рейхстагом Красное знамя Победы, танкист Петр Сахарчук, не получивший за годы войны ни одной царапины, был тяжело контужен в жарком бою за Злату Прагу.

Давно отгремели праздничные салюты, умолкли оркестры, которыми встречали фронтовиков, а он еще путешествовал по военным госпиталям. Врачи предприняли все возможное, но восстановить ему слух не могли. И вернулся Петр Сахарчук в свою деревню совершенно глухим.

Первые годы жили хорошо. А после рождения Анатолия в семье начались неурядицы. Лишенный возможности живого общения с людьми, отец стал странно мнительным, подозрительным. Начались скандалы с соседями, с матерью.

Варвара Петровна была женщиной тихой, покорной и раньше беспрекословно подчинялась воле мужа. Но ежедневные оскорбления, унижения толкнули ее на отчаянный шаг. Оставив младшую дочь и сына (старшая дочь уехала из дому раньше), она отправилась в незнакомый город жить, работать. А через некоторое время забрала к себе и дочку. Толя остался с отцом. Жили они по-прежнему в деревне.

С десяти лет Анатолий научился все делать сам. Стирал рубашонки в холодной воде, готовил нехитрый обед, растапливал утром печку, заготавливал корм скоту. В двенадцать лет он уже, как бывалый хозяин, запрягал лошадь, умел пахать, бороновать и даже доить корову. И при этом в школе получал только отличные оценки.

Он жил с отцом, но был всецело предоставлен са-

мому себе. Его воспитателями были книги. Он мог читать их в любое время суток, с благоговейным трепетом подходил к книжным шкафам в скромной сельской библиотеке. По полдня мог стоять в ожидании библиотекарки, не очень-то соблюдавшей рабочий распорядок.

Толя ни с кем особенно не дружил, был утрюмым, замкнутым, смотрел волчком. Сказалось влияние отца, внушавшего: люди к добру не приведут, не слушай никого, живи только своим умом. Но книги говорили о другом: о людской доброте, верности и дружбе. И эта правда, почерпнутая из книг, светлая и гуманная, все больше овладевала разумом и чувствами мальчишки.

Отец запрещал ему переписываться с матерью и жестоко наказывал всякий раз, когда обнаруживал письма. Сельский почтальон-инвалид, потерявший на фронте ногу и кисть правой руки, жалея мальчонку, передавал ему материнскую весточку тайком, чтобы отец не видел. Посылки с продуктами, которые присылала мать, отец неизменно выбрасывал в корыто для свиней, а купленная ею немудреная одежонка для сына тут же попадала под топор.

Варвара Петровна буквально разрывалась на части, стараясь прокормить, одеть-обуть семью и сыну что-то послать. «Мать в городе, сестры тоже. Конечно, мать больше для них старается...» Для него, сельского паренька, город казался заманчивой сказкой.

Когда Анатолий получил свидетельство об окончании восьмилетки, отец сказал: «Напиши матери — пусть забирает тебя к себе».

Так Толя попал в город. На семейном совете решили: пусть он поступит в вечернюю школу, а как только получит паспорт, пойдет работать.

Теперь всю свою нежность и материнскую любовь Варвара Петровна обратила на сына. Словно пытаясь вернуть ушедшие годы, когда ее Толя был ребенком, она заботилась о нем, как о маленьком. Старалась предугадать любое желание.

Соседки иногда укоризненно качали головами:

— Балуешь ты, Варя, Анатолия. Смотри: как бы не вышло худого.

Варвара Петровна в таких случаях отвечала:

— Что вы! Мальчик столько лет материнской ласки не видал.

Постепенно сын привык к этим проявлениям материнской заботы и внимания, стал принимать их как должное. Мать все для него делала: стирала, гладила, даже ботинки чистила. И любовалась сыном: высокий, стройный и одет прилично, не хуже других. И на работе его хвалят. Что еще нужно материнскому сердцу?

О себе Варвара Петровна не думала. Четвертый год ходила в одном и том же стареньком пальто. Все собиралась купить себе шубу, накопила денег. Но однажды пошла в универмаг за покупкой и вернулась... с пальто для сына.

— Не удержалась, уж больно хорошо сшито, — словно оправдываясь, говорила она сыну. — Да и размер как раз твой.

Толя надел обновку и даже спасибо не сказал.

Чем больше Варвара Петровна заботилась о сыне, тем меньше чувствовала в нем ответного внимания. Толя совсем перестал помогать по хозяйству и даже покрикивал на мать, ему казалось, что она делает что-то не так.

Он стал совсем городским парнем: обзавелся друзьями, научился новым манерам. В его отношении к матери появилось что-то новое, чужое. Словно бы он разглядывал ее со стороны и... стыдился ее малограмотности, деревенских привычек, не совсем правильной речи. Он объяснял это ее отсталостью, отсутствием больших запросов.

И только сейчас, попав в армию, простившись с привычным домашним уютом, понял, как был не прав. Мать принесла себя в жертву им, детям. Растила, кормила, одевала их. Малообразованная женщина, она заботилась, чтобы обе ее дочери и сын получили образование, хорошую специальность. Так разве сын может упрекать ее за это?

Раньше Толя сердился, когда мать пыталась давать ему советы. Считал, что со своим крестьянским умом она не в состоянии понять всей глубины его переживаний. И только здесь, в армии, понял, сколько заботы и чуткости проявляла она к нему. Как не хватает ему сейчас ее внимательных и ласковых глаз! Постой, а какие, собственно, глаза у мамы? Синие, голубые? Он силился вспомнить, но напрасно.

Постепенно росло сознание вины перед матерью. Он вчитывался в неровные строки письма и представлял, как беспокоится она, думая о сыне. «Как тебе служится, Толя? С кем ты дружишь? Смотри, не сторонись людей. Одному очень трудно...»

Как ему служится? Он мог бы много рассказывать о своей армейской службе, о бесконечных тревогах и учениях, о том, как зноем дышит степь в июне, когда пот ручьями течет с лица, и на спине куртки проступает соль, и свинцовой тяжестью наливаются ноги, и хочется только одного — спрятаться в тень. Но вокруг ни деревца, ни кустика, ни ручейка. Все пересохло под палящими лучами солнца, даже земля покрылась сетью глубоких трещин.

Он мог бы рассказать о суровых и справедливых законах армейского товарищества и о хороших друзьях, помогающих новичку на каждом шагу. Это они, сержант Пешкур, рядовой Мозоль, ефрейтор Габриель, помогли ему овладеть сложной современной техникой, стать физически сильным, выносливым воином, привили любовь к спорту. Благодаря им рядовой Анатолий Сахарчук стал неплохим солдатом; лучше всех в батарее преодолевает полосу препятствий, бегают трехкилометровые кроссы, выделяет затейливые фигуры на гимнастических снарядах. Все это удалось нелегким трудом.

Еще проходя курс молодого воина, он представлял себе будущую службу так: сложнейшие приборы, множество тумблеров, переключателей, светящихся табло, и он, Сахарчук, за главным операторским пультом, внимательно всматривается в светящийся экран.

Но оказалось, что кроме боевой работы расписанием дня предусмотрено много такого, о чем он даже и не подозревал. Современный воин должен быть хорошо развитым физически, легко переносить любую нагрузку. Специфика службы в их подразделении такова, что много часов подряд приходится быть в закрытой кабине, без движения, почти в одном и том же положении. Поэтому физической подготовке придается особое значение. Тренировки, тренировки и еще раз тренировки — вот требования командира подразделения. Как можно больше разминок, движений, кроссов, силовых упражнений!

И Сахарчук стал тренироваться. Сравнительно быстро и легко освоил подъем переворотом, приступил к прыжкам через «коня». И вдруг — стоп. Разбег есть, прыжок есть, но в самый ответственный момент, когда руки должны забрасываться далеко вперед, на самый конец снаряда, они вдруг ни с того ни с сего начинают мелко перебирать по обшивке «коня», а ноги сами собой сводятся вместе.

— Боитесь, — сказал сержант Пешкур. — А вы попробуйте преодолеть страх. Давайте я стану на подстраховку.

Анатолий разбежался, сделал прыжок и... сел на «коня». Недели две мучился с ним Пешкур. Анатолий возненавидел этого проклятого «коня» и вздрагивал всякий раз, когда Пешкур подводил солдат к снаряду.

— Не получится у меня, — умолял он командира. — Все равно не получится...

— Нет, получится, — убежденно отвечал сержант. — Надо только преодолеть психологический барьер.

И снова командовал:

— К снаряду!

Так продолжалось с неделю, пока Пешкур наконец не выдержал:

— Сколько можно еще возиться? Вот что, теперь в кино пойдете только через «коня»...

Подразделение жило в полевых условиях, на отдаленном полигоне. Почта приходила сюда редко, и

кино было единственным развлечением. Новой картины ждали как праздника.

Подразделение направлялось на площадку, где показывали фильм. А в это время рядовой Анатолий Сахарчук шел в спортивный горюдок.

Метод, примененный Пешкуром, оказался эффективным: Анатолий не на шутку рассердился на «коня», который «преградил» ему дорогу в кино, и, как было ни трудно, перепрыгнул через снаряд, вернее, преодолел сам себя, собственное «не могу»,

Сурово? Да, сурово. На то она и армия. В ней служат настоящие мужчины. И пришли они сюда, чтобы делать свое важное мужское дело.

Доводилось Сахарчуку и в наряды ходить: на кухне котлы драить до блеска, в карауле стоять, дневалить по батарее, порядок и чистоту наводить. На то она и армия — сама себя обслуживает. Оказывается, даже в таком деле, как чистка котлов, есть своя наука. А известно, что всякую науку надо уважать и овладевать ею старательно и вдумчиво.

«...Я беспокоюсь за тебя, Толичек. Как ты там без меня? Как вас кормят, есть ли у тебя аппетит?»

Посмотрела бы теперь мать на него. Вон какие бицепсы. Толя согнул руки в локте: ишь, как накачал. Есть ли аппетит? Если человек за полгода поправился на три килограмма, на аппетит ему жаловаться не приходится.

Да, за полгода армия дала многое. Он по-новому осмыслил свою жизнь, понял цену настоящей дружбы, стал лучше разбираться в людях. Дома все считал привычным: материнскую ласку, заботу, внимание. А пришлось пожить в коллективе, понял, как несправедливы порой бывают сыновья к своим матерям, как мало еще их ценят.

Толя оторвался на минутку от письма, задумался. Вокруг пышным ковром расстилались красные тюльпаны. Они росли прямо в лагере, возле палаток. Даже не верилось, что в этом диком, необжитом краю, среди бесконечных песков, могут расти такие нежные цветы. Но люди, одетые в солдатскую форму, даже в эти бесплодные пес-

ки вдохнули душу. Они посадили тюльпаны, бережно за ними ухаживали. И вот теперь цветы радуют глаз.

Внезапная мысль, словно жаром, обожгла. А ведь он, живя в городе, где на каждом углу продавали букеты цветов, считавший себя утонченной натурой, ни разу не подарил матери цветов, даже в день рождения, даже на 8 Марта! Толя представил себе мать, раскрасневшуюся, смущенную, с букетом ярких цветов. Какой он все-таки черствый человек!

«...У нас неожиданно похолодало, — читал он дальше. — Дует сильный ветер, и заморозки вдруг ударили. Я малость прихворнула, но ты не волнуйся. Это я сама виновата. Что-то уж больно плохо себя чувствовала, ломило кости и поясницу, а я, налегке одевшись, стала в очередь за апельсинами. У вас еще их нет, а у нас уже появились. Пошлю, думаю, посылочку к празднику. Постояла, ну и простыла маленько...»

Сколько он помнит, мать никогда не жаловалась на болезни. Болела ли она вообще когда-нибудь? Должно быть, болела.

Но всегда молча, тихо, никому не надоедая своими жалобами.

И опять ему стало неловко, стыдно. Видно, что-то серьезное случилось, если написала. Грипп? А может, осложнение? Больная, в очереди за апельсинами для него стояла, а он: «Жив, здоров, привет всем...»

«...И еще, Толичек, хочу спросить у тебя совета. Не знаю, правильно ли я поступила. В общем, с папой случилось несчастье. Семей он не обзавелся, жил один. А недавно его паралич одолел. Отнялась речь. Мне про то люди сказывали. Думала-думала я, плакала-плакала, все обиды, которые нанес он мне, вспомнила. А потом решила: так разве он виноват? Мы же с ним до войны так хорошо жили. Это не он, это война виновата. Если бы он слышал, таким бы не был. Мне об этом один профессор говорил. Я и подумала: как он жить-то будет? Ведь всех соседей против себя настроил, со всеми разругался. Воды и то некому подать... Ну, и поехала я за ним. Сейчас он у нас живет. Лежит, совсем не двигается. Смотрю я за ним, как за

маленьким. Молчит, ничего не говорит, а глаза у него какие, Толичек, если бы ты только видел! И горечь, и отчаяние, и благодарность, и мольба о прощении. Тридцать пять лет прошло, как война кончилась, а и сейчас еще люди страдают из-за нее.

Смотри, сынок, хорошенько, чтобы не было новой войны...»

Он написал матери письмо длинное, сбивчивое, очень теплое и нежное. Начиналось оно просто и взволнованно:

«Ты у меня, мама, одна, как Родина...»

МУЖЧИНЫ СРЕДИ МУЖЧИН

Баллада о песне

Наш путь и далек, и долог..

Идем с полной выкладкой: шинель в скатку, автомат, подсумок с магазинами, штык-нож, противогаз, вещмешок. Шагаем, держа равнение в строю.

Из городка вышли рано утром сразу после подъема, и первые километры прошли сравнительно легко. Но солнце с каждым часом набирало высоту, воздух прогревался, и шагать становилось труднее.

Сначала храбрились: делали вид, что и не такое видали, пытались даже шутить. Командир нас не одергивал, словно бы и не замечал наших разговоров, понимал: солдату без шутки в трудном походе нельзя.

Вот мы и храбрились, демонстрируя друг перед другом свою выносливость. Опытные воины заботливо спрашивали у Алехновича, Дубовика и Вольмана — молодых солдат, прибывших к нам совсем недавно, как самочувствие, не жмут ли сапоги, не размотались ли портянки. И слышали бодрые ответы.

Солнечные лучи между тем начали падать почти отвесно, нещадно жгли наши головы, плечи, спины.

Мучительно хочется пить. Алюминиевые фляги пусты — вода давно выпита. Солнце уже успело накалить их, несмотря на предохранительные чехольчики,

и сейчас они бесполезно болтаются на боку. Наливать в них воду нет смысла: сразу станет теплой. Да и наливать-то, собственно, нечего. За все время мы не встретили ни одного даже маленького ручейка.

Мерно колышется строй. Не слышно больше шуток. Только изредка стукнет котелок о ручку автомата, нарушит молчание.

Дыхание становится тяжелым, прерывистым. Куртки под скатками потемнели от пота, сукно шинели натирает шею и подбородок. Я чувствую, как капельки пота стекают под ремень.

— Раз-два-три! Раз-два-три! — спокойным голосом выравнивает колонну командир.

Стараемся идти в ногу, держать равнение, но не у всех это получается. В ногах свинцовая тяжесть. Сапоги, к которым уже привыкли за много месяцев армейской службы, вдруг снова стали невыносимо тяжелыми.

До конца пути остается километров семь. Но идти дальше нет сил, и каждый, наверное, думает: а не сделать ли еще один, незапланированный маленький привальчик? Хотя на минутку вытянуть уставшие ноги.

Но командир неумолим. Взглянув на часы, он строго предупреждает:

— Опаздываем... Надо торопиться...

И мы по-прежнему идем, стараясь не думать об усталости, идем на пределе физических сил, просто переставляем ноги.

Первым не выдерживает молодой солдат Кирокосян. Он выходит из колонны и устало опускается на дорогу, в разбитую машинами колею.

Командир шагает слева и все замечает. Один взгляд на сержанта Пилипенко, командира отделения, где служит Кирокосян, и вот уже двое солдат подхватывают Кирокосяна под руки, ставят на ноги, отбирают автомат, снимают скатку, чтобы облегчить ношу, и буквально тащат его вперед.

Командир одобрительно кивает головой. Все правильно, товарищу нужно помочь.

Высокий, хрупкого сложения ефрейтор Аллахвердиев, шагающий со мной в первом ряду колонны, вдруг бледнеет и тяжело наваливается на мое плечо:

— Не могу.. Не могу идти...

Крепко хватаю его за локоть, тормошу, тащу за собой. Аллахвердиев бледен, из-под пилотки непрерывной тоненькой струйкой стекает пот. Трудно ему сейчас, не привык еще к армейской службе. Решительно перекидываю через плечо его автомат.

Он шепчет пересохшими губами:

— Спасибо.

Портянка сбилась, мучительно болит пятка и большой палец. Надо бы перемотать портянку. Тогда будет легче. Ведь идти еще долго. Присесть бы вон на тот холмик...

— Раз-два-три! Раз-два-три!

Садиться на марше нельзя. Присядешь на минутку и больше не встанешь. Вернее, встанешь, но идти уже не сможешь. Проверено собственным опытом.

И я иду, припадая на левую ногу. Тщательно выбираю дорогу, стараюсь не наступать на кочки. Пот застилает глаза, его то и дело приходится смахивать рукой.

Еще полкилометра — и все, выдыхаюсь. Ноги подкашиваются, они уже не мои. И идут они сами, по инерции, независимо от моей воли.

Смотрю на соседей. В колонне нет строгих рядов.

Мы не идем, а бредем, спотыкаясь о засохшие кочки.

— Раз-два-три! Раз-два-три! — пытается выровнять колонну командир, и, по привычке кося глаза на соседа справа, мы пытаемся идти в ногу. На некоторое время это удастся, но усталость берет свое, и снова нарушается строй.

Командир видит, что мы окончательно выбились из сил, и сам он порядком устал. Но приказано привести колонну точно в установленное время, и нужно выполнить этот приказ.

Впервые я увидел растерянность на его лице. Она была мимолетной, эта растерянность. Видно, командир тут же нашел какой-то выход.

Что он надумал? Неужели привал? Вот было бы здорово! Да, наверное, привал, потому что командир остановился и громко приказал:

— Колонна, стой!

Мы с большой охотой выполнили это приказание. Наконец-то отдых! И вдруг:

— С места, с песней, шагом марш!

Послушные команде, мы машинально сделали несколько шагов вперед, но насчет песни никто ничего не понял. Как петь, когда в глазах туман, а на спине — соль?

— Запевай! — раздался требовательный голос командира.

Наш запевала Владимир Бодряшкин, лизнув пересохшим языком потрескавшиеся губы, затынул:

Мы, солдаты, все время в пути,
Зорко шупают небо антенны...

Удивительное дело! Распрямились плечи, поднялись понурые головы, четче стал шаг колонны. В такт песни взлетают и опускаются руки. Просто чудо: вся колонна идет строевым шагом, как во время торжественного церемониала. Что ни шаг — то единый щелчок.

А песня тревожит, бодрит, звонким эхом отдается в сердцах. И вот мы уже идем, как на параде, строго держа равнение, крепко сжав ремни автоматов, неудержимые, непобедимые, превозмогшие минутную слабость.

Командир шагает сбоку. Я смотрю на него, и сердце полнится уважением, признательностью. Он действовал, как опытный фронтовик: берег песню, как берегут последнюю гранату, последний патрон для самого трудного момента боя.

Нет, наш сержант Виктор Кутяков не имеет фронтового опыта.

Он родился десять лет спустя после войны.

Просто отец у него в ту войну был командиром полка...

Привал

— Колонна, стой!

Маленькая желтая будка путевого обходчика, речушка справа, по всему видно — неглубокая, редкая растительность вдоль берега. Впереди виднеются домики небольшого селения.

— Разойдись! Привал! — объявляет командир.

Никто не заметил, как мы очутились в плену мальчишек, прибежавших из маленького поселка.

— Дяденька офицер, дайте звездочку! — пристал мальчонка с крапинками веснушек на лице к сержанту Григорию Миллеру.

Гриша, огромный, неуклюжий, похожий на медведя и силой, и походкой, с широченными плечами, при каждом резком движении которых куртка угрожающе трещит по швам, расплывается в добродушной улыбке:

— Чего-чего?

Друзья весело смеются, услышав, что мальчонка назвал его офицером.

Смех, шутки. Без них не обходится ни один привал, ни один перекур. А без гитары?

Куда бы ни шел солдат, она всегда с ним. В каждой части, в каждом подразделении есть свой любитель-гитарист, вроде нашего сержанта Фрога. И вот уже поет его гитара о синих-пресиних глазах любимой, об инее на висках матери, об отце, чья лыжня оборвалась где-то у карельских берез.

Поет гитара в руках Фрога, поет и сам Фрог. Взявшись за руки, тесно столпившись в круг, поем и мы: и о том, что лучше гор бывают только горы, на которых никто не бывал, и о том, как нам дороги подмосковные вечера...

Мы поем и ничего вокруг не замечаем: ни того, что начало смеркаться, что тут и там замелькали вдруг цветистые платья девчат.

И словно не было ничего — ни длительного маршброска, ни трудных армейских будней. Будто все мы пришли с работы и собираемся на вечеринку.

Вечеринка... Девушки... Танцы...

Идут женщины, останавливаются возле нас. Видят: поют девушки в цветистых платьях и стриженные парни в военной форме.

Кое-кто из матерей не выдерживает — платочки к глазам подносят: видать, перед глазами — сорок первый, знойный июнь, их мужья в гимнастерках, вещмешки за плечами, проводы...

Фрог не выдерживает, смахивает пот со лба, протягивает гитару младшему сержанту Федорову:

— Выручай, друг..

Мы умолкли на мгновение. И вдруг отчетливо услышали тоскующий голос гармошки.

Мы оглянулись. Под низкорослым деревцем одиноко сидел старшина сверхсрочной службы Петр Архипович Малюков. В его руках тульская трехрядка. Блестели ордена и медали, привезенные старшиной с фронта, тихонько напевал он что-то про себя очень старомодное, о том, как с берез, неслышен, невесом, слетает желтый лист.. Мы потупили глаза. Всем становится неловко: поем здесь, веселимся, а он скучает в одиночестве...

— Ребята! А ну, за мной! — говорит Фрог. И вот уже центром веселья становится место, где сидел старшина.

Грянул Петр Архипович «Барыню», и пошел, и пошел — сначала один, потом второй, третий, и вот уже в огненном кругу волчком вертятся широкоплечие ребята в военной форме, белыми лебедушками плывут девчата, мелькают платья их матерей.

Окончился танец, смахивают пот солдаты.

Снова поет гармошка, подпевает гитара. Мы поем песни старые, но вечно молодые, песни наших отцов, которые в юности пел Петр Архипович со своими сверстниками. И «Катюшу», и о том, как уходили комсомольцы на гражданскую войну, и о синем платочке.

Мы бы еще долго пели, если бы не команда:
— В колонну по два, становись!
Мы снова в пути. Сама собой взлетела песня:

Есть и танки, и ракеты, —
Все, что надо нам!
У солдата, у солдата только нету
Жалости к врагам!

Голоса гармошки и гитары переплелись. И от этого мелодия песни была какой-то особенно сильной и широкой. Я прислушался; в голосе гармошки слышались мудрость и опыт, в голосе гитары — молодость, сила и энергия.

И мне подумалось: где та сила, которая нарушила бы этот сплав? И сам себе ответил: нет в мире такой силы, и не будет!

Гнездо перепелки

Нас подняли по тревоге, в районе сосредоточения поставили боевую задачу, и вот теперь мы движемся вперед, в беспросветную темень, едва пробиваемую светом замаскированных фар.

Машины медленно ползут по дороге. Ревут моторы, натужный грохот сопровождает нашу колонну.

Достигнув заданного района, колонна останавливается. Начинается то главное, из-за чего мы прибыли сюда, — боевая работа в ночных условиях.

На рассвете получаем сигнал «отбой». Маскируем боевую технику, выставляем караул, завтракаем. Поступает команда — отдыхать.

Вечером, как только стемнело, построение. Командир ставит задачу: совершить новый марш, занять позицию и начать боевую работу.

— Внимание! — говорит он и смотрит на секундомер. — Походное положение! По машинам!

Мы бросились к боевой технике. Через несколько минут взревели моторы, и машины покрылись синим дымом. Командир прячет секундомер, удовлетворенно

улыбается (в отведенный норматив уложились все) и бежит к головной машине.

Я включаю радиосвязь, проверяю настройку. Все в порядке. Сигнальная лампочка горит ярким ровным светом. Зажимаю ларингофоны потуже и проверяю, есть ли связь с другими боевыми машинами нашего подразделения, заодно спрашиваю, готовы ли они к маршу.

Когда командир садится в машину, у меня уже все готово, и я докладываю, что связь есть и все готовы к маршу. Он кивает головой.

— Миляр, готов?

Я слышу густой басок водителя нашей машины сержанта Григория Миляра:

— Так точно!

Командир отдает приказание:

— Марш!

Я нажимаю шершавый трезубец передатчика:

— Я — «Форель-один». За мной — марш! — Машина, взревев мотором, окутавшись синим дымом, тяжело двинулась вперед. Снова нажимаю на передатчик:

— Я — «Форель-один»!

Спрашиваю, в колонне ли подразделение. Через несколько мгновений в наушниках слышу знакомые голоса — все в порядке, машины в колонне и следуют за нами. Все машины, за исключением одной. Она не отвечала.

— «Второй»! Я — «Форель-один»! Как слышите? Прием! — кричал я.

— Связи нет? — спрашивает командир.

— Была. А сейчас почему-то прервалась...

— Устанавливайте связь...

«Второй» молчит. Командир приказывает остановить колонну. Головная машина останавливается, и командир выходит из нее. Оглядывается. «Второго» не видно.

— Странно, — говорит командир и смотрит на часы. Время идет, а нам предстоит многокилометровый марш. Лицо командира спокойно, но я знаю — он волнуется: что же произошло?

Наконец в наушниках затрещало, и я узнал голос ефрейтора Федора Габриеля, поддерживающего связь на «втором».

— «Форель-один», я — «второй»! Догоняю колонну, как поняли, прием...

Я докладываю командиру, что «второй» догоняет, он садится, и мы продолжаем движение.

Снова всю ночь была боевая работа, а утром, замаскировав технику и выставив караул, командир отдал приказ личному составу отдохнуть.

Я стою в карауле, охраняю технику. Настроение приподнятое: действиями нашего расчета командир остался доволен. И хотя разбора боевой работы еще не было, я знаю, что мы действовали на «отлично». Вот только на марше неувязка получилась... И чего этот «второй» отстал? Стоп, Габриель тоже в карауле, и тоже в первой смене. Вот сменяюсь и узнаю, в чем дело...

В палатке, где разместилось караульное помещение, тихо. Спит отдыхающая смена, склонились над книгами начальник караула и разводящий.

— А, это ты! — слышу голос Габриеля. — Садись возле меня.

— Тебя уже сменили?

— Да.

На сколоченном из поленьев столе, потрескивая, горит свеча, бросая причудливые узоры на стены палатки. Сыро.

— Слушай, Федя, что у вас там произошло перед маршем? Почему отстали?

— А, ты об этом...

У него меняется лицо. Обычно суровое, с жесткими чертами, оно вдруг озаряется мягким светом. Взгляд теплеет.

— Понимаешь, бросились мы к машине, стали готовить к маршу. Вдруг из-под нее — птица. Чуть ли не в грудь ударилась. Сначала ни я, ни водитель Андреяшук не обратили внимания: не до нее было. Андреяшук стал заводить машину. Смотрю, птица не улетает, вьется и вьется надо мной и так жалобно кри-

чит, ну, как человек. Беда, думаю, стряслась. Заглянул под колесо, а там гнездо, и в нем яйцо лежит...

Он умолкает, широко раскрытыми глазами смотрит на свечу.

— Оказывается, перепелка! — продолжает он. — Кричу Андреяшуку: «Стой, не трогайся!», а он не слышит — двигатель работает на полную мощность. Смотрю, командир машины рукой машет: «Ко мне! В машину!» А не могу идти — птицу жалко. Показываю ему — гнездо, мол, там! Не понял он, соскочил с машины, думал, неисправность какую обнаружил. Сунул голову, а там — гнездо. Тут и водитель двигатель заглушил, на землю прыгнул, глаза тревожные — в чем дело? Увидел гнездо и заулыбался, засветился весь. Взял аккуратненько, бережно, как мать ребенка, отнес метров за двадцать от машины, положил в траву. А перепелка вьется вокруг, все тревожится... Кричит, бьется о землю... Глупая, разве люди ей плохое сделают?

Габриель умолкает. Утренние шорохи наполняют палатку. Мерцает стеариновая свеча.

До отдыха немногим больше часа. Я достаю из кармана маленькую книжечку об империалистической агрессии в Индокитае, придвигаюсь ближе к свече и читаю — я агитатор подразделения, и завтра утром мне надо провести беседу.

Глаза выхватывают несколько строк из текста. Писал американский морской пехотинец невесте, писал из Вьетнама: «Видела бы ты, как мы уничтожаем этих вьетконговцев. Вчера ранили моего товарища, и мы получили приказ уничтожить всю деревню. При поддержке танков на рассвете мы ее окружили. Приказ был выполнен. Я сидел на броне танка. Он наезжал прямо на жилища вьетнамцев и разворачивался на 180 градусов. Женщины, дети, старики — для нас это не имело значения...»

Я представил себе этих самых парней за «работой», вспомнил своих товарищей — Федю Габриеля и Василия Андреяшуку и закрыл книжку. Больше мне ничего не надо. К беседе я готов.

Товарищи по оружию

Трудный, многокилометровый марш окончен. Мы прибыли в заданный район и заняли стартовую позицию. Только успели окопаться, как с командного пункта поступает распоряжение — начать боевую работу.

Через короткое время на КП летит наше радиодонесение: все цели «противника» уничтожены.

— Принято, — отвечает КП. — Находитесь пока в готовности. Со связи не выходите. «Противник», возможно, снова предпримет налет.

Поддерживать связь приказано мне. Я переключаю радиостанцию на дежурный прием и с наслаждением откидываюсь в удобном кресле. Приятно все-таки после напряженной боевой работы вытянуть ноги во всю длину, откинуться в кресле и сидеть, прислушиваясь к легким потрескиваниям в эфире, к словам докладов и распоряжений.

Забрезжил рассвет. Тьма расступается, все более четкими становятся очертания нашей грозной боевой техники. Я смотрю на часы. Вот-вот меня должен сменить младший сержант Татаров.

И вдруг:

— «Днепр-один»! Я — «Орел»! Как слышите, прием...

Голос тревожный, взволнованный, чуточку растерянный. Я узнаю его — это голос сержанта Анатолия Пешкура. Что там еще случилось?

Преодолеваю сонливость, все более овладевающую мной, резким движением щелкаю тумблером радиостанции.

— «Днепр-один»! Я — «Орел»! Танки! На нас идут танки «противника»... Десант! — передает Пешкур.

Я вскакиваю с кресла и кричу во весь голос:

— Товарищ командир! Десант! Танки прорвались в наше расположение!

— Доложите на КП — принимаем меры к отражению наземного «противника». Все по местам, согласно боевому расчету! Любыми средствами остановить

танки! — Голос командира уверен и спокоен, в нем слышны знакомые металлические нотки.

Докладываю на КП о десанте, КП требует к аппарату командира. Торопливо срываю с себя наушники и передаю их командиру.

— Вперед! На свое место! — командует он.

Хватаю автомат, магазины к нему, гранаты (противогаз у меня через плечо) и во весь дух мчусь в свой окоп.

Танков пока не видно, но они где-то здесь, поблизости. Я отчетливо слышу приглушенный шум двигателей, лязг гусениц. Проходит несколько мгновений, показавшихся вечностью, и вот впереди, метрах в шестистах от моего окопа, раздвигая мелкий кустарник, выползает огромная бронированная махина. За ней — вторая, третья... На мгновение они останавливаются, головной танк идет прямо на мой окоп, остальные разворачиваются и веером мчатся на наши боевые позиции.

Бронированное чудовище все ближе и ближе. Гул двигателя и лязг гусениц сливаются в один сплошной грохот. Хочется закрыть глаза, заткнуть уши и бежать, бежать от этого страшилища, от его огромной боевой и броневой мощи. Да, страшен танк, идуший в бой...

Неимоверным усилием воли преодолеваю себя и осторожно высовываюсь из окопа. Танк почти рядом, до меня уже долетает его горячее дыхание. От него несет бензином, дымом, перегретой резиной. Взмах рукой — моя граната летит навстречу громыхающему чудовищу и попадает прямо под гусеницу.

Танк останавливается. Я высовываюсь из окопа, и чувство буйной радости охватывает меня: из укрытий товарищей летят гранаты, рвутся под гусеницами танков, и они, послушные воле посредника, застывают на месте. Все, за исключением одного. Он по-прежнему ползет вперед, к самому последнему окопу на левом фланге, где занял оборону Петр Шерстенников, молодой солдат, недавно прибывший в наше подразделение.

Танк вот-вот поравняется с тонкой низкорослой безрезкой, от которой до укрытия Пети не более ста метров. Неужели он пропустит этот танк? Но ведь это двойка для всех нас...

Впереди и с флангов показываются автоматчики. Мы дружно открываем по ним огонь. Я бью короткими очередями по приближающимся фигуркам, а сам то и дело бросаю взгляд в сторону прорвавшегося танка.

В эту минуту из соседнего окопа метнулась чья-то фигура и, пригибаясь, бросилась к окопу Пети Шерстенникова. Я узнаю Бахрама Саидова, ефрейтора, дослуживающего последние месяцы: ему осенью предстоит увольнение в запас.

Краем глаза замечаю: Бахрам метнул гранату в сторону танка и сразу же перевалился в окоп Шерстенникова через высокий бруствер.

— Ура! — крикнул кто-то справа и хлестнул длинной очередью по наступающим. Десантники, не выдержав нашего огня, залегли.

— Ура! — снова послышалось справа. «Ур-р-ра-а!» — донеслось раскатистое эхо. Удивленный, выглядываю из окопа и вижу помощь, присланную нам с КП.

Общими усилиями отбрасываем десант и занимаем места согласно боевому расчету: «противник» предпринял новый налет, и нам объявили готовность.

Снова начинается боевая работа.

Потом КП сообщил о трехчасовом отбое, и мы по очереди отдыхаем, постелив шинели прямо на земле. Земля теплая, прятая. Я долго не могу уснуть.

Возле меня укладывается Петя Шерстенников. Потом ложится и Бахрам Саидов. Они тоже не спят, беседуют, и мне слышно о чем.

— Да что ты, — смущенно говорит Бахрам. — С кем не бывает. Растерялся маленько... Конечно, вон какая махина на тебя ползет...

— Спасибо тебе, Бахрам, — не успокаивается Петя. — Если бы не ты, двойку как пить дать поставили бы. И все — из-за меня...

— Ничего, — успокаивает Бахрам. — Научись еще. А помочь товарищу — так это армейский закон. Сам погибай, а друга выручай! Мне это отец с пеленок, можно сказать, втолковывал. В сорок первом под Могилевом он был тяжело ранен... Спас его боец из противотанкового дивизиона...

Я лежу не шевелясь, делаю вид, что крепко сплю.

— Кто тот самый солдат, что батю от смерти спас, никто не знает. Много тогда героев было, да фамилий не записывали — не до того было. Просто принято у солдат помогать друг другу. Вот батя и приучил меня к этому.

Бахрам умолкает.

— А он жив, отец твой? — спрашивает Шерстенников.

— Жив. Рана зажила. До Берлина дошел.

— И мой тоже дошел, — говорит Петя.

— Жив?

— Жив. Кстати, он и под Могилевом воевал, и бутылками с зажигательной смесью танки поджигал — в противотанковом дивизионе был, — не без гордости говорит Шерстенников. — Они там такого страха на гитлеровцев нагнали, что цвет фашистской армии — танковая дивизия «Великая Германия» позорно бежала назад. Об этом Гудериан в воспоминаниях писал.

— А мой в мотострелковом воевал, — говорит Саидов. — Спас его сосед из противотанкового...

Почти одновременно у обоих мелькнула одна и та же мысль.

— Возможно, были и знакомы, — понял Шерстенникова Саидов. — А может, просто товарищами по оружию были...

Неспокойно ворочается во сне Нырков, лежащий рядом с нами. Саидов и Шерстенников переходят на шепот, потом умолкают. Видно, сон одолел и их.

Мне почему-то не спится. Я лежу и думаю о великом чувстве дружбы и войскового товарищества, доставшегося нам в наследство от отцов. Дружеская помощь и взаимовыручка помогла им победить в войне: русскому Шерстенникову и азербайджанцу Саидову,

солдатам-пехотинцам, имеющим оружие сугубо индивидуального пользования. На какую же высоту должны поднять дружбу и взаимовыручку мы, их сыновья! Ведь Родина вручила нам не только самое грозное, самое современное оружие.

Оно еще и коллективное.

В летних лагерях

По утрам нас будят петухи.

Мы отвыкли от их голосов там, на зимних квартирах, и вот здесь, в поле, они снова напоминают о родных деревнях.

Петушиная переключка врывается в наши сны, будит их, вызывает у нас смутно-тревожное состояние, и мы беспокойно ворочаемся в своих солдатских постелях, а потом просыпаемся — задолго до общего подъема.

Мы выходим на физзарядку с обнаженными торсами и слегка поеживаемся от утреннего холодка. За рекой встает солнышко, воздух настоен на удивительном лесном аромате, дышится легко и свободно.

Хорошо!

У нас все, как на зимних квартирах, — тренажи, разводы, занятия по распорядку дня. У нас все, как на зимних квартирах, — кухня, столовая, умывальник, КПП, — правда, все это походное, но зато добротное, отделанное со вкусом и умением.

Итак, мы в лагерях.

В выходные дни мы проводим спортивные эстафеты, сдаем нормы ВСК, смотрим кинофильмы, слушаем лекции, организовываем литературные вечера, читательские конференции.

Так было и в этот выходной.

С утра начались спортивно-массовые мероприятия. Потом все собрались в полевой ленкомнате, чтобы поговорить о наших комсомольских делах. Едва окончилось собрание, как вдруг дежурный по лагерю, выйдя из штабной палатки, отдает команду:

— Строиться!

Мы строимся. И тут командир объявляет, что к нам в гости приехала молодежь из соседнего села, точнее, колхозная агитбригада.

Мы выходим за полосатый шлагбаум у нашего КПП и видим группу девчат и парней. Стали знакомиться, повели оживленный разговор. А вскоре состоялся концерт.

— В нашем колхозе начались полевые работы, — сказала конферансье, молодая синеглазая девушка, как впоследствии выяснилось — секретарь колхозной комсомольской организации. — Все люди в поле. Погода стоит хорошая, и земледельцам каждый день дорог. Вот мы и создали агитбригаду для обслуживания их прямо в поле. Вы тоже стоите в поле. Поэтому мы решили заехать и к вам, дать для вас маленький концерт. Итак, первый номер нашей программы — русская народная песня «Коробейники» в исполнении вокального квартета.

Мы аплодируем долго и громко. Мы аплодируем всем номерам программы: русским народным и современным эстрадным песням, шуточным частушкам и интермедиям из колхозной жизни, написанным этой самой синеглазой девушкой, «синичкой», как мы сразу окрестили ее.

Концерт не такой уж маленький, он длится около двух часов, и эти два часа пролетели, как одна минута. Мы и оглянуться не успели, как наша «синичка», задорно потрянув косичками, подошла к микрофону:

— Спасибо, товарищи, за внимание. Мы заканчиваем свой концерт. Извините, больше не можем — нас ждут в других местах. Поездка к вам не была запланирована... Желаем вам успехов в вашей трудной службе и счастливого возвращения к своим невестам. Верьте нам, они ждут вас...

Последние слова девушки тонут в громе аплодисментов.

Девчата начинают готовиться к отъезду. Мы плотным кольцом окружаем машину, благодарим за концерт.

— Приезжайте к нам! В следующее воскресенье! Мы ждем! — кричат нам девчата с удаляющегося грузовика.

Машина скрывается в клубах пыли. Мы строимся и идем в расположение своего лагеря и дальше занимаемся по распорядку дня. Но чтобы мы ни делали, о чем бы ни говорили, разговор обязательно сводится к концерту агитбригады.

— Уважают здесь солдат, — заявляет обычно молчаливый Кучкар Туйчиев.

— А то как же! — обижается вдруг за земляков Шурик Посельчук. — В Белоруссии да чтобы солдат не уважили? Сам видел, как во время последних учений встречали нас жители белорусских сел. А тут, вишь, и с концертом приехали...

— Еще одно доказательство единства армии и народа, — подытоживает агитатор Петр Сайфулин, очень серьезный паренек, которого все мы за большую ученость и большие очки на маленьком облупленном носу называли «профессором».

Конечно же, о приглашении девчат никто не забыл. Наш знаменитый в части ансамбль «Поющие тюльпаны» срочно засел за новую программу — разрешение на ответный визит получено. Все с нетерпением ждали воскресенья.

Но в ту деревню мы попали значительно раньше, и вот по какой причине.

Это было в пятницу. Уже сразу после учения погода стала меняться — подул ветер, на горизонте появились очертания сине-черной тучи.

— Быть грозе, — говорит Шурик Посельчук, с беспокойством поглядывая на небо.

Перед отбоем мы укрепляем свои палатки, наглухо заделываем входные отверстия, чтобы вода не проникла внутрь.

И хотя был объявлен отбой, никто не спит. Грохочет гром, сверкают молнии. Вокруг нас глухо шумит лес. Кругом все стонет, грохочет. Это продолжается долго, и мы, наконец, не выдерживаем и засыпаем.

Я не знаю, сколько мы спали — час или два: в темноте стрелок часов не видно.

И вдруг:

— Подъем! Тревога!

Теряется ощущение времени и реальности. Вокруг грохот, блеск молний, мощные раскаты грома, шум дождя. Что это — сон, продолжение сна или явь?

— Тревога!

Словно гигантской пружиной нас выбрасывает из постелей. Считанные секунды — и вот мы уже выскакиваем из палаток, одетые по полной форме. Дождь хлещет как из ведра, и наше обмундирование мгновенно мокнет и прилипает к телу.

Из-за березовой рощи валит черный дым, багровеет зарево пожара. Первое, что приходит в голову, — горит лес.

— Равняйся! Смирно! Равнение налево!

Дежурный в плащ-палатке с красной повязкой на рукаве печатает шаг навстречу командиру. Командир тоже в плащ-палатке, с нее струйками сбегает вода.

— Товарищ... — бросает руку к козырьку фуражки дежурный, но командир прерывает его доклад:

— Вольно!

И продолжает короткими, рублеными фразами:

— Товарищи, в соседней деревне пожар. Вон там, за рощей, — зарево. Наш долг — помочь гражданскому населению. Приказываю: взять огнетушители, вывести из парка машины и выехать на тушение пожара!

Мы в деревне.

Горят жилое здание и сельский клуб. Вокруг толкуются, растерянно снуют мужчины и женщины, бегают мальчишки. Рядом стоит бесполезный, бездействующий противопожарный насос. Сломался, как иногда бывает в таких случаях.

Резко взвизгнув тормозами, наши машины останавливаются.

Мы прыгаем из кузова прямо в грязь.

Командир ставит задачу, и мы дружно, без суеты и спешки, принимаемся за дело.

Я, Туйчиев и Посельчук попадаем в команду, которой поручено тушить клуб. Мы целим в языки пламени шипящими стрелами огнетушителей.

— Ой, ребятки, книжки, книжки там! Шкафы! Все сгорит...

Возле нас бегают, суетятся, хватая за руки, умоляюще смотрит в глаза перепачканная сажей, в прожженном платье, удивительно знакомая девушка. Синие-пресиние глаза, тонко очерченный рот, черные бровки, косы... «Синичка»!

Посельчук с минуты смотрит на нее, потом вдруг срывается с места и бежит в клуб, прямо в огонь и дым. За ним Туйчиев, Сайфулин, Воронов... Срываюсь с места и я.

Едкий дым разъедает глаза. Трудно дышать. На встречу движется что-то тяжелое, громоздкое. Шкаф. Это солдаты тащат тяжеленный шкаф с книгами. Спешу им на помощь...

Подъезжают местные пожарные. Общими усилиями мы побеждаем огонь.

В лагерь возвращаемся под утро. Гроза прошла.

— Вот и съездили в клуб... — мрачно говорит Посельчук. Все молчат.

— А в воскресенье все-таки поедем, — говорит вдруг «профессор» Сайфулин.

Мы удивленно смотрим на него.

— Да, поедем. Клуб колхозникам нужен? Нужен. А времени для ремонта у них нет — сейчас горячая пора полевых работ. Вот и давайте отремонтируем сами. Командир, думаю, разрешит. Работы там от силы на два выходных. А нас вон сколько. Долг платежом красен, правда?

...На следующее воскресенье, взяв имеющийся у нас строительный инструмент, мы снова ехали в эту деревню. На толоку, как сказал самый хозяйственный солдат в нашей батарее, бывший сельский строитель, а ныне ефрейтор Владимир Смереко.

Мужаем

Солнце жжет немилосердно, и мы все мучаемся от жажды. Температура плюс сорок по Цельсию. Просто нет спасения от раскаленных лучей. И тем не менее

дни идут по расписанию. А расписанием предусмотрены и утренний трехкилометровый кросс, и строевая подготовка, и занятия по защите от оружия массового поражения, и преодоление специальной полосы препятствий в противогазе, защитном костюме и с личным оружием, и занятия по военной топографии.

Трудно? Да, трудно. Но никто не ропшет. Каждый знает: в боевых условиях может быть гораздо труднее, и наша задача теперь — как можно лучше подготовить себя к будущим испытаниям, закалить тело и дух.

Есть у нас один солдат, худошавый белорус Валентин Тодоров. Никак не может привыкнуть к здешней жаре. То и дело прикладывается к фляжке с водой, висящей на боку. Но разве это вода? Она нагревается под палящими лучами солнца и по вкусу отдаленно напоминает чай. Все же он пьет ее, эту нагретую жидкость, отдающую алюминием, то и дело прикладываясь к фляжке потрескавшимся, пересохшими от жары губами. Вода неприятная, и он морщится, но пьет, пьет жадно, и я слышу, как вода булькает у него в горле.

Разве так утолишь жажду в знойной степи? Скоро фляжка опорожняется и пустая болтается у него на ремне.

Тодоров мучается, во рту у него пересохло, он дышит тяжело, прерывисто, хватая открытым ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Воздух тоже раскаленный.

Привозят обед. Среди нас некоторое оживление, правда, не очень сильное. Есть почти не хочется: слишком жарко.

С удивлением наблюдаю, как один сержант, кажется, Туйчиев (ну конечно же, Туйчиев, как это я его сразу не признал — от жары, что ли?), подходит к поварам и сыплет в крышку котелка... соль. Обыкновенную поваренную соль. Посыпает ею толстым слоем хлеб и ест.

У Тодорова глаза на лоб лезут: соль в такую жару?

Туйчиев невозмутимо доедает свой «бутерброд», уминает первое, второе, запивает киселем. Сержант озорной, с хитринкой в совсем еще мальчишеском взгляде.

— Лучшее средство от жажды! — убежденно говорит он, показывая на кулек с солью.

Попробуйте отважиться в сорокаградусную жару, за несколько десятков километров от источника питьевой воды, есть хлеб с солью. Тодоров не отваживается. И мы тоже.

Но вот психологический барьер преодолен. Легко сказать — преодолен. Говорить всегда легче, чем делать. В общем, как бы там ни было, мы едим ...соль. Одни неохотно, подчиняясь приказу, другие, их большинство, — с тайной надеждой победить мучительную жажду. Они, эти последние, готовы делать все что угодно, только бы прекратились муки.

Мы ели соль один день, другой, третий. Страдания стали еще более невыносимы — зной не спадал, наоборот, ртутный столбик поднялся до сорока трех. И все же жизнь шла своим чередом, по расписанию. Боевая учеба не прерывалась и не изменялась.

Удивительное дело: через неделю мы уже перестали страдать от жажды. У всех поднялось настроение. Даже Тодоров ожил, стал веселым и бодрым. Более того, однажды удивил своего командира отделения: впервые преодолел трехкилометровую дистанцию за 12 минут 30 секунд.

— Потому что воды не пью, — под дружный смех товарищей объяснил он.

Да, в этих суровых условиях мы заметно повзрослели и возмужали. Армейская жизнь строга, ее уклад рассчитан не на маменькиных сынков, а на крепких, выносливых парней — солдат. И мы становились ими. Индивидуалисты на глазах превращались в коллективистов, неразговорчивые и замкнутые — в веселых и общительных. И главное — все становились друзьями, верными, настоящими. Потому что нет крепче дружбы, чем скрепленная солдатским потом, нелегким ратным трудом.

Мы научились преодолевать себя, подчинять свои желания воле коллектива, воле командиров, воле Родины. Мы научились сначала думать о них, а потом уже о себе.

Физики и лирики

К этим людям у меня было двойственное отношение. Я и завидовал им: без техники немислим прогресс, движение вперед. Но их мир, ограниченный рамками сухих формул и схем, казался мне слишком рационалистичным. Музыка, искусство, литература, думалось мне, для них ничего не значат.

Армия заставила по-иному взглянуть на многие явления. Именно здесь я встретил людей, о которых трудно сказать, кто они — «физики» или «лирики».

Помню, как-то один из комсомольцев, кажется, Гоппук, попросил меня рассказать о стихах Евтушенко. Я припомнил все, что знал.

И вдруг лейтенант Висков, «человек техники», по моему представлению, стал дополнять.

Чем ближе я узнавал лейтенанта, тем больше поражался разносторонности его знаний и интересов. Он отлично разбирался в литературе, классической и современной, хорошо знал живопись, историю театра и кино. И все это при неумейной, неукротимой страсти к точным наукам!

Во время боевых пусков ракет мы блестяще справились с поставленной задачей. Ни одного промаха!

А потом была последняя ночь на полигоне. На фоне звездного неба отчетливо выделялись очертания грозных ракет, устремленных ввысь.

— Громоотводы, — произнес Висков. Я с недоумением посмотрел на него.

— Это я о ракетах... В самом деле, они как громоотводы над страной, — повторил лейтенант задумчиво.

Ну как мне называть его после этого — физиком или лириком?

Встреча

— Ребята! Автолавка приехала!

Воскресенье. Ярко светит солнце. Начало лета. Где-то там, на Большой Земле, отцветают сады, сбрасывают белый пух тополя.

А мы сидим возле наших палаток, вспоминаем далекую гражданскую жизнь, выпускные балы в своих школах, десятиклассниц в бальных платьях, превратившихся вдруг из обычных школьниц в удивительно красивых девушек.

Белый вальс на асфальте... Мы бродили до самого утра и рассвет встретили далеко за городом.

Милое смешное детство... Мы вышли тогда в жизнь неоперившимися, не знающими никаких трудностей, кроме математики.

Куда только не забросила судьба моих одноклассников и одноклассниц! Поразъезжались по всей необъятной стране, по самым дальним ее уголкам.

Я задумался, вспоминая друзей по школе. Голос, возвестивший о прибытии автолавки, вернул меня к действительности. Нам говорили, что с наступлением лета по степи начинает ездить автофургон военторга, обслуживающий отдаленные городки. И вот он, этот желто-зеленый фургон, перед нами.

Мы давно не видели такой роскоши — в лавке кроме прочих деликатесов был лимонад — очень много бутылок лимонада, прозрачного, янтарного, холодного, как ледяная вода.

Возле фургона выросла очередь. Продавала эту живительную влагу девушка лет двадцати: маленькая, хрупкая, в белоснежном халатике. Ее голосок, подобный звону колокольчика, был странно знаком мне. Я напряг слух.

Зинка! Зинка Лещинская! Да, это была она, Зина Лещинская, гордость нашего 10 «Б», отличница, примерная ученица и вообще пай-девочка. Она была единственной дочкой у мамы, продавщицы большого универсама, и одевалась лучше всех других наших девчонок.

После экзаменов, на выпускном балу, мы делились планами на будущее. Горячились, спорили, доказывали преимущества одной профессии перед другой. Только одна Зина была спокойна — ее уже ожидало теплое местечко на одной из крупных торговых баз.

И вот эта встреча с Зиной Лещинской здесь, за тысячи километров от дома. Я не поверил своим глазам: за прилавком автофургона стояла Зина Лещинская, моя одноклассница, маменькина дочка, пай-девочка из большого города.

Подошла моя очередь.

— Мне, Зинаида Петровна, две бутылки «аш два о», как говаривала Бронислава Лаврентьевна.

Она вздрогнула. Уж кого-кого, а нашу старенькую химичку она помнила хорошо. Бронислава Лаврентьевна прочила ей большое будущее в области химии, но Зиночка не оправдала ее надежд, и когда та узнала, какой путь предпочла ее любимая ученица, очень огорчилась.

Зиночка обвела очередь недоуменным взглядом: откуда здесь, в этой глухомани, кто-то называет ее по имени-отчеству?

— Ты?! Здесь? — наконец узнала она меня.

Поговорил с ней и поразился. Зиночка, избалованная, изнеженная Зиночка, отказалась от своего чистого места на торговой базе, повздорила с мамой, пытавшейся образумить непутевую дочку, проплакала всю ночь в своей комнате, а утром, когда мама ушла на работу, достала из секретера школьную географическую карту страны и, отчаянно всхлипнув, наугад ткнула пальцем. Открыв глаза, увидела, что палец уткнулся в очень отдаленную территорию.

Утерев слезы, собрала Зиночка свои пожитки в чемоданишко и подалась на вокзал. А маме оставила записку: так, мол, и так, не сердись и не плачь, не могу сидеть в этой душной конторе, хочу пожить одна, посмотреть, на что гожусь.

Ехала долго, а когда приехала в крупный город, ку-

пила в киоске путеводитель и снова, зажмурив глаза, ткнула в него пальцем. Под пальцем оказался Дом торговли, в котором размещался и военторг..

БАЛЬНОЕ ПЛАТЬЕ

— Становись!

Первым в строй становится Гришанов. Он обычно занимает место на правом фланге. Гришанов — самый маленький по росту в подразделении, но он сержант, командир отделения, и поэтому ему положено стоять во главе подчиненных.

Ничего, что командир ростом не вышел. Мускулистые, крепкие, слегка кривоватые ноги выдают в нем лихого наездника, а широкая грудь — любителя классической борьбы. И вообще, как утверждают, сержант Гришанов ведет свою родословную со времен Пугачева, чуть ли не от самого Хлопуши. Правда, факт этот остается пока недоказанным. Но никто в подразделении не сомневается, что его предки — быстрые, как ветер, и несокрушимые, как лавина, башкиры — могли принимать участие в восстании Пугачева.

Гришанова отличает еще одна особенность: он питает большую страсть к знакам воинской доблести. Значки «Отличник Советской Армии», ВСК второй степени, знак специалиста второго класса, второй разряд по кроссовой подготовке — вот свидетельства воинской славы, которые украшают его грудь. А под ними ярко-фиолетовый «парашют» со скрещенным молоточком и гаечным ключом — Гришанов окончил строительный техникум и даже работал в должности мастера.

Следует добавить, что сержант Гришанов справедлив и не по годам рассудителен, имеет спокойный, ровный характер, любит пофилософствовать, обладает чувством юмора и ценит это качество в других.

Рядом с Гришановым стоит ефрейтор Трофимовцев, или «Микрон». Впрочем, так зовет его только Гриша-

нов, и истории этого прозвища никто в подразделении не знает. Трудно даже сказать, прозвище ли это или особая форма похвалы.

Нет, пожалуй, такой марки радиоприемника, в которой бы не смог разобраться Володя Трофимовцев. Он готов часами сидеть, копаясь в деталях, разбирая и собирая прибор. И самое удивительное, при сборке у него не остается лишних деталей. Зная страсть Трофимовцева к разного рода сложным радиотехническим конструкциям, злые языки одно время утверждали, что замолчавший телевизор в ленинской комнате — дело его рук. Якобы его однажды осенила смелая идея — соорудить на базе «Горизонта» ультрасовременный цветной телекомбайн, но, видно, что-то не предусмотрел в схеме. Трофимовцев утверждал, что все это наветы и он тут вовсе ни при чем. Однако, если заядлые правдоискатели проявляли особую настойчивость, он как-то очень уж подозрительно отводил глаза и тут же убегал, ссылаясь на сверхоперативное поручение командира батареи, которое должен выполнить сию же минуту.

С Гришановым Трофимовцев был на дружеской ноге. Их сближало не только то, что оба призывались в один и тот же день (а в армии это много значит) и вместе проходили подготовку в учебном подразделении, но и, как ни парадоксально, разница характеров. Трудно найти двух людей, менее похожих друг на друга.

Как уже говорилось, сержант был образцом рассудительности. Трофимовцев являл собой нечто противоположное. Он постоянно носился с какими-то проектами, быстро загорался и так же быстро остывал к своим замыслам. Одно время объектом его пристального внимания стал рядовой Соколовский.

Друзья подарили Соколовскому портативный транзисторный приемник «Микрон». Увидев малюсенький микрофончик в ухе солдата и почти незаметный шнур-антенну, убегающий к карману гимнастерки, Трофимовцев широко раскрыл глаза. Их странное и такое знакомое многим выражение обеспокоило Со-

коловского. Это была верная примета, что у изобретателя родилась новая идея. Три дня ходил он молчаливый, сосредоточенный, а на четвертый, видимо, выносив очередной проект, доверительно предложил:

— Давай переконструируем твой приемничек, а? Вмонтируем магнитофон...

Соблазн был велик, и Соколовский уже чуть было не согласился. Но мысленно представил молчавший «Горизонт» в ленкомнате и решительно отказался.

Отказ Соколовского огорчил Трофимовцева. Как всякий изобретатель, он любил доводить дело до конца и хотел видеть свою идею воплощенной. Три дня ходил он задумчивый, погруженный в собственные мысли. А на четвертый все узнали, что Володьку волнует новая идея — повернуть воду теплого течения Гольфстрим к берегам суровой Чукотки.

Между прочим, непроходящее увлечение глобальными проектами не помешало ефрейтору Трофимовцеву стать отличником Советской Армии, спортсменом-разрядником, классным специалистом, заслужить более десяти поощрений.

Далее в строй стал рядовой Бабенко, шумный, неунывающий одессит. Когда говорил Бабенко, все обычно умолкали.

Говорить он умел и любил, мог говорить часами. И его любили слушать. Стройный, с правильными чертами лица, он многим казался воплощением мужской красоты. Конечно же, Бабенко, на зависть всем, получал письма особенно часто.

Кроме этих несомненных достоинств рядовой Бабенко проявлял и другие качества, благодаря которым он пользовался среди солдат непререкаемым авторитетом. Он умел играть почти на всех музыкальных инструментах, но отдавал предпочтение гитаре. А сколько песен, шуточных и грустных, знал Бабенко! И в редкие минуты отдыха тревожил солдатские сердца песнями о дальних дорогах и бесконечных тревогах, о тех единственных, что ждут воинов...

Он был старше своих товарищей на два года, говорил внушительным баритоном, и поэтому его сужде-

ниями обычно кончались все споры и дискуссии. Бабенко уважали, с его мнением считались. С ним делились самым сокровенным, рассказывали о самом заветном.

Постепенно все привыкли к тому, что Бабенко во всем прав. С ним соглашались, даже если он безапелляционно утверждал, что самый лучший город на земле — Одесса и нет девушек красивее одесситок.

Юности свойственна горячность, некоторая поспешность и категоричность в суждениях. Бабенко не был исключением.

И если Трофимовцев, смотревший на мир восторженно-удивленными глазами, воздерживался от категорических выводов, Бабенко, напротив, ни минуты не медля, сразу, сплеча, давал оценку любому событию и факту. Чисто интуитивно, по первому признаку, без малейшей попытки анализа. Правильно подмечено: люди, у которых благополучно складывается жизнь, редко задумываются над ее сложностями и воспринимают мир слишком прямолинейно и подчас однобоко.

Последним в строй встал Соколовский.

— Равняйся! Смирно!

К этой команде все привыкли и, как всегда, выполнили ее заученно бодро, даже молодежато. Стоя в строю, они смотрели на приближавшегося командира. На его приветствие ответили так громко, что стекла в окнах казармы тонко зазвенели.

Командир пришел не один. Рядом с ним, переминаясь с ноги на ногу, стоял солдат. Был он высокого роста, худощав и подтянут.

Все стояли по стойке «смирно», словно под рентгеном рассматривая новичка, и ждали, что скажет командир. Офицер, как бы отвечая на немой вопрос, пояснил, что солдата зовут Карпинович Валерий. Он назначается в отделение, где служит Бабенко, который и должен обучить молодого воина всем секретам своего мастерства. Потом командир спросил, понятна ли ему задача, на что тот молодежато ответил:

— Так точно, понятна!

По команде «Разойдись!» все разошлись, а потом снова сошлись, окружили новичка. Отделение считалось отличным, и людям было вовсе не безразлично, кого прислали. Разглядывали новичка придирчиво. Вроде все в порядке: пряжка ремня как жар горит, в начищенные сапоги можно было смотреться, как в зеркало. Сразу видно — опрятный солдат.

Поговорили для начала о том о сем. И, как водится, захотели узнать некоторые биографические данные. Образование? Десятилетка. Работал ли до призыва? А как же, работал. Специальность? И специальность есть, даже не одна, а несколько: каменщик, маляр, штукатур.

Немногословным оказался новый солдат. Спросят — ответит и снова молчит. Конечно, решили войны, новичок. Что с него взять? Вот пообвыкнет немного, расшевелится... Этим и объяснили его неловкость и скованность при первом разговоре.

Сержант Гришанов взглянул на часы:

— Ого! Ну вот что, товарищ, пойдете, покажу кровать...

Новичок взял свой вещмешок и послушно последовал за сержантом.

— Здесь спать будете, — показал сержант на койку, стоящую между кроватями Соколовского и Бабенко.

На этом и закончилось предварительное знакомство.

Новичок попал, как говорится, с корабля на бал. На рассвете следующего дня в казарме вспыхнул яркий свет.

— Подъем!

Мгновенно взлетели вверх одеяла. После завтрака личному составу батареи объявили: предстоят зачетные стрельбы из личного оружия, а посему десять минут на сборы и подготовку к маршу на дальнейшее стрельбище.

Шли походной колонной. Шли долго. Изредка поглядывали на Карпиновича. Такой переход для него впервые, и давался нелегко. Но вида, что ему тяжело, новичок не подавал. Шел молча и засмеялся только

однажды, когда Бабенко извлек из кладовых своей памяти какую-то очередную веселую историю. Смеялся Карпинович совсем по-детски, и этот смех резко контрастировал с его обычно озабоченным видом.

На стрельбище Карпинович отличился: за упражнение в стрельбе из автомата по движущимся целям получил оценку «отлично». Окружив новичка, отделение шумно поздравило его с успехом. Получить «пятерку» не так просто даже воину второго года службы. Трофимовцев, на минуту оторвавшись от своих сложных вычислительных операций, хлопнул дублера по плечу и удивленно протянул:

— Смотри-ка! Ну и молодец!

Он тоже отстрелялся и получил «отлично», как и все воины отделения.

В ответ на поздравления новичок застеснялся, невнятно пробормотал что-то и опять замолчал.

— Ничего, освоится! — убежденно сказал Гришанов.

— Конечно, конечно, — согласился Трофимовцев. — Начало отличное...

Назад с полигона возвращались довольные. Новый товарищ едва поспевал, и Соколовский предложил ему помочь поднести автомат.

— Не надо, я сам! — наотрез отказался Карпинович.

— А может, он по системе йогов закаляется? — хохотнул сзади Бабенко.

Новичок закусил нижнюю губу и молча шагал, напрягая последние силы, чтобы не отстать от колонны.

По собственному опыту зная, каких сил это стоит неподготовленному молодому солдату, Соколовский с любопытством посматривал на него. Но тот по-прежнему был замкнут и невозмутим.

Отличная оценка на стрельбище, шумные поздравления не изменили его настроения. Словно не волновал его ни первый успех, который обычно подстегивает молодых, ни тревога людей за честь своего подразделения. Более того, в какую-то минуту Соколовскому

даже показалось, что все их переживания и волнения кажутся ему мелкими, не стоящими внимания. Мысли его витали где-то далеко-далеко и были заняты чем-то более важным и серьезным.

Так показалось не только Соколовскому. После отбоя, уже засыпая, Бабенко произнес:

— Ну и сокровище нам подсунули. Бирюк какой-то.

Справедливость такого определения полностью подтвердилась дня через два. Была суббота, и сержант Гришанов громогласно объявил:

— Товарищи военные! Завтра намечается культ-поход в кино. Командирское «добро» получено. Запись желающих у меня.

— Нашему доблестному отделению, неустанно пекущемуся о повышении культурного уровня личного состава, ура, товарищи! — торжественно-шутливо объявил Бабенко.

Все поддержали этот шутливый тон, еще немного поговорили на тему культпохода, а потом дружно стали готовиться к предстоящему увольнению в город.

Увольнение! Праздник в суровой солдатской жизни. Волнения, надежды, с ним связанные. Нет, этого не передашь словами! Для этого нужно быть художником.

А внешне все выглядит примерно так: солдатская бытовая комната, пыхтение утюгов, клубами поднимающийся пар. И крепкие, мускулистые ребята, ловко орудующие иглами, подшивающие свежие подворотнички. Здесь все по-солдатски — бесхитростно и просто. Кончился крем? Возьми мой. Нужен материал на подворотничок? Бери, пожалуйста. Здесь все строится на крепком чувстве товарищества и взаимовыручки.

Увлечшись хлопотами, как-то забыли про нового солдата. Первым спохватился Гришанов.

— А где же новичок? Почему не готовится? Трофимовцев, ну-ка узнай, в чем дело?!

Через некоторое время Трофимовцев появился в дверях бытовой комнаты.

— Он не пойдет в кино.

— Что?! — в один голос произнесли все. Это было уж слишком. С первых дней откалываться от коллектива.

— Ну-ка, зовите его сюда! — распорядился сержант.

Уговоры ожидаемого действия не возымели. Новичок еще больше помрачнел, даже как-то весь съежился под негодующими взглядами.

— Может, ты баптист? — подозрительно сузил глаза Бабенко.

Все засмеялись. Новичку было явно не до смеха — он аж побледнел весь и часто-часто заморгал ресницами. Соколовскому стало неловко.

Наступило тягостное молчание. Положение спас писарь: Карпиновича вызывал командир подразделения.

Когда он ушел, Бабенко с обычной безапелляционностью заявил:

— Куркуль и жадина этот новичок. Думаете, ему не хочется в кино? Тут другое дело — денег жалко. Честное слово!..

Откровенно говоря, у других тоже возникли такие подозрения, но никто первым не хотел высказать это вслух. Бабенко решил, и ему были даже признательны.

Вскоре представился еще повод подозревать новичка в мелочности. Однажды комсорг предложил пойти на концерт в город. Все согласились. Собрали деньги и сдали их комсоргу, чтобы тот приобрел билеты на всех желающих сразу. У Карпиновича денег не оказалось, и Бабенко внес за него. Потом все получили деньги за месяц. Карпинович вернул долг, но у Бабенко не нашлось сдачи. Сумма долга была до смешного мала, однако новичок о ней не забыл и несколько раз напоминал Бабенко, чем приводил того в состояние неопишуемого изумления.

Все тоже были поражены. Чтобы молодой человек, выросший в советском обществе, окончивший нашу советскую школу, и вдруг оказался таким Плюшкиным? Если бы кто-то рассказал о подобном, никогда

бы не поверили. Но он существовал наяву, этот человек, спал, ел, учился, работал вместе со всеми.

Поговорили тогда между собой, вспомнили еще случаи. Решили объясниться с Карпиновичем: ведь жить вместе не один месяц. Каждый чувствовал себя неловко, как будто его самого уличили в чем-то недозволенном.

От неприятного разговора отвлек Трофимовцев.

— Знаете, ребята, — неожиданно сказал он. — В мире ощущается острая нехватка воды. У меня возник проект транспортировки айсбергов из Антарктиды на материк. Правда, расчетов я еще не делал, но кое-какие наметки есть. А какие перспективы! Ведь два айсберга могут дать столько пресной воды, сколько ее несет Волга за год.

Сообщение Володьки было сенсационным, и все стали азартно его обсуждать. Неприятный разговор сам собой прекратился.

С того памятного дня отношение к новичку резко изменилось. Росла неприязнь к нему. Особенно усердствовал Бабенко. Трофимовцев и Соколовский пытались защитить дублера от его нападков, но одессит был неумолим:

— Что ему здесь — детский сад, да? Ах, сложный внутренний мир? Не представляю, какой внутренний мир может быть у накопителя и скряги...

При таких отношениях о сближении Карпиновича с кем-нибудь из отделения, тем более о дружбе, не могло быть и речи. Новичок держался особняком; почувствовав общую недоброжелательность, он еще более ушел в себя, стал совсем неразговорчивым.

Потом вдруг все заметили, что Семен Бурский оказывает новичку особые знаки внимания. В перерывах между занятиями они уединялись в сторонке и о чем-то тихо беседовали. Во время регламентных работ Семен каким-то чудом всегда оказывался возле Карпиновича. Сначала удивлялись столь странной дружбе, потом решили, что, поскольку Семена недавно избрали комсоргом, вероятно, они обсуждают какие-то комсомольские дела.

Вскоре выяснилось, что новичок не комсомолец.

— Вот видите, — торжествовал Бабенко. — Его даже в комсомол не приняли. Кто такого индивидуалиста примет?

Ребятам немного не понравился тон Бабенко, но что они могли противопоставить его словам? Ведь они в какой-то степени разделяли это мнение.

А потом Карпинович простудился, заболел воспалением легких и попал в госпиталь. Где-то через неделю на его имя пришло письмо. Адрес был написан большими неровными буквами, неуверенной детской рукой.

Письма новичку приходили редко, не то что Бабенко, и по неписанным армейским законам их нужно было передать адресату сразу же, где бы он ни находился. Кто понесет письмо? Охотников не оказалось, у каждого вдруг нашлись неотложные дела.

Неизвестно, как бы развивались дальше события. Но предстояла срочная командировка. Письмо поручили передать Семену Бурскому.

В командировке пробыли около месяца. Вернувшись в часть, увидели огромное объявление о том, что в среду, 10 февраля, состоится комсомольское собрание. Первый пункт повестки дня — прием Карпиновича В. А. в члены ВЛКСМ.

Это был сюрприз. В тот же день Бабенко узнал еще одну потрясающую новость: наш новичок сдает деньги на хранение старшине.

— Я же говорил — Плюшкин, — авторитетно заявил Бабенко.

Конечно, это личное дело каждого — распоряжаться своими деньгами. Но чтобы копить, отказывая себе в малейшем удовольствии? Это было совершенно необъяснимо. И тогда отделение взорвало. Ну что же, решили батарейцы. Доживем до собрания. А уж на собрании они все выскажут, что думают о новичке.

Наступило 10 февраля. В ленинской комнате собрались комсомольцы. Все шло своим чередом. Комсорг зачитал заявление, рекомендации, спросил, есть ли у кого вопросы.

— Есть, — ответил Бабенко. — Пусть биографию расскажет.

Карпинович поднялся и, смущаясь, начал говорить. Родился в Белоруссии. Пошел в школу, стал пионером. Окончил десятилетку, ГПТУ строителей, работал на стройке.

— Расскажите о родителях, — попросил комсорг.

— Они умерли, когда я ходил в пятый класс.

Стало тихо.

— В детдоме воспитывались? — мягко спросил комсорг.

— Сначала в детдоме, потом в школе-интернате...

— Братья и сестры есть?

— Есть. Брат и сестренка.

— Сколько им лет?

— Сестре семнадцать, брату двенадцать.

Все слушали, и им становилось стыдно за себя, а новичок рассказывал, как жили они без родителей, как чужие люди заменили им мать и отца и как пришлось ему стать главой семьи.

Каждый реагировал по-своему. Трофимовцев, в который уже раз, произносил традиционное:

«Смотри ты?!» Лицо Гришанова пылало, как маков цвет. Еще бы, он, сержант, командир, не удосужился узнать подробности жизни своего подчиненного. Бабенко, прищутив левый глаз, с недоверием смотрел на дублера.

— У меня еще вопрос, — сказал он. — Мы принимаем в свою комсомольскую семью нового товарища и должны знать о нем все. Так вот, вопрос, вернее, два. Первый — почему вы не вступили в комсомол в школе? И второй — зачем копите деньги? Вы что, опасаетесь за свое будущее?

Карпинович побледнел и, минуту поколебавшись, глухо произнес:

— В интернате в комсомол меня не приняли...

Бабенко прервал жестко:

— Почему?

— Решили, что рано. Понимаете, я был на подозрении у милиции.

Зал насторожился.

— У меня почти не было друзей. Просто мне некогда было с ними встречаться, и так хлопот полон рот. Познакомился с одним парнем, другом его считал. А он... В общем, говорит, на, Валерка, мои джинсы, носи на здоровье. А было мне шестнадцать лет, в первый раз собирался пойти с девушкой в кафе. Надел джинсы, что друг подарил, иду — сердце поет. Только вышли из кафе — подходят двое: пройдемте, говорят, гражданин, с нами. Оказалось, джинсы-то краденые. Пока выясняли, разбирались — время шло. А меня накануне должны были в комсомол принимать. Разве тут до приема? Отложили...

Он перевел дыхание и густо покраснел:

— А насчет денег, так это я на подарок сестре собираю. Она в этом году школу заканчивает. Видел в магазине бальное платье, очень красивое. Она о таком мечтает...

Отделение готово было от стыда провалиться сквозь землю. Так вот почему новичок держится особняком и не ищет друзей! Один раз обжегся и теперь сторонится новых знакомств. Научился рассчитывать только на себя. «А мы... шляпы. Какие мы все-таки шляпы!..» — с горечью думал про себя Соколовский.

В комсомол Карпиновича приняли единогласно.

После собрания подошли к нему всем отделением, поздравили.

— Ты прости нас, Валерка! — виновато произнес Гришанов.

Карпинович смущенно заулыбался.

Долго говорили в тот вечер. Начистоту, по-мужски. И легли спать добрыми друзьями.

Бабенко в ту ночь никак не мог уснуть. Ворочался на кровати, кашлял. О чем он думал? Может, переживал за свой пошатнувшийся авторитет. Или о том, что жизнь намного сложнее, чем он представлял раньше. «Очень хорошо, что ты не спишь, — думал Соколовский, засыпая. — Значит, думаешь, тебе это полезно».

На другой день отделение тайком от Карпиновича обсудило одно очень важное мероприятие. В следующий выходной во время очередного увольнения в город зашли в центральный универмаг и попросили показать самое красивое платье для выпускного вечера. А потом пошли на почту и по дороге еще раз договорились наведаться в универмаг, только уже не в отдел женского платья, а туда, где продают одежду для подростков.

И еще одна новость — Бабенко вдруг притих. Не звучит больше его гитара, не слышно самоуверенного баритона. Шумный одессит как будто стушевался, стал незаметным и неразговорчивым. Его поведение изменилось столь разительно, что Карпинович однажды недоуменно спросил:

— С чего бы это он?

Все промолчали. Каждый по-своему переживал урок, преподнесенный армейской жизнью.

ДВОЕ В НОЧИ

В тот день Шурику явно не везло. Притом с самого утра. Отрабатывая во время утреннего тренажа один из простейших нормативов по защите от оружия массового поражения, он не уложился в положенное время и поэтому стал объектом пристального внимания старшины батареи.

— Да, рядовой Ефимчик, ваше отношение к химической защите меня просто поражает. Придется потренироваться. Да, да... Время найдем, не волнуйтесь, — голосом, не обещающим приятного, произнес он.

Шурик стоял по стойке «смирно» и молчал. Он знал, что оправдываться перед старшиной бесполезно. Старшина никогда не говорил прописных истин вроде «тяжело в ученье — легко в бою». Тем не менее, своими ироническими замечаниями и репликами всегда подводил именно к этому заключению. И, как всякий старшина, терпеть не мог пререканий. Поэтому Шурик молчал, хотя по опыту других знал, что

такое индивидуальные тренировки, проводимые старшиной. Самых невообразимых увальней превращал он в блестящих рекордсменов.

«Обещание» старшины подействовало на Шурика. Он стал грустным и задумчивым. Но этим не закончились его злоключения. Правду говорят, что беда одна не ходит, она и другую за собой водит. Расстроившись в предчувствии обещанных тренировок, он не услышал команды дежурного выходить строиться на завтрак, замешкался с котелком и выбежал из казармы уже тогда, когда батарея в полном составе стояла во дворе, а старшина поджидал опоздавшего, многозначительно посматривая на часы. У Шурика упало сердце. Поймав взгляд старшины, он понял, что на этот раз без взыскания не обойдется.

Дурное предчувствие угнетало его весь день. Он знал, как все это будет. Перед отбоем, во время построения на вечернюю поверку, старшина скамандует: «Равняйся! Смирно! Рядовой Ефимчик, выйти из строя!» Потом объявит взыскание. Это уж точно. Потому что редкий день проходил у Шурика безоблачно.

Нет, рядовой Ефимчик не был сознательным нарушителем воинской дисциплины, трудновоспитуемым солдатом. Этот мягкий юноша, с застенчивой улыбкой, робкий и стеснительный, никогда не повышал голоса, никто не видел, чтобы Шурик за свои полгода службы когда-нибудь вышел из себя, рассердился, вспыллил. Молчаливый и мечтательный, он никогда не рассказывал о своей жизни до службы в армии. В армейских условиях успех имеют люди другого склада — веселые, шумные, острословы. Они всегда становятся душой коллектива. А Шурик был тихим и скромным, всегда беспрекословно выполнял поручения не только командиров, но зачастую делал ту или иную работу за своих товарищей — не хватало решительности отказать.

Шурика пробовали обучить всем премудростям солдатской науки опытные воины, много повидавшие на своем веку, но, к удивлению всех, он оказался со-

вершенно неспособным учеником. Даже самые терпеливые учителя махнули на него рукой. Постепенно о Шурике сложилось мнение как о личности довольно заурядной и безликой, и впервые это положение выдвинул и теоретически обосновал Семен Бочкин, двадцатилетний атлет с железными бицепсами, дослуживающий последние месяцы.

Однажды, раздевшись до пояса и таким образом открыв взорам окружающих могучий торс, который в полной мере мог бы служить наглядным пособием для студентов физкультурного института, он, чувствуя на себе восхищенные взгляды сослуживцев, сказал, продолжая кем-то начатый разговор:

— Не впадайте в крайности, ребята! Хотя, с одной стороны, правильно — мир украшают люди яркие, сильные. Но маленькое уточнение: физически сильные, цельные, прямые. Ну что за жизнь у мечущихся, вечно колеблющихся и сомневающихся? Сплошные страдания. Насладиться покоем, радостями жизни — и то некогда...

Он возвышался над всеми — высокий, рослый, красивый, уверенный в себе, и развивал свою мысль дальше:

— Впрочем, и безликие люди нужны. Хотя бы для фона сильным. В природе все умно устроено, все пропорционально...

Он еще долго философствовал, этот квадратный гигант, для которого жизнь была проста и ясна, как божий день.

Но, как сказал один древний мудрец, мир — это огромное зеркало, и каждый видит в нем то, что хочет увидеть. Бочкин видел в Шурике только еще одно подтверждение своей теории. Но ведь и у Шурика был свой мир! Правда, Бочкин об этом не думал: люди, наделенные способностью мыслить прямолинейно, редко ставят себя на место тех, о ком они так легко судят.

Шурик между тем остро переживал свои неудачи, начавшиеся в это злополучное утро. Правда, во время занятий настроение немного улучшилось: он лю-

бил свою военную специальность оператора и готов был хоть до полуночи просидеть в кабине.

На вечер у него были грандиозные планы. Во-первых, сразу же после ужина написать три письма — домой, другу и знакомой девушке. Во-вторых, в клубе должны показать художественный фильм «Спартак». Слухи о фильме ходили еще со вчерашнего вечера. В детстве, то ли в шестом, то ли в седьмом классе, Шурик за одну ночь прочел увлекательнейшую книгу о вожде древнеримских гладиаторов, написанную Джованьоли.

Шурика очень интересовала жизнь великих людей, и он собирал все, что выходило о них во всех изданиях страны. Так, понемногу, у него собралась довольно солидная библиотечка о героях и подвигах. В его вещмешке можно было найти совершенно неожиданные вещи: «Сравнительные жизнеописания» Плутарха и современную изящную серию «О Родине, о доблести, о славе», издаваемую «Молодой гвардией»; толстенные труды о жизни великих полководцев и ставшие библиографической редкостью брошюры «Герои Великой Отечественной», которые печатались в трудные военные годы в Москве.

Такой подбор книг был не случаен. Шурик с детства мечтал о необычном подвиге, ждал момента, когда наконец совершит что-нибудь героическое, но... время шло, а исключительных обстоятельств, при которых (Шурик хорошо усвоил это) совершаются подвиги, не предвиделось.

Но Шурик упорно ждал их, в который раз перечитывая все, что касалось героев и подвигов, впитывая, словно губка, всевозможные детали и подробности, им сопутствующие.

Если занятия немного отвлекли внимание Шурика от грустных мыслей, то весть о фильме вернула его в хорошее расположение духа. Утренние злоключения показались не такими уж и страшными. Индивидуальные тренировки по защите от оружия массового поражения? Ну и что? Действительно, нужно тренироваться, а то совсем от других отстал. Догнать их не-

трудно: еще недавно он был абсолютным чемпионом в батарее. А в последнее время подзапустил малость, понадеялся на себя, не рассчитал сил, перестал регулярно тренироваться. Выходит, переоценил свои способности. Вот только насчет опоздания в строй он явно дал маху. Тут без взыскания не обойтись. «А, была не была! — махнул он рукой. — Пусть будет взыскание. В конце концов, что это за солдат, не получивший ни одного наряда вне очереди?»

Понемногу плохое настроение прошло, и Шурик стал обыкновенным Шуриком: улыбчивым и добрым — таким, каким обычно привыкли видеть его все.

Оставшиеся полдня прошли без особых приключений. Все ждали кинофильм, говорили только о нем, передавали друг другу всевозможные подробности: что привезли его на вертолете вместе с очередной почтой, что теперь всегда будет так, отныне одну и ту же ленту по несколько раз крутить не будут, потому что с этого дня устанавливается регулярная доставка кинолент, несмотря на непогоду. Все радовались, как дети, хлопали друг друга меховыми рукавицами по белым от инея курткам.

Фильм начинался сразу после ужина, и Шурик, шагая в строю в столовую, понял, что писем сегодня он уже не напишет — времени будет в обрез, ведь фильм двухсерийный. Но он нисколько не огорчился: ничего, напишет в другой раз. Зато посмотрит «Спартак».

Над столом поднимались клубы пара. Чай пили, торопясь неизвестно почему: то ли исходя из естественного желания согреться (за окном минус 40 по Цельсию), то ли стремились быстрее попасть в полутемное помещение, завешенное солдатскими одеялами, где вот-вот должен вспыхнуть луч волшебного фонаря.

Но тут произошло такое, чего никто не ожидал. К столу подошел старшина и, окинув пронизательным взглядом солдат, сидевших на деревянных скамьях, сказал:

— Сразу же после ужина двое отнесут свои котелки в казарму и снова придут сюда. Нужно отнести пищу в караул. Машина сломалась...

Стол насторожился. Каждый знал, о каком карауле идет речь, и втайне надеялся, что выбор падет не на него — такова человеческая натура. Уж очень хотелось попасть в кино, о котором мечтали весь день. Пост же был отдаленный, и тот, кто понесет ужин, вернется назад только к вечерней поверке. Прежде туда пищу возили на машине, обслуживающей столовую, но сегодня, как на грех, машина вышла из строя. А на отдаленном посту, на семи ветрах, выполняют боевую задачу товарищи... Значит, кто-то должен пожертвовать личным временем и расстаться с мечтой о «Спартаке».

Старшина стоял у стола и ждал добровольцев. Все молчали. Первым неловкое молчание нарушил Слепцов, солдат с тонкими чертами лица.

— Если бы не кино, я бы с удовольствием... — Его дружно поддержали остальные:

— О чем речь? Свои же товарищи... Стоят на посту, в такой холод... Но — кино, сами понимаете...

Старшина отлично знал каждого сидевшего за столом и понимал их. Но тем не менее двое должны пойти...

Бочкин, который сидел рядом с Шуриком, незаметно толкнул его под бок. Ефимчик понял: если он, Шурик, сейчас вот, сию минуту, скажет, что согласен нести ужин, вряд ли решится старшина дать взыскание за утренние происшествия. Сомнений нет, он будет прощен. Но — «Спартак», «Спартак»!

— Соглашайся, пока не поздно, — шепнул Бочкин.

— Придется, — кивнул Шурик.

Подняться и сказать, что он готов идти, Шурик не успел. Старшина круто повернулся в их сторону:

— Вы, что ли, хотите идти? Ну что же, давайте. Ефимчик и Бочкин! Значит, вы понесете ужин. Можете не идти в казарму — котелки отдайте товарищам, они отнесут. Старшим будет Бочкин. Все. Батарея, выходи строиться!

Через минуту со двора донеслись звуки бодрой солдатской песни — батарея строем уходила в казарму. В столовой остались двое — Бочкин и Ефимчик. Бочкин молчал, но по тому, как он сердито сопел, как со злостью запихивал кулек с сахаром в карман теплой меховой куртки, Шурик понял, что он не в духе.

И в самом деле, Бочкин злился на старшину, на Шурика, на себя, на весь мир одновременно. Дернула же его нелегкая давать советы Шурику. Сидел бы себе спокойненько, молчал — и смотрел бы сейчас фильм. Другой бы пошел — помоложе.

Проклиная всех и все, он помог Ефимчику вскинуть за спину термос с чаем, себе взял более легкий — с кашей. Шурик не протестовал, хотя Семен был более сильным физически: чувствовал себя немного виноватым перед товарищем. Ведь это из-за него Бочкину пришлось идти в такую даль.

Шурик вдруг спохватился:

— Слушай, Сема, пока я получу хлеб, может, ты сходишь в казарму и прихватишь письма для караульных?

Бочкин промолчал, сердито пристегивая ремни термоса.

— Хорошо, тогда я сбегаю. Подожди меня здесь, — сказал Ефимчик и исчез за дверью.

Вскоре он вернулся, и они вышли из столовой. Вокруг было темно — хоть глаз выколи. Сумерки здесь наступали быстро, и непроглядная темень сразу поглощала все окружающие предметы, растворяла их в себе.

Бочкин шел впереди, Шурик — за ним, стараясь идти по его следам. Дороги почти не видно. Автомобильная колея занесена вчерашним снегопадом.

Идти нужно было километров шесть. Километра через два Бочкин, шедший впереди, остановился.

— Что, устал? — повернул он к Шурику красное обветренное лицо.

— Немножко, — смущенно признался Шурик.

— Я так и понял. Ясное дело — молодой! — с чувством собственного превосходства произнес Бочкин.

Он закурил, ловко уклонившись от порыва ветра. Злость Бочкина понемногу проходила, но по инерции он продолжал еще ворчать про себя. Шурик помалкивал, по-прежнему чувствуя себя виноватым перед Бочкиным. Ко всему прочему, он был еще и довольно щепетильным парнем.

— Ну ладно, потопали, — сказал Бочкин, и они снова двинулись в путь.

И Бочкин, и Шурик понемногу успокаивались. Переживай не переживай, ворчи не ворчи — все равно ничего не изменишь. В конце концов, они не у тещи на блинах, а в армии. Приказ есть приказ, его надо выполнять.

Они шли по снежной равнине, местами проваливались по колено в снег и говорили о солдатском житье-бытье, о погоде и о разных других вещах. Говорил больше Бочкин о жизни до армии, о далеком кавказском городе, в котором он родился и окончил десятилетку, о гигантских нефтяных вышках и о ласковом теплом море.

Потом их разговор перекинулся на армейскую жизнь. Бочкин рассказывал всевозможные случаи, давал характеристики друзьям и знакомым, вспоминал истории, происходившие с ним раньше, о которых Шурик ничего не знал.

Увлечшись разговором, они не заметили, как прошли почти две трети пути. Неожиданно засветились во мраке огни прожекторов на ограждении охраняемых объектов. В их лучах отчетливо высветилась неуклюжая фигура часового в тулупе, находящегося на вышке.

— Ну вот и пришли, — облегченно вздохнул Бочкин.

В караульном помещении их уже давно ждали. Начальник караула сержант Смолин, увидев термосы с пищей, шутливо подал команду:

— Караул, смирно!

— Вольно, вольно, — небрежно, начальственным жестом приложил руку к капюшону Бочкин. — Заждались, небось?

— Еще бы! — Смолин кивнул на часы. — Уж не знали, что и подумать...

— Машина сломалась, — охотно объяснил Бочкин.

— Так вы своим ходом? — спросил Смолин.

— Спрашиваешь!

Сержант Смолин был командиром отделения, в котором служили они оба, — Бочкин и Ефимчик. Смолин был человеком независимым, с его мнением считался не только начальник боевого расчета, но и командир батареи. Человек он незаурядный, с какой-то таинственной внутренней силой, покоряющей всех. Шурик видел, что все относятся к Смолину с большим уважением, и каждый стремится завоевать расположение этого рослого сержанта с крупным волевым лицом. Сержант был разборчив в людях, и не каждый мог похвастаться, что он на дружеской ноге со Смолиным.

Бочкин всячески стремился сблизиться с сержантом, но Смолин явно не шел на эту дружбу. Было, видимо, что-то такое, что удерживало его от этого шага. Впрочем, это не мешало Бочкину называть сержанта другом и при каждом удобном случае подчеркивать их якобы дружеские отношения. Смолин обычно молчал, едва заметно улыбался, но Бочкин упорно не хотел понимать значения этой улыбки.

Вот и сейчас Смолин едва заметно улыбнулся. Будь Бочкин более наблюдательным, он, несомненно, заметил бы улыбку человека, знающего цену настоящей дружбе. Но он, окруженный караульными, чувствовал себя героем дня:

— Налетайте, ребята, разбирайте по котелкам! Не торопитесь — время есть. Все равно в кино не попаду — опоздал. А какой фильм, если бы вы только знали!

Он выждал мгновение и объявил:

— «Спартак»! В двух сериях!

Караульные черпали гречневую кашу с мясом, и чувство глубокой благодарности переполняло их сердца. А Бочкин, лежа на топчане возле горячо натопленной печурки, рассказывал:

— Конечно, очень хотелось в кино попасть. Но раз такое дело — не оставлять же друзей голодными. Тем более при выполнении боевой задачи. Я и говорю старшине: давайте, товарищ старшина, отнесу Смолину и его гвардейцам ужин...

Караульные качали головами, благодарно смотрели на Бочкина. Действительно, пройти шесть километров с термосами за плечами, без приказа, по велению чувства товарищества, в крошечной темени по безлюдной степи — не каждый на это отважится.

Только на Шурика никто не обращал внимания. Он сидел в уголке, тихий и неприметный.

Смолин, зачерпнув из термоса чая, повернулся в его сторону:

— А ты почему такой кислый?

— Я? — растерялся Шурик. — Я... ничего... Вот, прихватил для вас... И протянул пачку писем.

— Ну даешь! — рассердился Смолин. — О самом главном молчишь...

Письма разноцветными птицами вмиг разлетелись по караульному помещению. Шурик достал из-за пазухи большой белый сверток:

— Вот здесь еще... газеты. И журналы есть. Собрал, что можно было...

Смолин раскрыл руки для объятий, бросился к Шурику:

— Ну какой же ты умница...

Бочкин привстал с топчана:

— Ах да, почта... Я совсем было забыл. Дал мне старшина Шурика в помощь, а я и говорю: сбегай, Шурик, собери все чтиво у ребят, в караул отнесем. И письма заодно захвати...

И снова в центре внимания оказался Бочкин, а Шурик иногда посматривал на Бочкина, удивляясь про себя, но тот не обращал никакого внимания на молодого солдата, словно его здесь и не было. Подумаешь, какой-то там первогодок!

Вдруг Смолин поднялся, взял автомат из пирамиды, присоединил магазин с патронами.

— Синчилин! Одевайтесь! Подмените Абдурахманова на посту. Пускай он поужинает, пока не остыло. Да и письма ему есть...

Петр Синчилин быстро оделся, взял автомат и вышел вместе с начальником караула. Шурику понравилась забота Смолина о подчиненных, и он снова подумал о том, что ему повезло: командир у него справедлив и чуток.

Через некоторое время Смолин вернулся вместе с Абдурахмановым. Рядовой Абдурахманов порядком замерз и некоторое время отогревался возле печки, сунув руки едва ли не в самый огонь. Потом принялся за еду, одновременно рассматривая обратные адреса полученных писем.

— Что-то ветер усилился, — заметил Смолин, ставя автомат в пирамиду. — И мороз вроде меньше стал. Никак, метель собирается?

— Ну, ребята, нам пора! — поднялся с топчана Бочкин.

— Счастливого пути! — напутствовали их солдаты. — Спасибо за письма и ужин...

Они завязали клапаны ушанок, подняли воротники меховых курток, накинули на головы капюшоны, крепко стянули тесемки под подбородками и шагнули в ночную темень.

Погода резко изменилась.

— Черт возьми, фонарь забыли прихватить, — сказал Бочкин.

Они старались идти спорым солдатским шагом, но то и дело сгибались под порывами ветра: он дул им прямо в лицо. Редкие одиночные снежинки вдруг запрыгали, заплясали, закрутились в каком-то диком невообразимом танце. Все поглотила белая заметь. Завыл, загудел ветер.

Бочкин, шедший впереди, остановился:

— Кажется, буран... Может, назад вернемся? — прокричал он Шурику.

— Куда назад? — крикнул в ответ Шурик. — Поймешь тут, где что?..

В самом деле, ориентироваться стало невозможно. Все исчезло в мутной коловерти. Следы валенок сразу же засыпало снегом.

— Ладно, пойдем вперед! — решил Бочкин.

Буран между тем усиливался. Еще несколько минут, и все смешалось в мутно-серую пелену: и ставшее вдруг незадолго до этого низким и хмурым небо, и серая земля, и тучи снега, которые сыпались с неба и одновременно поднимались с земли, летя с невероятной скоростью неизвестно куда.

Они шли долго, очень долго, примерно около часа. Буран не утихал. Наоборот, становился все злее. Шурик много слышал о здешних буранах, продолжавшихся неделю, а то и больше. Сколько драм, разыгравшихся здесь, помнит эта безмолвная, бескрайняя степь. Особенно страшны предвесенние бураны. Сейчас был как раз конец февраля.

Шурику стало не то чтобы страшно, а так, немного не по себе. Но он быстро справился с минутным замешательством. В конце концов, он солдат, к тому же не один. Двое — это уже коллектив.

Они шли и шли — до тех пор, пока не выбились из сил. Оба ничего не понимали: по их расчетам, городок уже давно должен быть. И тогда поняли — сбились с дороги.

— Конечно же, заблудились! — крикнул Бочкин. — Ведь сначала ветер дул в лицо, а теперь — справа. Надо идти лицом к ветру, понял?!

Шурик устало кивнул головой.

Они повернулись лицом к ветру и снова пошли вперед. Шли долго, напрягая последние силы, но городка по-прежнему не было видно. Бочкин в отчаянии остановился:

— Черт бы побрал эту погоду! Давай отдохнем немного.

Слева от них возвышался небольшой сугроб. Бочкин подошел к нему и устало опустил на гребень. Шурик испуганно закричал:

— Что ты делаешь? Подъем! Слышишь?

Бочкин по тону понял Шурика, вскочил в тревоге, оглянулся:

— Что такое?

— Нельзя садиться! Слышишь? Даже если не можешь идти, ползи, кричи, плачь, но только не садись!

Он схватил Бочкина за руку и потащил за собой.

К двум часам ночи оба обессилели окончательно. Ноги стали словно чужие, едва ступали. К трем часам уже ничего не хотелось: ни лагеря, ни друзей, ни тепла, ни уюта. Тупое равнодушие охватило их. Хотелось только одного: сесть. Где угодно, хоть на минутку. Потому что не было больше сил идти, противиться ветру, проваливаться и снова вытаскивать ноги из снега. Только бы отдохнуть, только присесть бы на одно маленькое, самое маленькое мгновение.

Бочкин сел прямо на снег и сказал, что никуда больше не пойдет, потому что идти бесполезно: они заблудились, и лучше переждать буран здесь. Напрасно Шурик тряс его за плечи, напрасно тормошил. Этот красивый рослый гигант был безучастен ко всему. Он повернулся спиной к ветру и застыл в этом положении, свесив голову на грудь. Шурик в отчаянии смотрел на него и не знал, что предпринять. Бочкин сидел в полузабытьи, сон все более властно овладевал им. Шурик с ужасающей отчетливостью вдруг понял, что вот на его глазах гибнет человек, у которого еще есть сила физическая, но нет другой — духовной, что заставила бы его подняться и идти, а он, Шурик, всю жизнь мечтавший о подвиге, об исключительных обстоятельствах, стоит перед ним в нерешительности. Бочкин ведь может еще идти, может! Он просто раскис, разуверился в том, что они выйдут сами, и решил ждать помощи. Он так и сказал: «На вечерней проверке не будем — никто без нас спать не ляжет. Станут искать. Лучше сидеть и ждать — этим мы облегчим поиск...»

Сидеть и ждать... Нет, нет и нет! Да, товарищи будут искать их, и никто не ляжет спать, но если они будут сидеть и ждать, то, скорее всего, друзья най-

дут их закоченевшие тела, и то вряд ли — заметет снег.

Как, ну как заставить Бочкина подняться и идти?

Он подошел к засыпающему товарищу и, размахнувшись, залепил ему звонкую пощечину, другую, третью. Боль вывела из забытья Бочкина, разъяренный (ведь его никто никогда не бил — попробуй тронь такого), он открыл глаза и тотчас вскочил на ноги:

— Кто ударил? Ты?!

Шурик, сгибаясь под порывами ветра, смело приблизился к нему:

— Я! Давай быстрее руку, пойдем! Мы выйдем к лагерю!

Бочкин недоверчиво махнул рукой, что означало — куда, мол, тебе!

И тут Шурик вспыхнул:

— Да ты знаешь, кем я был до армии? Проводником экспедиций, вот! Понял?

Бочкин неуверенно смотрел на Шурика. Черт его знает, может, и правду говорит этот Ефимчик? Похоже, что правду. Внешность? Так она иногда обманчива. А вот то, что он не сделал ни одной попытки сесть, отдохнуть, — это факт. Значит, бывал в подобных переделках.

Буран бушевал по-прежнему. Ураганный ветер, словно злой волшебник, вырвавшийся на волю и подчинивший своей власти все эти бескрайние просторы, яростно налетал на две крошечные фигурки, затерявшиеся в степи, все еще сопротивлявшиеся разбушевавшейся стихии. Но фигурки не уступали, они упорно двигались вперед. Первая фигурка шла немного впереди, ведя другую по каким-то только ей известным ориентирам...

Обессиленных и изможденных, их подобрала одна из поисковых групп. Отогревшись и выспавшись, Бочкин вспомнил все подробности минувшей ночи и ужаснулся, поняв, какой опасности подвергался. Но очень быстро успокоился — в конце концов все обошлось хорошо.

Уже на другой день, рассказывая командиру о приключениях памятной ночи, он был прежним Бочкиным — спокойным, уверенным в себе.

— Видите ли, Ефимчик подвел. Растерялся поначалу. А ведь он до армии проводником экспедиций был. А я что? Если бы Ефимчик не растерялся...

— Ефимчик? Проводником экспедиций? — командир покачал головой. — Нет, товарищ Бочкин, вы ошибаетесь. Рядовой Ефимчик никогда в этой должности не работал. До армии он окончил среднюю школу и училище строителей. И родился в белорусской деревне. Можете не проверять — уж своих людей я хорошо знаю...

Бочкин, разинув рот от изумления, смотрел на Шурика. Шурик, сидя на табурете возле кровати, невозмутимо орудовал иглой — подшивал чистый подворотничок.

Это была его слабость — очень уж любил Шурик все чистое.

БЛОКНОТ II

Пунктирная линия. ПОВЕСТЬ ИЗ НАГРУДНОГО КАРМАНА

18 февраля. Вета

И колеса стучат, и песни звучат. Как в сотнях рассказов и повестей о жизни на колесах. И поезд мчит в неведомую даль, и в окнах мелькают деревни, леса, железнодорожные шлагбаумы на переездах.

На колесах мы живем уже двое суток. Сколько еще продлится наша езда — неизвестно. Может, неделю, может, две, а может, завтра сойдем на каком-нибудь глухом полустанке, и — здравствуйте, будни армейские!

Только написал этот абзац, как вошел старший по вагону лейтенант Саша Любич, обритый наголо, словно Фантомас, и объявил:

— Заправить койки и приготовиться к политзанятиям. Проводит майор Шишкан.

Два часа мы узнавали, что такое дружба и войсковое товарищество и как ими надо дорожить.

И опять за окном лес, снег да белые мохнатые елки.

А потом был обед, и следующие строки пишу уже после этого немаловажного в солдатской жизни события. Во время движения поезда делать записи невозможно, сильно качает, да и бумагу надо экономить.

Итак, уже начал второй блокнот, армейской жизни посвященный, как озаглавил бы мой родной «Юный романтик». Целый блокнот заполнен записями. Старался заносить свои впечатления и наблюдения регу-

лярно, каждый день, несмотря на настроение и усталость.

Новость — ездил домой на двое суток. Это было с девятого по одиннадцатое февраля. С большими трудностями, но все же, наконец, разрешили поездку. Получил отпускные документы. Поехал на автовокзал, взял билет. Было холодно, простыл.

Дома никого не было. Первой узнала племянница. Смешная девчушка-первоклашка.

— Дядя Слава приехал! Дядя Слава!

А дядя Слава стоит, нескладный, худющий, в длинной шинели, туго перетянутой ремнем с ярко начищенной пряжкой. Солдат!

Примчались родичи. Никто не ждал моего приезда. Начались расспросы. Мама даже всплакнула.

За время моего отсутствия дома ничего не изменилось. Появились только новые книги: А. Фадеев, т. 3; И. Мележ, т. 2; «Беседа» М. Светлова.

Пришел на бывшую свою работу, сел за тот же стол — и как будто никуда не уезжал, находился в командировке — длительной, по подписке. «Юный романтик» не пользовался особой популярностью у читателей, и редакция использовала командно-нажимные методы, рассылая время от времени сотрудников в качестве уполномоченных и организаторов распространения газеты.

Увидел Вету. Первое, что поразило — невообразимая синева ее огромных глаз. Буквально ослепила. Нет слов, чтобы передать эту синеву. Как это я раньше не замечал ее? Да, армия обостряет чувства и зрение.

Встречу отпраздновали в «Холмске» на шестом этаже. Собралась приятная компания: она, я, Елкин с Валея. Пообедали. Пили мало. Было просто здорово: большой зал в ресторане, белизна салфеток и скатерти, предусмотрительность официанток, безукоризненная чистота посуды. Все давно позабытое.

Договорились вечером встретиться у нее. Решил купить ей набор конфет «Свадебные». Взял такси, исколесил почти полгорода. И вот — вышел возле како-

го-то магазина на Горького и заблудился. Смешно сказать: заблудился почти в самом центре города. Был большой туман. Ждал-ждал такси — нет. В конце концов, пошел на остановку автобуса.

И, конечно же, опоздал. Приехал к ней в половине одиннадцатого. Все уже давно были в сборе. Было весело, смеялись, рассказывали забавные случаи из армейской жизни. Елкин с Валея не пришли: слушали во Дворце спорта Эдиту Пьеху.

.Я не знаю, хорошо ли то, что пишу обо всем с такими подробностями, но я решил — буду писать все, как было и как будет, ничего не преувеличивая и не преуменьшая. Дневник — мой строгий судья, и я буду откровенен с ним, как с самим собой.

Вскоре гости разошлись, и мы остались одни. Вета попросила меня помочь убрать посуду со стола. Но вместо этого я обнял Вету и начал целовать. Остальное помню очень смутно, как в тумане. Она заговорила. Говорила о том, что ей тяжело одной, а я вернусь еще нескоро, что я ее совершенно не люблю, а то с чего бы уезжал на край света. Я не выдержал:

— Как будто это от меня зависит...

Лучше бы я так не говорил. Она вспыхнула, как свеча. Упреки посыпались один за другим. И что я до сих пор не познакомил ее со своей мамой, и что вон Елкин водит свою Валу ко всем родственникам, а я нет, и что после того, как я ушел в армию, она несколько раз хотела прийти к моей маме, но всякий раз передумывала.

Я смотрел на нее и удивлялся. Она не видела меня столько времени, скоро мне нужно было уезжать в часть, отсюда предстоял путь в Пустынное Место, у меня оставались считанные дни до отъезда, и вдруг эти упреки и обиды...

Так мы тогда и разошлись. Я психовал, вскакивал и убежал за дверь. Малодушничая, снова возвращался. Она была непреклонной.

Утром следующего дня пришел к ней на работу. Это было в канун отъезда. В комнате сидела она одна. Не

поздоровался. Долго молчали. Решил быть твердым и сильным:

— Кажется, все... у нас с тобой...

Молчание.

Потом пришли Елкин с Валея. Я вызвал по телефону такси: до отъезда оставалось около часа. Начали прощаться. Елкин пожелал успехов в боевой и политической подготовке, а Валя, милая Валя, осталась верной себе: звонко поцеловала прямо в щеку. Валя всегда мне нравилась — очень чуткая и отзывчивая девушка. Каким-то шестым чувством она поняла, что мы поссорились:

— Теперь очередь Веты.

Я повернулся к ней, она засмушалась, хотела поцеловать меня в губы, но растерялась, скользнула по щеке губами и ткнулась куда-то в подбородок.

— Проводи его, Вета, — сказала Валя.

Мы вышли из огромного многоэтажного дома. Такси еще не было. Мы стояли и молчали. Наконец подкатила «Волга» с белыми шашечками по бокам.

— Ну что? Уходили комсомольцы на гражданскую войну? — повернулся я к ней.

Хотел попрощаться сухо, официально, даже руку протянул, но не выдержал, притянул к себе, обнял, поцеловал. Подбежал к такси, резко повернул ручку на себя и плюхнулся на сиденье. Пока шофер разворачивал машину, Вета стояла возле крыльца. Я открыл дверцу, помахал рукой, а потом сделал знак: в смысле — пиши! Она кивнула головой — поняла, мол.

А потом я уехал.

Сейчас пришел замполит, принес газету, кажется, «Известия». Пробегу страницы, а потом еще склонюсь над блокнотом. А может, подождать, пока поезд станет? Уж очень неудобно водить ручкой по листкам во время движения.

Приехал в часть вовремя. Попал как раз на тревогу. Тревога была учебная, вышла за шоссе, в район сосредоточения, а затем был отбой.

А на другой день в газете «На боевом посту» вышел очерк о Мелихове под заголовком «Лейтенант». А в воскресенье, накануне нашего отъезда, — еще одна статья. Аксенову понравились оба материала. Относительно второго даже позвонил в десять часов вечера по телефону из дома в казарму.

Рука устала на весу писать. Об остальном — позже.

22 февраля. Сержант Петков

Бескрайние степи. Сотни километров снежной равнины и ветер — резкий, пронизывающий. Редкие полустанки и разъезды. Снега мало, отдельные холмики подтаяли, солнце высоко, но холод страшный.

В этом климатическом поясе мне прежде никогда не приходилось бывать, и заметное расхождение во времени ощущаю впервые.

Завтра будет неделя, как мы живем на колесах. Живем — именно так.

Позавчера я дневалил. В четыре утра меня растолкал рядовой Кулак, крепко сбитый парень, в ладно пригнанной форме, и я занял его место у тумбочки. Подошел Петков:

— Не спится что-то...

Глубокая ночь, вагон спит, а тут человек не находит себе места, мается, сна — ни в одном глазу. Постепенно узнаю, что его разжаловали из сержантов в рядовые, и он сильно переживает. Ведь ему осталось служить каких-то четыре месяца. После увольнения в запас он мечтает стать педагогом, а тут, пожалуйста, разжалование.

Он ударил одного солдата — Черного. Я его тоже ударил бы. Знаю, что это не метод убеждения, и все равно не сдержался бы.

Анатолий Корнейчик, скромный, тихий солдат, показывал как-то фотографии своих друзей и подруг. Черный сказал что-то оскорбительное в адрес белокурой девушки с высокой модной прической. Портрет этой девушки Толя хранил отдельно, в военном биле-

те. Она была невестой Корнейчика, и все это знали. Толик побагровел, потом побледнел, крепко сжал кулаки, приподнялся было со своего места, но вовремя спохватился и сел, посмотрев на наглую физиономию таким взглядом, что улыбка у того намертво застыла на толстых отвисших губах.

— Товарищ солдат, — обратился к Черному сержант Петков. — Прекратите говорить так о девушке, которой вы не знаете...

Петков говорил официально, на «вы», но Черный не понял всей серьезности положения и нагло отозвался в его адрес:

— Тоже вздыхатель нашелся. Видели, ребята, а? Твоя Машка тоже небось...

И Черный цинично, грязно выругался.

Глаза у Петкова потемнели. Он не сдержался и влепил наглецу звонкую пощечину. Каждый из нас поступил бы именно так, но Петков был не просто честным парнем, умеющим постоять за честь незнакомой девушки, а и сержантом, командиром. Не сдержался...

А теперь вот мучается. Просто места не находит. То выйдет в тамбур, откроет дверь и громко поет, во весь голос, бросая слова песни на ветер, свистящий в поле, то забьется в самое последнее купе и сидит молча один, ни с кем не разговаривая, то подходит к майору Шишкану и просит перевести что-то с русского на немецкий.

В ту ночь он много со мной говорил, рассказывал о себе. Молдаванин, жил под Кишиневом. Шофер. Приглашал к себе в гости. Все спрашивал, сможет ли после этого случая быть педагогом. Я искренне сочувствовал ему: человек впервые усомнился в том, чем жил и грезил все это время. Хороший он парень, этот Петков. И командир, понижая его в звании, отметил это, обнадежив, что если он вернет утраченное доверие, то взыскание будет снято. Но не из-за сорванных лычек переживает Петков. Его беспокоит другое: получится ли из него настоящий педагог?

По-моему, получится. То же самое думает и командир. Просто Петков погорячился, забыв, что командир — тоже педагог. Это ему наука.

Я уж как-то привык к походной жизни. У нас своя кухня на платформе, во время остановок бежим за бачками, потом в вагоне делим по котелкам еду. Впервые попробовал пищу из солдатского котелка. В пути все, как в части: караул, дневальные, разводы, даже занятия: политика, защита от оружия массового поражения, боевая работа.

Завтра двадцать третье февраля, День Советской Армии. Видно, встретим в пути. Следующий праздник — Восьмое марта.

Сейчас остановка на безымянном полустанке. Мы стоим, пропускаем встречные поезда. Прилипли носами к окнам, рассматриваем скуластые лица мальчишек на станции. Один до того осмелел, что подошел к эшелону вплотную. Тимка...

Вчера Токарев популярно объяснял Мозолю, почему здесь расхождение с московским временем. Мозоль, с толстой жирной шеей, не прочитавший ни одной книжки за всю свою жизнь. Он так ничего и не понял, несмотря на все старания Токарева. Слишком для него все сложно и непонятно.

Все, что было у меня, чем снабдила Лола и что взял в вагоне у ребят, прочитано. Сейчас только и делаю, что смотрю в окно. Часами, сутками.

Снова тронулись. Писать буду позже, во время следующей остановки поезда.

Остановка. Один домишко, один сарай — это станция. Названия не знаю.

Как только приедем на место, напишу всем. Надо будет всерьез взяться за книгу. А то уж прошло четыре месяца, а у меня не более тридцати страниц.

О книге. Две главы написаны и даже опубликованы. Третья должна выйти сегодня в «Юном романтике». Надо приниматься за четвертую — «Колокольчик». Непременно.

Подумываю о том, чтобы после демобилизации поехать в сельский райком комсомола на годик-другой...

Полезно. Нужно. Можно будет сделать еще одну книгу. Но сейчас главное для меня — писать о ракетчиках. Как только приеду на место, возьмусь за четвертую главу. Обязательно напишу ее в марте.

25—27 февраля.

«Третьим пригласили истопника...»

Станция называется по имени речушки. Сюда мы приехали вчера ночью. Разгрузились. Высоко в небе светила луна. Огромная, бескрайняя степь блестела, как белоснежный потолок. Было торжественно и тихо. Даже ветер утих.

Вышли из вагона, а вокруг ни кустика, ни деревца, только справа, на горке, виднелись три домика. Это полигон.

Но нас повели не к этим красивым, с иголки, домикам, а немного левее, к мрачноватым, приземистым и продолговатым зданиям. Одно из них и есть наша казарма, наш новый дом.

Первое, что услышал на новом месте:

— Книги какие-нибудь есть?

Здесь большой голод на чтение. Библиотеки нет, газеты не приходят, радио и телевизора нет. Только кино каждый день.

То, что нас здесь ожидает, окутано глубокой тайной. Сколько пробудем в Пустынном Месте, неизвестно. Случайно узнал, что взяли с собой пилотки. Значит, захватим и кусочек лета.

Ветры и холода здесь страшные. Масса бытовых неурядиц: в спальном помещении зуб на зуб не попадает, в столовой не снимаем меховых курток и шапок-ушанок, едим из котелков, моем их в холодной воде — горячая отсутствует.

Весь вчерашний день прошел в хлопотах по устройству. Сегодня пишу эти строки в ожидании развода.

Перевели часы на местное время.

В эшелоне встречали День Советской Армии. Было

торжественное собрание в вагоне, был праздничный приказ о присвоении очередных званий.

Начал писать эти строки утром, а продолжаю в четыре дня. Ждем обеда, но его почему-то нет. Говорят, что не закипает вода. Пришел какой-то майор из местных, и сам взялся кочегарить. Очень хочется есть. Полдня печатал разные списки.

Я тут дублер оператора. Двадцать седьмого будет зачет. Я сдавать не буду, сдают только операторы. Что будем делать мы, пока не знаем.

Обеда по-прежнему нет.

Нет и газет. О «Юном романтике» и думать нечего — пока адреса у нас нет. Когда будет, трудно сказать. А как быть с Ветой? Ведь я обещал, что буду писать. Вот так сюрприз.

Сегодня в казарму приходил командир соединения. Распорядился навести идеальный порядок. Видно, после обеда возьмемся за маршфет.

Весь день светит солнце. Как-то очень даже по-весеннему. Кажется, тепло, но ветер сегодня, видно, заступлю на кухню. Наши вчера заступили. Вероятнее всего, в этом и будет состоять наш дубляж. Наряды, и больше ничего. Хотя бы появилась возможность увидеть то серьезное дело, ради которого мы приехали. Хотя бы одним глазком посмотреть на все это. Вот смешно будет, если все время проведу в нарядах и ничего не увижу.

* * *

Февраль приближается к концу. Все заметнее приметы весны. И хотя дует резкий, пронизывающий ветер, зато днем все больше пригревает солнце. Особенно где-нибудь в затишье. Совсем как весной.

Вчера был в наряде. На кухне. Кухни полевые, стоят прямо во дворе, и их надо растапливать в полночь. Помещение столовой холодное, воду для мытья посуды надо греть во дворе на морозе, а саму воду привозят откуда-то из-за дальних сопков. Дрова надо пилить.

Дежурным по кухне был старший сержант Швакель, рослый двадцатилетний парень из Лесной Страны, мой зема, единственный в подразделении человек, носящий сапоги сорок шестого размера. До призыва в армию поступал в военно-морское училище, но не прошел по конкурсу. Несколько дней командовал нами в карантине. Он подошел ко мне:

— Куда тебя поставить?

— А что есть?

— Истопники, посудомойщики, рабочие по залу, варочному цеху.

У меня загорелись глаза:

— Давай истопником!

Видно, вспомнилась коронная песня Елкина, которую он исполнял с неизменным успехом на наших веселых дружеских «ассамблеях».

Швакель ухмыльнулся. Смысл этой ухмылки я понял только тогда, когда узнал, что такое истопник в полевых условиях. А на разводе суточного наряда обиделся — он назначил меня в варочный цех.

Истопники встают в час ночи, заготавливают дрова — пилят их, рубят, растапливают кухни, моют котлы. И все это во дворе, на сорокаградусном морозе. А варочный — он только так называется. На самом деле варят во дворе. В общем, без дела не сидел. Это до обеда. А после обеда пришлось переквалифицироваться в истопника — так решил заведующий столовой. Да, нелегко солдатский хлеб. Петь под гитару об истопнике гораздо легче, чем побыть им хотя бы один день.

Видно, что-то с Тимкой случилось. Видел сон, будто мы помирились с Лидой, будто я обнимаю и целую ее, а времени у меня нет: вот-вот должен отойти поезд. И Тимка куда-то запропастился: был рядом и вдруг куда-то исчез. И будто бы я говорил Лиде, что Тимка ни в чем не виноват, что я отправил ей справку. А она утверждает, что не получила, что по старому адресу уже не живет.

Проснулся в тягостном настроении. Так расстроился, что слов нет. А вечером под впечатлением написал ей письмо, чтобы прислала мне его фото.

Сегодня наши сдают зачет на получение техники, а я дублер и заступаю снова в наряд. И опять на кухню. Это мой родной старшина Ченцов постарался.

Легко он на помине — командует построение. День только начинается.

А вот и продолжение. Сижу сейчас в офицерском корпусе и смотрю на лист фанеры, из которого мне нужно сделать щит для боевых листков. Кисточки нет, красок тоже, линейки тоже нет — что хочешь, то и делай.

Очень болит голова. Здесь, в Пустынном Месте, у меня сильные головные боли. Особенно по утрам. И еще — непрерывно хочется есть. Питание отвратительное. В буфет сходить, что ли?

О письмах. Написал маме, родственникам и длиннющее — Вете. Почту нам доставляют на вертолетах, аэросанях, так что ответа придется ждать довольно долго.

Ехал сюда, думал написать четвертую главу. Ничего не получается, не только нет времени, но и условий. Там, в Боровске, хоть место можно было найти, а здесь его не сыщешь. Даже обдумать некогда, сплошные наряды. До того устаешь, что просто ужас. Неустроенность. А еще о «Факеле», молодежном журнале, думал. Может, в воскресенье можно будет?

И вообще думать нужно только о книге. Искать сюжеты, ходы. Обязательно.

Итак, четвертая глава. О моральном перевооружении армии, о человеке, которого она закалила.

28 февраля — 6 марта. Офицерский денщик

Завтра первое марта, первый день весны. Наконец-то!

Я в офицерском корпусе. Дневалю. Есть свои прелюбительности: больше времени и можно кое-что написать для себя.

Но в первый день не повезло. Пришел командир соединения и приказал навести порядок в корпусе. Наводили. До обеда. Наведение заключалось в основном в мытье полов.

Ночь спал плохо. Полночи провел не раздеваясь в кровати, а с трех сидя. Ужасно болит голова.

Вчера сдавали зачет на допуск к технике. Мы, дублеры, завалили все, за исключением Похольчика. И то он скрыл, что майского призыва, и получил троечку за рабоче-крестьянское происхождение.

А граф Потоцкий утаил, что окончил физмат пединститута. Сказал — десять классов. Но и это не помогло — двойка!

Какое очковтирательство! Комбат вспылил, когда узнал, что я сказал правду о своем образовании. Капитан, принимавший зачет, все удивлялся: как это меня, не знавшего физику, приняли в университет? Как ни втолковывал, что я окончил гуманитарный факультет, так до него и не дошло.

— Ну хорошо, но ведь математику-то вы изучали? — в конце спросил он.

Мое представление о способностях среднего офицера сильно пошатнулось.

Расстроился, что не сдал зачет, но потом, узнав, что некоторые офицеры-кадровики сдали на двойки, успокоился. Ведь я изучаю боевую технику, по сути, всего полтора месяца. И та система преподавания, которой придерживается начальник станции Лискин, или Лисичкин, как окрестили его солдаты, несколько спорна. Так что расстраиваться нечего. Тем более что только один человек из дивизиона сдал на отлично — ефрейтор Имамов. Но он окончил учебку, был на переучивании, считай, изучал все это почти девять месяцев. А я?

Кажется, окончательно вырисовывается сюжет четвертой главы книги. Вчера даже написал заголовок. Буду писать о Карпиновиче. Нелегка судьба этого парнишки. Он сирота, а у него еще брат и сестра, которых он содержит. Солдаты посмеиваются: кому это он деньги переводит?.. А когда узнали, подарки начали посылать, поддерживать сестренку и братишку солдата. Это рассказ о горячности, категоричности суждений, свойственных юности, об умении глубоко вникать во внутренний мир человека, об индивидуальности.

стях в коллективе и их взаимоотношениях, о качествах, глубоко скрытых в нас, но которые мы почему-то прячем под маской бравады и наплевательства.

* * *

В офицерском корпусе был трое суток. С одной стороны, хорошо, с другой, плохо. Плохо то, что надо убирать за офицерами. Они сидят или лежат, а мне приходится подбирать мусор. Сам себя ненавижу.

Но чем только не поступишься ради творчества. Зато написал четвертую главу. Получилась вроде неплохо. Вчера дописывал в карауле.

В офицерском корпусе чуть не схватил сутки. Пристал капитан Калашников из первого дивизиона. Он раньше служил в дисбате. Не знаю, может, еще доложит Кошелькову. Такой может.

Там есть один дневальный. Странный паренек. Прихрамывает, лебезит, старается угодить всем и каждому. Напоминает Карпушина из родного «Юного романтика». Из-за него весь сыр-бор и разгорелся. В общем, я завтракал, а он пристал, чтобы я убирал в умывальной комнате. Ну, я не сдержался и послал его... А Калашников услышал.

Расстроился по-страшному. Более того, он приказал доложить комбату. А я не доложил. Ах, какой я нехороший.

Там есть такой офицер — Данильцев. Кандидат технических наук. Очень интересный человек. Работал в горкоме комсомола, потом начальником цеха. Сейчас призвали в армию. Держится немного особняком. Но это понятно. Независим и горд. Проболтал с ним часа два. Эрудирован.

Отправил письма Елкину, Вете и матери. Вчера отправил еще одно письмо Вете. Не знаю, дойдут ли они, и получу ли я ответ. Больше писать никому не буду, надо ждать ответа.

Наши перегнали технику, и сегодня начинается приемка. Продлится два дня. А я дублер и попал в постоянный караул — через день — охранять получен-

ную технику. Площадка открытая, холодно, ветер сбивает с ног. Не мед.

Но — скоро весна. Вот-вот должно потеплеть. Скоро должны зарядить дожди.

Видно, буду писать пятую главу «Письмо матери». Герой — Субботин, мечущийся человек, один сын в семье, учился в институте, потом бросил его, попал в армию. О том, как армия переломала его, перемолола, научила любить жизнь и людей. Иногда мы даже забываем о простых земных вещах. Армия возвращает нас к действительности.

В карауле здесь хорошо. Маленький кирпичный домик, печурка, которую мы топим, предварительно заготовив дрова. Их мы везем с собой в машине, и пилу, и топор. И едим там из котелков. И спим на одном топчане — широченном, на шесть человек. Начкаром ходит Субботин. Караул здесь начинается с трех дня, не так, как в Боровске, — с семи. Никто не проверяет, всего два поста, два автомата. В общем неплохо. Гораздо лучше, чем на кухне и даже в офицерском корпусе. Плохо только то, что нет чтива.

Сегодня четвертое. Пятый месяц службы! Время бежит неумолимо быстро.

* * *

И сегодня снова в караул. Видно, это будет постоянно. Собственно, это даже неплохо, никто не *кантует*. Только вот плоховато, что Кошельков сказал, чтобы с утра ходили на площадку на занятия, хотя бы на два часа. А это довольно далековато, и до заступления в караул не успею отдохнуть. А так в принципе хорошо.

И вообще теперь с каждым днем все теплее и теплее. Днем совсем по-весеннему. Солнце греет вовсю, и снег становится рыхлым и мягким. А так он жесткий, сбитый в глыбы, не пушистый и мягкий, как у нас, в Лесной Стороне.

Передали письмо из «Боевого поста». Пишет на-

чальник отдела культуры и быта. Просит дать материал о младших специалистах тыла, об учениях и т. д. Но у нас по-прежнему нет адреса. Правда, вчера говорили, что остаемся здесь до июля, а если так, то должны дать адрес. Поговорю сегодня с Шишканом, посоветуюсь. А может, написать очерк, веселый и интересный, о поваре? Видно, так и сделаю.

Пятую главу пока вынашиваю. Что-то типа «Письма матери». Напишу, а потом буду думать о записках для «Факела». Для «Юного романтика» уже достаточно. И так там лежат два моих материала, и третий уже готов. И как только дадут адрес, отправлю его в редакцию.

А если и в самом деле останемся здесь до июля? Это даже хорошо, плохо только то, что писать буду меньше.

Странное дело: до демобилизации еще больше чем полгода, а я все упорнее думаю о том, как жить после армии. С Ветой, видно, у меня все кончено. Слишком она рассудочная и холодная и, кажется, не испытывает ко мне никаких чувств. Насчет чувств это абсолютно точно.

Кончаю. Пришел Шишкан и начал политинформацию. Господи, где они берут таких политработников? Это же пытка настоящая.

7 марта. Лида и Тимка

Только что пришел с поста, сел у теплой, жарко натопленной печурки и блаженствую. Очень холодно, дует сильный северный ветер, а мы без валенок. Отогреваюсь.

Наконец стало ясно: мы здесь остаемся до конца июня. Не знаю, радоваться или огорчаться. Значит, вернемся в Лесную Сторону и сразу же на курсы. А там и домой.

Завтра Восьмое марта. В прошлом году я только что приехал из дома отдыха. Помню вечер, дома в туманной дымке, хрустящий ледок под ногами. Тогда мы

ходили с Ветой по окраинным улочкам и говорили, говорили...

Потрескивают дрова, которые мы сами привезли в караулку, языки пламени лижут сухие поленья. Задумался начальник караула сержант Кутяков. Отдыхающая смена спит здесь же, на широком топчане, в теплых костюмах с капюшонами, неуклюжие, как медведи. Я в бодрствующей смене и сижу возле печурки, изредка подкидывая в огонь поленья.

Полночь. За стеной свищет ветер. В степи неистовствует буран.

...Я подарил ей библиотечку избранной советской лирики — тоненькие сборнички стихов лучших советских поэтов. Я охотился за ними по всем книжным магазинам, писал друзьям в другие города и поселки. И собрал почти все, что вышло из печати. Я нес этот подарок с гордостью, представляя, как удивится и обрадуется моя Вета.

Но ожидание обмануло меня. Она сделала вид, что приятно поражена подарком, но я все же заметил, как она обидчиво поджала губы. У нее хватило такта не высказать вслух то, что думает, но все-таки она выдала себя, сказав нарочито равнодушным тоном:

— А Елкин подарил Вале импортные туфли. Знаешь, такие моднющие, с утолщенным каблуком.

Сказала и испытующе посмотрела на меня.

Мне стало не по себе.

Мы часто ссорились с ней. Даже по пустякам. Сколько раз я зарекался, что это все, что больше звонить ей не буду, а в случае встречи надо держаться сухо и официально, но принятого решения хватало от силы на два дня. Все-таки я был, несмотря на свои двадцать, обыкновенным мальчишкой: неуравновешенным и слабозвольным.

Беда в том, что рассудком я понимал разность наших характеров и взглядов на жизнь, но с сердцем ничего не мог поделать. Это называется так: не умел управлять собой, своими чувствами.

Как-то она назвала «дурехой» одну свою знакомую. Та продала кооперативную квартиру и купила... моторную лодку. Несколько лет подряд колесила ее знакомая на своей «РА» по славянским рекам, а потом блестяще защитила кандидатскую диссертацию о развитии рыбных промыслов в Лесной Стороне.

— Да, выбиваются в люди, — сказала она, услышав об этом.

Что вспоминать? Таких примеров можно привести десятки.

Вот хотя бы последний: мой отъезд на «край света». И здесь она подумала прежде о себе, а потом уже обо мне. Видите ли, останься я возле дома, мы могли бы чаще встречаться — меня бы отпустили в увольнение.

Начал писать в караульном помещении, а заканчиваю в казарме. Здесь как-то непривычно тихо. Кто сидит молча, вспоминая матерей, школьных подруг, невест, кто перебирает страницы солдатских альбомов, снова всматриваясь в родные лица. Далековато они от нас.

Очень грустно солдатам без вас, родные!

Писем от Веты по-прежнему нет.

В позапрошлом году у нас был маленький редакционный сабантуй, а потом подвыпивший редакционный гений повез нас доставать Хемингуэя в подписной магазин и, конечно же, не достал. А потом я поехал домой и на остановке увидел Лиду с ее братом. Они собрались покупать подарки и несколько раз звонили мне на работу. Потом мы втроем поехали в ЦУМ, ходили по отделам. Было шумно и празднично, мы покупали подарки всем — Лиде, Жешке, теще, Сашику.

А на Восьмое марта прибыл грозный тесть.

Все это было.

В прошлом году мне было больно, очень больно... Собственно, и вспоминать не стоит, не надо.

А в нынешнем году? Пустынное Место, кругом безлюдье, ветер воеет, караульное помещение. Завтра сно-

ва заступаю в караул. Говорят, сегодня будет фильм. Вот и все развлечение.

Написал было Лиде письмо, чтобы прислала фотографию Тимки, но потом передумал и разорвал конверт. Еще подумает, что скрываюсь от нее, не даю адреса. Ведь она не поймет, что такое «до востребования» в наших условиях. А может, все-таки написать?

Скоро Тимке будет два года. Хотя бы одним глазом посмотреть на него. Ведь тогда ему было всего три месяца.

9 марта. Секретная женщина

Прошел еще один праздник. Следующий — первого апреля. Далековато.

Наконец-то нам дали адрес. Написал позавчера пять писем сразу. Матери, Вете, остальные деловые.

Сегодня тоже буду писать. Напишу все же Лиде. Попрошу прислать фотографию Тимки. Он уже, видно, совсем большой стал. Ходит, разговаривает. Не могу представить!..

Сегодня в шесть вечера баня. Это очень здорово, потому что скоро месяц, как я не мылся. Баня будет в жилом поселке. Там живут заводчики и среди них есть секретные женщины. Однажды я там был. Сопровождал секретную почту — женщину, от которой не отставал ни на шаг. С автоматом, естественно. Домов десять, не больше. Одни военные и их жены. Городок в степи. Он очень неожиданно вырисовывается в степи, встает перед глазами словно мираж: современные трехэтажные дома, магазин, гостиница, почта. Там знают друг друга все без исключения. Но хорошенько рассмотреть городок я не успел: слишком мало было времени.

Погода не улучшается, и на весну не похоже что-то. Казах Турсенов считает, что снег продержится до апреля. Скорее бы уже весна. Так надоели холода.

А так пока все без изменений. По-прежнему моя участь — караулы. Сегодня наши совершают марш. На следующей неделе стрельбы.

Говорят, что оба наши дивизиона будут обслуживать этот полигон, что на подходе к нам части из других военных округов. Они будут стрелять с наших пусковых, а мы будем загорать.

Окружная газета здесь «Отвага». Год выхода первый. Из нее узнал, что на территории Лесносторонского военного округа в марте запланированы крупные учения «Река», а здесь, в Пустынном Месте, под кодовым названием «Тюльпан», цель которых отработка взаимодействия штабов родов войск. Но мы, очевидно, участия принимать не будем ни в одном из этих учений.

А впрочем, жизнь покажет.

* * *

Пришел Шишкан и принес газеты — «Комсомолку», «Известия», «Красную звезду». Во всех газетах пишут об учениях «Река», начавшихся в Лесной Стороне. Приехали видные военачальники. Судя по газетным материалам, «Река» — нечто грандиозное. Главная особенность в том, что эти учения проходят весной. В Лесной Стороне сейчас дожди и распутица.

А у нас? У нас ожидается похолодание до минус двадцати пяти. Представляю, если плюс к этому ветер.

Отпечатал четвертую главу — «Колокольчик». На днях отправлю в редакцию. Получилось многовато — почти тридцать страниц убористого текста. На днях возьмусь за пятую. Что-то типа «Третий планшет».

Что у нас нового? Вчера был развод, на котором Барков получил десять суток и Галстян тоже. Сержанта Пилипенко разжаловали. Это уже второй случай. Первый — с Петковым. Петков сейчас на гауптвахте, а она здесь очень строгая.

Сегодня третья батарея совершала марш, а вторая продолжала облет самолетов. На следующей неделе будут стрельбы, а потом переходим на другую площадку, вернее, перегоняем туда технику. Это в двадцати

восьми километрах. Там будет наш караул. Он сам готовит себе пищу, как на зимовке. Может, и я попаду? Сегодня уже одиннадцатое, а я по-прежнему хожу в караулы, только через день с утра попадаем на технику. Техника очень сложная, и есть масса интересных наблюдений.

Писем по-прежнему нет, и я уже начал тосковать без них. Первые должны прийти где-то после двадцатого марта. Еще долго ждать.

Что-то очень болит голова сегодня. Видно, много спал в душном, непрветриваемом караульном помещении. Там тесно, спертый воздух, печка пышет жаром, и потому, наверно, сильные головные боли.

Стараюсь думать о полевых сумках, и только о них.

Запечатал бандерольку и договорился с Шишканом, что он отправит завтра утром. В карауле начал писать о полевой сумке, получилось шире задуманной темы, а написано только начало. Видно, отправлю в «Юный романтик». Спешить не надо, до конца месяца еще есть время.

По-прежнему в карауле. Сейчас будем меняться не в три, а в шесть. Это значительно хуже, потому что будет меньше времени, и до обеда будем или учиться, или работать. А до этого ходили на технику только на полтора часа.

В Лесной Стороне идут учения. «Северные» сражаются с «южными». Войска десантируются с самолетов, в том числе и ракетчиками. Захватывающие картины.

А больше новостей нет. Все по-старому, все по-прежнему. Стоять на посту ночью — хуже не придумаешь. Сегодня была на удивление хорошая погода. Два года назад в это время я взял отпуск для защиты дипломной. А сейчас — в армии. Еще долго до конца — семь месяцев и семнадцать дней. Долго, ох, как долго.

Писем нет. И это угнетает. Завтра попрошу Шишкана, чтобы узнал на почте насчет «до востребования».

16 марта. Майор Нарывный

Все идет по-старому, караул бессменный. Бандероль никак не отправлю. Не могу поймать Шишкана.

Новость — приехал майор Нарывный, заместитель командира части. Будет принимать у нас Ленинский зачет. Сразу начались строгости. Сегодня на подъем пришли оба кадэ.

О Нарывном. Солдатская молва характеризует его так. Он был замом в той части, которая убыла в одну из групп войск. У нас был Маклаков. Я его плохо знаю, почти не запомнил, но он был колоритной личностью, во всяком случае, новым назначением был недоволен, так как собирался в академию. Теперь он уже подполковник. Выходит, Нарывного перевели в нашу часть неспроста: видно, по каким-то параметрам он не подходил для заграники.

Ходят слухи, что нас переведут куда-нибудь за границу. Но это только слухи и ничего больше.

Спрашивали у Нарывного, сколько здесь пробудем. Ответил оригинально: «На то и в армии, чтобы не знать».

Окончательно вырисовался сюжет очерка «Баллада о полевой сумке». То начало о нивелировании — три новеллки — забраковал и уничтожил вступление, написанное в карауле. Не надо обобщать, лучше писать об одном, нетипичном, факте.

Писем по-прежнему нет. Очень жду. Скоро переедем на другую площадку — на этой неделе будут стрельбы. Там будем жить в полевых условиях, лагерь.

В Лесной Стороне продолжают учения. Все газеты пишут о них, особенно «Красная звезда». В одной из операций участвуют около тысячи танков. Здорово!

Сегодня баня — перед заступлением в караул.

Началась вторая половина марта.

Приехал Аксенов. Он уже полковник. Поздравил с присвоением звания. Держится суховато. Неужели так быстро меняются люди?

Писем по-прежнему нет. Что бы это значило? Наконец-то начал писать «Полевую сумку».

Ну почему нет писем? Просил и Мелихова, и Шишкана. Нет.

В карауле. Сегодня пошел первый дождь. Дует сильный ветер. Уже четвертый час, а обеда нет. Есть хочу, не могу.

Снег сошел почти за одну ночь. Был сильный дождь. Сейчас туман и все вокруг развезло. Сдали на склад теплые меховые куртки, перешли на шинели. На улице тепло и влажно. Погода напоминает ту, ноябрьскую, когда меня призывали в армию.

Время бежит быстро и в то же время тянется, как обоз в гору. Вот уже пять месяцев, как я ношу солдатскую шинель. Все чаще и чаще думаю о том, как буду жить после увольнения в запас.

Армия много мне дала. И прежде всего, научила ценить время, дорожить им. Я представил, сколько можно было бы сделать на «гражданке»! Заняться иностранным языком, философией, еще — ходить в театр, слушать музыку — ведь я полнейший профан в искусстве. Так, одни вершки. Да мало ли неизведанного в мире!

А спорт? Смешно вспомнить, как беспомощно висел на перекладине, пытаюсь сделать подъем переворотом. Куда там подъем переворотом! Поднести ноги к перекладине не мог. Больше двух-трех раз не подтягивался.

До армии был уверен: все познано, все испытано. Смотрел с этакой усмешечкой: мол, все это было.

Не полной жизнью жили вы, Вячеслав Сергеевич. Больше того, однобокой. Никогда даже и не предполагал, что после часа физической подготовки чувствуешь себя так здорово. Напрасно все-таки я игнорировал спорт.

Решено: вернуться домой, начну жить по-новому. Куплю спортивный костюм, лыжи. Зимой буду совершать пяти- и десятикилометровые прогулки.

Летом — бегать трехкилометровые кроссы, чаще выезжать за город.

Правду говорят: чтобы по достоинству оценить что-то, сначала это что-то надо потерять. А ведь я знал многих ребят, которые бесцельно проводят время. Кроме городской, другой жизни они не видели, да и общаются только с такими, как сами, затем делают вывод, что все живут точно так же, как и они. Уверен: самое лучшее средство их прозрения — уехать хотя бы на некоторое время из дому, от нежных, заботливых мам и пап, пожить одному самостоятельно. Только тогда поймут они цену времени, научатся дорожить всем, что дано, что рядом, что казалось обычным и привычным.

Даже одержимым опасно долго засиживаться на одном месте — засосет обывательская тряпина. Посмотришь однажды — и нет человека в высоком понимании этого слова, есть существо, заботящееся только о себе, о своем благополучии, о своем домике, о своем садике.

Нет, я не за летунов. Я — за постоянный поиск, за вечное недовольство собой и своими успехами.

О письмах: от Веты по-прежнему ничего нет. Отправил ей около десятка писем, но ответа так и не получил.

Почему я много думаю о ней? Одному всегда трудно, особенно в армии. Хочется, чтобы «кто-то» был в том далеком «гражданском» мире и чтобы этот «кто-то» ждал тебя. Солдату нужно знать: его ждут.

Читаешь иногда в газетах и журналах материалы о нашей армейской жизни, и обидно становится за своего брата-солдата. Уж так его изображают, что просто смешно становится: не солдат, а ходячее пособие для изучающих уставы. Солдат — живой человек, он так же, как все, думает, переживает, страдает, даже острее и болезненнее, чем другие. От настроения солдата зависят и его успехи в овладении боевой техникой, и

показатели в боевой и политической подготовке — все то, из чего складывается одно емкое понятие — обороноспособность страны.

Третья батарея уже отстрелялась. Отлично. Стреляли по радиоуправляемому макету самолета. Скоро очередь других. А сейчас погода облачная, так что неизвестно, когда подойдет наш черед.

Сегодня строевой смотр и сдача Ленинского зачета по политподготовке. Принимать будет сам Аксенов.

Вчера я у него спрашивал, долго ли будем здесь. Говорит, что до конца июня.

Работа над «Балладой» идет полным ходом. Пишу, не торопясь, понемножку, не на одном дыхании. К концу месяца должен сделать.

По-прежнему не вылезая из караула. Теперь, в связи с облачностью, выполнение боевой задачи в мирное время, то есть несение караульной службы. Это будет до тех пор, пока не установится холодная погода и не появится возможность стрелять.

Итак, «Баллада», «Баллада», «Баллада»!

И вообще это нарушение моего правила — вести подробные записи в то время, когда пишется книга.

* * *

Вчера утром пришло начальство на развод. Смотрю: стоит Шишкан и машет голубыми конвертами. Мне. Из незабвенного «Юного романтика». В номере за двадцать второе февраля, праздничном, посвященном Дню Советской Армии, очерк о Мелихове. Правда, сильно сокращен. Собственно, это даже не сокращение, а выхолащивание всего острого, живого. Кому нужно подобное препарирование?

Понимаю, очерк большой, ведь я пишу их из расчета на книгу, и в газетные рамки он не вмещается. Но почему ушло все самое нетрадиционное, а осталось ходульное, слова-штампы и образы-штампы? А может, правду об армии писать не принято? Может, и дальнейшие главы делать сладко-сиропными, умирительно-трогательными?

И еще расстроился от того, что до сих пор не вышел самый первый материал «Я солдат, мама». Он уже устарел для газеты — там первые впечатления о службе, первый снег, первый поход. Лирики, видно, много. Непривычно для материалов об армии. Узнаю родного «Юного романтика».

Но ничего. Приеду домой, буду готовить книгу и доработаю первую главу. Заменю заголовок, переделаю первое письмо. Сделаю его от матери, переделаю новеллу о ракетчике Кулаке. И все будет нормально.

Так что нечего расстраиваться. Все идет по плану. Газетный вариант — это так, ради апробации.

Надо продолжать пятую главу — «Балладу», но совсем нет времени. К вечеру так устаю, что замертво падаю в кровать и засыпаю мгновенно. В караул вчера не пошел. До обеда работали на артскладе, а после на технике, включали высокое напряжение. Остается одна надежда — воскресенье. Но опять упорно говорят, что, как и в прошлый раз, будет рабочий день.

А личных писем нет. Адрес подписан почерком Зинули. Ну, хотя бы пару строчек черкнула. Ни буквочки. Ладно, Вета не пишет, но мать! Почему от нее нет письма? Неужто не дошли мои?

Похолодало: с утра морозец, грязь подмерзла, превратилась в звонкие комья.

* * *

Вчера получил письмо от матери. Радость. Пишет, что у них тепло, тает снег. А у нас, наоборот, похолодание.

В караул уже не хожу. Учусь на станции обнаружения противника и наведения ракет. Оказывается, я дублер командира отделения. Он уезжает в мае, мне предстоит его заменить.

Сегодня сдавали проверку по строевой и первый норматив по защите от оружия массового поражения. Завтра, видно, будет политподготовка.

Было мало времени, и писал немного. Осталась последняя, заключительная часть. И глава будет готова. Но вот беда — нет бумаги, чтобы отпечатать. Пишу в помятом блокноте.

Повременю денек-другой, потом допишу. Не следует торопиться. Просто удивительно, как это я раньше писал по шесть—семь часов подряд.

В пятницу у нас боевые стрельбы, и комбат обещал взять с собой. Это очень интересно, тем более что такой возможности больше не представится: стрельбы бывают не так часто. А осенью заканчивается моя служба. Комбат, пребывая в хорошем настроении, обещал отпустить к Октябрьским праздникам.

Аксенов завтра уезжает в Боровск, у него отпуск. А мы здесь проторчим до конца июня. Это уже точно. Сейчас наступил период грязи. Быстрее бы его пережить. Так надоело, что сил нет.

От Веты ничего нет по-прежнему. Не могу представить, что случилось. Неужели не дошли письма?

Ну что ж, нет и не надо. Писать больше ей не буду, пока не ответит на ранее посланные.

23—27 марта. Старшина Галанин

Наконец закончил вчера пятую главу. Окончательно вырисовался заголовок — «Старая полевая сумка». Отправлю в родной «Юный романтик». Осталось только отпечатать.

Писем по-прежнему нет. Скорее всего, Вета решила не писать. Иногда подмывает сочинить что-нибудь очень резкое и сжечь этим все мосты. Но надежда берет верх: а вдруг ее письмо еще придет? Вон и Мелихов говорит, что написал восемь писем, жена не получила ни одного и с тревогой спрашивает, почему он молчит. Может, и мои не дошли? Но почему тогда дошли до матери?

Снова похолодало, солнце спряталось. Ветер и мороз. Говорят, такая погода продлится до конца марта.

Сдаем проверку и готовимся к кроссу на тысячу метров, который будет принимать Нарывный. Пробежал эту дистанцию дважды, в норматив уложился, но весь выдохся. И — не выдержал: пошел в санчасть и взял освобождение. Смалодушничал.

Грязь здесь очень липкая и топкая, было тяжело бежать. Сапожищи — пудовые.

В караулы и наряды сейчас не хожу. Учусь на технике. Нас двое: я и Похольчик. Саня удивительно трудолюбивый парнишка, он мой зема, из Лесной Стороны, тоже салага и тоже дублер. Операторы вот-вот убывают назад, в Боровск, им предстоит увольнение весной этого года, и их сразу же после стрельб увозят домой. Ну, а мы должны их заменить. Потому нас усиленно натаскивают.

Завтра перегоняем технику на новую площадку, а в пятницу боевые стрельбы. Комбат обещал взять с собой.

Вчера видел пустынноместного суслика. Грязный и мокрый, дрожал и грелся на слабом солнышке. Вылезают уже из норок. Старшина Галанин смеется:

— Ведра четыре зальешь в нору, и они выползают. Покоробило.

* * *

Стрельбы. Утром поднялись рано и сразу в столовую. Поехали на первую площадку. Заняли боевой порядок. Ракеты на пусковых. Станция в готовности.

Подвела погода. Пошел дождь, и стрельбы отложили до тридцать первого марта. Собственно, наш комплекс всепогодный, но там стоят фотоэлементы, и при скверной погоде они плохо снимают. А снимать надо — наши пуски боевых ракет экспериментальные, как экспериментальный и наш комплекс.

О новостях. Во-первых, Аверьянова, видно, комиссуют. Вчера он ремонтировал электропечку в караульном помещении на веранде и взялся за оголенный провод. Его тут же скрючило, пошла изо рта пена, обжег пальцы, а два из них совсем не действуют.

Во-вторых, была неприятная история с сержантом Мухряковым из первого дивизиона. Нагл и циничен до невероятности.

В-третьих, пришло письмо от матери. Ответ на мое, отправленное 8 марта. От Веты вестей нет. Значит, она получила мои письма, и отвечать принципиально не хочет. Отсюда, из Пустынного Места, я отправил ей три письма и из Боровска два, а в ответ ни одного. Выходит, решила порвать окончательно? Что ж, чему быть, того не миновать. Рвать так рвать, решительно и бесповоротно. В первый ли раз мне терять?

Все. О ней больше ни слова.

30 марта. Сержант Мухряков

Новость — послезавтра в Боровск уезжают *старушки*. Уезжают и операторы. Так что мы остаемся основными номерами.

Вчера подготовил бандерольку — наконец-то осилил эпопею о полевой сумке. Теперь буду думать над шестой главой — «На отдаленном посту». Срок исполнения — апрель.

Погода опять неблагоприятная — дожди, и стрельбы, запланированные на вторник, снова, видно, не состоятся.

Получил два объемистых пакета с «Юным романтиком». И опять ни строчки. Написал Зинуле, чтобы газету присылала по этому адресу.

Был разговор с Войтковым, командиром первого дивизиона, о поведении сержанта Мухрякова. Командир обещал ему пятнадцать суток ареста (а здешняя гауптвахта не то что у нас, в Лесной Стороне, о ее порядках мы хорошо наслышаны) и публичное извинение перед строем дивизиона. Спросил, буду ли я удовлетворен этими мерами. Сказал, что да, ибо разжаловать его нет смысла, у него нет подчиненных, он механик-водитель.

Это — о Мухрякове. Все-таки я не простил ему.

И вообще чувствую, что с каждым днем ожесточаюсь все больше и больше.

Так и должно быть. Хватит непротивления злу. Мир суров и жесток.

Март подходит к концу. Остается двадцать восемь недель, двадцать восемь воскресений, двадцать восемь понедельников.

Сегодня Тимке год и восемь месяцев. Фотографии его нет. Пришлют или нет?

У нас здесь есть заводчицы. И ничего среди них попадают. Но наша форма... Они на нас даже и не смотрят — шинель да сапоги. Хотя солдаты и офицеры об этих заводчицах разное говорят. Черт его знает, может, весна, что ли, действует? Вот и о женщинах стал думать.

Позавчера выступал майор Нарывный, начальник наших лагерных сборов. Рассказывал о Чужедальной Стране, он был там советским военным советником. Речь вялая, не умеет выделить главное, но факты интересные.

2 апреля. Старшина Ченцов

Сегодня ровно пять месяцев, как я ношу армейскую шинель. Финиш все ближе и ближе.

Вчера был пуск ракеты. Видел сам. После обеда, вдоволь наговорившись, снова приехали на площадку. Это примерно в тридцати километрах от нашего расположения.

Пришли на стартовую площадку, вдруг бежит Карманов:

— Станцию в походное положение. Быстро!

А мы с Похольчиком остались вдвоем. Мы теперь основные номера, нас усиленно натаскивают, и мы даже в наряды не ходим. Ну и помчались. В первый раз на станции ехал — здорово!

Прискакали, заняли боевое положение. Пусковые с ракетами. Стреляли по радиуправляемому макету самолета. Попали! Первой же ракетой!

Как в кино. Сначала огонь показался в хвосте, потом клубами повалил дым, тело ракеты задрожало, на

высоте три километра отлетели ПРД и — взрыв! Отстрелялись на отлично.

А вот вторая батарея промазала. Я видел, как это было. Ракета взорвалась приблизительно в семи километрах от цели. Они стреляли по уголкам. Неизвестно, кто виноват, пусковая или станция.

А у наших отличное настроение. Оно улучшилось еще больше, когда узнали, что третьего апреля будем еще стрелять.

Сегодня отличнейшая погода. Ветра нет, светит солнце. Мы сидим в столовой на политзанятиях и говорим о Первой мировой войне.

Вчера старики уехали в Боровск, а мы остались. Так я стал оператором станции. Дублирование кончилось.

Зинуля присылает «Юный романтик», а подписывает заместитель Поддубный. Газета изменилась, стала сухой и официальной. Нечего читать. Интересно, где редактор? Опять за границей?

Пора уже браться за шестую главу. Не найду хода, мучаюсь.

От Веты ни слова. Ну и как хочет. Правда, думаю я о ней довольно часто, чаще, чем следовало бы. Но писать ей больше не буду. Не хочет отвечать, не надо.

Очень тоскливо без писем. Однако ничего не поделаешь. Терпи, солдат.

Следующий праздник — пятнадцатого апреля. Приказ об увольнении в запас — это скоро коснется и меня. Остается 208 дней.

Ченцов, наш старшина, уже уехал. Даже дал мне свой адрес. И Субботин уехал — жаль, хороший парень. А Ченцов, скотина, столько нервов попортил, сколько раз настроение поганил. А перед отъездом — ну, друг, прощай...

После их отъезда перетрясут штаты. За старшину теперь Миляр, вроде ничего парень. Сержанты в батарее вроде бы все ничего, за исключением Мозоля. Жадный, наглый, грубый, здоровый. Свинья в шинели. Чувствую: столкнемся, хотя и сдерживаю себя.

Сейчас политзанятия заканчиваются, и снова поедем на площадку. Снова пыль, степь, дорога.

Ничего, уже апрель.

4 апреля. Ефрейтор Эмбаев

Пишу в карауле. Только что пришел с поста. Тепло, хотя и сильный ветер. Сухо, сапоги в белой пыли. Пришел, а на окне письмо — от матери.

Даже остывший обед показался не таким уж невкусным. Дома без изменений. И хотя в письме три строчки, теплее стало на душе.

Вчера не стреляли. И стрелять больше не будем. Стреляла только вторая батарея и поразила цель удачно. А нам делать пуски ракет больше не довелось. Мы стояли на подстраховке. На этот раз я сидел в станции, а цели ловил какой-то незнакомый майор-виртуоз. Он даже комбата учил работать.

Технику перегнали на четвертую стартовую площадку. Будем учиться, а это значит — через каждые два дня в караул. С понедельника начнутся обычные занятия по расписанию — тренажи и т. д.

Возник план новой главы — «Сын Папанина». Видно, про отдаленный пост писать не буду, боюсь, чтобы не продублировать «Разводящего». А там фактура более яркая. «Сын Папанина», по-моему, должен получиться. Сюжет уже есть. Осталось уточнить кое-какие детали.

А так все по-прежнему. Сегодня уже четвертое. Шестой месяц пошел. Еще два месяца здесь, а потом уедем в свою часть.

Сдавал Ленинский зачет. Комбат спрашивает у Эмбаева:

- Какую книжку прочитали за последнее время?
- «Молодую гвардию».
- Фадеева?
- Нет. Другую.

Оказывается, речь шла о журнале «Молодая гвардия».

Махнач, рослый ефрейтор, Эмбаеву:

— Ты? Да ты еще молод. У тебя из кармана повест-ка торчит!

Солдатские шуточки!

Читаю повесть В. Воробьева «Три брата». Воробьев журналист, но книга впечатляет.

7—12 апреля. Вета

До конца службы осталось шесть месяцев, а я уже строю планы на будущее.

Сегодня в полночь, стоя на посту, ужаснулся: а ведь когда я приду домой, мне пойдет двадцать четвертый год. Двадцать четвертый! А что сделано?

Вернусь домой, кончу и сдам книгу об армии — это самое первое. А потом? Не знаю. Что-нибудь придумаю. Может, увлекусь чем-нибудь или кем-нибудь. Может, поменяю профессию, а может, пойду учиться в аспирантуру.

Жизнь идет, как и прежде, скучная и однообразная. Живу только будущим. Мечтаю. О, несчастный мечтатель!.. До чего только довели тебя вздохи!

Ничего, Слава. Все будет о'кей. Все образуется. Главное — дожидаться возвращения домой, снова почувствовать себя свободным и независимым человеком. Все-таки я, видно, большой эгоист и индивидуалист. Может быть.

Ну, да ладно — стерпится. Не так уж много и осталось. Плохо лишь то, что весточек нет. Прав Воробьев: когда мужчина уходит делать мужскую работу, его должны ждать. А она ждать не сумела. Ну и ладно, чему быть, того не миновать. Все равно с ней надо было порывать по ряду причин. Она сама сделала первый шаг — тем лучше. Приеду домой — не заговорю, не протяну даже и руку.

Однако хватит плакаться в жилетку и жаловаться на судьбу. «Мы уходим, снегами тревожит зима...» — припомнились чьи-то слова.

Выше голову! И не надо жить только из чистого

самолюбия. В мире еще много интересного, неиспытанного, непознанного. Все еще впереди!

А помнишь, Слава, как на первом курсе ты стоял на остановке возле Ларисино дома и, глотая горькие слезы обиды, решался в отместку на безрассудные поступки, вплоть до оставления университета? А сколько было потом новых встреч, разлук, волнений, терзаний, разочарований. Так что? После очередного разочарования кончать с собой? Сколько бы это раз нужно было кончать с собой? Десять? Двадцать?

Все еще впереди. Все, все, о чем мечтаешь, на что надеешься в сокровенных уголках сердца. А она пусть молчит. Так может поступить только грубая, несовершенная, эгоистичная женщина. С этим все покончено.

Трудно в армии? Да, трудно. Но вспомни этот последний год до призыва, когда ты не знал, куда себя девать, как с ужасом ждал приближения выходных, как все надоело и опротивело.

Так что выше голову, солдат!

* * *

Сейчас уже девятый час вечера, а нас все еще не меняют. Ждем смены караула. Я пишу, а все остальные играют в домино. Грустно и тоскливо. Потянуло что-то на воспоминания, рассказывал Похольчику о женитьбе, о том далеком, что стало воспоминанием. Всплывают мельчайшие подробности: как Лида шла в роддом, как уткнулась лицом в грудь и всхлипнула: «Боюсь».

Фотографию она, видно, не пришлет. Интересно, каким стал Тимка? Хотя бы одним глазком посмотреть на него. На кого похож?

Неужели она и в самом деле не пришлет его фото?

Писем мне никаких нет. Ни от кого. Что случилось? Почему они все вдруг замолчали?

Теряюсь в догадках.

Господи, и почему я такой несчастный? Почему мне не везет в жизни?..

Сажу на пусковой установке. Правда, она без ракет, но все же пусковая! Охраняю! Охраняю технику — в Пустынном Месте, на открытой площадке.

Вчера был субботник. Всесоюзный. Мы тоже ездили к заводчикам. Работали. Чистили перед домами, белили бордюры. Устал страшно.

А сегодня в карауле. Четыре часа стою, восемь отдыхаю. Хорошо! Теперь уже совсем светло, тепло даже и ночью, вот только под утро холодновато. Скоро переходим на летнюю форму одежды.

Новости. Андреяшук, механик-водитель пусковой Мелихова, поступает в военно-политическое училище. Решение твердое. Что ж, он еще молодой. Ему можно.

А так никаких изменений. Все, как и прежде. Завтра начинаются двухдневные учения в масштабах дивизиона: выбор боевой позиции, ее занятие, развертывание и свертывание станций, контроль функционирования.

Говорят, на днях должны приехать курсанты высшего зенитно-ракетного училища. Для них будут организованы специальные показательные учения. А в мае начнутся командно-штабные учения части. Так что скучать будет некогда.

Писем нет, за исключением пакетов с «Юным романтиком». Зинуля старается. Вот молодец. Кажется, она единственная, кто еще помнит меня в Холмске. И не только в Холмске, а, пожалуй, и во всем мире.

Со следующего воскресенья начну писать шестую главу — «Сын Папанина». Есть очень интересный факт. А то уже полмесяца прошло, а у меня ни строчки.

Сегодня полночи промечтал о будущем: о том, как приеду домой, и о том, что буду делать дальше.

Ну и картинка: часовой взобрался на пусковую, сидит и пишет, иногда посматривая по сторонам: не видно ли начкара? А рядом лежит автомат. А возле пусковой суслики бегают. Здоровенные такие.

Идиллия...'

Сегодня пришли очередные пакеты с газетами из Холмска. И вдруг знакомое лицо: Сергей Бастун в траурной рамке, некролог и подпись: «Группа товарищей».

Пару недель назад было сообщение о смерти А. Зыгмонтовича. Ничего не понимаю: в чем дело? Или они повесились, или отравились какой-нибудь гадостью. Оба пили, и притом неумеренно.

В одном из пакетов было... тридцать пустых конвертов, в другом... двадцать. И адрес подписан верной Зинулей. И ни одной сопроводительной строки. Интересно, кому это я буду столько писать?

Завтра выезжаем на тактическое учение. Приехали курсанты с Большой Земли, и для них запланированы пуски боевых ракет. Осуществляет их первый дивизион, а мы будем на подстраховке. Позже должны приехать из другого училища, и тогда наши дивизионы поменяются ролями. Видел прибывших первых курсантов: убирали территорию. Как и мы раньше, ищут мусор, жестянки, бумажки.

Писем нет. И никакой ясности, что же случилось с Бастуном и Зыгмонтовичем.

Сначала хотел было написать Зинуле, попросить рассказать обо всем, да вскоре передумал. Не надо. Не надо плакаться, не надо скулить и просить чего-то.

В конце концов, я отлично их понимаю: они попросту забыли обо мне. Сразу, когда новость о моем призыве была свежей и яркой, так сказать, главным событием дня, взбудоражившим размеренный образ жизни нашей романтической редакции, они еще иногда давали о себе знать, а теперь прошло столько времени — полгода, и новые события, еще более неожиданные, овладели ими полностью. А почему это, собственно, о тебе должны все думать и помнить! У них там свои дела, свои заботы и хлопоты. Слаб человек...

Обидно, конечно, да что поделаешь. Особенно обидно за Вету. Ну что ж, это проверка. Она говори-

ла, что этот год у нас будет проверкой, и вот сама первая не выдержала и половины срока.

А завтра учения. Да, но все-таки не все забыли:

Зинуля по-прежнему присылает газеты.

Мне понравилось, что в некрологе сказано — «Бастун — честный человек». Действительно, он был порядочен даже в мелких делах. Правда, я с ним особенно близок не был, но хорошо знал, встречался в редакционных коридорах почти каждый день и уважал за основательность, хотя немного подсмеивался над пристрастием к спиртному.

Сразу же после учений возьмусь за шестую главу. Непременно. Надо торопиться — время летит с ужасающей быстротой. А композиция книги сложилась окончательно и, по-моему, довольно сносная. В основе будут материалы, которые пишу сейчас, только потом сделаю выдержки из дневника перед каждой главой. Это придаст книге цельность и законченность.

А комбат наш груб, вульгарен и кроет матом вовсю. По-моему, ко всему прочему, он еще и ограничен. Сегодняшняя сцена с Похольчиком омерзительная, гадкая. Прав Шишкан насчет Кошелькова — его оценка полностью подтверждается. А я был другого мнения об отце-командире. Были и у меня с ним столкновения, правда, мелкие. В основном я, как и полагается солдату, молчал. Молчание — благоразумное поведение в армии. Познаю это правило сам, практическим опытом.

Вместо двух дней учений было почти четыре. Завтра будет последний, завершающий этап. Сегодня вечером прибыли в свое расположение. Две ночи провели в поле.

А на учениях все-таки здорово. Хотя, опять же, много было комического и трагического. В том числе и для меня. Приснился мне заголовок «Солнце над сорока сотками». Имеется в виду личный участок. А на другой день увидел во сне детский гробик, который я не то нес, не то вез. Страшный, кошмарный сон. Первую ночь проспал в ТЗМ на брезенте, вторую

— на станции, в боевом отделении. Спали, не раздеваясь, в шинелях, только сняли противогазы.

Называем себя гордо — фронтовиками, только и говорим, что об учениях. Все было, как и представлял: приезжала полевая кухня, замполит привозил почту — письма, газеты. Мне пришло письмо из «Боевого поста» от подполковника, которого я не знаю. Просит сделать что-нибудь ко Дню Победы. Но завтра уже семнадцатое, пока письмо дойдет, будет поздно. К тому же ничего особенного к этому дню у нас не происходит, ведь мы в полевых условиях. Придется дать вежливый ответ-отказ. У меня есть задача — книга, и отрываться от нее не стоит.

Когда же придет этот чертов Кучкаров — медик?

* * *

Учения закончились. Были боевые стрельбы. Курсанты уехали на Большую Землю. Снова тихо, страсти улеглись.

Вчера проводили техническое обслуживание станции. Помучились основательно. Что за земля здесь! Никакой водой не отмыть эти комья спрессованной грязи, приставшие к ходовой части. Насилу справились.

Думал, начну в воскресенье шестую главу. Где там — поставили в караул. Правда, караул здесь хороший — поспать можно вволю, никто не кантует.

Получил письмо от Елкина. Наконец-то! В тот же день отправил ему ответ. Прошу подробности смерти Бастуна и Зыгмантовича. Елкин долго болел, ездил в командировки. О Вете ни слова. Поздравил их всех с праздником, но Вету не вспомнил.

Наши армейские новости. У всех праздник: приказ об очередном увольнении. Газету с приказом не добыть. Но это не мой приказ: на нас, годовичников, будет другой.

Жду майских праздников: может, выдастся свободная минутка, чтобы сесть, наконец, за шестую главу.

Хватит ныть, немедленно за работу. И так разленился до невозможности.

Давненько не брался за дневник. Болею, лежал в санчасти, думали, дизентерия, выяснилось, слава Богу, что нет. Пишу шестую главу. Половина уже есть. Должен закончить на майские праздники.

Сейчас у нас ежедневно крутят фильмы. Большой конкурент моему свободному времени, в которое я должен осуществлять задуманное. Вчера смотрели очень хороший, человеческий фильм. Называется «Женщины». Посмотрел и разволновался: там такой мальчишка, как Тимка, просто как ножом по сердцу резануло. Одно расстройство.

Получил письмо от Елкина. То ли в шутку, то ли всерьез говорит о смерти Бастуна: якобы жена утюгом по голове ударила.

Апрель уже кончается, и остается мне служить шесть месяцев. Наша жизнь на этой стартовой площадке подходит к концу: вот-вот переезжаем на следующую. Уже строим там нары. Так что, видно, и нынешнее воскресенье будет посвящено оборудованию нашего нового жилья.

С шестого мая начинаются учения с боевыми пусками ракет для очередной партии курсантов. Стрелять будет наша батарея, и вчера и. о. командира предупредил меня, что производить пуск ракеты буду я. Все мое командование сейчас волнуется за меня, да я и сам тоже. Натаскивают меня каждый день. Комбат хитрит, изворачивается, выкраивает каждую минуту, чтобы позаниматься на технике. Ничего, осталось 184 дня. Уже на самой вершине. Еще четыре дня карабкаться вверх, а потом с горки. Попутного ветерка!

* * *

Три дня остается до 1 Мая. Сегодня Нарывный объявил, что переезжаем на новую площадку. Сразу после политзанятий едем оборудовать себе жилье. Будем строить пищеблок, жилые домики. Послезавтра последний день данного нам срока для переезда.

Вчера окончил шестую главу. Надо будет или отпечатать на машинке, или переписать от руки. Видно, сделаю это на Первомайские праздники. И сразу же возьмусь за седьмую.

Пишем больше ни от кого нет. Даже из «Юного романтика». Что бы это значило?

Смотрел фильм «Адская пристань». Ничего. Удивительно было слушать женский голос и смотреть на женские фигуры. Отвык.

Через три месяца Тимке будет два года. Два года! Господи, какой он? Хоть бы одним глазком посмотреть на него. Какой ты там, мой малыш? Говоришь, ходишь, смеешься? Родной ты мой, знаешь ли ты хоть, что у тебя есть отец, что он сейчас в армии, в этом Пустынном Месте, и рвется к тебе сердцем каждую минутку, и думает о тебе, и трудно ему очень, и плакать, и кричать хочется, и все это он должен держать в себе, и нет рядом человека, с которым он мог бы пооткровенничать, излить все, что тяжким грузом гнетет душу?..

28 апреля — 1 мая. Яма и Райнис

Пишу уже на новом месте. Четырнадцатая площадка — это одна казарма, в которой живут *стыковщики*, и несколько домиков, очень странных: из двойного шифера, полуовальной формы. Как подводные лодки. Очень тесно. В такой «лодке» нас двадцать четыре человека. В среднем получается, что трое спят на двух тюфяках. Кроватей нет, сплошные, во всю длину, нары. Все будет общее: и простыни, и подушки. Едим из полевых кухонь прямо на улице.

Технику еще не перегоняли. Видно, это предстоит завтра. Сегодня весь день пахали, оборудуя себе жилье. Внес посильную лепту и я — рыли какую-то огромнейшую яму двухметровой глубины. Разделись до пояса, благо день выдался солнечный.

Ура, объявляют вечернюю прогулку. Однако что-то очень рано. Ах, да, по причине отсутствия света отбой будет раньше.

Какие комары здесь кусающие, просто ужас!

Получил письмо от матери и открытку от Елкина. Открытка с портретом Яна Райниса, который философски взирает на этот наш неудобный быт. Елкин тоже советует смотреть на все философски, как Ян Райнис. А мать жалуется на то, что в Холмске нет шерстяных изделий. Мне бы ее заботы.

* * *

Вчера построили оба дивизиона на вечернюю прогулку да с песней! У нас не получилось, как следует. Кошельков рассвирепел и распорядился: сегодня в личное время будете ходить строевым шагом и учиться петь. В 21.00 будет сам лично принимать. А сегодня вечером кино «Сотрудник ЧК». Прямо в пустыне. Экран будет на стене одного из сооружений.

Ну и ночка была! Как в карауле — все время ворочался. Холодно — это еще ничего, а вот когда тепло — это куда хуже. Как подумаю, что впереди еще два месяца такой жизни, оторопь берет.

Сажу сейчас на солнышке. Я старший. Доводим до конца эту злополучную яму. Вроде бы все сделали, осталось только прибить доски к колышкам.

Завтра последний день апреля. Начинается май, с ним праздники, целая серия. Последний месяц весны — ура! А там лето и два месяца осени.

На праздники думаю печатать шестую главу книги, ответить на письма. Ко всем прежним ответам, которые я должен дать, прибавился еще один — в редакцию «Боевого поста». Просят дать телеграфом что-нибудь о весне солдатской, публицистику. Письмо переслали из Боровска, и оно, конечно же, опоздало. В редакции имели в виду, наверное, майский праздничный номер. А сегодня уже двадцать девятое. Поздно.

У нас второй день солнечно, и мы все загораем. Я, кажется, обжегся, как и тогда на озере, в Лесной Стороне, три года назад, во время свадебного путешествия, где мы с Лидой провели свой медовый ме-

сяц. Тогда я перегрелся на солнце, и Лида старательно ухаживала за мной, как могла. А мне было больно.

В прошлом году в это время ничего знаменательного не произошло.

* * *

Первое мая!

Солнца — сколько хочешь! Неба — сколько хочешь! Голубизны, синевы! А вот праздничного настроения нет. Жду построения. Назначено на девять часов.

Уже кричат построение. Ладно, допишу после.

Вечер. Сажу возле палатки. Ничего нового, за исключением того, что на праздничном разводе Кошельков погнал в палатку бриться. Как мальчишку. Глупый, ограниченный человек. А посему и думать о нем не стоит.

Переписывал начисто шестую главу. Не окончил, устала рука, пишу-то на весу, стола нет. Окончу завтра, если не будем пахать.

Очень скверное настроение. Сегодня должны показать фильм «Журналист». Смотрел с Лидой осенью, вскоре после женитьбы. Сидели в клубе Дзержинского, места были рядом.

А сегодня, видно, не будем смотреть кино. Мозоль хочет устроить нам строевую с песнями. Причина — плохо поем. Он за старшину. Тупой и грубый. А у него есть жена. Кто мог за него пойти? А вот нашлась краля и, судя по всему, любит нашего родного старшину: бывают дни, когда он получает от нее по два-три письма сразу. Вот так-то.

4—7 мая. Лида и Тимка

Ничего особенного не произошло. Был в карауле, только и всего. Писать было некогда. Пришли газеты, очень много, штук десять. От Вали, подружки Елки-

на, открытка со словами призыва: «Мир, дружба!» Узнаю!

И все. Больше ничего ни от кого.

Проводим техническое обслуживание — переводим технику на летний период эксплуатации. Будем еще три дня работать.

В ходу новая солдатская версия — останемся здесь до сентября. Якобы в сентябре нам здесь запланировали боевые пуски.

А так ничего нового. Закончил шестую главу, в смысле переписал начисто, да не могу отправить, нет бумаги, чтобы сделать бандерольку. Штабист обещал принести.

Завтра День печати. И остается 176 дней до дембеля. Осталось не так уж и много. Было больше.

176 дней! Наконец-то!

Вета не пишет совсем. Даже не поздравила с Первомаем. Ну что ж, пусть будет так, как она хочет, сам ей писать не буду. Ни за что!

Сегодня оба дивизиона бегали кросс на дистанцию один километр. Пробежал хорошо, но очень устал. И вообще жарынь невыносимая, комарье и еще какая-то странная мошкара, жалящая пребольно.

Кроссы отныне будут два раза в неделю — по понедельникам и пятницам.

* * *

Неожиданно ночью вдруг похолодало. Поднялся сильный ветер. Тучи песка и пыли обрушились на наше жилье. Повыбивало стекла в окнах. Пыль толстым слоем ложилась на пол, подушки, одеяла. Замерзли порядком. Утром надели шинели и не снимали весь день. А ведь накануне было жарко, и мы даже загорали. Невероятно капризная погода.

Сегодня День печати. Чувствовал запах спирта. У комбата целая фляжка — протирали некоторые детали.

А сегодня День радио. И опять у комбата фляжка со спиртом. И опять им прочищаем контакты.

Все по-старому и все по-прежнему. Живем на той же площадке, спим так же вповалку на нарах по стойке «смирно», ибо лечь иначе — просто невозможно. Мучение, а не сон.

Писем нет ни от кого, если не считать еще одной открытки от Вали.

Что я делал в такое время в прошлом году, не помню. Хоть убей. И в День Победы тоже. Помню только День Победы два года назад, еще до того, как мы расписались. Мы были с Лидой в ресторане, нашем любимом. Помню, как мы сидели на скамейке возле стадиона, рядом с роддомом. А через полтора года после этого мы пришли сюда снова. Из его окна она впервые показала мне Тимку, завернутого в пеленки и одеяла. А тогда, два года назад, я устроил ей сцену, уже дома, разбил часы о перила балкона.

Все это было давно. И у меня ничего не осталось, кроме воспоминаний о тех днях. Все прошло: и радость, и хорошее настроение, и, наверное, любовь. Остались только мучения.

До дембеля осталось пять месяцев и двадцать четыре дня. Все меньше и меньше. А там — прощай, армия! Время бежит очень быстро. Уже последний месяц весны. А там лето и два месяца осени.

Ах, осень серая!..

Следующий праздник — 9 Мая.

9—15 мая. Елкин и мама

Вот и День Победы. Было торжественное построение. Полковник, начальник учебного центра, командовал «смирно» и зачитал приказ министра обороны. Потом было торжественное собрание в столовой, зачитывался праздничный приказ. Мне благодарность.

Сейчас только что пообедали и пока отдыхаем. После обеда заступаем в наряд. Кто куда, а я на кухню. Конечно же, настроение испортилось, но что делать. Надо терпеть и ждать.

Вчера получил газеты с Большой Земли и письмо с обстоятельствами гибели Бастуна и Зыгмантовича. У Зыгмантовича, как я и предполагал, алкоголь, у Бастуна посложнее и потемнее: нашли дома с сильным ушибом и до больницы уже не довели. Жена при этом присутствовала и, видно, имеет какое-то касательство к трагической истории, но она — шизофреничка.

Вот и все холмские новости.

Елкин пишет, что мои контакты с Пустынным Местом затягиваются. В самом деле. И когда снова вернемся в Лесную Сторону, неизвестно.

Еще новость из Боровска: Филимонов и Ракицкий уехали на офицерские курсы и якобы на четыре месяца. О нас пока ничего не слышно. Скорее всего, поедем осенью.

Если кухню переживу — будет здорово. Итак, крупный праздник прошел. Самый большой впереди — 7 ноября. А следующие — по моей системе ожидания дембеля — 19 мая, день пионерии. Был и я когда-то пионером!

Шестая глава отправлена в Холмск. Очередь за седьмой. Надо будет обдумать хорошенько. Сюжет есть: «Письмо матери».

Даешь 9 Мая!

Да, о комбатовском спирте. Он-таки пролил его. На станции. О чем долго и искренне сокрушался. Однажды в сердцах даже сказал: «Лучше бы выпили!»

* * *

Как видите, остался жив. Правда, измотался изрядно. Очень много работы было.

Сейчас политзанятия, и есть два часа времени, чтобы спокойно подумать. В смысле личной жизни никаких изменений. Все по-прежнему. Писем нет, сообщений тоже.

Какой-то странно безликий день. И в прошлом году в этот день ничего не произошло, и в позапрошлом. Остается ровно 170 дней до конца службы. 170!

Сегодня уже одиннадцатое, а седьмой главы все еще нет. Совсем нет условий для работы. И, тем не менее, надо найти время. Обязательно.

Самая первая глава, как пишет Елкин, все еще проходит различные инстанции. Может, еще и выйдет, хотя, впрочем, надежды на сей счет мало.

Ну и ладно. Сейчас главное — «Письмо». Оно, и только оно! Продумать сюжет, найти ход.

Это рассказ о молодом человеке, у которого спадает пелена с глаз, о том, как по-новому смотрит он на отношения с матерью. Он стеснялся ее деревенской простоты (надо будет воспроизвести всю историю), сердился на нее и нередко обижал. И одновременно рассказ о своей службе, типа «Как тебе служит, с кем тебе дружится». Можно и лирики слегка: зеленые деревья, цветы. Как у вас там, на гражданке? Ты прости меня, мама. Мы бываем иногда или черствыми или стеснительными, не хотим показывать свои чувства, гримируем их под грубоватость и наплеватьство.

Таким образом, «Письмо», «Письмо», «Письмо»!

* * *

За главу не брался — был в карауле. У нас значительно похолодало, и ночью на посту было совсем невмоготу. Почти совсем не спал.

За это время произошло немало событий. Во-первых, мы передали свою технику приехавшей части. Она будет проводить плановые боевые пуски. А мы... Мы будем, как говорят солдаты, пахать. Уже сегодня чем мы только не занимались! Да, без техники не сладко. Во-вторых, приехал командир соединения. Железной рукой наводит образцовый порядок.

Вот и середина мая, последнего месяца весны. А там лето и наконец осень. Получил из дома журнал

«Юность». В составе редколлегии почему-то нет Евтушенко и Рождественского.

Вчера был сильный ветер, и палатка, в которой размещался караул, раздувалась, рвалась и трепыхалась на ветру. Никогда не забуду эту ночь! А ведь вокруг пустыня, глухая и темная, и ни одного огонька вокруг, и только ветер доносит запах горькой полыни. Она здесь пахнет одуряюще. Какие только мысли не приходят в такую ночь! А тут еще транзистор, оставленный начкаром, младшим лейтенантом Куцаенко, разжалованным и изгнанным из ГСВГ. Как потом выяснилось, Куцаенко ушел спать в кабину КРАЗа. Резкий парень, говорит о нем Похольчик.

Песни тревожили душу, бередили старые, немного затянувшиеся, но еще не зажившие раны.

А уж привык и к нашему дому солдатскому, и к новой площадке.

С Большой Земли никаких вестей. Иногда хочется написать Вете. Овладевают сомнения: а получила ли она мои письма, а вдруг нет? Но все-таки заставляю себя не писать. Быть не может, чтобы не получила, доходили же всем остальным. Она просто не хочет поддерживать связь, и все, ничего более.

Тоскливо и печально. Одиноко.

18—19 мая. Лейтенант Тимченко

Сегодня воскресенье. Я в карауле. Сажу в палатке начкара, вот-вот нас должны сменить. А пока слушаем музыку — благо транзистор на столе, сколоченном из необструганных досок. Песни русские, давно позабытые.

В прошлом году в это время готовился к поездке в Вильнюс. Хотя нет, ездили мы туда значительно позже. Потому что где-то в середине июня я ездил в командировку. Это было как раз в то время, когда все наши выезжали за город, в пансионат. А я тогда не поехал, из-за чего-то рассердился на Вету. К тому же хотел съездить в Москву посмотреть на Тимку. Не удалось.

А в Вильнюс собрались позднее. Это была восхитительная поездка. Мой друг Кястас показал нам Вильнюс как следует.

Осталось 164 дня, и я снова буду свободной птахой. Рассказывают, что на 25 июня нам уже заказан эшелон в Лесную Сторону. Осталось не так уж много.

Приехавшая часть отстрелялась, и весьма успешно. Наша станция поразила цель первой же ракетой. Вчера приняли у них технику. Теперь на очереди другая часть, она уже на подходе. А потом домой, в смысле в Боровск. Числа десятого июня напишу всем, с кем переписываюсь, чтобы после двадцатого сюда мне уже больше не писали. А потом, после приезда, попрошу мать, чтобы переслала университетский ромб. Пора уже нацепить его. И — по многим причинам, ибо отношение к солдату весьма своеобразное.

Итак, 164 дня! Пять с половиной месяцев.

* * *

Вот и праздник — день рождения пионерии.

События сегодняшнего дня: я, Миляр, еще несколько человек — на технику. Там должны работать прибывшие курсанты из училища. Пришли. Через полчаса прибегает запыхавшийся комбат: отбой, в 16.00 переезжаем на первую площадку и завтра будем производить пуск ракет по уходящим низколетящим целям. Дважды мне пришлось бегать из парка в казарму и обратно. Не так уж и близко. И все напрасно. Оказалось, что мудрецы из технической батареи подготовили ракету для второй батареи майора Козякова, который уже прибыл из отпуска. Они будут завтра стрелять.

Вот какие дела. Итак, подхожу к Тимченко, усталый, весь в поту, загнанный, как лошадь. А он преспокойненько лежит в кровати.

— Понимаешь, — говорит, — я хотел было позвонить вам в парк от оперативного дежурного, но жарко и комаров до черта...

А от палатки Тимченко до оперативного дежурного буквально девять метров. Я же был вынужден бежать к нему за полтора километра. Совсем оборзел лейтенант.

Я частенько задумываюсь, ну, что я взял у армии, что она даст мне или уже дала. И понял: а) познание жизни, более полное и глубокое; б) смена профессии, весьма благотворная для творческого человека; в) время — лучший лекарь; г) книга; д) физическая закалка и аппетит.

Почти все я взял. Книга пишется, хотя и медленно, особенно в последние дни, закалка есть, аппетит есть, вот только насчет лекаря не совсем уверен. Уж сильно кровоточит сердечная рана...

Да, еще звездочки офицерские. Зачем мне они? Решил: демобилизуюсь, годик побуду дома, сделаю задуманные книги, отгуляю отпуск, а потом поеду в ГСВГ.

Это мой выношенный темными ночами в карауле план. Поработаю два года в военной газете. Во-первых, это две книги: о жизни воинов ГСВГ, которые вдали от Родины служат, и вторая — история комсомола Германии. Во-вторых, язык. Он откроет дверь в аспирантуру.

Это я сделаю непременно. И Европу посмотрю заодно.

Новостей у меня особых нет. И изменений тоже. Что-то очень давно не получаю писем. А до дембеля 162 дня.

Плохо — совершенно нет времени. И седьмая глава безнадежно висит вот уже почти месяц на кончике стержня моей новой шариковой ручки. А писать надо. Но когда? Когда? Как выкроить время? Весной его можно было найти, а сейчас все физо и физо.

20 мая. Капитан Кошельков

Познание военной жизни продолжается. Утром построились, взяли противогазы, вещмешки — и в парк.

Только завели моторы — команда «отбой». Организовать политзанятия!

Оказалось, кто-то где-то чего-то не расслышал, и вместо пяти дня решили выехать по тревоге в пять утра.

Позанимались малость, двинулись на обед. И опять кто-то где-то чего-то не расслышал, и мы прибыли в столовую в двадцать пять минут третьего. Возле столовой комбат встречает доблестную батарею. Зловещая улыбка появилась на его лице:

— Я вам устрою Варфоломеевскую ночь!

Только уселись за обеденные столы, только взяли ложки в руки, как комбат тут как тут:

— Батарея, тревога!

Общее замешательство.

— Батарея, тревога! В парк бегом, марш!

И помчались, так и не закончив обеда. До парка километр с лишним. Прибежали, разобрали противогазы, вскрыли технику и ждали вальяжно шагавшего Кошелькова с полчаса. Вполне могли бы за это время закончить обед. Но... приказ командира.

Голодные, поехали по тревоге. Был конфликт с Кошельковым, в ходе которого он снова проявил себя жалким, ничтожным, мстительным и ограниченным человеком. Кричал, ругался на меня матом перед строем только за то, что перед этим я попросил его не кричать на меня. Что было! Он дрожал от негодования и возбуждения, бессилия. Ну что я могу с ним сделать? Во всех случаях он будет прав, ведь он командир.

Любимая поговорка нашего отца-командира:

«Мне главное цель, а не средства», «Вы для меня прежде всего солдат, а потом уже человек».

В общем, мои наблюдения относительно среднего офицера обогащаются.

Страшно расстроился. Все-таки не надо быть таким впечатлительным. Надо сжаться в кулак, скрипеть зубами, но молчать и молча переносить все обиды и оскорбления.

Да, предчувствую, начнутся для меня веселые денечки. Он обещал их мне во всеуслышание, перед всем строем.

Что день грядущий мне готовит?

22—26 мая. Пустынноместная авиация

Дневалою. Сижу на солнышке у палатки и греюсь. Работы не очень много, только полночи не спал. Муторно. Попробовал делать записи, но чего-то застопорилось. Ну разве это работа: одним глазом в блокнот, а другим вокруг шарить воровато, чтобы начальство не увидело. Разве напишешь в таких условиях?

Впрочем, спешить не надо. Шесть глав у меня готово, практически половина, а это уже хорошо. Времени остается пять месяцев, и если я сделаю еще четыре за это время, то будет здорово. А две последние чепуха, можно и дома закончить.

Сегодня передали технику очередной приехавшей части. Она будет стрелять боевыми ракетами.

Почты по-прежнему нет. И газет тоже.

Новости — в Дагестане сильное землетрясение. В газетах соболезнование правительства. Есть человеческие жертвы.

Следующий праздник двадцать шестого мая. Открытие съезда комсомола. Затем первого июня — День защиты детей, четырнадцатого июня — выборы, двадцать шестого июня — День молодежи.

Остается пять месяцев и девять дней.

Полакомился печеньем — впервые за три месяца пребывания в Пустынном Месте. Какая здесь глухомань! Ни одной живой души. Почти осязаемо чувствую, как дичаю и тупею.

А тут еще и газет не присылают.

* * *

Сегодня была кошмарная ночь. Налетела пустынно-местная авиация — комары. Среди ночи вступили с

ними в жестокий бой. Били подушками, одеялами, техническими куртками. На одеялах и на простынях остались кровавые полосы.

Новости: вчера сдавали гимнастику. И комбат сказал, что если через две-три недели я сдам физо на четверку, то по приезду в гарнизон он отпустит меня на двое суток в Холмск. Стараюсь, зарабатываю отпуск.

Приехали новички из учебки. К нам в батарею попали двое, один сержант на станцию. Вроде бы ничего ребята. А вот в третью батарею попал гитарист, веселый такой. Сейчас сидит в нашей палатке, играет и поет всякие жалостливые песни.

Закончил седьмую главу. Осталось отпечатать на машинке.

Из Холмска никаких новостей. Эшелон нам заказан на двадцатое июня. Так что немного осталось здесь побыть. Поговаривают, что часть, получившая нашу технику, очень плохо подготовлена технически, ее могут завалить на зачетах по допуску к боевым пускам.

* * *

Сегодня заступаю в караул. Не представляю, как спастись от комарья. Что делается с наступлением темноты — страшно представить. Они, черти, пролезают во все щели и нещадно жалят. Ну а ночью ворочаешься и давишь их. Не сон, а мучение. Каково будет в карауле?

Занятия идут по общевоинским дисциплинам. Стрельбы у прибывшей части откладываются на неопределенный срок, в здешнем военном округе проходят сборы командиров полков, а без них ни один самолет не поднимется в воздух. Так что еще неизвестно, когда уедем. Но Шишкан утверждал, что двадцатого июня.

Сегодня открытие съезда комсомола.

Я назначен помощником руководителя группы политзанятий.

Новости: в Карпатах наводнение. Есть жертвы — погибли тринадцать человек. Наводнение в Румынии и Венгрии. Идут спасательные работы.

Думаю над восьмой главой — «Найденные годы». Это будет серия новелл о людях суровых и мужественных. Подумаю сегодня в карауле.

Писем по-прежнему нет, да, собственно, я их и не жду. Не от кого. Все, что было, позабыто. Не нужна мне ваша цивилизация!

Сегодня кадэ выдал Ивашко десять суток ареста. Спал на посту. Завернулся в чехол от пусковой, только один автомат торчит.

А все-таки очень неплохо, когда у тебя никого нет и не от кого ждать писем. Стараюсь ни о чем не думать, побыстрее устать и быстрее уснуть. И все же нет-нет да и вспомнится что-нибудь из прошлого.

Настоящий мужчина думает о будущем!

Терпение, терпение и еще раз терпение.

28—29 мая. Снова офицерский денщик

Итак, переквалифицировался: из журналиста, оператора станции наведения ракет превратился в офицерского денщика. Сегодня убирал в их палатке, протирал от пыли их чемоданы, подметал.

Подумать только, и это военная интеллигенция! Хуже, чем в свинарнике, — окурки прямо под кроватями, пепел и т. д. В солдатской казарме куда чище.

С подъема бегали кросс — три километра. Мой результат — пятнадцать минут тридцать четыре секунды. Слабовато, но для первого раза неплохо. Ведь я на такую дистанцию прежде не бегал.

Насчет денщика — это родной комбат удумал. Вызывает на конфликт. Пока не поддаюсь. Молча переношу все унижения. Выдержка и еще раз выдержка.

Новость — эшелон откладывается до двадцатого июля. Так что еще пару месяцев придется проторчать здесь.

От комарья совершенно нет спасу. Особенно мучился в карауле. Отбивался и перчатками, и пилоткой, и автоматом. Страшная вещь. Говорят, что в июне от них совсем житья не будет.

Остается 153 дня. Три дня до конца месяца.

А писем все нет, и это сказывается на настроении. Что бы это значило: вот уж месяц, как Большая Земля молчит. Теряюсь в догадках.

Год назад в это время не произошло ничего. Два года назад я уже сдал очередной госэкзамен и готовился к следующему. А в прошлом году ничего не было. Безликие дни...

* * *

И снова с подъема кросс. Бежать сегодня было легче. Понемногу втягиваюсь. Припомнились чьи-то стихи:

На знакомой скамье
Не встречаем мы больше рассветов.
Только взглядом своим
Я тебя неустанно зову.
Вот и тополь отцвел белым пухом,
Осыпался цветом,
Заметелил дорогу, запорошил скамью.
Я к тебе не приду,
Не пожму твоих рук загорелых
И записок о встречах с тобой
Никогда не прочту,
И улыбку твою, что когда-то
Ласкала и грела,
Ни губами, ни взглядом
Поймать не смогу.
Полюбил тебя тот, может, старше,
А может, моложе,
Полюбил тебя крепче, нежнее,
Чем я,
Только образ твой мне все по-прежнему
Сердце тревожит,
И волнуют мне память
Этот сад и скамья.

Значит, вышло не так,
Как мечталось и снилось когда-то,
Значит, ты не ждала,
Значит, зря переписка велась.
Я тебя не виню,
Нелегко ждать два года солдата.
...Я друзьям напишу — ты меня дождалась.

Честное слово, хорошо. Особенно концовка. Тридцать первого мая приезжает Аксенов. А так, новостей никаких нет. Все по-старому. И писем нет.

Интересно, вышло ли еще что мое? Никаких известий. И от матери тоже.

2 июня. Альбомная лихорадка

Июнь. Первый месяц лета. А у нас все не как у людей, снова похолодало, притом весьма ощутимо.

В воскресенье, тридцать первого мая, выезжали на речку загорать и стираться. Ехали машинами, было много белой пыли, много солнца и одуряюще пахло степью. Проезжали через какое-то селение — несколько домиков, затерянных среди барханов. Впервые видел старика-аксакала в национальной одежде.

Речка называется как-то длинно, с огромным количеством согласных звуков. Мы были у ее истоков, а здесь она очень мелкая, не достает даже до лодыжек. Но, говорят, есть места довольно глубокие.

Солнце было жаркое, и я, как всегда, сгорел. Особенно досталось ногам. Почти всю ночь стонал, не мог уснуть.

Очень муторно было еще и от того, что по ассоциации вспомнил август позапрошлого года в Лесной Стороне. Тогда я тоже сгорел и очень мучился от боли. Но тогда меня успокаивали и ухаживали за мной. А сейчас...

Вчера был в наряде и встретил Международный день защиты детей на улице, возле ровных рядов палаток.

А сегодня уже второе июня. Семь месяцев, как я ношу армейскую гимнастерку. Пошел восьмой.

В Боровск уезжаем 20 июня. Пятого напишу, чтобы мне сюда писем больше не присылали. Кстати, они там и не торопятся. Вот уж почти месяц, как нет вестей с Большой Земли — ни от кого.

У нас начался второй, летний период обучения. Была утряска штатов, я сейчас старший оператор станции.

Следующий праздник — четырнадцатого июня, день выборов. Планы на ближайшее время: до пятого отпечатать «Красные тюльпаны», пятого написать письма об изменении адреса.

И — начать восьмую главу. Правда, я немного уже написал в воскресенье, когда сгорел на солнце, но это малость. Восьмую главу должен сделать в этом месяце. Она будет состоять из нескольких новелл типа «Ракеты и птицы».

Альбомная лихорадка. Настоящая охота за женскими портретами. Нет, не за фривольными, за обычными портретами, вырезанными из газет. Вырезают всех, в том числе и делегатов съезда комсомола. Наклеивают в тетрадки, а ниже прилагают солдатские стихи. И песни типа «голубых глазок».

Я не знаю, возможно, лет через пять я сам буду смеяться над всем, что пишу, но быть среди людей и быть свободным от их привычек нельзя. Я страшно огрубел, стараюсь не ругаться, но ничего из этого не получается.

Ну почему нет писем? Ладно, нет газет. Зинуля могла быть в отпуске или на больничном, могла, в конце концов, уволиться. Но почему молчит мать? Что они там вдруг словно договорились?

Не представляю даже, что произошло...

Вета... Ну что ж, ей с горки видней. Не хочет, так не хочет. Насильно мил не будешь. Я отправил ей пять писем, два из Боровска и три отсюда, а в ответ ни строки.

Значит, не судьба. Значит, разрыв. Я тоже имею гордость.

Все эти дни не писал — не было времени ни капельки. Часть отстрелялась, мы снова получили технику и работаем на ней под самую завязку, до полуночи. Вот-вот должна прибыть еще одна часть, и наше командование выжимает из нас и техники все, что можно, и даже сверх того.

Самое главное, что меня беспокоит сейчас, это то, что нет писем. Вот уже целый месяц молчание в Холмске. Что там у них случилось?

Едем в Боровск все-таки 20 июня. Это уже точно. Уже есть и номер нашего эшелона. Как здесь надоедо, в этом знойном Пустынном Месте. Кого-кого, а комаров здешних вовек не забуду.

Сегодня был контрольный кросс, но я не бегал: натер ногу, и комбат освободил. Следующий раз бежим послезавтра.

Завтра выезжаем на реку. Снова будем купаться и загорать. Это хорошо, но мне не следует сильно увлекаться, а то опять сгорю, как в прошлое воскресенье.

Год назад в это время я, Елкин, Вета и Валя ездили в Вильнюс. Это было здорово, мы жили в общезитии, Кястас дал нам доброго гида — свою знакомую по имени Эльвира. Мы ходили по Вильнюсу, у Елкина были тесные новые туфли, нещадно жгло солнце, и он мучился. Были на знаменитой толкучке, посетили почти все рестораны, Кястас устроил нам столик в ночном баре при «Дайнаве». Там даже специальный столик для нас поставили, ибо попасть туда трудно. На столах горели свечи, мы пили коньяк, тогда еще дешевый, и грог, девчата — вино. Было отлично, особенно когда в пять часов возвращались домой по ночному Вильнюсу.

Потом, перед уходом в армию, мы собирались с Ветой снова поехать в Вильнюс (это, кажется, было в октябре), но по ряду причин поездку осуществить не удалось.

А два года назад... Я тогда готовился к госэкзамену (последнему), и у меня была беременная жена.

Сейчас же все тоскливо и печально. Ничего не осталось: ни жены, ни Веты, ни друзей. Только одна память, от которой никуда не денешься. И мучает она меня, и грызет, и не дает покоя.

Пока все течет без изменений: живу отъездом. Жду не дождусь, когда же, наконец, приобщусь к цивилизации.

Уехал в Боровск последний из могикан — Турсенов. Говорят, что поедет на целину, и в Боровске еще встретимся.

Несколько дней подряд преследует мелодия «Скоро осень, за окнами август». Действительно, скоро.

Сейчас политзанятия, и на втором часу напишу домой, чтобы мне сюда больше не направляли писем. А седьмую главу должен отпечатать к понедельнику.

«О мысль, ты как змея на дне воспоминаний...» — сказал один неизвестный мне философ.

* * *

Сижу на берегу реки с труднопроизносимым названием и жду машину на свою площадку. Снова выезжали стираться, мыться и загорать, но погода на сей раз выдалась паршивая: ветер, солнце в облаках. Холодно. Видно, последний наш выезд на речку. Следующее воскресенье — выборы, а потом в Боровск.

Новости: в космосе Николаев и Севастьянов. В «Красной звезде» очень хорошее фото. Терешкова провожает мужа в космос. Очень женственная, какая-то тихая и покорная, держится за его пуговицу.

Вчера закончил перепечатку главы, собирался сегодня вычитать, но не получилось: очень сильный ветер. Может, в палатке вычитаю вечером.

Отправил письмо матери, чтобы сюда больше не писала. Осталось еще сделать приписку в редакцию, и все в порядке.

Остается четыре месяца и 23 дня. Не так уж и много. Ждать, ждать!

Пришло письмо с нашим огромным юноромантичным грифом. Газеты и торопливые строки Елкина. Оказывается, он был две недели в Москве, а сейчас на курсах. В редакции почти не бывает, первое мое письмо девчата из учета сунули в его стол, и оно преспокойненько лежало до тех пор, пока он не заглянул на работу.

Теперь у нас снова начнутся общевоинские дисциплины.

Бегали кросс. Плохо. И вечером побежим тоже. И завтра будем бегать. Наши сержанты тоже показали плохие результаты, вызвав высочайший гнев комбата. Я уже набегал пятнадцать километров.

Мучаюсь над материалом для «Боевого поста». Не знаю, вывести себя или дать собирательный образ. С одной стороны, нескромно, с другой, — я солдат. Подумаю.

17—21 июня. Готовимся к отъезду

Утро. На удивление, жары нет. Это после знойного вчерашнего дня и душной ночи. Жарко было до того, что раздевался догола и спал в таком виде.

Восьмую главу закончил. Усиленно готовимся к отъезду. Скоро, числа двадцатого или двадцать первого, отправляемся в свою часть.

Вчера исполнилось четыре месяца нашего пребывания здесь, в Пустынном Месте.

Прихворал малость — болит пятка. Ездил вчера в госпиталь, делал рентгеноскопию пяточной кости. Сегодня тоже нужно ехать. Вчера чуть не попался патрулю. Ну и порядочки здесь!

А так вроде ничего нового. Вчера так стало муторно, так тоскливо, что едва не написал Вете письмо. Конечно, все страсти улеглись, и обо мне просто забыли.

Уезжаем. Должны были тронуться в путь сегодня, но первый дивизион еще не погрузился. Скорее всего, подымут сегодня ночью, часа в три, и будем перегонять технику.

Насчет техники. Мы получили ее от стрелявших совершенно выведенной из строя. Нет такой станции, нет такой пусковой, которая была бы в исправности. То маршевый двигатель полетел, то турбина, то не решается статзадача, то не проходит команда на ракету.

Кричат строиться на поверку. Значит, уедем ночью. Ведь сейчас еще девять вечера, для отбоя рано.

Ночью не поднимались. Спали в палатках. А сейчас лежу на станции под антенной и пытаюсь укрыться от дождя. Иду в караул. Эшелона все еще нет. Вроде должен прибыть к восемнадцати.

А грустновато все-таки расставаться — привык к тяготам и лишениям, к однообразному пейзажу, к очертаниям оранжевых сопok вдаль, к красновато-желтым пескам вокруг, к свисту вездесущих сусликов, забирающихся по ночам даже в наши шиферные полуовальные палатки.

В последний раз смотрю на плац, где мы часами отработывали одни и те же бесконечные повороты на месте и отдавание чести в строю, на фанерный щит с ярко-красной надписью «Финиш» — отсюда мы начинали трехкилометровые кроссы с подъема, на спортгородок, штурмовую полосу...

Это все — мой дом.

Подхожу к тополиному рядку. Вот он, мой тополеk, зеленеет под раскаленными лучами солнца. Я посадил его на субботнике. Я холил и лелеял его, поливал по несколько раз в день холодной водой, доставляемой к

нам водовозкой откуда-то из-за дальних сопок, подстерегал хозяина водовозки, мрачноватого старшину Герасимовича, и буквально вымаливал у него воду. Деревце было хилое: его, как и несколько других саженцев, везли к нам за многие сотни километров, и по дороге оно пострадало больше всех. Но деревце прижилось, зазеленело, накрепко вросло молодыми корнями в степную твердь и вот сейчас стоит себе, сгибаясь лишь под порывами шквальных ветров.

Я часто прихожу к своему деревцу. Вспоминаю, размышляю...

Грузиться, наверное, будем сегодня ночью, при свете фар.

23—27 июня. Едем

Наконец-то едем, и никакой полковник Петров нас не догонит и не вернет назад.

Едем уже сутки. Выехали вчера. Погрузились в теплушки. Наконец-то сам, на собственном опыте узнал, что такое эти самые теплушки, о которых столько читал и даже неоднократно писал.

Завтра, видно, заступлю в караул и посмотрю на необъятные просторы с высоты платформы.

Техника наша зачехлена и внешне напоминает что угодно — бульдозеры, скреперы. Занятий никаких нет: времени достаточно, но писать невозможно, и потому сплю, но чаще смотрю в открытую дверь вагона и думаю.

Волной нахлынули воспоминания. И о Лиде, и о Вете. Так расстроился, так разнервничался, что не выдержал и сразу же написал письмо Вете. Лежит пока под одеялом, не знаю, удастся ли отправить, из вагонов нас не выпускают.

Ответит или нет?

Это все от избытка свободного времени. Всякие мысли лезут в голову, и очень тоскливо стало.

Кончаю. Бегал на вокзал — какая-то маленькая станция. Опустил письмо и купил «Путешествие на «Кон-Тики». Насчет книги — ура!

Стоим на полустанке вблизи какого-то небольшо-го города.

Читаю книгу, которую приобрел в дороге. Она действительно блестяща, и по содержанию, и по форме.

Тронулись. Писать невозможно на ходу.

Сегодня я в карауле. Здорово ехать на открытой платформе. Необъятные просторы открываются перед глазами. Стоишь себе с автоматом, важный и гордый.

Книга Хейердала великолепная. Это уже в двадцатом веке — поженились люди — и к людоедам в свадебное путешествие.

Хейердал еще более укрепил меня в правильности моей задумки: вести дневник. Он вел его всегда: и в поисках рая, и на «Кон-Тики», и будучи солдатом.

Я тоже буду пытаться вести его постоянно. Нет ничего интереснее, чем дневник.

Сегодня сидели и смотрели в дверь. Кадэ спросил:

— Ну как, написал что-нибудь на полигоне?

— Нет, времени не было.

— Ну, если там не было, то нигде уже больше и не будет.

Я слегка слукавил. Да, восемь глав написано, но разве можно говорить ему об этом? Вспоминаю, как просил у него двое суток для вычитки корректуры, а он поморщился и не дал. А сейчас, видите ли, снизошел до того, что соизволил спросить, написал ли что-нибудь. А ведь не знает, каких усилий это мне стоило, как ловил каждый момент. Писал в палатке, в которой было тридцать человек и не менее трех тысяч комаров. Сам удивляюсь, как удавалось работать.

Кажется, окончательно остановился на варианте с ГСВГ. Но год буду в Холмске, окончу все начатое. А потом к «немцам», а потом к пограничникам. Язык, язык, язык! И аспирантура. А что дальше? Не знаю.

Два года назад в это время блаженствовал после сдачи госэкзаменов. В прошлом году приближалось

время, когда Вета уходила в отпуск и по сему поводу шила себе платье у портнихи возле кинотеатра «Роша золотая». Уехала она третьего июля к родственникам в Ляды, и в тот вечер я с ней был груб. Почему-то мне хотелось, чтобы она уходила, уезжала домой, и она сильно обиделась.

А тогда я пошел к Лиде, издали увидел балкон их квартиры открытым и, хотя был сильно взвинчен, растерялся. Позвонил в дверь. Она не хотела впускать.

Тимка спал, и я, боясь разбудить его, поцеловал пахнущие молоком волосенки. Он был такой крохотный, такой беспомощный и смешной в коротких штанишках. Потом я повернулся к Лиде:

— Спасибо тебе за Тимку.

А потом ушел.

Вета уехала в Ляды, там как раз открывался музей, посвященный ее отцу, и она торопилась. Я видел фотографию ее отца в полковничьей форме, после войны он умер. Вета его боготворит, и фотография его висит у нее под стеклом в книжном шкафу. Ее мама вышла замуж во второй раз. Ветин отчим, кстати, когда-то даже принимал у меня экзамен.

А потом, позднее, шестого июля, я уехал в Глубынь-Городок, пробыл там восемь дней, а когда приехал в Холмск, меня ждало письмо от Веты. Я написал ей в Ляды, но ответа не получил. Она не подавала о себе никаких вестей целый месяц, а когда вернулась из отпуска, я был в командировке. Стоял уже август.

Сразу после возвращения мы пошли в ресторан «Осень». Что-то в наших взаимоотношениях не клеилось. И когда вышли из ресторана, почувствовали себя чужими.

Неделю молчали, первой не выдержала она: написала записку и позвала меня. Я пришел на встречу. Помирились.

* * *

Худой, изможденный, с тонкой шеей, очень подвижный и быстрый. На груди широкая планка орден и медалей.

Это старшина Галанин.

Молодой, с двумя сержантскими нашивками на погонах, краснощекий, с густым приятным басом.

Это младший сержант Миляр.

Галанин играл на гармонике очень старые фронтовые песни. Потом взялся за песни своей молодости. Возле него сразу собралось пол-эшелона.

Была как раз большая остановка на маленькой захолустной станции, и все высыпали из теплушек. Подошли местные жители.

А потом вдруг вышел Миляр с гитарой и заиграл современные песни. И вся молодежь потянулась к нему, и остался один Галанин со своей старомодной гармоникой.

А потом голоса гитары и гармоники сплелись воедино. Это компания Миляра подошла к Галанину.

Сейчас тоже большая остановка. Часа четыре стоим на маленькой станции.

Дочитал Хейердала. Очень интересно: все-таки он развелся с Лив. А ведь поехал с ней на отдаленный остров в свадебное путешествие, мучились там от жажды и болезней, столько вынесли и перестрадали в годы войны. А вот когда все муки остались позади, разошлись. Он женился на другой. Это что, утешение самого себя?

Снова случайная остановка, кажется, незапланированная. Эшелон облепили деревенские мальчишки и просят значки, звездочки, пилотки. Все, что было, отдали, и теперь дружно направляем их к дяде с большими звездочками на погонах, майору Шишкану: у него, мол, целые карманы звездочек.

* * *

Очередная стоянка. Через два часа заступлю в караул. Когда же наш эшелон перестанут толкать локомотивом? Измотали всю душу.

Все ближе и ближе к родным местам. Вот-вот будет наша Лесная Сторона.

Жарко. Невыносимо душно. Не мылись почти две недели. Неприятное ощущение, все тело в поту.

Почему-то сильно раздражаюсь и нервничаю: тесно, сутолока, суета, неразбериха, запах пота, от которого тошнит.

Написал еще одно письмо Вете, но пока не отправил: нет возможности. Лежит в блокноте. Нет конверта с маркой, и купить его не представляется возможности — останавливаемся в тупиках и на товарных станциях, поезд-то у нас не пассажирский.

И вообще в теплушке масса неудобств.

Остается 123 дня.

Основная линия. НОВЕЛЛЫ ИЗ ПИСЬМЕННОГО СТОЛА

ПУСТЬ ВСТРЕТИТСЯ АИСТ

Старший начальник удивился, когда узнал, что большинство расчетов, отмеченных им, возглавляли молодые офицеры. Он тут же распорядился вызвать их на командный пункт.

Юные, почти мальчишеские лица. Глаза — голубые, серые, карие — смотрят настороженно, выжидаяще.

— Результаты стрельбы отличные, — сказал начальник. — Все цели поражены первыми ракетами. Очень хорошо. Тем более что вы — молодые офицеры...

Генерал обратился к одному из них:

— Когда окончили училище?

— Лейтенант Мирошкин! — представился тот. — Два года назад.

— Так сколько же вам лет? Двадцать два? Не смущайтесь, лейтенант. Молодость — не недостаток, а преимущество.

Конечно, это было рискованно: доверить ответственную задачу молодому лейтенанту. Но справился он с ней как опытный, знающий ракетчик, для которого нажать на красную кнопку с надписью «пуск» —

привычное дело. Командир не ошибся в нем, впрочем, как и в других молодых офицерах, назначенных на должности начальников пусковых ракетных установок и впервые принимающих участие в боевых стрельбах.

Виктор Мирошкин отлично помнит тот сентябрьский день, когда впервые представился своему командиру. Капитан Смолин внимательно выслушал рапорт новичка, произнесенный прерывающимся от волнения голосом, крепко пожал руку, поздравил с прибытием в подразделение. «Ну, сейчас о возрасте спросит», — подумал про себя лейтенант и зарделся от смущения.

Он не ошибся.

— Сколько вам лет? — спросил Смолин.

Это было больное место лейтенанта. Хотя ему пошел двадцать первый, больше восемнадцати никто не давал. Годы, проведенные в военном училище, совсем не наложили отпечатка на его внешность. Розовоще-кое лицо, большие, совсем девчоночьи глаза... И хотя бы одна-единственная морщинка на лбу!

Обычно, когда задавали этот вопрос, редко кто удерживался, чтобы тут же не высказать догадку насчет возраста. Как правило, называлась явно заниженная цифра — получалось как-то само собой, уж больно юн был Виктор Мирошкин. Капитан Смолин тоже хотел было высказать свои соображения на сей счет, но, посмотрев на юношу, залившегося румянцем, вовремя сдержался.

Новичок благодарно посмотрел на командира. Капитан понял, что юноша болезненно воспринимает всякие домыслы насчет своего возраста, и сменил тему разговора. Мирошкин уже тогда оценил такт своего командира, умение понять подчиненного. В этом он убеждался потом много раз, открывая в командире все новые и новые черты характера.

«Застенчив и нерешителен от ощущения молодости», — сделал заключение капитан. «Влюблен в армию, настойчив и любознателен», — с удовлетворением отметил он в конце разговора.

Новый начальник пусковой ничем не выделялся среди молодых лейтенантов, прибывших в подразделение раньше. Как и у них, интерес к профессии кадрового офицера возник у него еще в школе. Характерная особенность, на нее давно обратил внимание капитан Смолин: почти все выпускники училищ говорят, что мысль стать военными появилась у них во время походов по местам былых боев.

Не был исключением и Мирошкин. На родине, в Казани, он активно участвовал в движении красных следопытов. После окончания школы стал рабочим на стройке. И здесь организовал отряд искателей. Ходили в походы, изучали военное дело в учебной организации ДОСААФ. Отец, участник Отечественной войны, дошедший с боями до Берлина, одобрял сына, поддерживал в нем интерес к военному делу. И вот результат — Виктор решил навсегда связать свою жизнь с армией.

В училище пришлось выдержать конкурс. Это — тоже характерная примета времени. Современная молодежь неспроста стремится получить военное образование. Парни знают: в армии есть где развернуться, показать, на что ты способен. Отсюда — столько желающих.

Учиться было нелегко, но курсанту Мирошкину достался отцовский характер: напористый, упрямый. И вот годы учебы позади, и он, бывший курсант, а ныне лейтенант Виктор Мирошкин, сидит перед первым своим командиром и получает первое в жизни назначение на командирскую должность.

— Желаю успеха, — напутствовал его Смолин. — Расчет у вас хороший, правда, в передовиках не числится. Думаю, сможете сделать его отличным. Знания, энергия, молодость — все у вас есть...

Мирошкин удивленно скинул голову. Слово «молодость» капитан произнес в одном ряду со словами, характеризующими его положительные качества. До этого оно всегда звучало с оттенком снисходительности...

Тогда и услышал впервые лейтенант о том, что молодость — не недостаток, а преимущество. И еще

много очень полезных и умных советов дали новичку другие командиры, политработники, старшие товарищи — коммунисты.

Два с половиной года прошло с того памятного сентябрьского утра. Сейчас он начальник лучшей в подразделении пусковой ракетной установки. Расчет, которым он командует, два года носит звание отличного. Все в нем — специалисты второго класса, многие готовятся к сдаче на первый. Имя Виктора Мирошкина звучит на партийных собраниях и на разборах занятий, на теоретических конференциях и в офицерском общежитии... Его ставят в пример, обобщают опыт, поощряют.

А два с половиной года назад была... растерянность. Представьте: долгие годы в училище, бесконечные занятия в классах, аудиториях, кабинетах, лабораториях. Конспекты, семинары, курсовые, контрольные... Курсантам — по восемнадцать — девятнадцать, а в саду — такие соловьи, что даже Виктор Мирошкин, самый усидчивый и старательный из всех курсантов, отрывал во время самоподготовки глаза от конспекта и присоединялся к разговорам о заветных звездочках, которые дадут возможность пройти в свободные часы по тихим тропинкам парка пускай даже далекого гарнизона.

И вот сбылась мечта. На плечах — офицерские погоны. Радовались: с учебой кончено, впереди широкая столбовая дорога к вершинам признания. Дипломы есть, специальности указаны четко.

Оказалось: после учебы снова надо учиться. Схемы, чертежи, устройства многих сложнейших блоков порядком подзабылись. Раньше было проще: непонятно, спросишь у преподавателя, обратишься к товарищу. В подразделении, наоборот, спрашивают у тебя. При этом по вопросам, относящимся ко многим специальностям. А их в расчете немало. Вот сиди и смотри, как на глазах у подчиненных рушится твой авторитет. Не будешь же предъявлять им свой диплом с четко указанной специальностью. Ты — командир, и должен дать исчерпывающий ответ на любой вопрос подчиненного.

Снова за учебники? Правда, соловьи уже не поют — зима на дворе, но уж больно белы и пушисты снега в окрестностях, крута, обрывиста лыжня. Как тут удержишься, когда и гитара в соседней комнате обнадеживает: «Все еще впереди...»

Вроде бы правильно. Назначение перспективное, коллектив хороший, остальное приложится. Надо же сделать передышку, осмотреться, что к чему.

С другой стороны, очень дорого обходится эта поблажка. Стоит хоть раз уступить себе, снизить требовательность, ослабить самоконтроль — и перестанешь расти как командир. Упущенное ох как трудно наверстать.

Задумчив, грустен стал лейтенант Мирошкин. Наступал своеобразный психологический момент, когда борьба между чувством долга и желанием по своему усмотрению пользоваться долгожданной самостоятельностью вступала в кульминационный период — закономерность, свойственная всем молодым офицерам, выпускникам военных училищ. Но ведь Мирошкин ничего об этом тогда не знал: он же впервые переживал подобное.

Началась внутренняя борьба, начались и неудачи на службе. По плану самоподготовки в субботу нужно было освежить в памяти материальную часть системы контроля функционирования. Но лыжня в здешних местах такая крутая, а друзья такие настойчивые, что он согласился. А в понедельник на занятия пришел капитан Смолин.

Мирошкин назвал тему, которую изучает расчет, потом сказал, что нужно повторить пройденное. Внутренне сгорая от стыда, он надеялся, что командир скоро уйдет. Но Смолин не уходил. Солдаты быстро и четко ответили на вопросы по предыдущей теме. Нужно было приступить к новой. Мирошкин похолодел — занятие срывалось. Он ожидал чего угодно: гнева, крика, отстранения от ведения занятия, но то, что сделал капитан Смолин, его поразило. Командир начал объяснять новую тему.. сам.

Человек вдумчивый, наблюдательный, он отлично знал психологию подчиненных, чувствовал назревание

душевного конфликта у Мирошкина. Командир выжидал момент, чтобы вмешаться. И вот такой момент наступил.

После занятий он пригласил лейтенанта к себе. Поинтересовался, почему не подготовился к занятиям.

— На лыжах ходил, — виновато объяснил Мирошкин.

Они просидели долго. Смолин начал с того, что этот процесс закономерен, что он происходит в начальный период службы у большинства молодых офицеров. Это очень важный период в становлении характера молодого офицера, и от того, как быстро он возьмет себя в руки, выработает нужный ритм, зависит формирование его как командира. Нет, это не призыв отрешиться от всего земного, полностью посвятить себя службе. В молодости в основном формируются главные качества командирского характера, методы и стиль управления воинским коллективом.

Разговор получился откровенным, искренним. Он не носил оттенка внушения, менторства, чего так не любят молодые. Слушая капитана, Мирошкин вдруг вспомнил свой первый выход на службу. Офицерское общежитие находилось рядом с домом семейных. Утром, выйдя из подъезда, он увидел Смолина.

— А, лейтенант, — узнал его командир. — Идите-ка сюда. Смотрите...

И он указал на аиста, который важно вышагивал по лужайке.

— Хорошая примета, — сказал Смолин. — Слышите? Это я о вас.

Мирошкин, поняв, залился краской:

— Что вы, товарищ капитан! Аист — символ, так сказать, семейности, зрелости...

— Вот и отлично. Кому же взрослеть, семьей обзаводиться? Я — человек семейный... Так что примета вас касается. Счастливым будете: только поселились — и сразу аист...

После того разговора сомнения как рукой сняло. Мирошкина было не узнать: столько энергии, энтузи-

азма исходило от него. Командиры нарадоваться не могли, глядя на инициативного лейтенанта. Он предложил создать в подразделении технический кружок. Командир поддержал. Занятиями руководил Мирошкин. Результат налицо: Геннадий Иванов, Вениамин Ямиданов, Вячеслав Бобров и другие члены расчета пусковой повысили классность. Больших успехов достиг он и в улучшении политической подготовки воинов. По итогам проверки его группа получила «пятерку».

Он понял, что учиться нужно не только в учебном заведении. Лучшая школа — это жизнь. И она давала ему предметные уроки.

Возглавив расчет пусковой установки, он стал законодателем всех сторон жизни коллектива людей — разных по характеру и образованию, взглядам на жизнь и воспитанию. Как сплотить их в одну дружную семью, как воспитать чувство высокой ответственности за состояние боеготовности подразделения?

Мирошкин сел за учебники по психологии, социологии, начал изучать особенности взаимоотношений личности и коллектива. То, что командир должен быть примером для подчиненных, он усвоил еще в училище. Но для создания в воинском коллективе микроклимата, способствующего наиболее плодотворному развитию личности, одного авторитета командира мало. Нужен целый комплекс эффективных методов организационной и воспитательной работы, соответствующих духу времени, уровню образованности воинов.

Кто главные помощники командира в обучении и воспитании солдат? Партийный и комсомольский актив, сержанты. По какому принципу идет иногда подбор сержантского состава и комсгруппоргов? Нередко по такому — нарушений нет, дисциплинирован, классный специалист. А у того нет элементарных организаторских способностей, умения не только помогать руководить коллективом, но и жить в нем. Не каждому суждено быть вожаком, организатором.

Глубокое изучение вопроса взаимоотношений личности и коллектива привело Мирошкина к мысли о решении проблемы неофициального лидерства. Его предложения были таковы: более тщательно подходить к подбору кандидатов в комсомольские активисты, детально изучать положительные и отрицательные качества неофициальных лидеров, под влиянием которых находится значительная часть коллектива, смелее перевоспитывать их доверием.

Его предложения были встречены с интересом. Их учли во время присвоения очередных сержантских званий, при проведении отчетно-выборных комсомольских собраний. Благодаря этому сержантами, комсомольскими активистами стали Кутяков, Иванов, Ямиданов и другие воины с несомненными организаторскими задатками.

Научные методы руководства коллективом, знание военной психологии, педагогики дают Мирошкину возможность глубже изучать особенности характеров своих подчиненных. Он знает:

Ямиданов — сангвиник, Иванов — флегматик. Поэтому даже тон, которым он дает приказание, — разный. Один, в силу своих психологических особенностей, все схватывает на лету, другому нужно объяснять до мельчайших подробностей. Дифференцированным подходом к людям он добивается точного, оперативного выполнения приказов.

Конечно же, первыми успехами он обязан старшим товарищам — командирам. Атмосфера доброжелательности, уважения, дружеской помощи в подразделении способствовала становлению молодого офицера. Но многое зависело и от него самого. «Исполнительный, инициативный, мыслящий», — вот оценка, которую дают ему старшие командиры. «Строгий, но добрый и чуткий», — таково мнение подчиненных.

Оно для него очень важно. Значит, признали его авторитет, право отдавать распоряжения.

Чего греха таить, немножко боязно было поначалу. Как воспримут подчиненные нового командира? Не-

сомненно, кто-нибудь попытается провести «разведку боем», найти слабинку, чтобы потом умело играть на ней.

Так и случилось.

Геннадий Иванов, высокий, плечистый, с румянцем во всю щеку, красавец, балагур и весельчак, заговорщически подмигнув друзьям, подошел как-то во время перерыва:

— Товарищ лейтенант, как там на Большой Земле насчет прекрасного пола? Имеется в наличии? Мы уж не помним, как и голоса девчоночьи звучат... Шурик вон маме писал: людей, мол, здесь нет, одни солдаты...

Все дружно засмеялись.

«Поддержать игривый тон? Нет, панибратство к добру не приведет. Резко одернуть? Тоже не годится — отпугнешь...»

— У самих-то есть кто-нибудь на Большой Земле? — любопытствовал Иванов. — Успели завести знакомство?

— А вы? — вопросом на вопрос ответил Мирошкин.

— Я? — переспросил солдат. — У меня есть, товарищ лейтенант! Невеста! Хотите, карточку покажу?

— Давайте...

Иванов протянул фотографию.

— Красивая, — признал лейтенант. И, перехватив инициативу, круто повернул разговор:

— Как, товарищи, часто пишут из дому? Ждут невесты?

Огрубевшие пальцы солдат потянулись к карманам мундиров. По кругу поплыли карточки любимых. Мирошкин все еще ждал: вот сейчас этот самый Иванов попросит и его показать карточку своей невесты. И тогда он будет, как все, и они никогда не почувствуют в нем командира — строгого, сдержанного.

Он посмотрел на посветлевшие лица солдат, на глаза, подернувшиеся грустью, и понял: подвоха не будет. Правильно взятый тон, умело переведенный

разговор дал понять, что на равных с ним нельзя, что он командир, и, следовательно, к нему надлежит обращаться как к старшему, соблюдать субординацию.

Но Мирошкин допускал, что будут новые попытки нащупать слабинку в его характере, и снова не ошибся.

Был час самоподготовки. Он дал операторам задание самостоятельно повторить одну из схем, а сам ушел в штаб по вызову. Сначала воины соблюдали тишину, а потом, воспользовавшись тем, что, отлучившись, Мирошкин не назначил старшего, начали отвлекаться. Когда он вернулся в класс, капитан Смолин наводил там порядок.

— Вы назначали старшего на время своего отсутствия? — спросил он у Мирошкина.

— Назначал, товарищ капитан. Меня...

У Иванова были невинные голубые глаза. Лейтенант все понял. Вот она, та слабинка... «Мы же выручили вас, товарищ лейтенант, так что, сами понимаете...»

Он нашел мужество сознаться командиру, что допустил досадный промах. А смалодушничай тогда, и неизвестно, было ли бы это все сейчас: любовь и уважение, атмосфера доброжелательности, поддержки, заботы друг о друге, которыми славится расчет его пусковой.

Гена Иванов вскоре стал одним из первых помощников офицера. Именно его имел в виду начальник пусковой, делая ставку на настоящих активистов, пользующихся влиянием в коллективе.

Человек раскрывается во взаимоотношениях не только с начальниками и подчиненными, но и с равными себе — товарищами.

Рассказ о лейтенанте Мирошкине неспроста начинается с эпизода, когда генерал приказал вызвать командиров отличившихся расчетов. Помните? «Юные, почти мальчишеские лица...» Это сверстники Мирошкина.

Давно уже не поет у них гитара «Все еще впереди...» Убедил Виктор, что будущее закладывается се-

годня. Значит, равнодушен к судьбам друзей, тормозит их, будоражит. Это вот неумное стремление помочь товарищам, поделиться всем, что знает сам, и ценят в Викторе бывшие соседи по холостяцкому общежитию.

Да, бывшие. Он живет теперь в другом доме, с женой и сыном Вовой, — глава семьи, неторопливый, уверенный в себе начальник расчета пусковой, прошедший трудный период становления, превозмогший минуты слабости. Капитан Смолин оказался прав — встреча с аистом была счастливой.

А его койку в общежитии скоро займет другой лейтенант, выпускник училища. Пусть ему тоже встретится аист...

С КОНТАКТОМ ВСЕ В ПОРЯДКЕ

Он с трудом оторвал растерянный взгляд от листа бумаги. Буквы запрыгали в глазах. Приказом предписывалось: лейтенанту Ольховому вступить в должность начальника радиолокационной станции.

Теперь сомнений не оставалось. То, что еще вчера было не более чем предположением, слухом, в который он не хотел верить, сегодня стало явью, воплотилось в сухие строки приказа.

В углу все так же размеренно тюкал двумя пальцами по клавишам пишущей машинки ротный писарь. Со строевого плаца доносились зычные звуки команды — шли занятия с ребятами весеннего призыва. В распахнутое настежь окно вливался дурманящий запах цветущей черемухи — на «точке» буйствовала ранняя весна.

Не до лирики было сейчас лейтенанту Пересыпкину, не до красот и ароматов разнотравья. А ведь еще сегодня утром, идя с Ольховым на службу, он благосклонно, хотя и с иронической улыбкой, внимал его словам, в которых плескалась, билась, бурлила неумная, прямо-таки мальчишеская радость по поводу могучего обновления природы. Таким вот — светящим-

ся, восторженным, тонко воспринимающим окружающее, Ольховой был всегда, и Пересыпкин не заметил в его поведении ничего особенного. Не заметил, и успокоился, и начал даже подыгрывать Ольховому, завернув какую-то особенно длинную и сентиментальную тираду насчет цветущего яблоневого сада, вдоль которого они шли. А ведь Ольховой уже знал, что будет начальником станции!

Остаток дня прошел для Пересыпкина как в тумане. Он что-то делал, отдавал приказания, сидел на софее. «Почему Ольхового? — брала обида. — Да, он неплохой офицер. К тому же мой друг. Но судить надо по делам. Чем Саня лучше меня?»

Некоторые показатели в расчете Сергея Пересыпкина были выше, нежели у его товарища. Так почему же тогда выдвижения удостоился Александр Ольховой?

Они прибыли на эту отдаленную «точку» одновременно. Оба рослые, широкоплечие, туго перетянутые новенькими скрипучими ремнями. Оба с отличием окончили высшее военное училище. Обоим — по двадцать два года от роду.

— Ага, еще будет, — уточнил ротный командир, заглянув в документы лейтенантов, чем вызвал у них яркий румянец смущения. — Тринадцатого декабря стукнет двадцать два товарищу Ольховому и столько же товарищу Пересыпкину... гм, тоже тринадцатого декабря... Вы что, в один день родились?

— Так точно, товарищ капитан! И у отцов наших дни рождения совпадают..

— Что, тоже тринадцатого декабря? — улыбнулся ротный.

— Так точно! — в один голос ответили. — И у них тринадцатого...

Каких только совпадений не бывает на свете! Острили в свое время по этому поводу и курсанты-первокурсники. Ольховой же с Пересыпкиным примечать, выделять друг друга стали. А вскоре и подружись. Да так, что и водой не разольешь.

Пересыпкин — москвич. В столице родился, шко-

лу среднюю окончил, оттуда в военное училище подался. Ольховой — сибиряк, из Томска.

Уже на втором курсе Пересыпкин стал сержантом, заместителем командира учебного взвода. Всем взял парень: старанием в учебе, успехами в спорте, дисциплиной в поведении. Лицо волевое, взгляд строгий, походка решительная, голос зычный.

Ольховому сказал:

— Извини, Саня, но... В общем, во взводе все должны быть равны. Ты мне друг, и об этом знают. С товарища и спрос строже. Понял мысль?

— Будь я на твоём месте, точно так же поступил бы... Военную педагогику вместе изучаем...

Каникулы по очереди проводили то в Москве, то в Томске. Санина мама была большая мастерица по части знаменитых сибирских пельменей — любимого блюда сына. Приохотился к ним и московский гость. Ходили в тайгу на охоту, сутками жили в шалаше.

По ночам философствовали.

— Эх, быстрее бы училище окончить, — вслух мечтал Пересыпкин. — Получим назначение, а там покажем, как служить надо...

— Ты это о себе говоришь или и обо мне тоже? — спрашивал Ольховой.

— О нас обоих. — Они уже условились, что будут проситься в одно подразделение. — Вот только ты, Саня, слишком разбрасываешься, хватаешься сразу за много дел. Ну зачем тебе эти юнармейские кружки, подшефная школа, вечера дружбы с заводской молодежью...

— Курсантский драмтеатр, факультатив по психологии, Кирик с его тройками, Сокольский с сомнениями о правильности избранной профессии, — продолжил Ольховой.

— Вот именно. Только даром время теряешь. Ты в корень зри: необъятное объять невозможно. Успеха каким образом можно добиться? Собрав решающий перевес сил на решающем участке... Вот и накапливай эти силы. А все остальное — суета... Сейчас, Саня,

последняя четверть двадцатого века. Научно-техническая революция, культ проводников, диодов, триодов, радиосхем. Современный офицер — это «технар» с головы до пяток, деловой, немногословный, умеющий беречь свое и чужое время. Я как-то подсчитал: в среднем командир служит пятнадцать с половиной миллионов минут. И сколько этих драгоценных мгновений уходит на пустопорожние разговоры, увещевания разных Кириков и Сокольских, на прочие беседы при ясной луне...

Ольховой не соглашался. Они спорили. Часто дискуссии затягивались далеко за полночь. И хотя последнее слово оставалось за Пересыпкиным — забивал потоком незнакомых Ольховому терминов, примером московских соседей, добившихся высокого положения, — Александр оставался все же при своем мнении.

Для третьекурсников открыли факультет общественных профессий. Ольховой записался одним из первых. Пересыпкин отказался:

— Только время зря убивать...

Училище оба окончили по первому разряду. Правда, знания Пересыпкина при подведении итогов зачетов и экзаменов всегда отмечались особо.

Радовался, глядя на новых начальников расчетов, командир радиолокационной роты капитан Саульский Петр Федорович. Хорошо пошли у них дела. Гораздо лучше, чем можно было ожидать.

Особенно нравился лейтенант Пересыпкин. И откуда у парня эта постоянная собранность, безукоризненная выправка, четкость и решительность в действиях? Были бы в роду профессиональные военные, другое дело. А то отец инженер, дед — рабочий.

Расчет попался ему неплохой. Вот только отличников маловато.

Пришел вскоре Пересыпкин к ротному:

— Приняли, — докладывает, — социалистические обязательства на зимний период обучения. Есть мнение, товарищ капитан, добиться звания отличного расчета...

Саульский с сомнением покачал головой:

— А сможете? У вас два оператора увольняются в запас — специалисты первого класса... Может, есть смысл повременить до лета?

— Никак нет, товарищ капитан, — уверенно ответил Пересыпкин. — За зиму расчет станет отличным.

Такое же обязательство взял и лейтенант Ольховой. Насчет его ротный сомневался больше. С Пересыпкинским все было ясно. А вот Ольховой не успел еще раскрыться полностью, показать, на что способен. Все больше присматривается да прислушивается, на совещаниях молчит. Хотя занятия с операторами проводит грамотно, толково. Правда, у него увольнялся только один классный специалист, но зато с прошлой осени служил Сильченко, известный всей роте своей недисциплинированностью. Так что, можно сказать, условия равные.

Обязательства утвердили, и между расчетами началось соревнование.

Соперничество в службе не мешало дружбе. Жили начальники расчетов по-холостяцки в одной комнате, вместе шагали по утрам в военный городок, вместе возвращались домой поздними вечерами. Приходилось кое-что подчитывать, восстанавливать в памяти, а кое с чем знакомиться впервые. Занимались с увлечением, как недавно в училище.

И вот наступила весна. Проверять боевую подготовку локаторщиков приехал командир части с группой офицеров штаба.

Столько целей сразу еще не видели ни операторы, ни их молодые начальники. Самолеты выделяли непостижимые уму маневры. Экран то и дело покрывался молочно-белесой рябью: «противник» применял активные помехи.

Командир внимательно следил за действиями локаторщиков. В целом расчеты неплохо справились с поставленной задачей.

На разборе присутствовали все офицеры. На дальней скамейке, рядышком, сидели неразлучные друзья — Ольховой с Пересыпкиным. Товарищи поздравили их с заслуженным успехом.

После разбора состоялся такой разговор командира с капитаном Саульским.

Командир: Поздравляю, Петр Федорович, еще с двумя отличными расчетами. Вполне заслужили — и Пересыпкин и Ольховой.

Саульский: Спасибо, товарищ подполковник. Стараются оба...

Командир: Как считаете, Петр Федорович, кто из них наиболее подходит на вакантную должность?

Саульский: Начальника станции? Надо подумать, товарищ подполковник. Должность-то ответственная...

Командир: Дела у обоих идут хорошо. У Пересыпкина, кажется, отдельные показатели несколько выше. Собранный, энергичный офицер. Сразу видно: службой живет.

Подполковник выжидающе смотрел на ротного. Капитан с ответом не торопился.

— Щекотливый вопрос вы затронули, товарищ подполковник, — уклончиво сказал он. — В самом деле, Пересыпкин деятельный, подвижный, исполнительный. Всего себя отдает службе. И все же я попросил бы повременить пока с выдвижением лейтенанта Пересыпкина.

— Вот как? — переспросил командир полка. — Интересно, чем же вы обоснуете свою просьбу? Взысканий у Пересыпкина нет, в служебной карточке одни поощрения, классность повысил, расчет за год вывел в отличные...

— Знаете, товарищ подполковник, как зовут Пересыпкина офицеры роты? Чешков! Чешков в погонах!

— Не понял, Петр Федорович...

— Фильм у нас недавно показывали в клубе. «Здесь наш дом» называется. По мотивам пьесы «Человек со стороны»... Идем после кино домой, возьми кто-то да и скажи: какой там еще Чешков? Это же наш Пересыпкин. Вылитый! Я даже остановился. Поразительно точное определение.

— Я слушаю вас, Петр Федорович, — подполковник как бы приглашал капитана к продолжению на-

чатого разговора по душам. Во время приездов на эту отдаленную «точку» командиру бросалась в глаза чрезмерная сухость лейтенанта в отношениях с подчиненными. Особого значения этому не придавал, видя в сухости не более чем сдержанность, свойственную молодым лейтенантам, вчерашним выпускникам училищ на первых порах, когда устанавливаются взаимоотношения с подчиненными и сослуживцами. Подполковник знал, как нелегко двадцатилетним лейтенантам привыкнуть к мысли, что они командиры над своими сверстниками, как по-разному утверждают они себя в воинском коллективе.

— Конечно, командир есть командир. Даже если совсем молодой. Ему нельзя быть на равных с подчиненными. Вряд ли завоеешь авторитет панибратством, — продолжал капитан. — Найти правильный тон — дело непростое. Ни в лекциях, ни в учебниках все ситуации не могут быть предусмотрены. Естественно, что на первых порах молодым командирам присуща сдержанность, настороженность. Именно этим я объяснял сначала рационализм Пересыпкина. Потом понял, что ошибся...

— Даже так?

Дело принимало неожиданный поворот. Командир внимательно слушал ротного.

— Внешне все нормально, товарищ подполковник. Расчет у Пересыпкина, пожалуй, самый крепкий в роте. Среди молодых офицеров Пересыпкин наиболее перспективный. Я это признаю, но... считаю, что выдвигать его сейчас преждевременно. Предлагаю на должность начальника станции лейтенанта Ольхового. Результаты у них, можно сказать, одинаковые. А вот пути, которыми они этого добились, разные... Для Пересыпкина, как и для Чешкова из того кинофильма, главное в том, чтобы добиться конечного результата любой ценой. Его мало интересуют люди, их судьбы, взгляды на службу. «Дело, дело и еще раз дело», — любит повторять Пересыпкин. Конечно, главное — дело. Но ведь дело люди делают. Так присмотрись к ним, поговори, побеседуй, вовремя под-

бодри, похвали, — они же горы сдвинут. А он: офицер служит в среднем пятнадцать с половиной миллионов минут; поэтому надо дорожить драгоценным временем...

— А что Ольховой? Он, кажется, его друг?

— Так точно, друг. Только взгляды у него другие. Спорят, да разве Пересыпкина переубедишь? Силен москвич... Но и Ольховой не сдается. Свою линию гнет. Больше на людей опирается. Выкроит часок во внеслужебное время, по душам, тепло так, поговорит. Любят его солдаты, льнут к нему. А вот Пересыпкин — не подступись. Холоден, равнодушен ко всему, что не касается дела. Сух, официален. А ведь прекрасный знаток техники. Не хватает человеку душевной теплоты. Скрывает он ее, что ли?

— Вот что, Петр Федорович, останусь-ка я у вас в роте на денек-другой, — решил командир полка.

Двое суток провел он на «точке». Беседовал с солдатами, сержантами, побывал на занятиях и тренировках в расчетах обоих лейтенантов. Сравнивал, сопоставлял.

— Вы правы, Петр Федорович, — сказал перед отъездом командир капитану Саульскому. — Успехи в расчете Ольхового держатся на более прочном фундаменте...

После возвращения в полк командир подписал приказ, явившийся полной неожиданностью для лейтенанта Пересыпкина.

Внешне он не изменился. Только лицо еще больше стало отчужденно-холодным да поведение подчеркнуто-вежливым. Но Ольховой знал: Сергей переживает.

Назначение на должность начальника радиолокационной станции было не менее неожиданным и для Ольхового. К обуревавшим сомнениям «справлюсь ли?» прибавлялось чувство неловкости перед товарищем. В училище Серега был командиром, здесь же, на «точке», роли переменились.

Примерно через неделю Пересыпкин сказал:

— Написал рапорт. О переводе...

Ольховой почувствовал безотчетное облегчение. Уедет Серега на другую «точку», и дело с концом. Во всяком случае, останутся друзьями. Здесь же вряд ли сохранится дружба: отношения день ото дня все больше становятся натянутыми.

Поймав себя на предательской мысли, покраснел. По-товарищески ли это? Конечно, ему, Ольховому, в случае ухода Пересыпкина будет спокойнее. А каково другу? Выходит, не понял тот ничего...

Колебание не укрылось от пронизательного взгляда Пересыпкина. Он решительно кашлянул:

— Вот что, Саня, давай по-честному. Помнишь, как в училище: с товарища и спрос строже... Я должен уйти, и ты это хорошо понимаешь. Этот нелепый слу-чай... Он все перечеркнул...

На лице Пересыпкина проступили багровые пятна.

— Прощать меня не надо. И бороться за меня тоже. А чтобы совесть ваша, товарищ командир, была чиста, заявляю: виноват я! Да, это из-за меня произошел ваш первый конфуз...

То, что он услышал, ошеломило Ольхового. Никогда бы не подумал, что Сергей способен на такое. Правда, кое-кто на «точке» намекал, что к тому случаю Пересыпкин имеет самое непосредственное отношение.

Случай произошел через несколько дней после вступления Ольхового в новую должность.

Старший начальник объявил о начале тренировки. Ее важность хорошо понимали все операторы. Предстоял нелегкий экзамен и с точки зрения операторского мастерства — следовало отработать самые сложные упражнения, и с точки зрения командирского искусства — лейтенант Ольховой впервые занял место за пультом начальника радиолокационной станции.

Поначалу все шло хорошо. Цели четко просматривались на экранах. Операторы уверенно вели их, предугадывая возможные маневры воздушного «противника».

Вдруг Ольховой почувствовал беспокойство, плохо скрытую нервозность в докладах Пересыпкина. Так и

есть: неисправность в одном из блоков. А ведь совсем недавно проводились регламентные работы...

Тогда Ольховой подумал — случайность. И хотя оценку все же снизили, молодому начальнику пришлось пережить несколько неприятных дней, — на Пересыпкина не обижался. Искал причину в другом. Думал, что нашел: в одном из устройств отсоединился контакт. Дело же, оказывается, вот в чем...

Он смотрел на Пересыпкина и все еще не хотел верить тому, что услышал.

— Ты должен возненавидеть меня, Саня, — тихо произнес Пересыпкин. — Пути наши должны разойтись. Пойми, после этого я не могу оставаться здесь...

Ольхового терзали сомнения. Конечно же, Сергею очень трудно после всего, что произошло, оставаться на «точке». Чудятся скрытые насмешки, улыбки: мол, знаем-знаем, метил в начальники, да не вышло. А потом еще эта история... Неужто правда, неужто Серега способен на такое?

— Что же, вам виднее, товарищ лейтенант, — сухо произнес он. — Против перехода не возражаю.

А через несколько дней Ольхового вызвал командир роты.

Капитан Саульский Петр Федорович крепкого телосложения, невысок ростом, зато коренаст. Лет ему — двадцать девять. Ротой командует три с половиной года. Член партийного бюро подразделения. К людям чуток, но и требователен, строг, но и отзывчив.

— Садитесь, Александр Николаевич! «Значит, разговор будет не из легких», — отметил про себя Ольховой, порядком изучивший привычки ротного.

Он не ошибся. Разговор предстоял трудный. И начал его Саульский с той единственно правильной в данной ситуации фразы, которая сразу расположила к нему молодого лейтенанта.

— А ведь и я, Александр Николаевич, поймал себя на том, что почувствовал облегчение, когда Пересыпкин обратился с рапортом о переводе...

Ольховой вспомнил свой разговор с Сергеем и поразился. Капитан, словно подслушав его мысли, спросил:

— Небось, гадаете: и откуда это командиру известно, что вы тогда думали? Конечно, Пересыпкин обижен. Не понимал, отчего выдвинули не его. Рапорт о переводе вызван именно чувством обиды, непониманием. Трудно сказать, как он сейчас будет относиться к службе. Скорее всего, с прохладцей... А может, столь же ревностно, как и прежде. Единственное, в чем не приходится сомневаться, — это то, что в жизни лейтенанта Пересыпкина наступил очень трудный период... Разрешить ему перейти в другое подразделение?

Капитан Саульский внимательно посмотрел на Ольхового. Тот молча слушал рассуждения командира.

— С одной стороны, это облегчило бы дело для нас с вами. Меньше забот. Признаюсь, Александр Николаевич, мелькнула и у меня такая мыслишка: пусть, мол, отбывает. Прогнал эту мыслишку. Разрешить переезд — значит удлинить трудный для него период. Офицер-то он толковый, перспективный. И урок этот ему необходим именно сейчас, когда командирская биография только начинается. Позже куда труднее будет... Мы с ним на эту тему долго беседовали. Прозрение еще не пришло, но, по-моему, кое-что понимать начал.

— Так вы против его перехода, товарищ капитан? — волнуясь, спросил Ольховой,

— Для того и пригласил вас, Александр Николаевич. Рапорт Пересыпкин забрал. Правда, труда это стоило немалого...

В памяти Саульского всплыла недавняя беседа с командиром полка. «А не жестоко это будет? — осторожно спросил тогда командир. — Не наломаем дров?» Ротного поддержал политработник:

«Саульский прав. Надо, чтобы Пересыпкин понял истоки своих ошибок. На новом месте все может повториться. В роте Саульского хороший микроклимат. Там умеют воспитывать. К тому же нельзя не учиты-

вать и того, что здесь рядом с ним будет друг, лейтенант Ольховой. Дружеское слово — оно ведь вон как лечит!»

Ольховой не знал об этой беседе. Не знал и того, что ротный не сказал командиру полка о том, что Ольховой не возражает против перевода Пересыпкина в другое подразделение. А не сказал ротный потому, что знал такое, о чем не догадывался Ольховой.

Во время этого разговора Ольховой сидел как на иголках. О многом хотелось ему рассказать ротному. О своих сомнениях и колебаниях. Об угрызениях совести. Сколько раз, возвращаясь мысленно к той минуте, когда сгоряча брякнул: «Против перевода не возражаю», — он испытывал щемящее чувство стыда.

Переживания молодого начальника станции хорошо видел ротный. Беседа с членами расчета Пересыпкина, а затем и с ним самим открыла глаза на причину раздора между лейтенантами.

Глядя на Ольхового, на его нетерпение и беспокойство, Саульский подумал, что наступил тот кульминационный момент, когда человек обязательно должен поделиться обуревавшими его сомнениями. И не ошибся.

— Товарищ капитан, — сказал Ольховой. — Большое вам спасибо... Вы... вы... — Он искал нужное слово, и от волнения не находил. — Вы, — выпалил он, — необыкновенный человек!

Саульский даже растерялся от неожиданности.

— Правильно, что уговорили Пересыпкина взять рапорт обратно, — горячо продолжал Ольховой. — Это я виноват. Не выдержал, когда узнал, что тот случай на тренировке на его совести. Как же так, думаю: лучший товарищ, столько лет вместе, и вдруг такой подвох!.. С тех пор места себе не нахожу. Чем больше размышляю, тем сильнее убеждаюсь — нет, не способен он на такое. Не похоже на него...

— Вы правы, Александр Николаевич. Пересыпкин — честный офицер. Правда, есть у него свои не-

достатки — чрезмерно рационалистичен, сторонится общественной работы. Современный командир — разносторонняя личность, и в первую очередь — человек. Он знаток не только техники, а и людей. У Пересыпкина же односторонний подход к службе. А этого допускать нельзя. Обе стороны должны быть в диалектическом единстве, взаимно дополнять одна другую. Только тогда командир может рассчитывать на успех. Ну, а если — однобокость, надо добиваться ее устранения. Что же касается Пересыпкина, то я должен сообщить следующее...

От ротного Ольховой уходил в приподнятом настроении, хотя и в некотором смущении. Ну и Серега! Это же надо, придумал: он, мол, виноват в том конфузе. А все для того, чтобы он, Ольховой, скорее решился подписать рапорт. Чтобы никаких сомнений не оставалось в виновности друга.

Ротный выяснил, как все происходило. Конечно, вина Пересыпкина была. Но не прямая. Серега слишком преувеличил. Видно, неумогу стало, когда осенила внезапная мысль после того, как соединил звенья всей цепи. Случай на тренировке — следствие «теории» пятнадцати миллионов минут, всей его системы воспитательной работы. Рано или поздно эти методы обязательно дали бы о себе знать. Вопрос только во времени и форме проявления.

Тогда же дело происходило так. Во время регламентных работ блок, в котором на тренировке отсоединился контакт, профилактическому осмотру подвергнут не был. Командир отделения сержант Сергейченко подошел было к нему, но Пересыпкин остановил:

— Не надо. На прошлой неделе мы с вами проводили специальный осмотр этого блока. Или вы забыли? Помогите лучше другим операторам. И так вон сколько времени впустую потеряли...

Сергейченко хотел было рассказать всю правду, но, встретив холодный взгляд лейтенанта, послушно направился к группе солдат.

Не выслушал его Пересыпкин зря. Сержант хотел

доложить, что этот блок надо бы все-таки тщательно осмотреть. Когда они проводили профилактический осмотр на прошлой неделе, не хватило специального раствора для промывки одного из контактов. Сергейченко отправился на склад, обнаружил его запертым и, вернувшись назад, на свой страх и риск обработал контакт обычным раствором. Контакт был очень чувствительный, Сергейченко знал, что нарушает инструкцию, но время истекало, а лейтенант Пересыпкин очень не любил, если его приказания не выполнялись в срок. Никаких уважительных причин для него не существовало.

«Авось пронесет», — надеялся сержант. Не пронесло.

Ах, Серега, Серега! Все взял на себя... И когда же ты поймешь, что люди куда более сложнее и чувствительнее, чем самая совершенная техника? Что знаешь ты про сержанта Сергейченко? А между прочим, в тот самый день у него был день рождения. Пробовал ли ты когда-нибудь поговорить с ним, с другими подчиненными, перекинуться шуткой, теплым словом? Что знаешь ты про своих товарищей — офицеров? Нет, неспроста все-таки отсоединился тот злополучный контакт...

Ольховой не заметил, как очутился возле общежития. На всякий случай нажал на кнопку звонка. В передней раздалась знакомая трель, напоминающая мелодию их любимой курсантской песни. Немало помучились они, пока соорудили это хитроумное музыкальное устройство, удивляющее всех, кто ни приходил к ним.

Правда, последнее время звонок не работал. Что-то случилось с контактом в проводке. Пересыпкин собирался починить, но, когда начались все эти события, вел себя так, будто и не обещал ничего. Что касается Ольхового, так он приходил домой поздно. Пересыпкин в это время спал или притворялся спящим.

Услышав знакомую трель звонка, Ольховой понял, что с контактом все в порядке.

БРОНЗОВЫЙ СОЛДАТ

Была суббота, и в военном городке, как всегда в предвыходные дни, после обеда убирали территорию. Ранняя осень добавила хлопот солдатам — пышным ковром расстелила вызолоченные каким-то фантастическим цветом листья по аллеям городка. Пахло гарью и дымом — солдаты жгли листья, собранные в кучи: приближение осени ощущалось все более явственно.

Осенняя пора, очей очарованье... Из всех времен года подполковник Анатолий Борисович Славко любил именно ее. Может, она мила его сердцу потому, что итожила год? Он ведь родился в деревне, никуда долго не выезжал, вплоть до поступления в военное училище. Ну, разве что в райцентр. С детства в память врезались незабываемые картины: озеро Лань за селом, утлый рыбачий челн на воде, одинокая девичья фигурка на берегу, осиротевшее гнездо аиста на берегу под их окном. Осень ассоциировалась у него еще с горячими драниками из свежей картошки, на которые была великая мастерица его мама, а он смачно их уплетал.

С осенью связаны почти все знаменательные события в его жизни. Осенью он пошел в школу, представлявшуюся загадочной и немножко страшноватой, осенью поступил в военное училище, осенью неожиданно встретился с отцом.

Он хорошо помнит тот день, когда они, курсанты, принимали военную присягу. Столько лет прошло, а все помнится, до мельчайших подробностей.

Подполковник давно уже вышел за пределы военного городка и шел теперь по широкой городской улице. Он мог бы попросить в части машину. Ему бы не отказали: когда-то он здесь служил, а теперь вот в командировке, представляет вышестоящий штаб. Но он решил пойти пешком, как в годы далекой юности...

Размышляя про себя, подполковник не заметил, как очутился за городом. Теперь он шагал по шоссе,

по обочинам которого яркими кострами полыхали верхушки кленов.

Эту дорогу Анатолий Борисович знал хорошо. Когда служил в здешних краях, часто ходил в маленькую деревушку, ставшую для него родной. В той деревушке его отец.

Отец стоит на холме, высокий, плечистый, в исхлестанной дождями плащ-палатке. Мужественное, суровое лицо, взгляд, устремленный вперед. На груди неизменный ППШ. Кажется, вот-вот вздрогнут безжизненные холодные губы, блеснут глаза, оживет бронзовая фигура на высоком постаменте, сойдет вниз, к людям, к Анатолию, к его матери.

Он стоит, бронзовый отец, как память огненных лет, как предостережение тем, кто начинает забывать уроки минувшей войны, — рука бронзового солдата привычно сжимает рукоятку автомата.

Собственно, это даже и не отец подполковника, потому что здесь похоронены шестнадцать разведчиков, а памятник поставлен один — всем шестнадцати. Но Анатолию Борисовичу кажется, что скульптор изобразил именно его отца, хотя он отлично знает, что автор памятника не мог видеть отцовского портрета. Но все равно хочется, чтобы это был его отец...

Яркими кострами горят верхушки кленов, несмело желтеют кроны молодых дубков. Легкий ветерок шевелит ветви деревьев на братской могиле. На постаменте горят фамилии погибших артиллеристов, и среди них строка: «Рядовой Славко».

Тихо на братской могиле. Только изредка прошуршит падающий на землю кленовый лист. В торжественной тишине двое в военной форме думают о чем-то своем. Отец и сын. Оба солдаты, и это вдвойне роднит их.

Подполковник вспоминает...

Несколько дней назад Иван Назарович Пышный пришел с работы необычайно сияющий и радостный. В коридоре шумно расцеловал встретившую его жену, бодрым голосом произнес:

— Ну, жена, по такому поводу не мешало бы и заветный шкафчик открыть...

Жена, с удивлением наблюдая за мужем, поинтересовалась:

— Что это с тобой? Уж не «Волгу» ли выиграл?

— «Волгу» не «Волгу», а вот! — и Иван Назарович торжественно положил на стол какую-то бумажку.

Супруга ахнула:

— Ордер? На квартиру?

Да, Пышным наконец предоставили квартиру со всеми удобствами. Ольга Ильинична сразу же воспылала желанием немедленно осмотреть новое жилище.

На семейном совете решили: ни одной вещи из старой квартиры в новую не брать, покупать сразу всю мебель. И началась беготня по мастерским, мебельным магазинам, всевозможным ателье.

Так было и в ту субботу. После обеда Ольга Ильинична сразу же поехала по магазинам. Витька, двенадцатилетний мальчик, угрюмый, на удивление диковатый, так ни разу и не назвавший Ивана Назаровича папой, отвел глаза в угол и, не глядя на него, мрачно произнес:

— Я — к ребятам. В футбол будем гонять.

— Папка, и я с Витькой! — запищала Танька. Ей шесть лет, она любимица Ивана Назаровича, его утеха и радость в жизни. Она знает, что ей ни в чем не бывает отказа, и уже начинает умело пользоваться папиной слабостью.

Иван Назарович не выдерживает и на этот раз:

— Иди, Татка, иди. Только не задерживайся, а то буду волноваться, — целует он дочку на прощание.

Та артистически подставляет пухлую щечку и, шмыгнув носом, убегает. Иван Назарович остается один в доме. У него нет кабинета, и он занял уголок в гостиной, поставив туда письменный стол со множеством ящиков, перекидным календарем и настольной лампой. Стол старенький, как и предметы, стоящие на нем, и Иван Назарович уже договорился отдать его соседу из четвертой квартиры — у того дочка

пошла в первый класс. Не покупать же новый стол в старую квартиру, когда ему вот-вот должны вручить ключи от новой, — говорит сосед, и говорит правильно.

Иван Назарович тоже доволен, что все ушли, и он остался один. Наконец-то сможет прибрать старые бумаги, письма, документы и решить, что брать с собой в новый дом, а что уничтожить, чтобы ничто не тревожило душу, не бередило старые раны. Он достал связку ключей и решительно открыл нижний ящик стола.

На него глянули большие с поволокой глаза. Это все, что осталось у него от Оксаны.

Они познакомились в партизанском отряде. Сначала она была связной, потом ее забрали в отряд — оставаться в деревне стало небезопасно. Партизаны принесли его в лагерь — раненого, обмороженного. Партизанский врач (до войны он был ветеринаром), осмотрев больного, безнадежно махнул рукой.

Самолет, на котором Иван летал стрелком-радистом, был сбит, но Ивану удалось спрыгнуть с парашютом. Во время приземления он был ранен, долго лежал в снегу, а затем полз около десяти километров, полз до тех пор, пока окончательно не выбился из сил. И тогда, обессиленный, равнодушный ко всему, свернулся калачиком под разлапистой елью. Там и подобрали его партизаны, возвращавшиеся с задания.

Он потерял много крови и пришел в себя только через две недели. Первое, что увидел, — миловидное лицо девушки, склонившейся над ним. Попробовал было вскочить, встать на ноги, но сумел лишь слегка пошевелиться.

— Лежите, лежите, — услышал он испуганный шепот и ощутил ласковое прикосновение девичьей руки.

Эта тоненькая девушка выходила его, вернула к жизни. Партизанский врач, добрый, тихий старичок, сказал как-то:

— Молись на нее, парень. Кабы не Оксана Славко, не видать бы тебе белого света...

Она ничего не говорила ему, но Иван узнал: Оксана дала ему свою кровь. Потом узнал еще: ради его спасения девушка не раз пробиралась в деревню, какими-то неведомыми путями доставала лекарства, которые в то время нельзя было достать ни за какие деньги. А она умудрялась.

Оксанка, так ласково называли ее в отряде, работала в партизанском лазарете, и на ее попечении было несколько раненых бойцов. И вот однажды, когда основная часть отряда ушла на боевое задание, на лагерь неожиданно напали каратели. Она не растерялась, схватила автомат и вместе с оставшимися в лагере партизанами отражала натиск врага до тех пор, пока на помощь не пришли основные силы партизан. Она защищала раненых, неподвижных бойцов, лежавших в лазарете, а значит, и его, Ваню.

Иван трижды был обязан ей своим спасением. Трижды отводила она смерть от его буйной головушки, трижды рисковала собой ради него.

Был он тогда статным, рослым, чернокудрым парнем, нравился девчатам. Понравился и Оксане. Мечтательная, застенчивая девушка именно таким и представляла своего избранника.

Это было в начале марта. Таял снег. Утром Иван ушел в лес и пришел только к полудню. В руках у него были подснежники — нежные, голубоглазые. Этот букетик первых весенних цветов решил все...

Когда их партизанский отряд влился в одну из регулярных частей Красной Армии, он посоветовал Оксане остаться в своем селе. Простились они торопливо. Он попытался было пошутить, взял ее за руки, заглянул в глаза:

— Ну что? Как в песне — дан приказ ему на запад?

У нее затряслись от сдерживаемых рыданий плечи, потемнели, округлились глаза:

— Ты вернешься, Ваня?

— Ну конечно же...

Полк ушел на запад.

В жарком бою близким разрывом снаряда он был

тяжело ранен в ногу. Истекавшего кровью, его доставили в госпиталь. Ногу пришлось ампутировать. Начались мучительные раздумья: что делать? Вернуться к Оксане? Для чего он ей, калека?! Усугублять страдания?

Решение пришло не сразу. Нет, пусть хоть у нее все будет хорошо. Он не станет напоминать ей о себе, связывать обязательствами, надеяться на сострадание...

Не знал, что у Оксаны родился сын. Его сын.

С тех пор много воды утекло. После выписки из госпиталя он поселился в маленьком белорусском городке. Познакомился с Ольгой Ильиничной — тоже фронтовичкой.

Ее муж умер от ран. Ольга Ильинична осталась с сыном Витькой. Случай свел ее с Иваном.

Иван Назарович машинально перебирал старые бумаги. Мысли его витали по всем закоулкам трудно прожитой жизни. Какое-то необъяснимое чувство тревоги вселилось в него и не дает покоя вот уже несколько последних лет.

Сны... От них нет мочи. Сколько раз просыпался среди ночи в холодном поту. То Оксана приснится, то партизанский отряд. И тогда он жадно затягивался дымом сигареты.

В коридоре раздался телефонный звонок:

— Квартира Пышного? Это из городской больницы звонят.. Ваша дочь у нас... Несчастный случай...

Лейтенант Анатолий Славко, не спеша, шел по усыпанной кленовыми листьями тропинке, тянувшейся вдоль шоссе. Пора было возвращаться в часть.

Ему было грустно, как всегда при прощании с отцом. Мысли перескакивали с одного предмета на другой. То они убегали к родному селу, к матери, то к недалеким годам учебы, то снова возвращались к части, к службе, к обыденным, повседневным делам.

Мама... Она очень сдала за последние годы, постарела, осунулась, все чаще стала жаловаться на разные

хвори. А когда-то красавицей слыла на селе. Вон сколько про нее колхозный кузнец дед Гришка рассказывает! Говорят люди, симпатию он имел к молодой красивой вдове Оксане Славко. Но Оксана отвергла ухаживания Гришки, не захотела приводить мальчику отчима, сама воспитала сына.

Дед Гришка и поныне вздыхает, глядя на нее: и сердится, что погубила свою молодость чернобровая Оксана, отказалась от человеческих радостей, и в то же время восхищается внутренней красотой и богатством ее сердца.

Когда провожали Анатолия в училище, заглянул в их хату и дед Гришка. Добре выпил дед, подсел к матери, сверкнул хмельным глазом:

— Эх, Оксана, Оксана! Пролетел твой бабий век, что реактивный в небе. А присушила ты тогда мое сердце, ой как присушила...

Печалью покрылось мамино лицо, с болью сказала:

— Вы, мужики, только про свои сердца и говорите... А мое... мое, может, до сих пор сохнет...

Потемнел дед Гришка, понял, по кому сохнет сердце Оксаны. Не по нему, конечно. Налил целый стакан белой, выпил одним махом, налил еще — крепок был дед Гришка, даром что седина посеребрила голову. И тут вдруг до Анатолия дошло, кого имеет мать в виду — отца! Всю трудную жизнь пронесла она его образ в своем сердце, оставшись верной ему до конца. Да, настоящие чувства никогда не подвластны времени. Теплая волна нежности к маме наполнила его сердце.

Неожиданно встретившись с отцом здесь, в этих местах, где ему довелось сначала учиться, а потом служить, он сразу же написал маме письмо, приглашал ее приехать. Мама долго молчала, потом ответила, что болела, но сейчас поправилась и, видимо, скоро приедет.

Он шел сейчас в часть и думал о том, как приедет мама, как он будет ее встречать, повзрослевший, возмужавший, и она его, конечно же, сразу не узнает, и как они вместе пойдут к отцу...

Анатолий шагал уже по окраине городка. На небольшой площадке компания подростков гоняла футбольный мяч. Лейтенант прошел мимо них, и снова углубился в свои мысли.

Детский крик заставил его обернуться назад. Анатолий замер от неожиданности: крохотная девчурка протянула ручонку за мячом, закатившимся на середину шоссе, а сзади прямо на нее на полной скорости мчался тяжелый грузовик.

Преодолев минутное оцепенение, лейтенант рванулся наперерез машине...

Когда Иван Назарович, взволнованный и запыхавшийся, прибежал в больницу, медсестра, неслышно выпорхнувшая из палаты, подошла к нему:

— Здравствуйте, Иван Назарович!

— Что с Таткой? — не отвечая на приветствие, прерывающимся голосом спросил он.

— Успокойтесь, все будет в порядке. Ей ввели снотворное, и она сейчас спит. Все страшное позади...

Медсестра скрылась за белой дверью так же неслышно, как и появилась.

Пышный, не в силах больше стоять, опустился в кресло. Через минуту вскочил. Из палаты вышел пожилой человек в больших очках. Врач.

— Не беспокойтесь. Кризис миновал. Ваша дочь будет жить, — сказал он, протягивая руку Пышному.

— Что, что с ней?

— Ничего страшного. Так, небольшая травма. Нет, нет, для здоровья не опасная, — заметив испуг на лице собеседника, поспешил успокоить его врач. — Теперь уже не опасная. Благодарите вон его...

Врач указал на парня в военной форме с двумя лейтенантскими звездочками на погонах, сидящего в кресле. Иван Назарович только сейчас заметил его. Рядом с незнакомцем, опустив голову в каком-то смутном отупении, сидел Витька.

— К счастью девочки, у этого молодого человека оказалась та же группа крови, что и у нее, — первая. Это спасло ей жизнь. Простите, у меня дела...

— Доктор! — умоляюще рванулся к врачу Пышный. — Разрешите...

— Нет, нет, не разрешаю, — запротестовал врач. — Она сейчас спит, и беспокоить ее не следует.

Врач ушел к себе в кабинет, и они остались втроем.

— Как вас зовут? — нарушил молчание Пышный, обратившись к лейтенанту. — И вообще, как это произошло?

— Моя фамилия Славко.

Что-то дрогнуло в душе Пышного, внезапно он почувствовал, что летит в какую-то пустоту. Неимоверным усилием воли он взял себя в руки — мало ли сколько бывает однофамильцев.

— Расскажите, как это все случилось...

— Как? Ну, шел я, значит, по городу... У отца был... — не спеша, начал рассказывать Анатолий.

«У отца был», — светлым лучиком пронеслось в голове Пышного, и он почувствовал, как вдруг сразу отлегло от сердца и стало легче дышать.

— Так, так, — нетерпеливо произнес он, поторапливая лейтенанта.

— ...Иду по городу, вдруг слышу крик. Оглядываюсь: девочка за мячиком бежит, мячик катится, девочка догоняет его, а из-за поворота грузовик летит...

— Спасибо, товарищ, — сказал Иван Назарович. — Теперь мы, так сказать, родственники. Вот мой адрес. Заходите. Надо, чтобы командование узнало, поощрило. Дом-то далеко?

Сказал и замер, ожидая ответа. «Да, нервишки у тебя дрянь, старина. Слишком мнительным стал».

— Да нет, не особенно далеко, — ответил Анатолий.

И снова Пышный почувствовал, как отлегло от сердца. «Недалеко». Значит, где-то рядом, если к отцу так запросто ходит.

Они медленно шли по аллейке старого парка — подтянутый лейтенант и старенькая седая женщина в пуховом платке. Был конец октября. Ночью неожиданно выпал снег. Утром, когда с КПП позвонили, что

к нему приехала мама, и он побежал к ней, дважды растянулся — было непривычно скользко.

К бронзовому солдату они пошли пешком. По дороге он расспрашивал о деревенских новостях, о друзьях, оставшихся в родном селе. Потом разговор перешел на службу.

— Трудно небось, сынок?

— Да как сказать, мам? Нелегко, конечно, бывает. Особенно на первых порах. Сейчас ничего — втянулся.

— А ты хорошо выглядишь — возмужал, окреп, — тихо радовалась мать.

— Свежий воздух, хороший аппетит — поневоле поправишься.

— А я прихожу к этой вашей будке... Спрашиваю у солдата...

— КПП, мама. Контрольно-пропускной пункт.

— Ну, хорошо, пусть так. Так вот спрашиваю у него: «Мой сын здесь служит, Славко Толик, лейтенант, может, слышал про такого?» «Это который кровь девочке дал? Как же, говорит, знаю, есть такой». Какой девочке ты кровь давал? Что-то не писал мне об этом...

— Так, был случай, — нехотя ответил Анатолий. И коротко рассказал о нем.

И вспомнилось матери...

Полузасыпанная снегом землянка — партизанский лазарет. Слабо мигает коптилка. На нарах стонет раненый, потерявший много крови там, в лесу. Его принесли возвращавшиеся с задания партизаны. Перед постелью больного она, Оксана.

Скрестив руки на груди, угрюмо ходит по землянке партизанский врач — бывший ветфельдшер Ерофеич.

— Ерофеич, родненький...

Ерофеич наконец решается:

— Ладно, дочка, попробуем... — Он вводит кровь раненому. Ее кровь...

Сын нежно берет мать под руку. Они идут нога в ногу, идут к самому дорогому для них человеку.

Вот он, стоит на высоком постаменте — бронзовый солдат. Снег на полах плащ-палатки, на каске. Золотом горят шестнадцать фамилий, и среди них — та дорогая строка...

Несколько минут они молча стоят перед памятником. Вдруг мамина теплая рука ложится на его плечо, он чувствует знакомый с детства запах маминых волос:

— Пойдем, сынок. Это не наш папа. Он не мог здесь воевать.

Толик ошарашенно смотрит на нее:

— Но ведь все совпадает, мама!

Мать печально качает головой:

— Нет, сынок, не все... Ты носишь мою девичью фамилию...

Через несколько дней мама уезжала домой. Она могла бы рассказать ему, как перевернулся у нее в глазах свет, как не спала всю ночь в городской гостинице, когда случайно узнала фамилию девочки, которую спас ее сын. Вспомнила все, с самого начала. И решила: будь что будет, зайдет к нему.

Но зайти к Пышному так и не решилась. Смелости не хватило. Она долго ходила возле его дома и все уговаривала себя зайти. Ноги почему-то не слушались ее. И тогда она села на скамейку в скверике.

Поразмыслив, решила никогда к нему не заходить и не пытаться искать с ним встреч. У него семья, дети. Зачем ворошить прошлое, зачем разбивать семью? Пусть хоть у его детей будет отец. Ведь они ни в чем не виноваты.

Они сидели в большом номере маленькой гостиницы и молчали: умудренная житейским опытом седая мать и только еще вступивший в большую жизнь сын.

Она вдруг поднялась с места:

— А знаешь, сын, давай сходим туда, попрощаемся?

Он сначала не понял, потом догадался и согласно кивнул головой.

...Впереди показался бронзовый солдат с неизменным ППШ на груди. Первый снежок, выпавший несколько дней назад, растаял. По-прежнему шуршат под ногами листья.

— Все-таки я всегда буду приходить сюда, — говорит, словно дает клятву бронзовому солдату, солдат в серой шинели, — и товарищей буду приводить.

У мамы дрожат слезинки на ресницах. Только бронзовый солдат спокоен. Ведь он на посту. У него тоже есть где-то сын, но разве Анатолий и его сверстники, родившиеся и еще не родившиеся в то время, когда он уже закрыл их своей грудью, — не его сыновья?

* * *

Эта удивительная быль передается от одного поколения молодых офицеров к другому. Анатолий Славко уже подполковник, но он верен клятве, данной в юности.

БЛОКНОТ III

Пунктирная линия. ПОВЕСТЬ ИЗ НАГРУДНОГО КАРМАНА

27—30 июня. В поле

Сижу сейчас в лесочке в десяти километрах от нашего военного городка и ловлю кайф. У нас учения. Правда, была бессонная ночь, а перед ней караул, и спать поэтому хочется страшно. Впереди еще одна такая ночь, учения продлятся и завтра.

Приехали мы в свой городок вчера часов в семь вечера. Разгрузались, когда стемнело. Сделали это довольно быстро и сразу же взяли курс не на городок, как рассчитывали, а в район сосредоточения.

Было темно, светили прожекторы, впереди и по сторонам виднелся лес, мы ехали долго и наконец остановились. Внезапно нас ослепил свет фар. Из леса выскочил «газик». Это был мой любимый подполковник Чернов.

Не поздоровался. Не поприветствовал и сегодня утром, когда пришел в расположение дивизиона. Как будто он меня не знает. Конечно, я солдат, а он подполковник.

И вообще некоторые офицеры внимания на солдат не обращают, считают зазорным для себя знаться с нами, даже если мы имеем высшее образование. Пример — лейтенант Коваль. Наглющий тюлень с усами. Иду это я вчера с поста в вагон, а он навстречу:

— Ты куда прешься? Где твой вагон?

Подумал, небось, что в самоволку собрался.

Другой пример — капитан Гуревич. В вагоне мы горячо спорили о белорусах, их культуре и истории,

экономике и науке. Никаких доводов не принимает во внимание. А *хомут* Шмилевский договорился до того, что Бобруйск был столицей Белоруссии. И все это так самоуверенно, самодовольно. Истина в последней инстанции. И Гуревич хорош: доказывал, что столицей Белоруссии был... Витебск. Непререкаемый тон, чувство собственного превосходства.

Смех, да и только.

Одуряюще пахнет сеном. Запах непривычен после Пустынного Места. Восхищаюсь природой: лес, высокая трава, роса, туманы... Будто заново открываешь для себя мир.

Письмо Вете так и не отправил. Вернемся в казармы, потом.

Да, еще: выпил двести граммов вина, когда ехали домой. Это впервые за четыре с половиной месяца. Очень болела голова, даже сейчас не проходит.

Нет, это решено, пить я больше не буду. Все. Завязано. Чувствуешь себя куда лучше, если не употребляешь этого зелья. Ведь раньше, лет семь — десять назад, я и вкуса его не знал.

Сегодня в восемь вечера будем менять дислокацию, то есть будем занимать стартовую позицию. Завтра весь день будет боевая работа по живым целям. Сейчас тоже начинается, с десяти утра.

Совсем рядом, в ста метрах от нас, за деревьями, — маленькая деревушка, дворов десять. Ходил туда утром за водой. Пахнуло родным, знакомым с детства. Колодец во дворе, вода чистая и холодная; простая деревенская бабка, с улыбкой встречающая солдата.

Умывался во дворе, раздевшись до пояса. Хорошо! Надо будет сходить туда еще раз. Возле деревни патрули, нас туда не пускают, но я агитатор батареи, и мне доверяют наполнить наши бачки со станции и с пусковых.

Пишу под аккомпанемент разноса, который учиняет комбат Галстяну, шоферу ТЗМ. Во время ночного марша в район сосредоточения он сломал трубы, в которых находятся носы ракет. Завал. Надо кончать пи-

сать, а то он, чего доброго, подумает, что это я о нем пишу.

Сегодня понедельник. Остается 121 день. Очень хочется, чтобы Вета приехала ко мне сюда. Приедет или нет?

Да, надо думать уже и о девятой главе книги, а то я почему-то много стал думать о женщинах.

* * *

Сижу возле станции совершенно очумелый. Жарко. Очень жарко. Видно, будет гроза.

Мы по-прежнему в поле. Правда, в другом. Ночью поменяли позицию. Ехали долго, я полуспал, полубодрился, помню только, как неожиданно остановились прямо посреди большого села. Было около двух часов ночи, но многие жители деревни не спали и, окружив нас, с удивлением смотрели на ракеты, на пусковые. Я сидел на связи. Так что не видел ни девчат, ни женщин, о которых сегодня солдаты рассказывали весь день.

Вчера на позиции приезжал командир соединения и остался недоволен действиями батареи майора Козякова. А посему приказал продлить учения еще на один день. Так что предстоит еще одна бессонная ночь, четвертая по счету.

Спать, спать, спать. Едва стою на ногах.

Сегодня тридцатое, а завтра начинается июль, второй месяц лета. Вот-вот скажу: прощай, армия!

Интересно, получила ли Вета мое письмо, отправленное с дороги?

Как встретят Тупиевы и, главное, Лола? А может, приволокнуться за ней от нечего делать?

В городке ждет портативный радиоприемник «Микрон» — музыка. Ура! Говорят, казарму сейчас не узнать, все блестит. И наконец, сфотографируюсь. А то восемь месяцев прослужил, а фото так и не удосужился сделать.

Сразу же, как только приедем в часть, напишу всем письма.

Сейчас снова боевая работа. Цели ловлю теперь я.

Сижу в казарме, в городке, возле своего бывшего места. Сейчас определили спать в другом ряду. Нахлынули воспоминания.

Здесь все непривычно: и огромная казарма, и новые ряды кроватей, и белые простыни, и зелень территории. Очень много деревьев. Или это кажется после унылой серости полигона?

Третьего дня учений не было. Вчера сразу приехали в городок. Ехали ночью через лес, поля и деревни, и девушки бросали под пусковые цветы. Приехали в полночь и сразу же уснули, не раздеваясь, на голых сетках. Спали как убитые.

Сегодня ничего не делаем. Готовимся к смотру, стираемся, моемся, чистимся. У офицеров — выходной.

Утром на разводе страшно напугали. Отныне в городке передвижения разрешаются только строевым шагом или бегом. Все, кто идет в *занятое* время, немедленно отправляются на плац. Михлевич, врач по образованию, выпускник мединститута, жалуется:

— Шел один в занятое время. Попал в *отлов*. Три часа ходил строевым шагом. С песней.

А Филимонов теперь уже сержант, ходит с большущей красной папкой под мышкой и записывает в нее всех, кто бродит в одиночку по городку.

Разговаривал с Филимоновым и Ракитным. Мои однопризывники и одногодичники уже побывали на офицерских курсах. Интересно, что будет с нами, пустынноместниками? Отправят или нет?

Новость: в городке вспышка дизентерии, увольнения в Боровск на месяц запрещены. Приехал окружающей эпидемиологический отряд, предполагается санобработка. Вот здорово: в Пустынном Месте дизентерии не было, а здесь, в чистоте, появилась.

Зульфия в отпуске, Лола на сессии. Корнев уехал домой, и Зульфия так и не выдала свою дочку замуж. Петя Ракитный — начальник плавательного бассейна, а маршалский тезка переведен из счетоводов в бата-

рею и ходит теперь в санчасть каждый день, требуя освобождения от занятий.

Написал письма — два Вете, матери, Елкину-Палкину.

Рослов утверждает, будто видел некоего майора из героического «Боевого поста» и тот говорил ему, чтобы я подумал о возможности перехода в газету. Буду думать. Теперь все будет зависеть от Ветиного решения.

Разменял июль. Завтра восемь месяцев моей армейской жизни. Остается четыре.

После ужина пойду к Шершуновичу и заберу свой «Микрон».

* * *

Сегодня ровно восемь месяцев, как я солдат. Комбат спрашивает:

— Хотите домой?

— Конечно, товарищ капитан!

— Хорошо, я поговорю с командиром дивизиона.

— Так я не выполнил обещания — физо на четверку не делаю.

— Ничего.

Позже. Сижу на станции. Подходит Аксенов. Поздоровались. Намекнул ему относительно отпуска. Пять месяцев на полигоне — не шутка.

— Хорошо, обдумаем этот вопрос.

С офицерскими курсами, видно, ничего не получится. Нас не отправят, по всему видно. И Аксенов напрасно пытается оправдаться: желающих было много, а мест мало. Чепуха все это. Туда, оказывается, ездили даже после десятилетки, солдаты срочной службы. Обычный армейский парадокс: мы уехали и о нас забыли.

Ну да ладно, как хотят. У нас сейчас регламентные работы и техобслуживание. И так будет до десятого июля включительно.

Порядок установлен жесткий. Работа продолжается пятьдесят минут, потом звучит сигнал трубы — пе-

рерыв на десять минут. Хождения по городку запрещены. Старшина Галанин пошел было с молодым солдатом за ветошью, а их задержали и тоже отправили на строевую позаниматься малость. Старшина Галанин и строевая — ха-ха-ха!

А Малахов опоздал на развод и пришел прямо на технику. Он был не один. С ним опоздали еще три офицера. И все они получили сутки, завтра едут в Холмск на гауптвахту.

Да, порядочки. Это чтобы привыкали к городку после полигона, после того вольготного житья.

Неужели можно будет поехать домой?

Не забыть взять у Тимченко «Кон-Тики». И еще Нарывный приказал: так как порядка в частях не видно, все офицеры должны присутствовать в частях от подъема до отбоя. Словом, достается всем: и нам, солдатам, и командирам.

Неужели мне все-таки не присвоят «младшего»? А как же тогда с ГСВГ (Группа советских войск в Германии) и программой-минимум?

А ну это все к шутам. Будь что будет.

Завтра с подъема прививки от дизентерии. Пойдет весь дивизион.

Девятая глава, девятая глава.

Интересно, получила ли Вета письмо, отправленное в пути? Ответа нет. Сегодня пошлю ей два письма, написанные вчера. Значит, через неделю-две она их получит.

Пятого июля молодые будут принимать присягу.

* * *

Третье июля. Слушаю по «Микрону» репортаж о встрече космонавтов в Москве.

Третье июля. В прошлом году я только что приехал из Автозаводска, там мы были с фотокорреспондентом Валерой Швайко, потом встретили одного знакомого поэта, который рассказывал о праздничной демонстрации в Холмске, и Швайко плакался, почему он поехал со мной, а не остался в Холмске.

Я тогда пришел на работу и увидел в своем календаре запись: «Загляни в мой стол». Заглянул. Там были записка от Веты и сувенир. В записке было сказано, что она меня ждала-ждала, но не дождалась и уехала домой. Назначила встречу возле кинотеатра «Роща золотая».

Мы встретились, смотрели фильм «Бриллиантовая рука», где я много и весело смеялся. А потом поссорились. И начал я. Почему-то мне хотелось ссориться в тот вечер.

В общем, я все время ее прогонял, и кончилось это тем, что я почти силой втолкнул ее в автобус.

А сейчас сижу вот в солдатской казарме. Знал ли я тогда, где буду через год?

Сегодня стало известно, что Габриель, герой моих нескольких материалов, сжег дорогостоящее оборудование. Техника опечатана, к ней никого не подпускают, создана специальная комиссия. Мы прорабатывали Габриеля на комсомольском собрании.

Малахов уже не руководитель политзанятий, он готовится к дембелю, вместо него будет Куценко, младший лейтенант. Я его помощник.

Продолжаем техобслуживание. Завтра дивизионный кросс, принимает сам командир соединения, а у меня с ногой беда приключилась: натер косточку. Взял освобождение у Михлевича, он нынче вместо Корнева.

Корнев уехал на дембель, и, рассказывают, была у него очень интересная история с Лолой. Подробности попыток Зульфийи задержать потенциального зятя гуляют по казармам.

Снова написал Вете. Сидел на занятиях, проводимых Черновым, кстати, совсем неинтересно. И матери написал. Перевел ей немного денег, из полученных гонораров, пусть купит себе что-нибудь, а то вечно только о нас заботится, а о себе никогда. Деньги мне здесь ни к чему.

* * *

Сегодня воскресенье. Какой-то очень тоскливый день. На удивление было много свободного времени,

почти целых четыре часа, сел было за машинку, но отпечатал только одну страницу — совсем нет рабочего настроения.

Жду почты, но от Веты нет ничего. Может, она в отпуске?

Новости: майора Козякова перевели в третий дивизион начальником штаба. Во вторую батарею нашего дивизиона приходит новый командир, старший лейтенант Ковалев. У него, оказывается, служил в свое время мой знакомый, поэт из Холмска. В казарме висит объявление: завтра партсобрание — отчет секретаря и выборы нового. Значит, он уходит. Интересно, кого изберут: Батрачука, нашего Карманова или Украинца?

В прошлом году в это время собирался в Глубынь-Городок.

Толчок, толчок, толчок!

Была присяга у молодых, и мы все были в парадно-выходной форме. Присутствовали представители райкома партии и райкома комсомола. До чего же коряво говорит Нарывный!

Какой же следующий праздник?

Просил сегодня Рослова, чтобы принес завтра свежие газеты.

Толчок, толчок, толчок!

* * *

С утра политзанятия. Ведет Куценко. В первый раз вел батарею строем по всему городку. Как проходили занятия? Очень просто. Поставил Куценко рядового Бодряшкина у доски и приказал читать вслух очередную речь Л. И. Брежнева.

Сегодня была общая физзарядка. Под музыку. Нагрузка ощутимая. Пришел в казарму потный, запыхавшийся. Тищенко, начальник спортивной службы, стоял на трибуне и командовал парадом.

Было партийное собрание. Секретарем стал Украинец, начштаба.

А так больше новостей нет. Да, у комбата сегодня день рождения.

Писем от Веты нет. Почему? Ну почему? Напишу ей еще одно, самое последнее. Прямо сейчас, не откладывая в долгий ящик.

* * *

Выпала свободная минутка, зашел в ленкомнату, включил «Микрон» и взялся за блокнот. Сегодня в наряде, дневалю. Не совсем повезло: слишком много начальства ходит.

Несчастья начались со вчерашнего дня. На разводе. Во-первых, помощник оперативного дежурного (какой самовлюбленный хомут!) пристал с обязанностями дневального. Здесь их требуют наизусть. Вся моя натура протестует против бессмысленной зубрежки, главное ведь четко знать все, что входит в круг твоих обязанностей.

А потом случилась еще одна беда. Проходили торжественным маршем. Впереди шли два лейтенанта: один — кадровик, другой — двухгодичник. Идем и смотрим: слева, возле штаба, стоит Нарывный с двумя большими звездами — получил подполковника. Лейтенанты не подали своевременно команду «равнение на-лево!», и Нарывный властным движением руки повернул их назад:

— Полчаса строевой!

Мы ходили по плацу, а лейтенанты стояли. При чем здесь солдаты? Офицеров надо наказывать, а не нас. Возмутился очень долго.

И спал мало. Сейчас в городке новые порядки, и спать приходится в наряде два с половиной часа. Состояние, как у вареного рака.

Скоро будет слет следопытов. На наш городок дали четыре места и кандидатов уже стали подбирать, но Нарывный запретил. Никак не разберусь, что он за человек. Вроде бы и добродушный, и приветливый, а вот на деле — непонятно кто. Многие его недолюбливают, и офицеры в том числе.

От Веты никакой весточки. Написал еще одно, пятое, письмо.

Стою сегодня в шесть утра, *сторожу тумбочку*. Идут Шишкан и Рослов. Рослов говорит:

— Там приехал майор из «Боевого поста». Видел его в гостинице в Боровске. Интересовался тобой. Расспрашивал, как проехать в нашу часть. Будет приглашать тебя на работу.

А может, пойти? Голова пухнет. И в «Юном романтике» надоел сиропчик подслащенный, и с азов начинать не хочется. Привык к коллективу, к Елкину-Палкину.

* * *

Майор так и не приехал.

Вета молчит. Написал ей шестое письмо. Может, она в отпуске?

Мать вчера прислала письмо. Пишет, что четырнадцатого июля через Боровск будет проезжать соседская девушка и она заедет ко мне, привезет журналы. Написал ей, чтобы соседка привезла мой университетский ромбик.

А больше ничего нового.

Два года назад в этот день я оставил беременную Лиду дома и уехал с Елкиным в путешествие по Лесной Стороне. Тогда мы вылетали в Сосновск, в аэропорту встретили Вету, она улетала в какой-то город. Провожал ее какой-то здоровенный детина сельского типа, в тенниске, впоследствии оказавшийся ее мужем.

А мы ехали с сумками, фотоаппаратами, магнитофоном. Одним словом, экспедиция! Путешествовали десять дней. Было настолько здорово, что решили по мере возможности впредь ездить в командировки вдвоем. Но это осталось только решением. После ездить вдвоем не пришлось.

Приехали из путешествия девятнадцатого июля. Я бежал с Лидкиным портфелем возле Старой площади (жили тогда у ее родителей) и думал, что она уже в роддоме, но она была еще дома. Она открыла дверь, располневшая, грузная, близкая, родная.

А потом начался привычный редакционный крутеж, и я бегал по выставкам и заводам. Дней через семь пришло время роддома.

А в прошлом году я летел в тот же Сосновск, но уже один, и целью моей командировки был тихий городок с его проблемами и нравами. Серия этюдов на тему провинциальной жизни вызвала волну откликов, и первым в редакцию пришел бородач с красивыми синими глазами — художник Воронов Гена.

В глубиньгородокской гостинице я познакомился с Юль-Васильной. Вернувшись из командировки, несколько раз напоминал о себе телефонными звонками, мы встречались пару раз, ходили в кино.

Я привез тогда из глубиньгородского магазина много хороших книг, еще больше мне присылали наложенным платежом в Холмск.

Все это было в прошлом. А вот сегодня весь день чистил траки и мыл станцию.

Хватит воспоминаний. Достаточно лирики и слез. Что было, то было.

Вот пишу я этот дневник. Тимка мой вырастет, станет большим, умным и сильным. А что, если он все это прочтет? Скажет, ну и папаша!

Шут его знает, я, видно, окончательно запутался в лабиринтах жизни.

Тимке тридцатого будет два года. Он уже и разговаривает, и ходит. Ну какой он, какой? На кого похож?

На днях должна выйти моя книга. Отправлю Тимке с посвящением. Он же Бомель-младший, как бы там ни было.

10 июля. Вета

Ужинаем. Подходит кадэ.

— Сегодня в 21.30— боевая работа. Всем быть в парке.

И вот в парке. Сколько она продлится, эта боевая работа — бог весть. А вот завтра с утра кросс на три

километра, после два часа строевой, а потом мы заступаем в караул.

Очень болит голова.

Прислали авторские экземпляры моей книжки, один я уже подарил Татарову, другой отправил сыну с надписью: «Сыну моему Тимке, ровеснику рождения этой книжки от папы-ракетчика». И ниже: «Будь смелым и мужественным. Папа».

Бросил в тумбочку дневального. Завтра пойдет.

И от Веты получил. Сначала потемнело в глазах — знакомый почерк увидел. Тут же, второпях, перед обедом, стоя в строю, пробежал глазами.

Пишет о том, что получила сразу четыре моих письма, вернувшись из командировки. Тон сухой, сдержанный и официальный. Пишет, что она многое передумала за все это время, что выяснять наши отношения на бумаге она не хочет, что почему-то странно получается: на бумаге мы пишем хорошие слова, а как встретимся, не знаем, о чем говорить.

Короче, она прежняя, такая же, какая была зимой, весной, летом. Снова жалобы и упреки, что я не хочу знакомить ее с матерью и родственниками. Очень обтекаемая формулировка относительно наших чувств. А я прямо спрашивал об этом.

В сердцах я сжег письмо. Хотел было дать резкий ответ, да потом раздумал. Все. Точка. Писать ей больше не буду. Порывать, так порывать. Решительно и бесповоротно.

Это решение окончательное и пересмотру не подлежит. Приду домой и начну новую жизнь.

Да, она пишет: возвращайся, тогда выясним наши отношения. Видите ли, с солдатом не хочет знаться, а вот с журналистом — пожалуйста.

Старая песня.

Будь, Славка, решительным и мужественным. Терпи!

Интересно, как дела у Елкина с Валеёй?

А с Ветой еще раз — конец!

Ведь пойми, скажи откровенно, ты собираешься на ней жениться? Слишком она холодно-рассудочная...

Представляю, что будет, если я на ней женюсь. Она загубит меня заботами о своей дочери. Один знакомый рассказывал как-то, как она и ее мамаша загрызли бедного отчима.

И она такая! Своего не упустит. А рабом я не хочу быть.

А ежели так — выброси ее из головы. И из сердца тоже. Все, об этом ни слова, ни мысли.

Клянусь, что больше о ней не буду думать и писать. Она для меня не существует.

12—14 июля. Лола

Сегодня День рыбака. Два года назад мы с Елкиным в это время были на одном из лесносторонских рыбзаводов. Местные рыбаки отмечали свой праздник, щедро угощали заезжих гостей с фотоаппаратами. Я до того наугощался, что шел по деревенской улице к поезду и здоровался со всеми встречными.

Боевой работы не было, хотя и просидели на технике до двух ночи — что-то случилось с летунами, и реальных целей не было. Обидно.

Готовимся к тревоге. Но был поднят только один дивизион.

Теперь боевая работа с выездом в поле будет два раза в неделю, ночью, до двенадцати часов.

В карауле. Стою на вышке на четвертом посту и смотрю на дорогу, ведущую из деревни в наш городок. Непривычно видеть сразу столько гражданских людей. Тем более женщин. Вчера вечером, как раз напротив моей вышки, остановились две парочки с гитарами. Странно слышать женский смех, больше привык к грубому мужскому хохоту.

Вчера получил большой пакет с газетами. Зинуля прислала. Думал, есть что-нибудь мое. Нет. Газета очень скучна. В конверте приписка: «С возвращением!» Сердце уж как-то подозрительно вздрогнуло: отвык от проявления женского внимания.

Хотелось бы знать, с чего бы это Зинуля снова на-

думала высылать газеты? В последнее время она не баловала меня таким вниманием.

С «Микроном» здорово. Слышимость отличная. В караул не беру, нельзя. А в казарме, на хозяйственных работах можно. Ночью пришел комбат проверять несение караульной службы, построил бодрствующую смену и приказал вывернуть карманы. У Захаровича был транзистор за пазухой, у некоторых сигареты и спички. Устроил большой разнос сержантам.

Дошла очередь до меня:

— Вы ведь не курите?

— Никак нет, товарищ капитан.

— А «Микрона» у вас нет?

— В караул никогда не беру.

Смотри ты, поверил. Обыскивать постеснялся.

У Захаровича приемник отнял и сказал, что отдаст только перед демобилизацией.

Где-то лежит Ремарк, «Три товарища». Выменял у Косиловича за две пачки «Памира» — только чтобы почитать.

Новостей больше нет, все по-прежнему. До дембеля остается 111 дней. Все ближе и ближе.

К Мозолю приехала жена, и он смылся к ней еще вчера вечером. А ко мне приезжать некому.

* * *

Вчера умылся, побрился, начистил сапоги — словом, приготовился к завтрашнему дню. После с чистым сердцем отправился в ленкомнату, взял свою зеленую папку и принялся за письмо в издательство.

Накануне был в карауле, случайно, от нечего делать, развернул старый номер журнала «Старшина — сержант». Увидел интервью с директором издательства. Он сказал, что у них появилась новая серия изданий «Как мне служится». И тут мелькнула мысль: а что, если мою книгу предложить им?

И вот письмо составлено. В виде предложения. Коротко рассказал о сюжете, композиции, содержании отдельных разделов.

Отправить не успел. Во-первых, у меня нет адреса издательства. Его я намеревался узнать сегодня, но судьба играет человеком — сижу на связи в станции в районе сосредоточения.

Отбой проходил, как обычно. Не успели уснуть, как прибегает дежурный по части:

— Габриель и Дубовик, за офицерами, быстро! Собирают всех офицеров...

Тревога будет, решили мы. Никто не засыпал. Спустя некоторое время появился начальник штаба соединения. Проходя по казарме, он громогласно объявил:

— Бывают разные тревоги: явные и тайные. Явные, когда звонит сигнализация. Тайные, когда офицеров созывают. Во втором случае личный состав подымается с постелей, берет оружие, шинели и строится в ожидании команды и офицеров. Должностным лицам исправить ошибку.

И они исправили. Через пять минут мы уже стояли у входа в казарму.

Выехали в двенадцать ночи. Немного спал, если это можно назвать сном: и сидя, и стоя, как приходилось.

Видно, будем здесь до субботы. А сегодня должна приехать мамина соседка. Невезучка, да и только. И письму долго лежать неотправленным.

Видел вчера Тупиеву. Развевались полы белого халата. Сообщила ошеломляющую весть: ее Лола наконец-то выходит замуж. На этот раз за лейтенанта Масловского. Сейчас она на сессии в Холмске. Жаловалась Зульфия на судьбу, уверяла, что она против этого брака, что у матери жениха якобы туберкулез, жалела дочку. А по-моему, она страшно довольна таким поворотом дела.

Намекнул относительно курсов. Замялась, хотя решение этого вопроса зависело во многом от ее мужа.

В карауле подходит Гопюк:

— Твоя статья в «Боевом посту». «Я недоволен собой» называется.

Открываю газету, и точно: несколько строк и подпись — «рядовой В. Бомель». Оказывается, они объя-

вили второе июля днем округа и всех просили рассказать, как прошел этот день в их частях. Писем было, видно, не очень чтобы много, и им ничего не оставалось делать, как поставить мою фамилию под какой-то белибердой о том, что второго июля мы ходили на стрельбище и я не поразил цель, а посему очень недоволен собой. Но, во-первых, второго июля мы не ходили на стрельбище: у нас были регламентные работы, а во-вторых, я не стрелял.

Сначала возмутился, хотел было написать гневное письмо редактору, а потом рассмеялся: ох, газетчики, газетчики...

16—20 июля. Лола и ее мама

Где-то там, в поле, в трех километрах от небольшой деревеньки, идут учения, в разгаре боевая работа. Ребята ловят цели. А я лежу в санчасти.

Плохо почувствовал себя позавчера. Вчера совсем стало плохо: слабость во всем теле, головная боль. И температура. День мучился в палатке.

Вечером Куценко отвел меня в сельскую больницу. Осмотрели — температура тридцать девять, ангина.

Решили на ночь оставить в больнице, возвращаться назад в палатку нет смысла, могло быть хуже. Остался. Больница хорошая, кирпичная. Светлая и чистая. И уход за больными прекрасный.

Утром приехал Чернов и отвез в наш городок, в родную санчасть. Лежу с какой-то дурацкой повязкой на горле. Знаю, откуда болезнь: спал на сырой земле. И вот результат.

Забрать в городок хотели вчера, приезжали Украинец и двое офицеров (кто — не знаю), но я так крепко спал, что они не решились будить. Это мне Украинец по дороге рассказал: он ехал вместе с Черновым.

А так новостей нет. Очень внимательные и заботливые люди в сельской больнице. Я даже фамилий их не спросил.

Дела, кажется, идут на поправку. Температура почти спала, горло болит, но меньше.

Получил письмо от матери. Она была в Киеве у родственников, деньги от меня получила, соседка тогда не смогла приехать, перенесла на двадцать первое и все, что я просил, привезет.

Зульфия завтра едет в Холмск готовить дочку к свадьбе: заказывать шитье, вязанье и т. д. Напросилась зайти в редакцию. Ну что ж, говорю, если есть желание.

Покоя от нее нет. Вот деятельная женщина! По-прежнему охает да ахает, что дочка попадает в семью, где есть больные туберкулезом. Надоело. Единственное, что хорошо, — это то, что она приносит чтиво — вчера «Москву» с романом Арк. Васильева о Власове, а сегодня «Литературку». Пять месяцев не видел «Литературки». Статья о новом фильме «Признание» с Ив Монтаном и его супругой в главных ролях. Фильм — о чехословацких событиях, и показаны они тенденциозно. Не верится, что Ив Монтан мог сняться в такой дешевке.

А роман «В час дня, ваше превосходительство» потряс.

Не могу найти ни одной книги, изданной «Ударом и натиском», чтобы узнать его адрес. Письмо в издательство все еще лежит не отправленным.

Вчера не писал. Лезут всякие воспоминания — и прошлогодние, и позапрошлогодние. В прошлом году я в это время вернулся из Глубинь-Городка.

Завтра здесь ждут комиссию из округа. Будет работать неделю.

Все еще лежу в санчасти. Вот-вот должны выписать, уже совсем здоров. Начальник санчасти в Холмске, а без него никто ничего не решает.

Вчера получил пакеты с газетами. В одном из номеров статья Веты и Конкина. В соавторстве. Значит,

они ездили вместе. Она как-то раньше рассказывала, что этот картинный красавец питал к ней нежные чувства. Ну что ж, мне все равно. Даже если у них что-то и было. Пускай. Мне все равно. Она для меня давно не существует. Все они одинаковы!

Какое мне дело до всего этого!

Главное — дело. Остальное чепуха. Я уже вижу себя на «гражданке» — занятого, делового, спешащего с «дипломатом» в руке.

Осталось написать четыре главы. Не так уж много. Надо будет форсировать отставание, чтобы к ноябрю все было окончено, хотя бы в блокнотах.

Шершунович ушел в библиотеку, узнает адрес «Удара и натиска», и сразу же отправлю письмо в издательство.

Да, вчера приходил проведывать комбат. Принес получку. Я на повышение пошел, уже получаю четыре восемьдесят, ефрейторские. Расту. Так и до старшины можно дослужиться.

В шестом номере «Знамени» новый роман Симонова «Последнее лето». Четвертая книга эпопеи. Те же герои — Серпилин, Синцов, Батюк. Прочел начало в шестом номере — хорошо.

Остается 104 дня.

Тридцатого июля Тимке будет два года. Хотя бы одним глазком взглянуть на него. Какой он?

Дьявольская депрессия. И время для работы есть — я в санчасти, — а не могу взяться. Нет толчка: ничего пока не напечатано моего ни в «Юном романтике», ни в «Боевом посту».

* * *

Чего-то не хватало все эти дни. Мучался страшно. А потом понял, в чем дело — надо было просто сесть и написать что-нибудь.

И сел, и написал. Две документальные новеллы. По-моему, получилось. Это часть новой, девятой главы — «Искры, собранные в горсть». О маленьких, неприметных, незначительных, на первый взгляд, слу-

чаях, эпизодиках, в которых проявляются вся красота и величие солдатской души. Вторую половину допишу позже — и вот девятая глава готова. Остаются три.

«Искры...» отправлю в «Боевой пост».

О новостях. Зульфия ходит по санчасти сияющая, радостная. С порога сообщила:

— Отложили на месяц.

Сначала не понял. Оказывается, она о Лоле.

В редакцию Тупиева не заходила, выехала вчера вечером. Лола обещала мне позвонить, но сегодня звонка не было.

У оперативного есть городской телефон, и по нему можно звонить в Холмск. Сегодня Зульфия возьмет мне талон, и в ближайшее время я ей позвоню.

Комиссия из округа работает. В санчасти есть сержант, который более всего боится, что проверяющий полковник придет в палату и начнет шарить по тумбочкам. В некоторых лежат старые *хабэ*.

Завтра меня выпишут. Где-то после обеда. Сейчас врио начмедслужбы нашей части — Збышек Михневич. Он пишет стихи и мечтает о литературной деятельности. Быстрый, говорливый, он то нравится мне, то кажется каким-то ветрогоном, без царя в голове.

Завтра боевая работа с девяти утра до двенадцати ночи. Говорят, что сразу после обеда будет отбой до ужина. Посмотрим.

В общем, кончилось мое валяние в кровати. Да, отправил письмо в «Удар и натиск».

22 июля. Соседка из Холмска

Уже в дивизионе. Вчера выписали.

Приезжала соседка из Холмска, миловидная девушка по имени Люда. Пришел Мозоль, он был дежурным по части, сказал:

— Иди на КПП, к тебе приехали.

А через несколько минут мне еще и позвонили.

Одел новехонькую форму и пошел. Легко сказать —

пошел. Время было занятое, а кто ходит по городку и попадает на глаза начальству, того немедленно отправляют на строевую.

Прибежал, поминутно оглядываясь. Но Бог милостив — никого не встретил. На КПП есть комната для свиданий, но они разрешены только в праздничные и выходные дни, а вчера был вторник, и ключ от комнаты у оперативного дежурного.

В общем, повел я ее возле домов. Спрятались. Очень неловко себя чувствовал: сидел как на иголках, постоянно воровато оглядывался. Рядом, в огневом городке, раздавались голоса — там шли занятия.

Было мокро и сыро. Шел частый дождь. Хорошо, что у нее был плащ. Говорить было не о чем, мы совершенно не знали друг друга раньше. Спасибо, привезла ромбик, журналы, бумагу, ручки.

Поговорили мы с ней немного, а потом я проводил ее на автобус. Она уехала, а я зашагал в санчасть. Ее мечта — попасть в военный госпиталь медсестрой.

Пришел в санчасть, угостил ребят вкусной едой. Дальше путь лежал в дивизион. И сразу же попал на боевую работу, так как после обеда был отдых, а потом ночная боевая работа до часа ночи. Ничего.

Сейчас у нас работает комиссия из округа во главе с генералом. Сегодня он был на разводе, и мы прошли мимо него торжественным шагом. А в пять вечера он собрал молодых офицеров и имел с ними продолжительную беседу.

Сказал, что дивизионы отныне по очереди будут находиться в поле. Вот здорово! А то эти занятия измучили вконец. Да еще комиссии — все бегом, бегом.

Пишу последнюю страницу в этом блокноте. Завтра начну новый, а этот понадежнее спрячу. Новый блокнот будет последним в моей воинской службе.

Приходила Зульфия, рассказывала, что Лола заходила вчера на мою работу, но там никого не было.

Итак, новый блокнот. Четвертый по счету.

Пишу на спортгородке, расстроенный и злой. Сегодня, после подведения итогов паркового дня, кто-то из наших пожаловался, что мало занимаемся физо. И вот результат. Сейчас девять вечера, личное время у всех, а наша батарея на спортгородке.

Новый блокнот совпал со знаменательным событием в армейской жизни — до конца службы остается сто дней. Сто!

В понедельник выезжаем в поле. Почти на месяц. Собственно, это еще не точно, возможно, поедет другой дивизион. У нас слишком много неисправностей, и устраняют их представители завода, заводчики, как их называют.

Главная задача — в субботу и воскресенье дописать девятую главу. Надо написать две новеллы. Тема одной уже есть. Идея всего раздела — «В дороге», «На учениях» и т. д., предисловие небольшое и концовка на тему о том, что солдат всегда солдат.

Вот такие дела. Да, а писем все нет — ни от кого. Видел во сне свою книгу.

* * *

Когда я сказал Зульфие, что с понедельника уезжаем в поле, она расстроилась, но потом успокоилась и сказала, что приедет с Лолой туда, ко мне. Уговаривала, чтобы я сразу написал ей.

Вот это любовь к чаду своему.

Новостей нет. Осталось 99 дней — число уже двузначное, и это приятно (наконец-то!). Комбат по-прежнему свирепствует и сегодня на послеобеденном построении сказал Мозолю:

— В понедельник *посадить* Косиловича!

Косилович моего призыва, мы вместе были в карантине, и вот он первым из наших отправляется на гауптвахту. Во время боевой работы в парке он сломал раму транспортно-заряжающей машины и порвал че-

хол, вернее, не он сам, а молодой водитель из майского призыва, страшно прожорливый товарищ. Но Косилович оператор, старший на машине, и потому спрос с него.

Вот, пожалуй, и все новости. Живу сейчас думами о дембеле. Порядком устал от всего этого, сыт переменной. С нетерпением жду трех событий дня: утра — потому что с него начинается новый день и до дембеля, соответственно, остается все меньше и меньше, обеда — потому что в обед приходит почта, и вечера — потому что вечером можно сходить в буфет и вечером отбой.

Год назад создавались типажи Глубинь-Городка, а два года назад Лида была в роддоме.

Тридцатого появился Тимка...

А три года назад наше заявление лежало в загсе, я договорился, чтобы нас расписали пораньше, без очереди, и в это время собирался в Ленинград. Мы ходили тогда по Холмску — искали мне костюм. А в день моего отъезда в Ленинград лил дождь, мы долго стояли на остановке троллейбуса, и тогда ко мне прицепился какой-то пьяный, а она держала мою руку и все боялась, что он столкнет меня на проспект, под проходившие машины.

А потом я отвел пьяного в милицию, отдел был рядом. Потом мы поехали к ней, и я ушел к себе где-то после полуночи, а утречком улетел в Ленинград.

Все это было. Ну что ж, что было, то было.

А теперь неудержимая жажда дембеля. Как все здесь надоело. Единственное утешение — дневник. В нем я такой, какой есть на самом деле и каким был прежде.

Завтра с утра кросс.

* * *

Сегодня был в увольнении. Ходили с Похольчиком по Боровску. Звонил Вете, но телефон не отвечал. Хотел было написать ей письмо, а потом раздумал. За-

чем? Ведь она мне больше не пишет. Так зачем набиваться?

Сфотографировался. Первый раз в военной форме. Завтра уезжаем в поле. Оттуда напишу Лоле. Двадцать девятого у нее кончаются экзамены. Первый раз, после полугодового перерыва, был в увольнении, смотрел на штатскую публику. Одно расстройство...

27—28 июля. В поле

Шум, гам, неразбериха — уезжаем сразу после ужина. Операторы пусковых уже уехали на новое место, строят палатки. Мы ждем темноты, чтобы тронуться в путь.

Жить будем примерно в десяти километрах от городка. Не просто жить — учиться стоять на боевом дежурстве.

Вчера трое наших опоздали из увольнения и стали поэтому притчей во языцех. Склоняли на всех разводах, комбат грозился впредь не отпускать в увольнение, но отъезд спас всех.

Итак, жить там будем месяц — до сентября.

Взял с собой чистый блокнот — допишу девятую главу, вернее, две новеллы, тема одной уже есть, и напишу новую, десятую главу, тема тоже есть.

Приходила прощаться Зульфия, просила не забывать. Лола уже передумала выходить замуж, и это хорошо. Почему? Ну и хитрец же ты, ну и обольститель!

А что? Она ничего девчонка...

* * *

В палаточном лагере. Сiju сейчас возле временного своего жилища, ребята смотрят фильм «Стряпуха», который только что привезли в огромной черной машине и в ней же крутят.

Живем в палатке на довольно просторной поляне среди низкорослых деревьев. Деревья — граница нашей территории. Где-то недалеко, в километрах двух-

трех, за рошей — деревня, то ли Городище, то ли еще как-то, не знаю.

Выехали вчера после ужина, марш был трудный — железнодорожное полотно, шоссе, несколько деревень, узкие улочки, к тому же извилистые. Вдобавок пошел дождь, который не утихал всю ночь и не кончается сегодня. Сейчас вроде бы слегка успокоился, но небо в тучах, мокро и сыро.

Весь день устраивались. Я был на станции, работал легко, с охотой, перед ужином привезли почту, и мне было три пакета — очень много газет.

Тема первой новеллы слегка видоизменилась, и в окончательной редакции она будет по-другому и называться, и решаться. А вот темы второй новеллы все еще нет.

Надо будет черкнуть Зинуле, поблагодарить за газеты.

Что-то сильно болит голова, то ли от сырости, то ли от СОЦ — над ней весь день развевался флажок, знак работы на высоком. А я ходил около нее в метрах тридцати.

В палатках живем по шестеро, это не так густо, но плохо, что нет света. Темнеть начинает рано, и много времени уходит зря. Посмотрел несколько кадров «Стряпухи» и ушел, уж больно все примитивно. А ребята, и офицеры в том числе, ничего, хохочут, довольны и веселы.

Как мало человеку нужно. От некоторых офицеров сегодня пахнет «аква витой». И вчера тоже этот запах присутствовал. Целый месяц в поле — не шутка. Когда же все это кончится?

Через 95 дней.

29 июля. Тимка

До обеда были занятия, а потом занимались устройством жилья. Приехали Аксенов и заместитель по тылу, и наше расположение им не понравилось. После обеда все пахали.

Завтра тридцатое. Моему Тимке два годика. У меня перед глазами стоит тот день. Перед обедом позвонил в больницу, и равнодушный женский голос произнес:

— Сын.

Я растерялся. Это я точно помню. Вышел на улицу и не знал, что делать. То ли к ней ехать, то ли ребят хмелить. Поехал все-таки к ней, отвез цветы, вернее, передал, а потом поехал за «аква витой».

Меня поздравляли, дружно чокались, и хмельной Костин разбил бутылку с «аква витой». Все дружно решили, что это к счастью.

Елкин-Палкин совсем захмелел, и мы ехали в троллейбусе, а он все морщил свой и без того морщинистый лоб. Я сошел у стадиона и пошел в больницу, а он к Вале, которая лежала с подозрением на тиф после отпуска в Крыму. Но об этом я тогда не знал, это уже после Валя рассказывала, что Елкин пришел в больницу хмельной и сказал:

— А у Славки сын родился.

Это был радостный день. А сейчас сижу вот возле палатки, слушаю отборнейший мат и вспоминаю.

В прошлом году мне было плохо, совсем плохо. В кармане у меня лежал билет на самолет, Вета была в отпуске, я шел возле «Роши золотой» и встретил знакомого поэта. А еще я ждал тогда Юль-Васильну, с которой познакомился в Глубинь-Городке, и мы смотрели в тот день какой-то двухсерийный индийский фильм.

А на завтра я улетел и пробыл в командировке до пятого августа.

Вчера было кино, а сегодня нет, и доблестные воины капитана Карманова не знают, чем развлечься. В основном играют на гармошке. Да, сегодня привезли проклятущего коня, значит, снова будем через него прыгать. А еще грозились притащить перекладину и брусья.

Кричат — механикам-водителям идти на технику. Весь день у них было вождение и еще ночью намечается.

И все-таки Тимке два года. Как бы я ни старался не думать о прошлом, оно властно напоминает о себе.

Лоле написать, что ли?

Сегодня окончательно вырисовался план новеллы. Тот вчерашний вариант отбросил. Не подходит — мелковат.

Что-то долго я над этой новеллой работаю. Но ничего. Зато все ясно, остается только начать и закончить. Условный заголовок — «В летних лагерях». Осталась еще одна новеллка, и все: девятая глава будет готова. Есть отличный сюжет и для десятой.

Завтра, кажется, наш караул.

31 июля. Подполковник Нарывный

Вот и июлю конец. Завтра август. Весь день была боевая работа, и он пролетел быстро и незаметно. Правда, приехал Нарывный и испортил всем настроение.

Было так. В связи с боевой работой после обеда командир дивизиона разрешил всем отдохнуть. И все уснули, в том числе дежурный и дневальные. А в это время в расположение лагеря прибыл командирский «газик». Никто его не встретил, не остановил.

Только минут через пять к Нарывному бросился дежурный. Нарывный махнул рукой:

— Не нужны мне ваши доклады.

Из палатки выбежал заспанный кадэ. Маленький, тощий, он по-петушиному бросился вслед за грузным Нарывным, который в это время шествовал вдоль главной линейки лагеря. Взору Нарывного предстало многое — и поднятые палатки, а в них котелки, шинели, противогазы, химзащита и спящие солдатики — кто в гимнастерках, кто в трусах и сапогах.

— Куда это я попал? — громко спросил сам себя Нарывный. — А, понял. В подразделение майора Жарикова.

Кадэ стоял перед ним — невзрачный, тщедушный — и пытался доложить дрожащим голосом. Нарывный ему руки не подал, не говоря уже о том, что он не приложил ее к козырьку. Стоял огромный, рыхлый и сверху вниз смотрел на майора.

В лагере он пробыл не более пяти минут и сразу же укатил. Тут все забегали, засуетились.

Безусловно, в поле несколько легче, нежели в городке, и многие заметно расслабились. Кадэ человек мягкосердечный, и все этим пользуются.

Никитин уже однажды был замечен в самоволке. Простили. Так нет, сегодня ночью он снова бегал в деревню.

А командир добрый.

Позавчера написал Лоле письмо. Какое-то путаное и неясное. Шут его знает, было странно-тоскливое настроение. Чуть ли не в любви признался.

Вчера моему Тимке было два годика. Конечно же, эту дату они отмечали.

В прошлом году в это время был в командировке. Писем никаких не получал за эти два дня. А новеллы еще не писал. Видно, засяду в воскресенье, если это будет выходной день. Второй темы еще не придумал, только знаю, что посвящаться она будет дружбе и войсковому товариществу.

Завтра август, и, следовательно, скоро осень. Значительно похолодало.

3 августа. Зульфия

Получил письмо от Лолиной мамы. Пишет: если вы устроите Лолу после своего увольнения в Холмске, она замуж не пойдет.

Да мне-то что? Какая разница: пойдет ее доченька замуж или не пойдет? Ну и мамаша! Как это все делается. Неужели и моя теща так все прозаически решала? А Лола? Что думает она сама?

Ходил весь день словно в воду опущенный. Вот так жизнь!

От Лолы вестей нет. Вчера Куклевский привез от нее «Литературку». Записки не было.

В субботу приезжал Аксенов, было много самоволок. Я ездил на машине в поисках самовольщиков. объездили пять окрестных деревень. Напрасно! Никаких следов. В одиннадцать вечера вернулись сами. В нашей батарее обошлось без ЧП.

Вчера было комсомольское собрание дивизиона, доклад делал Аксенов. Жаловались, что не получаем газет, нет информации о важнейших событиях в стране и т. д. Шишкан сидел красный и потный. Вот человек, поистине ничего не делающий. Целыми днями собирает грибы. Говорят, убывает в отпуск.

Сел вплотную за новеллы. Одну написал, вторую начал. Сюжет и тема третьей вырисовались окончательно. К десятому августа — закончить. Писать вечерами, на политзанятиях, во время двадцатиминутного перерыва после обеда. Потому что идет десятый месяц, а девятая глава не окончена.

Да, пошел десятый месяц службы. Десятый! Остается два месяца и 28 дней, или 89 дней.

Послезавтра знаменательная дата — я женился. Три года тому назад...

А в прошлом году был в командировке. С сегодняшнего дня Вета в отпуске. От нее ничего по-прежнему нет. Ну что ж, значит, это конец.

А вообще, здесь, в лагере, отлично. Свежий лесной воздух, палатки, довольно сносная пища. Кормят гораздо лучше, нежели в городке. Видно, потому, что офицеры питаются вместе с нами из одного котла.

Вчерашний день пролетел быстро и сумбурно. Замучили построениями и всевозможными спортивно-культурно-массовыми мероприятиями. Сделал только половину того, что намечал.

Отдал «Микрон» Куклевскому: он радиоинженер. Что-то там не контактит. Пусть наладит. Поем: «Скоро осень, за окнами август». Итак, на марше, на марше, на марше...

5 августа. Лида

Вчера дописал последнюю главу. Состоит из трех новелл.

Чур, перерыв. Приехал Нарывный. Допишу после. В лагере никого, все уехали в госпиталь на обследование. Нарывный пробыл не более пяти минут. Уехал.

Пошел дождь, мы зачехлили станцию и забрались внутрь.

Вчера в «Боевом посту» мой большой опус. Хожу именинником.

Приехала комиссия из округа — медицинская, на предмет обследования. Комбата, начальника станции, Татарова увезли в госпиталь. Очень молодой подполковник медицинской службы говорил, что техника безопасности у нас совершенно не соблюдается.

Немало острым на эту тему, но, честное слово, у меня что-то неладно. Головные боли, резкое ухудшение зрения.

Впрочем, я всегда был мнительным. Вечно копаюсь в переживаниях, придаю значение всяким пустякам. Сколько раз давал себе слово, что не буду обращать внимания на мелочи. И вот снова...

Писем пока нет ни от кого, и от Лолы тоже. Интересно, получила она мое письмо или нет? Или ее напугал, а может, рассмешил тон моего письма?

У нас изменения: между двумя деревьями в лесу прибили скобами перекладину, и теперь каждый день по часу физо, к тому же и окаянный конь есть, и еще какая-то ржавая двухпудовая гиля.

Чернов почти все время торчит у нас. Вчера наша батарея была дежурным подразделением, и после обеда мы чистили картошку. Кайф — лес, великолепный воздух, рядом офицеры варят грибы, у меня в ухе «Микрон», работающий на «Маяке». Куклевский все-таки исправил его.

Возле кухни стоит клубная киномашина. Правда, сначала экран был маленький и звук паршивый, но теперь все наладили, и я с удовольствием смотрел вчера «Восемнадцатый год». По идее, сегодня тоже должен быть фильм.

Сегодня пятое августа. Ровно три года назад в этот день я расписался. Была свадьба, все кричали «горько», а потом мы сбежали от гостей и пошли на остановку. Лида была в фате, я под хмельком, и люди не только останавливались в недоумении, но даже подходили и спрашивали:

— Ребята, вы это серьезно?

А мы смеялись в ответ, счастливые и радостные.

В этот день она стала моей женой, а я ее мужем. Сразу после свадьбы я взял отпуск, и мы поехали на Синие Озера отдыхать. Это был и в самом деле медовый месяц.

Где она сейчас? В Холмске, в Москве? С кем она сейчас? Не может быть, чтобы все эти годы она жила одна и ни с кем не встречалась. Но, Бог с ней, пусть меня не тревожат эти вопросы.

Что было, то было.

В прошлом году я был все еще в командировке и собирался уже ехать домой. А сейчас Вета в отпуске. Тогда он у нее только-только кончился.

6 августа. Лола

У нас новый кадэ. Но его еще не видели, он приходил в часть, но в лагерь не приезжал. Майор, учился в академии вместе с нашим Украинцем. Жариков ушел в штаб соединения.

Позавчера произошло ЧП — перевернулась машина с тремя нашими солдатами и одним гражданским, которого они подвозили. Сгорело все: и машина, и люди. Шофер чудом остался жив. Его высадили в деревне, а старший машины сел за руль. На месте происшествия нашли бутылку вина.

Среди сгоревших мой знакомый Пенкрат, зема Слабко. Я его отлично знал, были вместе в карантине. Сильно потрясен, даже не верится, что он сгорел и его больше нет в живых.

Вчера вызвал комбат:

— Надо съездить в городок, привезти кое-что.

Шишкан выдал увольнительную.

Сначала поехал в Боровск, сфотографировался, побродил по городу. Смотрю, навстречу летит Лола.

Смутились оба, в особенности она. Свернули в многолюдный парк. Хочет в Холмск. Замуж она уже не идет. Провела меня до остановки, и я укатил в часть.

10 августа. Вета

Сегодня суббота, комбат уехал домой, и мы балдеем на технике. Я рассказываю всякие житейские истории, и все внимательно слушают, даже начальник станции Лисин.

Погодка чудная, трава густая и высокая — мы меняли место, прежде был слишком высоким угол закрытия. Провалились весь день в траве.

От нас караул, и, видно, я пойду в наряд. В первый здесь, в лесу. Выходной потому, что у нас нет боевой работы. А так обычно ходят разведка и механики-водители.

Фотографии будут готовы завтра, но меня вряд ли отпустят: приказом свыше все наши машины поставлены на прикол, и не на чем будет уехать. Видно, получит кто-нибудь из офицеров.

Да, вместо Пенкрата должен был ехать маршальский тезка. Вспомнил их стычку в карантине и подумал: судьба, не иначе. Маршальского однофамильца я мельком видел после трагедии, он звал меня, видно, давил тяжелый груз на душе, но времени у меня совершенно не было, и я не остановился.

Получил очередную порцию «Юных романтиков».

Приехал Мозоль из отпуска, много и с подробностями рассказывал о «гражданке», о жене. Включил радио и старался не слушать. Мне было очень больно.

Три года назад в эти дни мы уезжали на Синие Озера. Летели самолетом, «кукурузником», и Лида летела в первый раз. Дочь военного летчика!

А в прошлом году? В эти дни я приехал из командировки. Вета тоже приехала из отпуска. Мы пошли

в «Рошу золотую». Ничего не клеилось, она больше молчала, и я это понял. Разошлись мы очень плохо, поссорились. Размолвка продолжалась неделю, она сама попросила о встрече, и мы пошли в ресторан.

Сейчас она в отпуске.

А Зинуля ничего не пишет. Газеты, и больше ничего, ни одного слова.

* * *

Окончил главу. Вчера перепечатал, осталось только вычитать. Это сделаю, видно, завтра, на политзанятиях.

Сразу же надо браться за следующую главу — об армейском комсомоле, о своей комсомольской юности, о сыне, которому я приберегу свой комсомольский билет точно так же, как приберег мой отец для меня.

Такую главу — обязательно. Одиннадцатую, сентябрьскую, — о Джоне Фостере. А пока десятую. Жить ею, вынашивать ее, подбирать эпизоды — наиболее яркие и впечатляющие.

Сегодня приехали Нарывный, Аксенов. Они построили дивизион и представили нового кадэ. Майор, молодежавый, одинакового роста с прежним.

Нарывный долго кричал, что техника наша в плохом состоянии, а потом сказал, что приедет тринадцатого августа проверять, что исправлено. Жариков тотчас поставил задачу — техобслуживание после обеда. Так что идем драить станцию.

Сейчас у нас «двоевластие» — старый кадэ и новый. Оба командира, и обоим приказано слушаться.

Аксенов рассказал о ЧП. Экспертиза установила, что в машину угодила молния. Гробы отправлены родителям. Не верится, что нет Пенкрата.

13 августа. Увольнение в Боровск

Событий много.

Во-первых, получил письмо от Лолы, обещает несколько сюрпризов и журнал «Неву» с романом Жуховицкого «Остановиться, оглянуться...»

Роман прочел — великолепно. Изумительно. О журналистах. Танька Мухина просто восхитительна.

Вчера был в карауле, вдруг появляется комбат, снимает с караула и отправляет в город с поручением. Приехал в часть, переделся в парадный мундир, забрал фотографии, отправил письмо, сходил на почту, позвонил в родной «Юный романтик».

Разговаривал с Зинулей. Елкин в командировке, Вета в отпуске. Рассказала новости. Ждут меня, обещают приехать после двадцатого августа.

Просил узнать что-нибудь о судьбе моих опусов, которые я присылал с полигона. Оказывается, она о них даже не слышала. Неужели не дошли? Елкин должен написать обо всем.

Из увольнения вернулся рано — несмотря на то, что на остановке встретил случайно Лолу и проводил ее до самого дома. Разговор явно не клеился, ее, видно, смущало то, что я солдат. Она бежала сломя голову, боясь, как бы ее не узнали знакомые. Одна приятельница все-таки подошла. Беседовали, стараясь не смотреть на меня. Смущалась. Я ее отлично понял. Ну что ж, я тоже знаю, что мне надо делать. Стесняйся, стесняйся, голубушка.

Таким образом, вернулся из увольнения вместо пяти часов к двум. Пришел комбат, допишу после. Мы дежурное подразделение.

Нет, я не пошел на кухню чистить картошку. Этим занимаются другие, а мы, станция, сидим в палатке и изучаем матчасть.

У нас началась полоса дождей. Все мокрое, палатки едва не утонули в воде, особенно во второй батарее. У нас сравнительно ничего, но все равно мокро и грязно. Простыл, хлюпаю носом. А дождь все льет и льет, и радио улучшением погоды не радует.

Полдня печатал вкладыши в военные билеты — о дозах облучения. А сейчас снова изучаем матчасть. Дождь по-прежнему сечет стены палатки. Сыро, холодно, зябко и противно.

На днях уходят в запас Тимченко, Колосов, Куропатник, Куклевский. Это офицеры-двухгодичники. Счастливики!

Говорили с юмором:

— Дембеля ходют!

В прошлом году в эти дни не произошло ничего значительного. В позапрошлом Лида была уже дома, я привез ее тогда из роддома. А еще раньше мы жили на Синих Озерах, проводили свой медовый месяц. Это было необыкновенное время.

Пятнадцатого сентября начинается проверка. Проверят нас Москва, Главком сухопутных войск. То ли сегодня, то ли завтра начнутся учения. Они будут уже не восемнадцатого, как намечалось раньше, — сроки переиграли.

14—20 августа. В ожидании генерала

Дожди по-прежнему. Сажу в палатке, идут политзанятия, ведет Куценко, очень неинтересно, сухо и показанному. И всем тоже муторно, и все от скуки нападают на Вольмана, на редкость несобранного солдата.

Дождь шел всю ночь, дороги развезло. После политзанятий — защита от оружия массового поражения. Сыро, холодно, зябко, неудобно.

Писем вчера не было. Думаю о десятой главе.

Вынашиваю. Надо будет попробовать завтра начать. Нахожусь под сильным впечатлением от романа Жуховицкого. Очень свежо.

Служба приближается к концу. Зинуля, с которой я разговаривал по телефону, спросила:

— Восемьдесят дней? Считай, что ты уже дома.

Итак, что дала мне армия? Разминка творческая — раз, разминка семейная — два, зарядка на будущее — три, аппетит — четыре, познание жизни — пять. Книжку пишу успешно, осталось три главы, страниц сорок — пятьдесят. Даже если не окончу здесь, в армии, допишу дома. Подумаешь, три материала. Надо

писать не торопясь, но к ноябрю должен поставить последнюю точку.

Единственное, чего не удалось, — это пройти через офицерские курсы. Но опять же, говорят, что все равно будет представлять военкомат к званию лейтенанта. Так что все в порядке.

В прошлом году в эти дни ничего значительного не произошло. И в позапрошлом, и три года назад.

И снова дождь хлещет не переставая. Учения перенесены на семнадцатое августа.

* * *

Сегодня воскресенье. Вчера нас построили и объявили, что ожидается строевой смотр и что принимать его будет генерал из округа. Шороху было много. Стриглись, брились, подшивались. Мозоль даже в городок смотал за новым обмундированием и техническими костюмами. Предварительно на двенадцать дня в воскресенье смотр назначил новый кадэ.

Но около одиннадцати оделись в костюмы и выехали на новую позицию. Наша батарея в трехстах метрах от небольшой лесной деревушки. Я в ней бывал, когда искали на машине самовольщиков Никитина и Язенка.

Скоро начнется боевая работа. Что-то наша станция не фурычит. Комбат копается уже который день. Погода вроде бы улучшается. Стало суше, и солнышко выглядывает иногда из-за туч, но все равно моросит часто.

Вчера получил письмо от Елкина. Он получил два моих материала. Один вышел, но сильно переделанный секретариатом. А, это ракеты, которые смотрят в зенит. Второй ему вернули из секретариата как совершенно непригодный для печатания на армейскую тему.

Сначала настроение совсем испортилось, а потом успокоился. Ничего не бывает без борьбы. А может, они правы? Может, об армии надо писать по-иному? Так же казенно, как они переписали «Ракеты смотрят

в зенит»? Но ведь я пишу о жизни в армии, то, что вижу, а не сиропчик подслащенный предлагаю читателям-романтикам. Неужели сиропчик как раз и нужен?

Ничего, повоюем. За мной громадная силища — армия.

А ночевать мы будем в поле. А палаток еще нет.

* * *

Кто-то должен сегодня пойти в караул. Видно, станция.

Мы прикрываем части первого эшелона. Они ведут ожесточенные бои в районе Холмска. Сегодня состоялось решающее сражение, и противник был разбит наголову. Но он еще силен, у него свежие, непотрепанные резервы, и он подбрасывает их в район боевых действий самолетами. Наша задача — не пропустить авиацию противника с подкреплениями.

С этой задачей мы, кажется, справились. Это первый день учений. Что будет дальше, посмотрим. Комбат ушел на КП.

Весь день болит голова. Хотел было отписать письма, но совсем нет времени. Да и боюсь, что они потеряются. Напишу после учений.

* * *

Выпускаю боевые листки. Работы на полчаса, а времени отпущено из расчета на то, что я буду делать не три листка, а по крайней мере тринадцать.

Ничего особенного не происходит. Отрабатывали нормативы. Боевой работы нет. Жарко, печет. Пищу нам уже не возят, забрали машину в штаб, а он переместился за сорок пять километров от лагеря, и еду приходится носить на себе. Правда, я еще не ходил.

Получил письмо от матери. Пишет, что в Киеве купила «дипломат». Ну вот и дембельский чемоданчик есть.

Появился Рослов, провел беседу о международном положении. Собирается переходить в райком комсомола. Просит, чтобы я замолвил словечко перед обкомовцами: у меня там друзья, и ему об этом известно. Надо будет помочь. Парень он порядочный, хотя и сачок приличный.

Батарея занимается защитой от оружия массового поражения. Смотрю на них из окна электросиловой станции. Интересно наблюдать со стороны.

Говорят, что в Крыму ходит холера и курорты закрыты. Холера приползла откуда-то с берегов Турции.

Куценко, захлебываясь словами, рассказывал о содержании фильма «Встреча в старой мечети». Что ни слово, то мат. Как-то поведал историю, в которую, правда, мало кто поверил, о том, что он за два месяца отпуска прокутил шесть тысяч рублей. По-моему, пускает пыль в глаза. Щеголь.

За «Комсомольскую юность» еще не брался. Видно, возьмусь после учений. Вынашиваю.

Учения должны закончиться двадцать первого августа.

Ночь прошла спокойно, если не считать, что в одиннадцать вечера комбат объявил нам тревогу: Дубовик заснул на посту. Построились, выслушали гневную речь Кошелькова, повозмущались салагами и разошлись.

* * *

Вчера после обеда комбат дал время приводить себя в порядок, и я написал четыре письма. С ними сейчас все в порядке. Не могу, когда над тобой висит что-то неделанное.

Ночью снова был дождь, и мы все поплыли. С утра оборудовали палатку.

Вчера вечером комбат был в отличнейшем расположении духа: встретил знакомого офицера, с которым служил когда-то вместе, и тот сообщил ему приятную новость. Он где-то случайно прослышал, что их общий товарищ получил высокую командную дол-

жность и вроде бы интересовался нынешним служебным положением Кошелькова, имея в виду его продвижение. Комбат видит себя уже начштаба у бывшего сослуживца.

Что-то верится в это с трудом. Как-то он откровенничал со мной: дважды пытался поступить в военную академию и оба раза проваливался на экзаменах.

Боевой работы снова не намечается. Неудачно выбрали время для учений: вчера был День Воздушного Флота, а сегодня, естественно, *летуны* не летают.

Комбата вызвали на КП, и мы с минуты на минуту ждем генерала из округа. Кадэ приезжал и предупреждал.

Как я уже говорил, рядом сельцо. Вокруг нашей позиции пасут скот, и пастухи загнали коров прямо в расположение батареи. Пастух выпрашивал офицерскую плащ-палатку, обещал за нее «аква виту».

Завтра кончаем воевать. После учения выедем сразу в свой городок.

Сиюю сейчас на связи и усиленно вынашиваю главу о комсомольской юности. Сразу после прибытия начну писать. Честное слово, хочется в теплую, уютную казарму.

Вот и лету конец.

Рядом сидит мрачный Гриша Миляр, механик-водитель станции. Он только что прибыл из самоволки, ходил в сельцо пить самодельную «аква виту». Шум был страшный.

* * *

В городке карантин. Значит, не будет увольнений и отпусков. Самые сведущие утверждают: карантин продлится три месяца.

Вчера была боевая работа ночью — до двух часов. Работали хорошо, все цели провели, многие обстреляли. Кадэ хвалил прямо по радио.

Вчера же получил письмо из издательства «Алый парус». Пишут, чтобы приехал в Холмск получить го-

норар. Но вырваться вряд ли представится возможность. Да и карантин усложнил положение.

Еще пишут, чтобы присылал заявку и проспект новой книги — армейская тема популярна. Они ждут рукопись к первому марта.

22 августа. Конфуз

Ну и ночка была!

Во-первых, я попал в караул. Выбрал себе дедовскую, третью смену. Только лег в ТЗМ отдохнуть, как прибегает Пешкур:

— Караул, подъем! Боевое положение для всей батареи!

Оказывается, прибыли представители из округа. Комбат был сильно навеселе, Лисин и Куценко тоже.

В общем, батарея показала тридцать четыре минуты при переходе от готовности номер два в готовность номер один.

Представители уехали, а мы остались. Началась тренировка в ночных условиях. Миляр водил всю батарею в палатки, которые размещаются в полукилометре от стартовой позиции, там делал отбой и подъем. И так повторялось четырежды, пока не уложились в норматив.

Караул был снят, и мы все, в том числе и я, бежали взад-вперед, высунув языки.

Так было до трех утра. С трех я заступил в караул и простоял до пяти. Потом забрался на пусковую Сейфулина, включил печку и проспал до половины девятого утра.

22 августа. Сюрприз

Вчера утром проснулся от крика:

— Завтрак привезли!

Мозоль раздает пищу. Галстян говорит:

— Тебе есть письма.

— Да? Сколько?

Ответа не последовало. Мозоль полез в кабину, попросил подвинуться Лисина и вытащил бандероль. Я взял ее в руки, посмотрел на адрес: издательство «Алый парус».

Не выдержал и вскрикнул:

— Братцы, а здесь моя книга!

Все-таки сначала позавтракал, а потом вскрыл конверт.

Авторские экземпляры. А ничего получилось — не очень стыдно. Так себе, средней толщины книжица. И оформлена недурно.

Подарил с автографом комбату Лисину. Военные рассказы человека, не служившего в армии.

Сегодня учения заканчиваются, и мы уезжаем в свой городок.

Основная линия.

НОВЕЛЛЫ ИЗ ПИСЬМЕННОГО СТОЛА

ЖЕНА ПРИЕХАЛА

Вечер. Квартиру Мелихова не узнать: идет генеральная уборка, которой руководит только что приехавшая жена. Тихонько поет радио в углу. Владимир Ефимович готов слушать музыку часами, в любой обстановке. Даже сейчас, когда в квартире дым коромыслом.

— Ну, вот опять!.. Это — жена.

— Когда же ты будешь готовиться? — кивнула она на парадный китель, так и не снятый с вешалки. — Я думала, ты уже готов. За помощью твоей пришла. Шкаф на кухне надо отодвинуть...

Мелихов послушно последовал за женой, помог передвинуть мебель. Вернулся в комнату, снова сел возле приемника. Той тревожно-задумчивой мелодии уже не было, ее сменила другая, веселая, бодрая. Но в его душе все еще звучала прежняя.

Владимир Ефимович взглянул на часы. Ого, уже

девять! Завтра в части торжественное собрание. Нужно хорошенько подготовиться.

Пока он готовил парадную форму, жена тем временем окончила уборку в комнате и подошла к нему:

— Навел бы ты порядок в книгах. Оставь тебя тут одного!

Владимир Ефимович хотел было заметить, что с первых дней знакомства увидел у нее одну особенность — страсть к преувеличениям, но промолчал. Он был человек сдержанный.

— Убирать, так убирать! — заявил он решительно и подошел к книжным шкафам, занимающим почти всю стену.

Мелихов любил перебирать книги: перелистывать их шуршащие страницы доставляло ему истинное удовольствие. Друзья прозвали его за страсть к чтению книжником.

Книги, стоявшие на полках, могут рассказать о его жизни. Вот эти, пожелтевшие и потрепанные, приобретены давным-давно, еще тогда, когда он учился в школе в далеком сибирском городке. Этот шкаф — свидетельство юношеского увлечения авиацией. Он тогда запоем читал все, что писалось о летчиках и самолетах. Даже поступил в летное училище, но по состоянию здоровья вынужден был его оставить. Громадные тома и маленькие брошюры — электротехника. Память о Томском политехническом институте.

Он бережно перебирал лекции и труды по экономике — все то, чем жил после окончания института, когда работал на нефтепромыслах Татарии. Дойдя до полки с маленькими карманными книжечками — сборниками стихов, улыбнулся: поэзией начал увлекаться, когда встретился со своей будущей женой. Новенькие тома в твердых дерматиновых и коленкорových переплетах из серии «Военные мемуары» приобретены совсем недавно, когда его, молодого инженера, призывали на два года для прохождения службы в рядах Советской Армии.

Эти новинки с любопытством рассматривала жена: интересно, какие еще увлечения появились у ее Володи? Да, библиотека значительно пополнилась: на самой нижней полке появились самоучители, словари, разговорники, книги и газеты на немецком языке.

На следующее утро, надев мундир, Мелихов отправился в часть в отличном настроении. Он с детства любил военные парады, четкую поступь марширующих колонн, грозную внушительность военной техники.

Шагал он широко, размашисто, отвечал на приветствия, сам отдавал честь старшим офицерам и не мог скрыть радостной улыбки.

В солдатском клубе было торжественно и празднично. Играл оркестр, воины занимали места в зрительном зале.

Торжественное собрание, посвященное очередной годовщине Великого Октября, открыл командир, довольно молодой полковник с большой полосой орденских планок. Он сделал доклад, посвященный знаменательной дате, остановился на итогах социалистического соревнования в части. Одно за другим звучали с трибуны имена победителей соревнования, воинов, удостоенных высокого звания отличника Советской Армии.

Затем слово было предоставлено начальнику штаба. Он огласил приказ о поощрении личного состава. В напряженной тишине прозвучало:

— По итогам социалистического соревнования переходящий вымпел вручить боевому расчету лейтенанта-инженера Мелихова Владимира Ефимовича.

Зал взорвался аплодисментами. Оркестр грянул туш. Лейтенант-инженер Мелихов поднялся со своего места и направился к трибуне. Начальник штаба вручил офицеру красный вымпел — свидетельство его командирского успеха.

Откровенно говоря, награда эта явилась для Мелихова большой неожиданностью.

Начал перебирать в памяти подробности учебы номеров расчета. Ну хорошо, предположим, у него как

командира неплохая подготовка — высшее образование, продолжительная практика работы на предприятиях. Он, конечно, старался, как мог, передать свои знания солдатам.

Как мог.. лейтенант-инженер чуть улыбнулся, вспомнив рядового Федора Габриеля. Этот солдат был в подразделение, имея гражданскую специальность. Был абсолютно уверен в том, что в армии станет служить по своей специальности. А тут вдруг пришлось ему сесть за стол в учебном классе и изучать совершенно новую военную профессию, о которой раньше понятия не имел.

Федор Габриель, несмотря на молодость, был парнем сообразительным, смекалистым. Нелегкая жизнь до армии кое-чему тоже научила. В армейской обстановке он сориентировался быстро. С охотой взялся за изучение нового дела. Прошла неделя, месяц. Нет, не дается военная наука рядовому Габриелю.

— Не могу я ее освоить, товарищ лейтенант. Уж больно сложно. Не понимаю, и все тут. Не доходит, — объяснял Габриель жалобно, а у самого чертики в глазах прыгают.

«Эге, — подумал командир. — Вот какие пути упрямство твое нашло. Хитростью думаешь взять. Ну хорошо же. Клин клином вышибают».

Лейтенант и виду не подал, что раскусил подчиненного, не желающего утруждать себя изучением новой специальности. Но для себя сделал вывод и применил другой метод обучения: стал заниматься с солдатом индивидуально. Терпеливо и очень обстоятельно разяснял тот или иной вопрос. А в перерывах рассказывал о том, что вторая специальность никогда не помешает, что современная армия предъявляет высокие требования к каждому воину, и овладение смежной специальностью — одно из главных требований. Так вот постепенно, не торопясь, он подбирал ключик к подчиненному. Результат оказался блестящим: теоретический курс рядовой Габриель, как и другие, сдал на «отлично».

А потом были учения. Требовалось на практике показать все то, чему научились в классах. Понадобилась

огромная выдержка, закалка, натренированность, знания, наконец. Его подчиненные выдержали этот экзамен на «отлично». Но ведь и многие другие тоже. Так почему же отметили именно его?

Старшие командиры, подводившие итоги соревнования, объяснили это так: солдаты заслуживают оценки выше, чем «отлично». Они продемонстрировали исключительно слаженные действия, у них высокие показатели по всем видам боевой и политической подготовки. К тому же и Мелихов оказался не просто хорошим инженером, но и отличным воспитателем своих подчиненных. Потому и боевая готовность его подчиненных столь высока.

Когда я думаю о том, каким должен быть современный офицер, я представляю его в образе лейтенанта-инженера Мелихова. Круг его интересов широк и разнообразен. Просто поразительно, как человек в двадцать пять лет может столько знать?

Однажды я слышал, как он говорил своему товарищу-сослуживцу;

— Некоторые жалуются на однообразие армейской жизни. Скучно, мол, негде развить свои способности. Я таких людей не понимаю. Нужно дорожить каждой минутой — читать, читать, читать!

Сам он работает очень много и, главное, постоянно. Внимательно следит за военной литературой, за открытиями в науке и технике, отлично знает историю и психологию, прекрасно разбирается в вопросах литературы и искусства. Что же касается знания международной жизни, то просто удивительно, как может человеческая память удерживать все эти бесконечные столбцы цифр, малоизвестные иностранные имена и фамилии.

Нет, лейтенант Мелихов не был таким вундеркиндом, и память у него вовсе не феноменальная. Все, что имеет, он достиг упорным, настойчивым трудом, своей, им же разработанной системой самообразования.

Блестящую эрудицию молодого офицера быстро заметили, оценили. Лейтенанта назначили руководите-

лем группы политических занятий. С нетерпением ждут войны вторника и пятницы, когда по плану проводятся политзанятия.

Главное, чего добивается Мелихов на занятиях, — активного участия всех без исключения воинов. Задача не из легких. Но лейтенант Мелихов поставил перед собой такую цель и достиг ее. На его занятиях нет равнодушных.

Нередко разговор, начатый на политзанятиях, перерастает в дискуссию и заканчивается уже в ленинской комнате. И не было случая, чтобы молодой офицер уклонился от дискуссии, сославшись на недостаток времени. Наоборот, он поощряет такую активность, считая, что в спорах рождается не только истина, но и убежденность.

...Шел однажды Мелихов по вечернему городу, просто так, без цели. Дело было в выходной, после занятий в городской библиотеке решил он немножко прогуляться, подышать свежим воздухом. Шел не спеша, прислушиваясь к многоголосой улице.

И вдруг:

— Товарищ лейтенант!

Его догонял какой-то человек в штатском. Постой, постой... Что-то знакомое в этой уверенной походке вразвалочку, словно у человека под ногами не твердая земля, а шаткая палуба миноносца.

— Не узнаете, товарищ лейтенант?

Улыбающиеся глаза, прямой нос, смешно оттопыренные уши.

— Вершук! Виктор Вершук!

— Так точно, товарищ лейтенант! Ефрейтор запаса Вершук собственной персоной...

Ну конечно же, Мелихов отлично помнил этого ефрейтора, с почетом уволенного в запас. А ведь его военная служба начиналась далеко не благополучно.

Виктор Вершук до армии успел поколесить по белу свету. Плавал на рыболовном судне, повидал жизнь, людей, в общем, пользовался репутацией бывалого человека.

Был Виктор Вершук парнем честолюбивым, с гонором. Однажды вдруг захотелось ему покрасоваться в новой парадной форме перед знакомыми ребятами из города. А для этого, естественно, требовалась увольнительная записка командира. Но Виктор не стал ее ждать — терпения не хватило.

Самовольная отлучка — ЧП в подразделении. Конечно же, наказали солдата, а сами стали думать, как научить парня уму-разуму. Тем более что некоторые солдаты, особенно молодые, находились под его сильным влиянием. Подумывали даже о переводе солдата в другую часть.

Тогда и заинтересовался лейтенант Мелихов солдатом Вершуком. Неоднократно с ним беседовал и убедился, что парень он, в общем, неплохой, но есть у него слабости — отсутствие силы воли и стремление выделиться среди окружающих, сделать что-нибудь этакое из ряда вон выходящее, обратить на себя внимание.

И лейтенант Мелихов взялся за Вершука. Ему помогли все: комсомольские активисты, сержанты, воины-отличники. И сообща внушили-таки Вершуку, что сила воли, выдержка — качества, украшающие любого мужчину, тем более воина Советской Армии.

Неузнаваемо изменился рядовой Вершук. За ним не водилось больше никаких нарушений воинской дисциплины. Вскоре ему присвоили звание «ефрейтор». И на протяжении всей дальнейшей службы он оставался примерным, образцовым воином.

...Долго говорили они в тот вечер о жизни, о солдатской дружбе, об отношениях людей.

— Мне пора, — взглянув на часы, сказал лейтенант. — До свидания. Мир тесен, Виктор. Встретимся еще.

— Мир тесен, товарищ лейтенант, — крепко пожал руку командира Вершук. — Рад встрече. Большое спасибо за науку, за то, что взялись тогда за меня по-настоящему. Кто знает, к чему бы все то привело... Большое вам спасибо.

И зашагал крупным, размашистым шагом уверенного в себе человека.

ЗОЛОТАЯ ПОРА

Раскрытый чемодан лежит на полу холостяцкой квартиры. Лейтенант Шумских складывает в него книги, пожитки. Много ли их у человека, год назад окончившего военное училище?

И вообще, легко ли расставаться с коллективом офицеру, если он прослужил пусть только один-единственный год, пусть ему едва перевалило за двадцать и на безымянном пальце его правой руки пока что не отликает золотом узкий ободок обручального кольца? Весь скарб помещается в одном чемоданишке, не надо заботиться ни о школе для детишек, ни о работе для жены — ты волен как птица, молод и силен.

Так что же не находит себе места лейтенант Владимир Шумских?

Сегодня он уже не командир взвода, но еще и не вступил в новую, более высокую должность в другом подразделении. К новому месту службы надо явиться завтра. Сегодняшний день — на сборы и переезд. Сегодняшний день — на размышления, что сделано за первый год службы и что не сделано, что дал ему этот год, в котором все было первым — и офицерские погоны, и форма, и должность командира взвода.

Он сам попросился на взвод. Командир радиотехнической части, одной из лучших в Краснознаменном Белорусском военном округе, предложил было инженерную должность, но молодой лейтенант был тверд: — Хочу работать с людьми...

Беседовали долго. Подполковнику нравились суждения Шумских о методах воспитания воинского коллектива, о командирском труде. По всему было видно: в училище лейтенант приобрел прочные знания.

— Ну что же, — напутствовал его командир. — В добрый час. Коллектив, в котором вы будете служить, хороший. Мой вам совет: найдите правильный тон с подчиненными. Не стремитесь сразу, с первых дней, применять новые методы. Сначала изучите те, которые использовал ваш предшественник. Во взво-

де к ним привыкли. И еще: никогда не забывайте, что первый год службы у вас будет во всех отношениях необыкновенным. Я это по себе знаю. Много было разных назначений, жил в разных коллективах, учился у разных командиров, но, поверьте, именно на первом году закладывается основа командирского характера. Он потом будет развиваться, совершенствоваться, обогащаться... А формируется в эту золотую пору...

Последним словам напутствия он тогда не придал особого значения. Его захлестнула новизна впечатлений. Он едва успевал осмысливать все, что происходило в первые дни вступления в должность. Времени не замечал — оно летело с невероятной быстротой.

Как-то к нему подошел капитан Журавлев, его непосредственный начальник. Несколько лет назад он окончил то же училище, что и Шумских. С Журавлевым Шумских познакомился в первый же день своего приезда в полк. Оказалось, что капитан не только его командир, но еще и секретарь партийной организации. Присматриваясь к Шумских, Журавлев находил в нем все новые и новые достоинства.

Был поздний вечер. Шумских сидел в классе, склонившись над схемой одного из блоков. Журавлев присел рядом.

— Передатчик? — спросил он.

Лейтенант утвердительно кивнул головой.

— Подзабылось малость? — сочувственно спросил Журавлев.

— Да нет, товарищ капитан. Составляю план индивидуальных занятий. С Сариевым...

— Вот как? — удивился Журавлев.

О неудачах Сариева он знал. В армию тот пришел, имея хорошую специальность. Но в подразделении пришлось осваивать другую — оператора. Решив, что той, гражданской специальности, хватит на всю жизнь, Сариев упорно не хотел изучать новую. Прикидывался, что ничего в ней не понимает. Много с ним возились, а вот дело с мертвой точки пока не двигалось.

— Это вы хорошо придумали, — одобрил капитан. — Покажите, пожалуйста, план...

Одна из тем показалась Журавлеву несколько упрощенной.

— Ее надо давать в полном объеме, — порекомендовал капитан. — Без прочного усвоения этой темы Сариеву трудно будет понять принцип работы индикатора.

Шумских поблагодарил за совет. А Журавлев между тем продолжал;

— Вы со старшим лейтенантом Галаевым знакомы? Он у нас руководит техническим кружком. Вчера мне говорит: выделите в помощь этого новенького лейтенанта. Он, мол, хороший специалист. Согласны помогать?

— Отчего же нет?

— Ну вот и прекрасно. А теперь рассказывайте, как устроились. Кстати, родителям написали?

Пришлось признаться — не успел еще. По дороге в общежитие, любуясь разноцветьем белорусской осени, обдумывал, о чем будет писать. Обязательно надо рассказать, как тепло и сердечно встретили его в части, какой хороший у него командир, сколько чувств вызывают задумчивые белорусские леса, со всех сторон обступившие военный городок. Пусть отец не беспокоится...

Отец... Владимир Шумских часто вспоминал его. Вот и сейчас, собираясь в дорогу, вынул из ящика стола стопку разноцветных конвертов. Напутствия, советы... Как он благодарен за них отцу — летчику-политработнику в годы Великой Отечественной войны, и матери, которой тоже довелось пройти немало трудных фронтовых верст.

Вот оно, то первое письмо, полученное от отца здесь, в радиотехнической части. Знакомые строки замелькали перед глазами.

Отец поздравлял его с первым в жизни назначением, с первой в жизни командирской должностью. Предупреждал: ты молод, Володя, солдатам — почти ровесник, а должен командовать ими. Поэтому очень важно с первых же дней службы взять правильный

тон, чтобы во взводе поняли: ты — словно дирижер, ты умело управляешь оркестром, с высоты своего дирижерского пульта прекрасно видишь и слышишь, какая скрипка фальшивит, кто отстает, кто играет вполголоса.

До поступления в военное училище Владимир Шумских окончил музыкальную школу. Он хорошо понял отца, сравнивавшего командира с дирижером. Запомнилось из письма и то, что оркестранты всегда с интересом присматриваются к новому дирижеру, стараются определить уровень его мастерства. Как в воду глядел отец.

События того утра хорошо запечатлелись в памяти. Проводились регламентные работы. Шумских нажал на кнопку включения, но кабина не наполнилась привычным размеренным гулом, не вспыхнули разноцветьем лампочки. В чем дело? Почему не проходит сигнал?

Лейтенант бросился к блоку питания. Неисправностей нет. Тщательно осмотрел телеграфный блок. Тоже все в порядке. Мысль работала лихорадочно. Может, дело вовсе не в блоках? Может, что-то случилось с кабелем?

Уже потом, обнаружив в кабеле хитроумную уловку, вспомнил, как уж больно подозрительно суетился ефрейтор Киселев в кабине, подсказывая возможные причины непрохождения сигнала. Неужто он? Кровь ударила в лицо Шумских, и он почувствовал, как запульсировала, затрепетала предательская жилка на левой щеке.

Он стоял возле кабеля и старался побороть вспышку гнева. Они решили проверить, найдет ли он неисправность. Что же предпринять? Построить, произнести грозную тираду? Наказать? Но кого?

Он нашел все-таки силы превозмочь себя. Как ни в чем не бывало подсел к Сариеву.

— Итак, проводим контроль функционирования...

За спиной почувствовал дыхание.

— Товарищ лейтенант! А нам чем заниматься? — Голос у ефрейтора Рудольфа Фота чуточку виноватый. Группкомсорг.

— Как, вы тоже хотите заниматься? А я-то думал, вам это ни к чему. И без того вон какие мастера!

Сказал и тут же пожалел. Все-таки дал выплеснуться обиде.

— Товарищ лейтенант! Мы не знаем, кто это сделал! Честное слово... Но мы узнаем обязательно.

— А вот этого делать не надо, — сказал Шумских. — Зачем подозревать друг друга? Где подозрение, там и недоверие. А ведь у нас дружный коллектив. Во всяком случае, я так считал.

И, посмотрев на виноватые, растерянные лица солдат, добавил:

— Собственно, и сейчас придерживаюсь такого же мнения...

С удовлетворением заметил, как после этих слов разгладились нахмуренные лица, засветились улыбками.

Регламентные работы продолжал со всем взводом.

Вечером, уходя домой, строго предупредил своего заместителя сержанта Плохоцкого и группкомсорга Фота:

— Никаких расследований, ясно? Если тому, кто это сделал, дорого доброе имя коллектива, он сам признается.

Эта история стала известна капитану Журавлеву. Поразмыслил он над поведением Шумских, сначала вроде бы засомневался в правильности его решения, а потом решительно стал на сторону молодого лейтенанта. В самом деле, коллектив во взводе спаянный, дружный, микроклимат — здоровый. Это условие того, что солдат, решивший прощупать взводного, обязательно признается сам. Так и случилось. Уже на другой день.

— Извините, товарищ лейтенант... Не могу больше... Всю ночь не спал...

Лицо у Киселева виноватое, в глазах раскаяние.

— Только сейчас дошло, к чему это может привести. Ребята начнут подозревать друг друга, коллектив распадется. Кто знал, что вы так все повернете. Накажите меня, товарищ лейтенант...

Киселев был одним из лучших специалистов во взводе. Шумских неоднократно замечал в нем любовь к технике, к экспериментам. Авторитет Киселева как оператора был общепризнанным. Правда, с приходом Шумских он заметно поколебался. С помощью хитрой уловки в кабеле Киселев и пытался подтвердить свою славу непревзойденного специалиста.

Наказывать солдата Шумских не стал. Неожиданно для Киселева предложил ему организовать рационализаторскую группу во взводе. Вот когда по-настоящему раскрылась его натура, принесло пользу стремление к постижению технических тайн.

Военная служба не ровная столбовая дорога, встречаются на ней и рытвины и ухабы. Никто не застрахован от ошибок. Надо извлекать из них предметные уроки. Только так можно избежать новых просчетов.

Эта мысль прослеживается во многих письмах отца. Об этом говорил однажды вконец расстроенному Шумских капитан Журавлев.

Дело было так. Служил во взводе рядовой Александр Голодович. Служил вроде неплохо, да потом вдруг словно подменили парня. Как-то нетактично ответил на замечание одного из офицеров подразделения. Офицеру бы сдержаться, вызвать солдата к себе в канцелярию, побеседовать, выяснить, почему такое резкое изменение в службе. Да беда в том, что офицер-то не в духе был.

— Родителям письмо напишу о вашем поведении! Пусть узнают, какие вы тут фокусы устраиваете!

Рассказал о конфликте с Голодовичем командиру взвода, потребовал принять меры. С болью и горечью думал Шумских: «Не только себя, весь взвод позорит!»

На построении приказал Голодовичу выйти и объявил взыскание. Было во взгляде молодого солдата, смотревшего прямо на него, нечто такое, от чего лейтенанту стало не по себе. В широко открытых глазах Шумских прочел боль, обиду и еще что-то затаенное, спрятанное в самых глубоких тайниках души. Это длилось какое-то мгновение, потом зрачки Голодовича

внезапно потухли, будто внутри щелкнул невидимый замок, и он опустил голову, равнодушный, безразличный ко всему.

Шумских не мог забыть его взгляда. Чутье подсказывало: неспроста солдат так резко изменился. Видно, на него что-то подействовало. Но что? Этого он как раз и не выяснил.

А начал выяснять, и стало не по себе. Какого же маху он дал! Хорошо еще, что старший начальник отменил его приказ.

Мрачен стал лейтенант Шумских, неразговорчив. Товарищей сторонился, ходил туча-тучей. Это же надо так опростоволоситься! Ну ладно, тот офицер не разобрался толком, а он-то — командир взвода! Ведь ему положено знать подчиненных как свои пять пальцев. Когда принимал взвод, подолгу беседовал с каждым солдатом. Голодович ничем не выделялся среди других. Вот только на вопрос рассказать о семье как-то странно замялся. Шумских не придал этому особого значения: мало ли что бывает в жизни. Может, отец не родной или еще что-нибудь. Проявил деликатность, не стал приставать с расспросами. Решил: дождется удобного момента.

Отец у Голодовича оказался родным, но жил в семье плохо. Пил, дебоширил. Накануне злополучного инцидента Голодович как раз получил письмо от матери. Снова жалобы на отца, на его буйный нрав. Вот и расстроился солдат, упало настроение.

Шумских бы побеседовать с ним по душам, подержать добрым словом. А он зычным голосом, как учили в училище: «Рядовой Голодович, выйти из строя!» Что подумают в части? Вспомнилось, как упрашивал командира: «С людьми работать хочу!» Нароботался... Как теперь в глаза Голодовича смотреть?

Перемену в настроении молодого офицера заметил политработник майор Свирелин. Пригласил в свой кабинет, усадил в кресло.

— Переживаете? — прямо спросил он. — Это хорошо. Значит, не повторите ошибку...

Министры (наркомы) обороны СССР

Н. И. Подвойский

Л. Д. Троцкий

М. В. Фрунзе

К. Е. Ворошилов

С. К. Тимошенко

И. В. Сталин

Н. А. Булганин

А. М. Василевский

Г. К. Жуков

Р. Я. Малиновский

А. А. Гречко

Д. Ф. Устинов

С. Л. Соколов

Д. Т. Язов

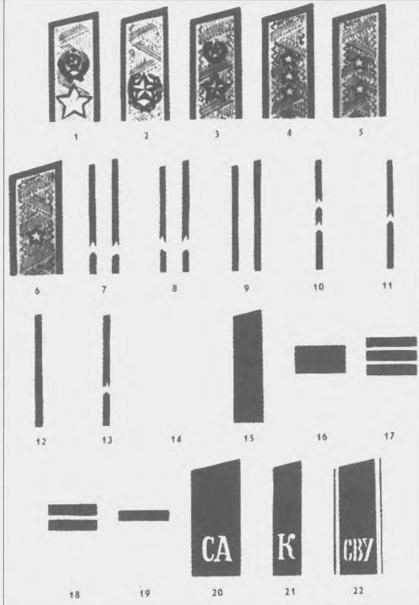

Е. И. Шапошников

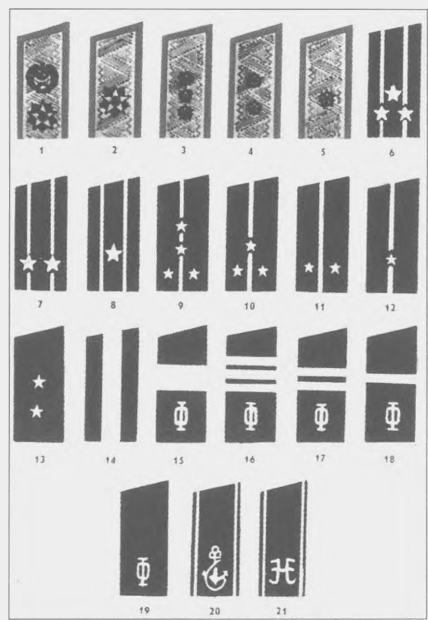
Руководство последнего Генерального штаба Вооруженных сил СССР

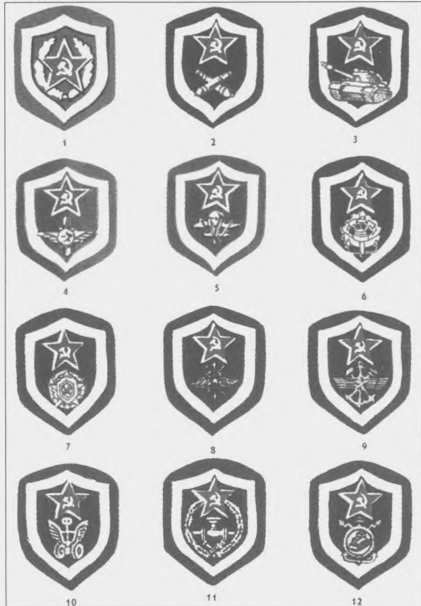

Погоны военнослужащих Советской Армии:
 1. Маршал Советского Союза. 2. Главный маршал рода войск.
 3. Генерал армии. 4. Генерал-полковник.
 5. Генерал-лейтенант. 6. Генерал-майор.
 7. Полковник. 8. Подполковник.
 9. Майор. 10. Капитан. 11. Старший лейтенант.
 12. Лейтенант. 13. Младший лейтенант.
 14. Прапорщик. 15. Старшина (сверхсрочной службы).
 16. Старший сержант (сверхсрочной службы).
 17. Сержант (сверхсрочной службы).
 18. Младший сержант (сверхсрочной службы).
 19. Ефрейтор (сверхсрочной службы).
 20. Рядовой. 21. Курсант.
 22. Воспитанник Суворовского военного училища

Погоны военнослужащих Военно-Морского Флота СССР:

1. Адмирал флота Советского Союза. 2. Адмирал флота.
 3. Адмирал. 4. Вице-адмирал.
 5. Контр-адмирал. 6. Капитан 1 ранга.
 7. Капитан 2 ранга. 8. Капитан 3 ранга.
 9. Капитан-лейтенант. 10. Старший лейтенант.
 11. Лейтенант. 12. Младший лейтенант.
 13. Мичман. 14. Главный корабельный старшина.
 15. Главный старшина. 16. Старшина 1-й статьи.
 17. Старшина 2-й статьи. 18. Старший матрос.
 19. Матрос. 20. Курсант.
 21. Воспитанник Нахимовского военно-морского училища

Нарукавные знаки различия: 1. Мотострелковые войска. 2. Артиллерия. 3. Танковые войска. 4. Авиация. 5. Воздушно-десантные войска. 6. Инженерные войска. 7. Химические войска. 8. Войска связи и радиотехнические. 9. Железнодорожные войска и службы военных сообщений. 10. Автомобильные и дорожные войска. 11. Трубопроводные части. 12. Строительные части.

13. Военно-топографическая служба.
 14. Медицинская и ветеринарная служба.
 15. Военные дирижеры и музыканты.
 16. Морская пехота.
 17. Специалисты связи и радиотехнических средств.
 18. Специалисты минно-торпедных средств.
 19. Специалисты артиллерийских средств.
 20. Специалисты электро-механических средств.
 21. Специалисты всех видов защиты, обеспечения и обслуживания.
 22. Специалисты штурманских средств

Из личного архива автора

Автор этой книги в лейтенантских погонах

На стажировке в Витебской воздушно-десантной дивизии. Парашютно-десантная подготовка

С майором Галдиловым и курсантом Соколовским

На военных сборах

После дождя

А это Зенькович-младший. Слава тоже служил в Советской Армии. Сейчас капитан запаса Белорусского войска

Александр Силин, брат жены, окончил высшее военно-морское училище в Калининграде

На этом снимке Саша — капитан 3 ранга. Но он дослужился до капитана 1 ранга

Саша с отцом — генерал-майором авиации Александром Николаевичем Силиным

Генерал-майор авиации,
заслуженный военный летчик СССР А. Н. Силин

Генерал Силин летал на многих типах самолетов

Брестская область. На пограничной заставе (автор – второй справа)

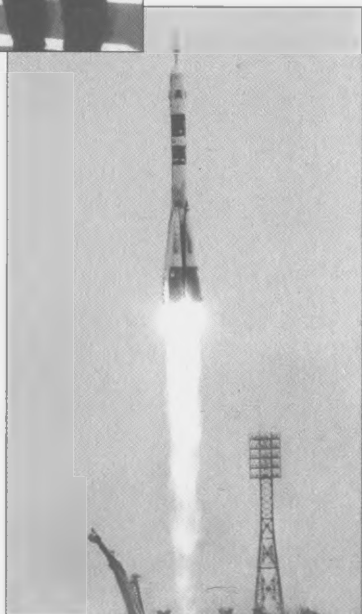
Самара, бывший Куйбышев. В подземном бункере И. В. Сталина

1974 год. Автограф летчика-космонавта СССР П. И. Климук и его фотография на память. Тогда он был подполковником

2003 год. Космодром Байконур.
Там мы встретились с генерал-полковником П. И. Климуком, но, к сожалению, уже после того как сфотографировались

Пуск этого корабля мы наблюдали вместе с П. И. Климуком

Автор книги в полковничьих погонах

С другом, военным журналистом газеты «Красная Звезда» Геннадием

Шумских молчал. «А может, я переоценил свои способности? — подумалось вдруг. — Может, попроситься на инженерную должность?»

Майор словно прочел его мысли.

— Только, пожалуйста, не впадайте в крайность, не убеждайте себя в том, что командная должность вам не по плечу. Просчет, конечно, досадный, но...

Свирилин встал из-за стола, подошел к сидевшему в кресле напротив лейтенанту.

— Как же он на меня сейчас смотреть будет? — с горечью спросил Шумских. — А если я его в бой пошлю, в настоящий?! Солдат должен не только беспрекословно выполнить приказ командира, но и безгранично верить в правильность этого приказа, в справедливость человека, приказ отдающего! Это ведь азбучные истины...

Свирилину все больше нравился этот лейтенант, глубоко переживающий первую неудачу.

— А вы докажите Голодовичу свою справедливость и объективность, — неожиданно сказал майор. — Пусть он убедится в том, что вы именно такой командир... Ему сейчас особое внимание нужно.

Шумских поднял глаза на политработника.

— Я, собственно, ради этого и пригласил вас, — продолжал майор. — Знаю, будет трудно. И все же уверен: у вас получится. Вон сколько хорошего говорят о вас и капитан Журавлев, и капитан Высоцкий. Политзанятия вы проводите, пожалуй, лучше всех офицеров подразделения. В техническом кружке участвуете. Соседний взвод вызвали на соревнование. Кстати, какие итоги в этом месяце? В прошлом, помню, ваш взвод вышел победителем...

— Не отдадим первенства и в этом, — твердо произнес Шумских.

— Вот видите, — сказал Свирилин и, вдруг вспомнив недавние учения, по-дружески положил руку на погон лейтенанта. — Думаете, Голодович не оценил ваш поступок? Не понял, какой вы на самом деле?

Майор имел в виду эпизод, когда во время учений лейтенант Шумских, будучи командиром взвода, при-

нял на себя обязанности находившегося в отпуске командира соседнего взвода. Налет авиации «противника» был массированным, применялись активные помехи, и планшетистам приходилось туго. Шумских пришел на помощь соперникам — с ними соревновался его взвод.

— И лейтенант Быстров, замполит, души в вас не чает, — продолжал Свирелин. — Только и слышишь от него: Шумских культпоход в город организовал, Шумских предложил необычную повестку дня партийного собрания, Шумских провел увлекательную техническую викторину, к Шумских тянутся и солдаты, и молодые офицеры... Так что все необходимое у вас есть, — заключил Свирелин. — Желаю успеха...

Шумских мог бы много рассказать о своих отношениях с Голодовичем. Контакт восстанавливался не так быстро и легко. Молодой офицер оказал влияние на формирование личности младшего сержанта. Да-да, ныне Голодович — младший сержант, один из лучших замкомвзводов в подразделении.

Сколько же уроков дал ему первый год службы? Шумских аккуратно сложил стопку писем в чемодан. Снова задумался.

Капитан Журавлев... Вдумчивый, тактичный командир... Он преподавал Шумских урок, который тоже никогда не забудется.

Ох, уж эти мелочи! Сколько раз подводили они молодых офицеров, сколько из-за них проведено бессонных ночей, выкурено «сверхплановых» сигарет. Только-только выведет молодой лейтенант свое подразделение в число передовых, только-только упадет на него тонкий лучик славы, и вдруг... бац! Все идет на смарку. Ломает голову офицер: как это могло произойти? Ищет истоки нежданно-негаданно нагрянувшей беды. И находит... где бы вы думали? В какой-нибудь мелочи...

То же произошло и с Шумских.

Проверялась боеготовность подразделения. Воины взвода показали прекрасное знание материальной ча-

сти, быстро и четко выполнили все вводные. Радовался капитан Журавлев: молодец Шумских, добился хороших результатов!

Подполковник, возглавлявший комиссию, тоже был удовлетворен.

— А теперь посмотрим агрегатную, — неожиданно сказал он.

Члены комиссии двинулись за ним.

— Промышленная сеть повреждена. Перейти на агрегатное подключение! — дал вводную председатель комиссии.

Ошибка. Снова ошибка.

— Да, — разочарованно констатировал председатель комиссии. — Какой резкий контраст в знаниях основной матчасти и агрегатной установки...

Румянец покрыл бледные щеки Шумских. Он стоял, не смея поднять глаза на капитана Журавлева. Сколько раз предупреждал капитан о коварном свойстве именно этих самых мелочей приносить большие неприятности. Не проконтролировал, передоверился электромеханикам...

Нет, разнoса от капитана Журавлева не было. Он видел, как сильно переживал лейтенант, и потому не произнес ни одного слова упрёка. Это был именно тот случай, когда излишни даже напоминания о происшедшем, не говоря уже о разносах, проработках и подобных «воспитательных» средствах.

Какова же была радость лейтенанта Шумских, когда вскоре после этого за умелые действия на учениях он получил первую благодарность в своей офицерской жизни. Радость светилась на его бледном юношеском лице, лучилась из глаз, была в нем ключом — подумайте только, благодарность объявил сам капитан Журавлев! Значит, не таит обиды, значит, настоящий человек его первый командир!

Он закрыл крышку чемодана. Посмотрел на часы. Вот-вот должны прийти товарищи — проводить до остановки.

Через несколько часов, крепко пожав всем руки на прощание, он сел в автобус. Его ждала новая, более

ответственная служба в другом подразделении Краснознаменного Белорусского военного округа.

В автобусе тихо пело радио о том, что в каждом краю оставляем мы сердца частицу. И он, глядя через запотевшие окна на лица товарищей, подумал: «Как это удивительно точно поется в песне. Словно обо мне...»

Автобус тронулся, а он еще долго смотрел назад: там, в городке, осталось начало его офицерской биографии. Золотая пора, без которой он не смог бы потом сказать:

— Здравствуй, командирская зрелость!

МАСШТАБНАЯ ЛИНИЯ

— Лейтенант Реснянский, к командиру!

Голос капитана Гуськова, как всегда, строг и требователен. Группа молодых операторов весеннего призыва, с которыми Реснянский проводил очередную тренировку, настороженно притихла. Худощавый, невысокого роста лейтенант вскочил с места, привычным движением поправил портупею:

— По какому вопросу, товарищ капитан, не знаете?

Гуськов почувствовал в его голосе едва уловимые нотки беспокойства. Хотелось как-то подбодрить своего лучшего начальника смены, развеять тревогу. Но недаром в роте про капитана говорили, что он самый непроницаемый начальник станции в ПВО. Несмотря на свои симпатии к энергичному, подвижному лейтенанту, Гуськов и здесь остался верен себе:

— Приказано быть обоим.

Командир сообщил весть, которую ждала вся рота:

— Завтра полеты!

Для них, локаторщиков, это означало — начинаются тренировки по реальным целям. Этого дня с волнением ожидали не только молодые операторы, недавно прибывшие в роту. К тренировкам тщательно готовились начальники станций и смен, техники и старослужащие воины. Как проявят себя новички, на

какие стороны их боевой квалификации следует обратить особое внимание, как в дальнейшем совершенствовать учебный процесс — все это должен показать первый «бой».

Были новички и на станции Гуськова. С ними занимался лейтенант Владимир Реснянский. «Сейчас спросит, как идут у них дела», — подумал лейтенант и не ошибся. Командир роты попросил:

— Расскажите об успехах каждого.

Владимир докладывал кратко, толково. Ротный с удовольствием слушал молодого лейтенанта. Умел Реснянский найти слова, подметить такие детали, из которых лепились яркие, рельефные образы.

— Не подкачают новички, — заверил он командира. — Все темы усвоены прочно.

— Ну что же, — сказал ротный. — Завтрашний день покажет, как вы справились с задачей. А сегодня готовьтесь в дорогу. Вас вызывает командир полка...

— Меня? — растерялся Реснянский. — Пойдите, а как же тренировки? Ведь реальные цели!

— Вы же только что заверили: новички не подведут, — улыбнулся ротный. — Вот и посмотрим, как они без вас справятся. Счастливой дороги, лейтенант. А вы, товарищ капитан, задержитесь...

Как только захлопнулась дверь за вконец растерявшимся Реснянским, ротный грустно взглянул ему вслед:

— Чует мое сердце, не вернется к нам Владимир...

Чего хотите ожидал Реснянский от командира полка, только не этого. Слова подполковника ошеломили:

— Есть мнение назначить вас командиром радиолокационной роты в батальон майора Андреева...

— Меня? — изумился лейтенант. — Справлюсь ли?

— Справитесь, — убежденно сказал командир. — Обязаны справиться. Все у вас для этого есть: образование, знание техники, умение работать с людьми. Последнее вы превосходно доказали, подготовив к самостоятельному несению службы молодых операторов. Кстати, поздравляю: из роты сообщили, что ваши новички показали отличные результаты на тренировке

по реальным целям. Небось переживали, как они там без вас? — тепло спросил подполковник.

— Переживал, — признался Реснянский.

— Я так и знал.

Беседа продолжалась около часа. Возвращаясь в свою, вернее, теперь уже в бывшую свою роту, он воспроизводил в памяти разговор в командирском кабинете. Отметил любопытный штрих стиля работы командира полка. Несомненно, он готовился к встрече с ним, лейтенантом Реснянским. Позвонил в роту, узнал результаты тренировки, поздравил. Вроде бы мелочь, но... Надо обязательно учесть это в своей работе.

Как ни старался Реснянский думать о будущей работе, новой должности, ничего не получалось. Мысли почему-то снова возвращали его к первым дням службы, в кабинет командира полка, когда он, представляясь, едва не назвал себя по старой привычке курсантом.

Свыше года прослужил он начальником смены. Все было: и радость побед, и горечь неизбежных на первых порах неудач. Правда, радостей было больше.

Приказ о назначении командиром роты в батальон майора Андреева пришел вскоре после беседы с командиром полка. Поздравляли все: начальники и подчиненные, товарищи по училищу.

— Двадцать два года, и уже командир радиолокационной роты, — сказал на прощание капитан Гуськов. — Вот времечко-то! Да, молода наша великая революция! А молода потому, что молоды ее продолжатели!

По-отцовски обнял Реснянского:

— Теперь с тебя, Володька, и спрос другой. Особенно когда коммунистом станешь. Тогда будешь действовать не только от своего командирского имени, но и от нашего, от тех, кто тебе рекомендацию давал. Помни об этом...

«Вот тебе и самый непроницаемый начальник станции в ПВО», — думал Реснянский, в волнении ожидая начала партийного собрания. «Действительно,

человек — это целый мир. Тем более, военный человек».

Вот уже месяц прошел, как он прибыл на радиолокационную «точку». Новый коллектив, новые подчиненные. Пока что они для него — ларчики за семью печатями. Впрочем, как и он для них.

Начальник станции Герман так и сказал:

— Расскажите, товарищ лейтенант, о себе. Только, пожалуйста, подробнее. А то месяц прослужили, а мы ничего о вас не знаем. Правда, время для вас было трудное, все знают...

Время и в самом деле было напряженное. Прием техники, хозяйства, роты, знакомство с личным составом. Герман недавно из отпуска, но и он уже порядком наслышался об испытаниях, выпавших молодому командиру.

Реснянский поднялся. Глаза горячие, голос взволнованный.

— Биография у меня совсем короткая. Собственно, она только начинается. Родился в 1957 году, в Москве...

Это всегда вызывало невольное уважение. Из самой столицы! Собеседники обычно заводили разговор о московских достопримечательностях, вспоминали друзей и знакомых, живших на Арбате. Трудно не вспомнить столицу, неся службу на отдаленной радиолокационной «точке»! Реснянский обычно не поддерживал эти разговоры. Он... не знал Москвы. Со всем.

— В 1958 году родители переехали на Алтай...

Тогда ему было всего восемь месяцев. Отец и мать работали на заводе имени Лихачева. Имели хорошие специальности, неплохую квартиру, прилично зарабатывали. Но когда партия и правительство обратились к молодежи с призывом превратить целинные земли в плодородные края, в числе первых заводских комсомольцев, решивших отправиться на передний край борьбы за хлеб, был и Василий Реснянский. Не отстала от него и жена, не побоялась поменять уютную московскую квартиру на палатку в алтайских степях.

С восьмимесячным сыном отправились они в дальний путь. Нелегко было в глухом необжитом краю, но не пасовал перед трудностями демобилизованный воин Василий Реснянский, внук и сын советских патриотов, которым не раз приходилось защищать Родину с оружием в руках. Под стать ему была и жена, мать Владимира. Интересы страны они ставили выше личных интересов.

— Так я стал целинником. Учился в школе поселка Урожайный. Вступил в комсомол. Мечтал стать художником...

Любовь к живописи уживалась в нем с любовью к технике. Сначала оба эти увлечения дополняли друг друга. Особенно когда после школы работал помощником сельского киномеханика. На его афиши о новых кинофильмах сбегался весь поселок. Советовали в художественное училище подаваться...

— Поступил в высшее командное училище радиоэлектроники ПВО. После окончания получил направление в Краснознаменный Белорусский военный округ. Вот и вся моя биография.

Это случилось давно, в детстве. Книжечка была тоненькая, обложка бумажная, с невыразительным рисунком. Это он помнит точно. А вот название и фамилия автора стерлись из памяти. Поразило Владимира стихотворение о бомбежке фашистскими самолетами мирного города. Особенно потрясли две строки:

И детский крик на всю планету:
«Мамочка, уйдем туда, где неба нету!»

Он изобразил все это в цветных рисунках: маленькую девочку, испуганно прижавшуюся к матери, задымленное небо, усеянное косяками вражеских самолетов, бомбы, падающие вниз. Только подумать: небо — чистое, лазурное, бескрайнее, дарящее жизнь Земле, — ассоциировалось у ребенка с образом смерти, гибели, разрушения.

«Уйдем туда, где неба нету!» Эти строки не забылись, нет. Он помнил их всегда: во время занятий по начальной военной подготовке в школе, в походах по

местам, связанным с жизнью 340 алтайцев — Героев Советского Союза, в дни, когда мучительно обдумывал, какую профессию выбрать. Остановился на самой главной, как ему тогда представлялось, — защищать мирное небо. Отец, с ним он поделился своим решением, с гордостью сказал матери:

— Весь в нас, в Реснянских...

В училище Владимир задумал большое полотно. Делал наброски, фрагменты. Товарищи посмеивались:

— Отчего это у тебя солнце на экран похоже?

Реснянский отмалчивался: творчество, мол, штука сложная...

Не успел завершить картину. Нагрузка большая, да и с композицией не все ладно. Слишком много деталей хотелось выписать. А вот солнце у него действительно напоминало экран радиолокационной станции...

Сослуживцы отмечали отличное знание техники, настойчивость, упорство нового командира роты. Всем был памятен недавний случай, когда во время отпуска Германа на его станции возникла неисправность. Опытные офицеры, отдавшие освоению этой сложнейшей техники многие годы службы, с интересом наблюдали за действиями молодого лейтенанта. Он сразу же определил правильный путь поиска. Неисправность была обнаружена и быстро устранена.

Вспоминали и другие примеры.

Рота попалась ему неплохая. Об этом сказал еще при первой встрече командир батальона майор Андреев.

— Локаторщики вот уже на протяжении нескольких лет добиваются стабильных успехов. Два года подряд занимают первое место в полку по боевой работе, — сообщил Виктор Владимирович. — Только давайте условимся: эта информация не для вашего самоуспокоения, а для действия. А то, чего доброго, наслушаетесь о достижениях и решите, что здесь все уже до вас сделано, — пошутил он.

И уже серьезным тоном добавил:

— Не подумайте, что если рота на хорошем счету у командования, значит, ваша задача единственная — не сдавать первенства, завоеванного трудом предшественников. Нет, дорогой мой, ваша главная задача — добиваться новых высот. Помните: нет и никогда не будет предела совершенству...

Запомнилась и беседа с капитаном Анатолием Петровичем Мининым:

— Каждого командира оценивают прежде всего по тому, что нового он вносит в обучение воинов. Новое же невозможно без глубокого изучения ранее накопленного опыта и традиций. С этого и начинается путь к признанию...

Капитан Минин затронул болезненное место лейтенанта. Кто из молодых офицеров не мечтает о таком положении, когда каждое его распоряжение выполняется не из необходимости подчиняться, а из внутренних побуждений, выполняется споро, с охотой, с огоньком. Не был исключением и Реснянский. Его тоже одолевали мысли о том, как добиться признания у подчиненных, как создать обстановку, способствующую проявлению инициативы и творчества.

Он понимал, что все целиком зависит от него самого. На командира равняются, ему подражают, у него учатся. Его знания, отношение к службе, разносторонность интересов — пример для подчиненных. Не по словам, а по делам составляют они мнение о командире. И как бы красиво он ни говорил о необходимости глубже овладеть ратным мастерством, укреплять дисциплину, повышать требовательность к себе и друг к другу, если во всем этом сам не будет образцом, слова останутся пустым звуком.

Старое, мудрое, прошедшее испытание на полях сражений Великой Отечественной командирское правило: «Делай, как я!» Чем больше размышлял Реснянский над этой формулой, соотнося ее с сегодняшними днями боевой учебы, тем сильнее убеждался в том, что путь к признанию, к сердцам солдат и офицеров лежит через личный пример.

«Делай, как я!» «Бой» достиг наивысшего напряжения. На экране индикатора тесно от целей. Одна группа на подходе, другая удаляется, третья вроде бы проносится мимо. Внимание операторов полностью сосредоточено на нескольких целях, приближающихся к зоне.

— Азимут... дальность... скорость... — Голос сержанта Николая Рымова звенит, как натянутая струна.

Реснянский настороженно всматривается в развертку. Действительно, группа целей, о которой только что доложил оператор, представляет наибольшую опасность. Но что это? Одна из проходивших мимо целей внезапно, в считанные доли секунды, вдруг изменила курс и... исчезла с экрана.

Реснянский мгновенно схватился за ручку регулировки яркости, чуть-чуть изменил фокусировку. Немедленно отстроиться от помех! Поворот, еще поворот! Стоп! Вот она, «невидимка»! Цель, резко увеличив скорость, приближалась к зоне с противоположного направления, откуда ее никто не ждал. Реснянский взглянул на масштабную сетку. Сомнений нет, обнаруженная «невидимка» войдет в зону поражения раньше, чем цели, которые ведут операторы.

— Товарищ майор, цель номер... азимут... дальность... войдет в зону первой, — доложил он на командный пункт.

Отбой тренировке. Реснянский проводит разбор:

— Внимательность и еще раз внимательность! Предельная внимательность! Будем учиться искусству предвидеть возможные маневры «противника». Какие признаки внезапного маневрирования целей? Во-первых...

Операторы внимательно слушают, делают записи в рабочих тетрадах. На тренажерах отрабатываются возможные варианты.

«Делай, как я!» Прибавилось техники у лейтенанта Реснянского, прибавилось и забот. Радиолокационная рота — не расчет, которым он когда-то командовал. Чтобы успешно руководить, надо в совершенстве знать все специальности, имеющиеся в роте. А раз так, садись за схемы, лейтенант!

Он знал по собственному опыту — без изучения радиосхем не обойтись. Попробуй быстро найти неисправность в приборе, насчитывающем тысячи радиоламп, полупроводниковых диодов, сотни тысяч ферритовых элементов! Безнадежное дело! Мало знать особенности физических процессов в электронной аппаратуре, надо уметь проследить эти процессы по схемам, четко представлять, как передаются сигналы, как протекают токи. Нелегкая задача!

Реснянский изучил все прежде незнакомые ему электронные схемы. Совершенствует свои знания командир — стремятся к этому и подчиненные. Повысили классность оператор рядовой А. Хотей, электромеханик рядовой Г. Даниелян и другие.

Как-то в учебный класс заглянул комбат. Был час самоподготовки. Над чертежами и схемами колдовали не только новички, но и отличные операторы, специалисты первого класса сержант Николай Рымов, младшие сержанты Иван Брычак и Геннадий Жилинский.

— Хотим научиться работать за офицеров, — объяснили они. — Неловко перед командиром. Училище окончил, технику как свои пять пальцев знает, а все ему мало, над схемами часами просиживает...

Любовь Реснянского к радио- и электронным схемам передалась всем офицерам и операторам. Условные обозначения радиотехнических деталей читаются, как страницы увлекательных книг, запоминаются, как любимые стихи. Овладение сложным языком радиосхем — надежная гарантия быстрого устранения разного рода случайностей в эксплуатации техники.

«Делай, как я!» И Реснянский с увлечением занимается спортом, помогает комсомольскому бюро, выполняет поручения старших командиров. Словом, стремится везде успеть, все сделать. И непременно — сам...

Такое присуще всем молодым. Естественно их стремление лично браться за все дела. На первых порах оно просто-таки необходимо — способствует в ка-

кой-то мере самоутверждению, свидетельствует о том, что они не боятся работы и, между прочим, не так уж мало умеют и знают.

Беда, если этот период слишком затягивается. То, что на первом этапе «работало» на молодого офицера, содействовало становлению его авторитета, на втором может пойти во вред. Стремясь во что бы то ни стало все делать сам, берясь за десятки дел, в итоге он не доведет до логического завершения ни одного.

Каким же тонким психологом, настоящим знатоком особенностей становления командирского характера надо быть, чтобы в каждом отдельном случае с максимальной точностью определить границы этих условных этапов! Самому молодому офицеру такая задача не всегда под силу. Многое зависит от тех, кто постарше званием и должностью, кто отвечает за обучение и воспитание нового поколения локаторщиков.

Для Реснянского таким человеком стал майор Андреев. Прибыл комбат однажды в роту, проверил состояние техники, внутренний распорядок. И хотя в общем остался доволен, все же отметил ряд недостатков.

Владимир аккуратно записал замечания командира в блокнот.

— Будет исправлено, товарищ майор. Сегодня же приступим к устранению. Лично сам возьмусь...

— А вот этого не следует делать, — сказал Андреев. — «Сам возьмусь...» Разве у командира роты других забот мало? Кстати, я и пришел-то к вам, чтобы побеседовать по этому вопросу... Садитесь, Владимир Васильевич... Разговор будет важный...

Комбат отметил личную старательность Реснянского, похвалил стремление быть первым, самому братья за трудные дела.

— Вы показали себя, как говорят, анфас и в профиль... Никто отныне не сомневается в ваших способностях, — излагал свои мысли майор. — Смелее опирайтесь на офицеров роты, сержантов, партийных и комсомольских активистов. Не стремитесь все делать

сами. Старайтесь побольше привлекать помощников. Требовательность, контроль за исполнением своих решений, безусловно, следует повысить... Поняли?

И хотя Реснянский в знак согласия кивнул головой, смысл сказанного по-настоящему оценил лишь сейчас, спустя несколько месяцев после беседы. Действительно, большое видится на расстоянии... Та беседа с комбатом заставила оглянуться на пройденный путь, задуматься. Не будь ее, неизвестно, как бы все сложилось.

Но она состоялась. Удивительная вещь! Вроде и люди те же, и техника прежняя, и расписание не изменилось. А вот перемены почувствовались сразу. Исчезли спешка, нервозность. Рота все более напоминала хорошо отлаженный хронометр с четким ходом.

Изменение в стиле руководства не означало, что Реснянский перестал вникать в так называемые мелочи, перепоручив их другим офицерам и сержантам. Он по-прежнему в курсе того, что делается в расчетах, по-прежнему не делит дела на важные и мелкие. Понимал: даже самые бурные реки начинаются с маленьких, тихих, порой неприметных ручейков...

«Подумаешь, какие-то там коврики! Ну пыльные! Так ведь мы не на Арбате живем! Да разве это главное? Вы же знаете, как мои ребята на станции работают. Блеск!» — в глазах сержанта светилась явная обида.

Реснянский только что проверил состояние спального помещения роты. В одном из расчетов мало внимания уделялось чистоте. Настораживало, что неаккуратностью отличались новички. Сержант, тоже из вновь прибывших, выгораживает своих. Мелочь?

— Тема нашей беседы «Культура ратного труда», — говорит Реснянский. В ленинской комнате собрались не только новички, а и бывалые воины. — Недавно я прочел об удивительном случае. На одном из часовых заводов вдруг обнаружился брак. Начали искать причину. И нашли. Где бы вы думали? На ресницах девушек-сборщиц. Микроскопические частички космети-

ки попадали в механизм часов. Это приводило к порче. Вы в курсе, какая сложнейшая электронная аппаратура доверена нам. Вот почему так важно заботиться о повышении культуры ратного труда. Один из важнейших ее компонентов — чистота.

Реснянский умело провел связь между чистотой на рабочем месте оператора с чистотой в личном быту, в повседневном обиходе. В самом деле, раз забудет оператор выбить коврик, в другой раз забудет, в третий поленился, смотришь — вот уже и привычка. Привычка в быту становится привычкой на службе. Чистота — залог безотказной работы точных приборов и механизмов.

Глубокий след оставила в сердцах операторов беседа. Ее итог — соревнование расчетов за поддержание безукоризненного порядка на рабочих местах и в казарме.

Новые методы управления ротой позволили лейтенанту Реснянскому сосредоточить внимание на поиске резервов улучшения воспитательной работы, повышения боевого мастерства. Появилась возможность детальнее проанализировать обстановку в роте, выделить узловые направления работы, определить как ближайшую, так и отдаленную перспективу.

Размышляя над путями совершенствования боевой выучки, Реснянский решил подробно изучить дисциплинарную практику в роте. Какие меры морального воздействия применяли его начальники расчетов, да и он сам? В большинстве служебных карточек значилось: благодарность.

Не густо. А ведь уставом предусмотрены самые разнообразные виды поощрений.

Поделился соображениями с другими офицерами, парторгом роты:

— Уравниловка какая-то! Отличился оператор на учениях — благодарность, хорошо нес караульную службу — тоже благодарность, помог товарищу повысить классность — опять же благодарность. Такую практику вряд ли можно считать правильной. А почему бы не использовать фотографиярование у развер-

нутого знамени части, благодарственные письма родителям и трудовым коллективам, награждения грамотами? Моральное поощрение должно способствовать повышению качества боевой подготовки, стимулировать ее.

Трудна служба на отдаленной «точке». Она требует большого напряжения физических и душевных сил. Естественно стремление операторов разрядиться, скинуть груз усталости. И вот в свободную минуту в разных уголках казармы поют гитары. Их трое, неумных гитаристов, — рядовые Новиков и Мартинкявичус, младший сержант Жилинский. У каждого свои песни, свои слушатели. Хорошо играют гитаристы, неплохо поют, но вот репертуар...

Замечание сделать нетрудно. Но ведь командир говорит: нет ничего слаще запретного плода. Объединить бы этих трех гитаристов да создать солдатский ансамбль! Чтобы и сами хорошие вкусы развивали, и другим прививали...

Замполит внимательно выслушал Реснянского:

— А я уж у вас и баяниста высмотрел. Кстати, ваш Новиков и на ударных инструментах играет. Должно пойти дело...

Экран локаторщика разбит на секторы, разделяющиеся масштабными линиями. При движении развертки они вспыхивают фосфоресцирующими огоньками. Где же та волшебная линия, за которой начинается командирская зрелость — время, когда огонек творчества и инициативы достигает наиболее полной яркости? И вообще, бывает ли возраст у зрелости?

«Здравствуй, дорогой Владимир Васильевич! Спешу сообщить приятную новость. Вернулся вчера с совещания. Начальник политотдела ставил тебя в пример: мол, один из самых молодых командиров рот, а дела — лучше, чем у иного «старика». Дело, говорит, не в возрасте, а в отношении к службе. Можно и в сорок не достичь командирской зрелости, а можно и в двадцать три, как Реснянский, стать авторитетным командиром. Очень рад за тебя. Капитан Гуськов».

Реснянский спрятал письмо в карман. В груди разлилась теплота: вспомнил первый командир, не забыл. Следит за судьбой воспитанников. Вот тебе и самый «непроницаемый» начальник станции!

КТО ВЫ, МАЙОР ШОСТАК?

Мастер?

«Противник» шел с северо-запада. Склонившись к плечу оператора, майор Шостак заметил отметки от цели, едва просвечивавшиеся сквозь сплошное море ряби, которой вдруг покрылся экран.

— Вижу цель! Групповая... Сектор... Азимут... Интенсивность...

Голос оператора младшего сержанта Якуба Устаева взволнованный, даже чуточку торжественный. Приподнятость, какой-то необъяснимый душевный подъем чувствовался и в докладах второго его подчиненного — высотометриста сержанта Валерия Рака.

Волнение операторов передалось их командиру. Только у него к этому чувству примешалась малая толика тревоги, и это не ускользнуло от внимания штурмана наведения подполковника Алексея Николаевича Ушакова, дежурившего на командном пункте. Уж кто-кто, а он отлично знал начальника радиолокационного подразделения Георгия Трофимовича Шостака, и по малейшим оттенкам голоса получал полнейшее представление о настроении майора.

Уловив на сей раз затаенное чувство тревоги, штурман забеспокоился. С чего бы это тревожиться Георгию Трофимовичу? Неисправность какая обнаружилась? Так ведь совсем недавно регламентные работы проводились. Сложность, ответственность учений? Не похоже что-то на Шостака...

Голос, которым были произнесены слова доклада, заставил Шостака вздрогнуть. Он взглянул на экран. По нему медленно разливалось белое молоко. Отметки от цели бесследно исчезали. «Пора», — решил он.

Подполковник Ушаков по-прежнему сидел на КП и, глядя на покрывающийся белой пеленой штурманский экран, подумал о том, что у локаторщиков сейчас потеют от напряжения спины, мокнут рубашки. Эти несколько мгновений решат судьбу «боя». Сумеют операторы нащупать противника — успех обеспечен. Проскочат, перехитрят вражеские самолеты — пиши пропало. Все зависит от мастерства, умения ребят из подразделения Шостака. Главное — правильно определить постановщика помех и вовремя ликвидировать его. Тогда на экране не будет этого проклятого молока, и все цели станут как на ладошке...

А секунды идут. И в любую из них «противник» под прикрытием постановщиков помех может разделиться и неожиданно подойдет с другой стороны.

Нет, такого не произойдет. Не должно. Когда цели ведут локаторщики майора Шостака, можно быть спокойным. Эти не упустят. Вот уж несколько лет подразделение является отличным. Георгий Трофимович звание мастера радиотехнических войск получил. Скромничает, знак не носит: ничего, говорит, первый класс тоже хорошо, да и выделяться среди других не хочу.

Что правда, то правда — первый класс имеют почти все офицеры в подразделении да и солдаты тоже. Только двое со вторым классом. А насчет выделяться, так он еще до получения знака мастера был на голову выше своих сослуживцев. Почетное звание только узаконило то, что было очевидным для всех: влюбленность в службу, в технику, творческий подход к делу. Грамотный, зрелый, уверенный в себе командир.

«Вот только сегодня какой-то он странный. Что же все-таки произошло? — думал Ушаков. — Надо будет при случае поинтересоваться...»

Он перевел взгляд на экран. Молока больше не было. Цели отвечивали ярко, крупно. Взглянул на другие экраны. Помехи не исчезли.

«В чем дело? — не понял штурман. — Направление-то одно!»

А в кабине радиолокационной станции звучали радостные, возбужденные голоса операторов, докладывавших о движении «противника». Хмельное чувство радости передалось и командиру.

— Что вы там включили? — услышал он в наушниках голос Ушакова. — На вашем экране отличнейшая видимость. На других по-прежнему помехи...

Его голос потонул в оглушительном реве мощных турбин. Над позициями пролетели сверхзвуковые истребители-перехватчики, идущие навстречу «противнику».

Ушаков тогда ничего не понял. Да и вдаваться в подробности было некогда. Назревал жаркий воздушный бой.

Не только Ушакова — всех штурманов интересовало, каким образом удалось Шостаку добиться ослабления воздействия помех?

— Очень просто, — объяснил Георгий Трофимович на разборе. — Применил приставку Поплавского. Только он изобрел ее для дальномеров, а мы попробовали и на высотомерах.

Это приспособление разработал майор-инженер Поплавский. Он локаторщик, но служит в другом округе. Шостак как-то услышал об оригинальном приборе офицера-рационализатора и решил применить новинку у себя.

Стоило это немало труда. Да разве может не победить воля настойчивого, целеустремленного человека, создавшего целый творческий коллектив? Главные его помощники — старший инженер подразделения капитан Ю. К. Конев, старший техник лейтенант С. А. Гуляев. Он привлек их к активной рационализаторской деятельности. С их помощью удалось не только успешно применить новшество, значительно облегчившее задачу операторам и штурманам наведения, но и доусовершенствовать его.

А ведь для того, чтобы творить, внедрять новое, нужно быть отличным специалистом, назубок знать материальную часть и ее функциональные особенности. Майор Шостак — мастер радиотехники. В этом

его сила как командира, знающего все тонкости своего дела.

И все же быть хорошим специалистом для современного командира мало. Он имеет дело не с одними полупроводниками и сложнейшей радиоэлектронной аппаратурой. От того, как подчиненные научатся управлять техникой, как будут выполнять его приказы, относиться друг к другу и к нему самому, — не в меньшей мере зависит боеготовность подразделения.

Выходит, командир — это и

Педагог?

Тяжел труд армейского командира. В школе педагог учит десять лет, в вузе пять. Притом воспитанники, как правило, одного возраста, с одной улицы. Армейский же коллектив — это разница и в возрасте, и в образовании, и в местожительстве до призыва. Сплотить всех этих разных людей в единое целое, воспитать в духе коллективизма, создать атмосферу высокой дисциплинированности — задача не из легких.

Воспитательный процесс неотделим от боевой подготовки — это он усвоил еще в училище. Чем крепче дисциплина, здоровее микроклимат в подразделении, тем выше показатели в овладении техникой, повышении боевого мастерства воинов. Служить хорошо там, где есть порядок, сознательная дисциплина. Это признал и рядовой Владимир Узунашвили.

Поначалу порядки, заведенные в подразделении майора Шостака, ему не нравились. «Вот у других жизнь!» — завистливо вздыхал он. Так случилось, что по долгу службы ему пришлось на недолгое время попасть в другое подразделение, где дисциплина, мягко говоря, прихрамывала. Встретил однажды своего командира. Разговорились.

— Как дела, Узунашвили?

— Заберите скорее назад, товарищ майор!

— А что такое? Служить трудно?

— Да разве это служба? Служить хорошо там, где дисциплина...

А поначалу ворчал, вздыхал по вольготной жизни... Солдат, он понимает, что крепкая дисциплина — всему основа.

В подразделении майора Шостака вот уже несколько лет нет нарушений уставного порядка. Правда, попытки были. На первый взгляд, весьма безобидные. Другой не обратил бы на них внимания. Но Георгий Трофимович знает: во взаимоотношениях с людьми мелочей не бывает. Именно в них следует искать причины просчетов.

Сам Георгий Трофимович — образец исполнительности, четкости, деловитости. Того же требует и от подчиненных, в особенности от офицеров.

А вот лейтенант Сергей Гуляев, прибывший на должность старшего техника подразделения, требующий от солдат четкости и исполнительности, получив от старшего начальника задание, уехал выполнять его, не поставив в известность своего непосредственного командира.

Майор Шостак получил в это время указание подготовиться к ответственным полетам. Он требует разыскать Гуляева. Гуляева нет. Наконец, приехал.

— А если бы перехват был не условный, как сейчас, а реальный? Где прикажете вас искать?

Молчит лейтенант. По лицу видно: переживает.

— Ладно, — сменил тон майор. — В следующий раз надо докладывать... А то вон молодежь из учебного подразделения пришла, решит, чего доброго, что и им ставить в известность своих командиров не обязательно...

А не обрати на этот случай внимания, кто знает, какие последствия бы вышли. Дело в том, что у молодого лейтенанта все было куда сложнее, чем он предполагал. Гуляев находился на перепутье: то собирался идти на комсомольскую работу, то поступать в военное учебное заведение другого профиля. Отсюда и рассеянность, несобранность.

Убедил-таки Шостак остаться в подразделении, не изменять профессии. Сейчас Сергей Гуляев специалист первого класса, до самозабвения влюблен в свою специальность, во всем берет пример с командира.

Георгий Трофимович знает каждого воина своего подразделения, особенности их характеров. Глубокое изучение психологии подчиненных дает ему возможность умело руководить людьми, эффективнее использовать те или иные качества воинов. Шостак внимательно изучает все новое, что появляется в армейской жизни. Характерная особенность нашего времени — высокий процент воинов, имеющих высшее и среднее специальное образование. Особенно заметно это в радиотехнических войсках. У него в подразделении тоже немало операторов с ромбиками на груди.

Отдельные командиры теряются, не знают, как вести себя с такими солдатами. У него в этом вопросе четкая линия, и следование ей приносит неизменный успех. После прибытия в подразделение он беседует с каждым из них. Почти все они, за весьма редким исключением, сразу становятся надежными помощниками офицеров.

Правда, бывают и такие, которые считают, что им должны создаваться особые условия, привилегии. Некоторые товарищи Шостака в душе согласны с ними: все-таки люди с высшим образованием, не пошлешь их, скажем, территорию убирать или на кухне картошку чистить. Вот она, новая лазейка для подрыва дисциплины. Майор Шостак ходу ей не дает.

Совсем недавно наблюдался случай использовать эту лазейку. Прибыл новичок — рядовой Аджан Мовсесян. Образование высшее. Попал в расчет, которым командует сержант Анатолий Сырокваш. Командир на семь лет моложе, да и образование поменьше — десятилетка. Георгий Трофимович не боялся за сержанта: парень толковый, рассудительный. И придирааться понапрасну не будет, и поблажки не даст, четко знает установку командира в этом вопросе.

Приходит однажды Мовсеян с жалобой: на кухню посылают. Разве для него эта работа?

Пришлось побеседовать с солдатом, объяснить, что в подразделении все равны, и привилегий никому не положено.

— Вот вы образованный человек, Мовсеян. Что подумают о вас товарищи, когда увидят: вы на солнышке загораете, а они на кухне работают... Выберет ли кто-нибудь вас в товарищи? Сомневаюсь... Безусловно, учились вы больше, чем они. Вот и расскажите им что-нибудь интересное. А насчет освобождения от наряда — это не по-товарищески будет...

Такую же беседу пришлось провести с Георгием Ивинским, тоже окончившим институт. Поняли оба — командир печется в первую очередь о добром имени подразделения, о крепкой дисциплине, дружбе. Поняли, и сами стали жить заботами командира.

А их у него не счесть. Ему не безразлично, чем живут подчиненные, какие у них вкусы и идеалы, что они читают, к чему стремятся. Настоящий командир заботится не только о красоте в работе, а и о красоте душевной, внутренней. Как своей, так и подчиненных.

Эстет?

Современного офицера трудно представить вне искусства. Почти у каждого есть любимое увлечение, которому он посвящает свободное время.

По-разному приходят люди к пониманию прекрасного. У многих любовь к искусству возникает в раннем детстве, под влиянием родителей, в результате семейного воспитания. Обсуждение музыкальных и театральных премьер, концертов приезжих артистов, выставок картин накладывает отпечаток на душу ребенка, вызывает впечатлительность.

Именно в такой семье родился сержант Яков Цесин. Природа щедро наградила его многими достоинствами: прекрасным голосом, музыкальным слухом.

Любовь к чтению, живописи привили родители. В армии он стал увлекаться чеканкой по металлу.

Как-то попались его работы на глаза майору Шостаку. Майор держал на ладони фигурку, вычеканенную Цесиным, и откровенно любовался ею.

— Давно увлекаетесь? — спросил он у сержанта.

— Да нет, не очень... Месяца два-три...

— Хорошая работа. Покажите-ка, что у вас еще есть...

Цесин достал несколько металлических пластин. Георгий Трофимович с любопытством рассматривал их. Внезапно у него изменился голос:

— А это откуда?

На его ладони лежала пластина с изображением быстрого оленя. Гордая посадка головы, вытянутые линии шеи — все символизировало стремительность, движение.

— Это наш олень. Гарнизонный.

В их городке возвышалась фигура гордого северного красавца. Кто его поставил — никто уж не помнит. Цесин и скопировал его на пластине.

— А почему бы вам не организовать выставку своих работ, сержант?

Во время открытия выставки он снова подошел к поразившему его рисунку на металле. Уж очень похож этот олень на того, увиденного в детстве. Тогда он жил недалеко от Беловежской Пуши. Гордое лесное животное потрясло его детское воображение. Олень мчался сломя голову: боялся автоматной очереди. Он был опытный, тот олень, и знал, что от встречи с человеком хорошего ждать не приходится. Тогда была война. Мальчонку охватило чувство жалости к беззащитному животному. Оно живет и поныне.

Казарма, строевой плац — конечно, не концертный зал филармонии. Но и в суровом солдатском быту есть все условия для воспитания хорошего вкуса. Солдат всегда тянется к прекрасному. Вычеканил же Цесин стремительно бегущего оленя — значит, понял красоту окружающего мира, значит, лучше будет защищать эту красоту.

Георгий Трофимович всячески поощряет любовь к искусству. Он любит музыку, сам прекрасно играет на аккордеоне, постоянно настойчиво внедряет производственную эстетику в быт воинов, заботится о повышении их культурного уровня. У него сознательные, разносторонне развитые подчиненные...

* * *

Так кто же все-таки майор Георгий Трофимович Шостак? Мастер радиотехники? Педагог? Эстет? Советский офицер.

ПЯТЬ ЛЕТ ЖИЗНИ

Третьего дня его представили курсантам. Они были в новехонькой форме и во все глаза рассматривали стоявших напротив офицеров. Старший, начальник факультета, сказал перед строем:

— Прошу любить и жаловать: подполковник Соколов Николай Кондратьевич. Назначен начальником вашего курса.

Десятки взглядов сошлись на невысоком коренастом офицере, шагнувшем вперед. Они уже знали, что начальник курса назначается на все пять лет учебы. Поэтому не было в строю никого, кто бы безучастно отнесся к сообщению начальника факультета.

«Повезло или нет? Каким-то вы будете, товарищ подполковник?» Разные вопросы прочел он в их взглядах — робких и вызывающе смелых, откровенно взволнованных и подчеркнута спокойных.

Вспомнилось, как он сам стоял в таком же строю первокурсников и вместе с товарищами, с которыми успел подружиться во время сдачи вступительных экзаменов, пытался угадать, что представляет собой их начальник курса. Точно так же, как и эти ребята, волновались они тогда здорово: порядком наслышались о роли начальника курса в училище.

Он смотрел на них, таких разных и непохожих, из всех сил старавшихся держаться в строю как подобает будущим офицерам. Опытный взгляд строевого командира подметил и то, что на многих форма сидела мешковато, и то, что строй пока не представлял единого целого, и еще много чего, что видно только кадровому офицеру.

Что же заметили они в нем?

Курсант Рымарь в тот же день записал в своем дневнике: «Представили начальника курса. Лицо строгое, волевое. Фигура мускулистая — видно, со спортом дружит. Это хорошо. Это по мне. А вот шаг-то, шаг как печатает! Не иначе, первый строевик в училище. По всему видно, обожает наш начальник строевую подготовочку...»

Надо сказать, курсант Рымарь был личностью общительной. А раз так, то согласно особенностям своей натуры поделился соображениями на сей счет с товарищами. А еще для полной характеристики Рымаря надо добавить, что в свои семнадцать лет он, по его мнению, прекрасно знал, каким должен быть современный офицер, какие знания и навыки ему нужны, а какие не нужны.

— Куда мы поступили? — говорил он, тесно окруженный друзьями во время перекура. — В Минское высшее инженерное зенитное ракетное училище противовоздушной обороны. Кем мы отсюда выйдем?

— Известно кем: офицерами-ракетчиками, — отвечал кто-нибудь.

— Правильно. И все-таки я позволю внести маленькое уточнение в ваш правильный ответ. Вы не упомянули одного очень важного слова — «инженерами». Мы, дорогие мои, будем сидеть на отдаленной «точке», в подземных царствах сказочных огней. Что для нас главное? Как можно лучше знать свое дело. А оно не что иное, как техника. Красиво выполнять строевые приемы пусть учатся курсанты училищ других родов войск. У нас — особая специфика.

Надо сказать, все абитуриенты Минского ВИЗРУ очень высокого мнения о своем учебном заведении

и о профессиях, которые получают здесь. Поступить в это училище — заветная мечта многих юношей. Их не останавливает ни большой конкурс, ни высокий проходной балл. Ребята хорошо наслышаны о великолепной учебной базе, о самой современной технике, о десятках крупных ученых, ведущих занятия с курсантами. Каких только картин не рисует мальчишеское воображение! В каком только свете не представляется им учеба и дальнейшая служба в войсках ПВО! В основном образ офицера-ракетчика сводится к этакому рафинированному интеллигенту, технарю, который только и делает, что нажимает на разноцветные кнопки.

Понятно поэтому то состояние, в которое впадают отдельные курсанты после первых же дней учебы. Не были исключением и ребята с курса подполковника Соколова Николая Кондратьевича.

Предположения Рымаря оправдывались. Начальник курса придирчиво наблюдал, как идет отработка строевых приемов. «В чем, в чем, а в строевой подготовке при таком начальнике ходить нам в передовиках все пять лет», — невесело думали курсанты. А подполковник Соколов шел за ними и в спортивный городок. «И чего только он присматривается?» — недоумевали курсанты. Вздыхали: эх, скорее бы за дело!

Настоящего дела, по их разумению, все еще не было. Странно вел себя начальник курса. Рымарь сделал в своем дневнике очередную запись:

«Теряемся в догадках. Что бы это значило?»

Действительно, процесс знакомства с курсантами протекал несколько своеобразно. Беседует подполковник Соколов с каким-нибудь пышущим здоровьем парнем, расспрашивает, как положено, откуда родом, кто родители, где учился, где работал. Пометочки в блокноте делает. Странички аккуратно разграфлены. Каждая графа озаглавлена. Кроме клеточек с традиционными оглавлениями «год рождения», «занятия спортом» и т. д. есть и совсем непонятное: «объем внимания», «дисциплина речи» и т. п. Чтобы запол-

нить графы с этими необычными оглавлениями, он и задавал вопросы, приводившие курсантов в недоумение.

Зачем, скажем, начальнику курса знать, сколько ступенек в подъезде их дома или какой цвет обоев на кухне? Курсанты пока не знали о необычных клеточках в записной книжке подполковника Соколова, и поэтому слухи о странностях начальника курса возрастали с каждым днем.

Он ждал этого момента. И был готов к нему. Потому что знал: рано или поздно этот момент наступит. Судил не только по себе, хотя и обладал определенным опытом: все-таки окончил два военных учебных заведения. Курсантская жизнь была ему знакома до мельчайших подробностей и по многолетней службе в подразделении обеспечения в этом же, Минском училище. Но одно дело выслушивать сетования знакомых преподавателей, командиров курсантских взводов на начинающийся отсев первокурсников, сочувственно вздыхать, и другое дело — бороться с отсевом самому.

Первым рапорт об отчислении подал Саша Небышинец. Командиры взводов докладывали, что и у некоторых других курсантов неизвестно откуда появилась вдруг странная апатия. В чем дело? Расспросы ни к чему определенному не привели. Коллектив новый, люди незнакомые, разные. Поди догадайся, кому какой подход требуется. Комсомольская организация только-только оформилась, сержанты сами еще на ноги становятся, в новую роль вживаются.

— Жаль парня, — с огорчением говорил начальнику факультета Николай Кондратьевич. — Из Небышинца получится хороший офицер. И чего надумал рапорт писать? На откровенность не идет, отмалчивается...

Подполковник Соколов вместе с секретарем партийной организации курса капитаном Хлюпневым пришли к начальнику факультета по его вызову. Пришли, имея четкий план дальнейших действий. Начальник факультета одобрил:

— Идея стоящая. Надо только хорошенько сценарий продумать. Чтобы поменьше абстракций, общих слов...

И вот на утреннем построении начальник курса объявил, что через неделю состоится вечер вопросов и ответов под девизом: «Офицер — профессия героическая».

На вечер пригласили офицеров из различных служб и отделов училища, недавних выпускников, служивших в войсках. Сначала разговор шел несколько вяло. Курсанты задавали вопросы, офицеры отвечали. Видно было: волнует ребят совсем другое, и Николай Кондратьевич отлично знал, что именно. Он переводит взгляд с одного курсанта на другого, напрасно надеясь увидеть решимость в их лицах. Диалог явно не клеился.

— Товарищ подполковник, — внезапно послышался голос Володи Языльца. — Разрешите вопрос?

— Да, конечно, — ответил Соколов, еще не веря в то, что именно вот этот невысокий, застенчивый курсант затронет вопрос, который волнует всех. Язылец решительно обвел взглядом товарищей, как будто искал в них поддержку, и отважно хлебнул ртом воздух, «Скажет! Честное слово, скажет», — забилося, заколотилось сердце у подполковника.

— Мне кажется, у нас чрезмерное внимание уделяется общевоинским дисциплинам: строевой, физической подготовке. Что же получается? Вон сколько проучились, а все одно и то же: подъем переворотом, прыжки через коня, бесконечные подходы и отходы к начальнику, строевые приемы с оружием и без оружия... Когда начнется настоящее дело?

— Ясно, — сказал Соколов. — Еще вопросы есть?

Он ждал их, и они посыпались один за одним. В большинстве своем наивные для человека военного, вопросы эти волновали курсантов-первокурсников. То, что ребята не находили ответа на них, и было одной из причин их смятения.

Ну конечно же: оснащение новейшей техникой подразделений ПВО привело к изменению качеств,

которыми должен обладать зенитчик. Выходит, ему надо развивать только умственные способности, иначе говоря, — тренировать мозг.

Ручка Соколова бегала по листку блокнота. Записывая вопрос, он тут же намечал краткий план ответа.

Нет, дорогие мои, вопрос поставлен неправильно. Новейшая техника привела не к изменению качеств ракетчика-офицера, а к их расширению. Тренировать мышцы и тело надо так же, как их тренировали прежде артиллеристы-зенитчики. Даже в большей степени. Физические нагрузки, которые испытывает современный офицер войск ПВО, никоим образом не уменьшились. Наоборот, возросли. Да, да, возросли. За счет этой самой новейшей техники. Парадоксально? Попробуйте-ка выдержать смену на боевом дежурстве без предшествующей и последующей физзарядки! Интересно, надолго ли вас хватит?

Нужна ли строевая ракетчику? Да, офицер-ракетчик обладает большим запасом инженерных знаний. Его труд все больше становится разновидностью инженерного труда. Но ведь на плечах ракетчик носит офицерские погоны. А офицер всегда был и будет образцом подтянутости, собранности, красоты движения. Попробуйте-ка хоть месяц не позаниматься на строевом плацу. Очень интересно будет на вас посмотреть, товарищи будущие офицеры...

«Только не показывать вида, что ребята открывают Америку. Снисходительный или покровительственный тон погубит дело. Только на равных. Только уважительность и максимум внимательности», — думал он.

Двойственное чувство испытывал Николай Кондратьевич. Вопросы-то были не новые. И в то же время ловил себя на мысли, что поневоле «заводится», предвкушая азарт горячей дискуссии.

Отвечал он ровно, спокойно. Каждая мысль глубоко аргументировалась. Никто не подозревал, что еще несколько минут назад в этом коренастом подполковнике клокотали рвавшиеся наружу чувства. Перед кур-

сантами выступал уверенный в себе, чувствующий свою правоту офицер.

Он рассказал им и о своих странных с их точки зрения расспросах. Ничего необычного в них не было. Просто он стремился уяснить особенности их характеров.

— Преподавателям, которые проводят с вами занятия, важно знать, каковы у вас объем внимания, степень реакции, дисциплина мышления. Это для того, чтобы избрать наиболее подходящий для каждого способ усвоения учебного материала. Кстати, результаты этих опросов не являются тайной. С ними можно ознакомиться у меня, а также у своих преподавателей. Если кого заинтересует, как воспитать, развить те или иные качества, необходимые для будущей службы, могут посоветовать нужную литературу.

Много поучительного услышали в тот вечер воспитанники подполковника Соколова. Широко раскрытыми глазами смотрели они на своего начальника курса. Оказывается, он применял новейшие методы психологических исследований. Подумать только: даже во время обычной беседы чутко прислушивался к речи каждого из них, определяя при этом дисциплину мышления, которая неразрывно связана с дисциплиной поступков. А они с этакой насмешкой: мол, не иначе, первый строевик в училище!

Мы сидим с Николаем Кондратьевичем в преподавательской.

— Очень способная молодежь к нам приходит, очень... Правда, иногда у ребят весьма смутное представление о профессии офицера нашего рода войск. Приходится много работать, особенно с первокурсниками. После того вечера вопросов и ответов мы еще несколько раз возвращались к этой теме. Проводили анкеты, комсомольские собрания. Каким должен быть современный офицер-ракетчик? Вопрос исключительной важности. Это понимаем не только мы, преподаватели. Это понимают и сами курсанты... Мы убедили воспитанников: спорт — отличный стимулятор в

покорении новых рубежей. Хорошо поработало комсомольское бюро курса во главе с секретарем Александром Пархоменко. Уже на первом году учебы курс вышел на первое место в училище по спортивным показателям.

Николай Кондратьевич рассказывает не торопясь. Гордость за своих воспитанников слышится в его голосе.

— Был у меня на курсе Коля Островский. Весельчак, балагур, минутки не посидит без шутки да прибаутки. А песен сколько знал! А как исполнял! Заслушаешься, бывало. Неплохо играл. Так вот, решил он с ребятами создать свой оркестр. Говорит мне: так и так, товарищ подполковник, я, мол, поспрошал у ребят, кто из них играет на музыкальных инструментах. Нашлось несколько человек. Неплохо бы порепетировать маленько. Глядишь, после выпуска и организует наш оркестрант где-нибудь на отдаленной «точке» вокально-инструментальный ансамбль. Что же, дело это стоящее. Поддержал я их затею с оркестром...

— Николай Кондратьевич, а какова дальнейшая судьба Александра Небышинца? Помните курсанта, что рапорт об отчислении подавал?

— Саша?

Он смотрит на меня с укоризной: мол, мог бы и не говорить последнюю фразу. Разве он своих воспитанников не помнит, что ли?

— Саша забрал рапорт. Окончил училище со всем курсом. Сгоряча попросил об отчислении. Трудное положение было тогда у Саши. Молодцом, нашел в себе силы победить обстоятельства.

О своей роли в судьбе курсанта Николай Кондратьевич ничего не говорит. Но в училище-то хорошо известна эта история.

Николай Кондратьевич сначала думал: причина рапорта об отчислении в том, что Саша представлял себе учебу несколько в ином плане. Мол, жил он все время с родителями. Привык к семье, к постоянной опеке отца с матерью. А тут вдруг резкая перемена в жиз-

ни: сам принимай решения, сам отвечай за свои поступки. Не был подготовлен Саша к такому. Трудно привыкал к распорядку, заведенному в военном училище. Предполагал, что разницы между военным учебным заведением и гражданским вузом практически нет.

Безусловно, это тоже сыграло определенную роль. Но главная причина была все же в другом. Николай Кондратьевич чувствовал это по поведению курсанта, по его задумчиво-рассеянному взгляду, по ответам невпопад, по тому, наконец, с каким нетерпением ждал он почты. Письма ему приходили, но того, которого с таким нетерпением ждал, не было! И тогда начальника курса осенило: девушка!

Поговорил со взводным курсанта. Догадка подтвердилась. Пошел к начальнику факультета.

Небышинец глазам своим не верил: в его руках отпускные документы. Подполковник Соколов лично вручил их, напутствовал:

— Езжайте на родину. Праздники проведете дома. Вам сейчас необходимо побывать в родных местах... А рапорт пусть полежит. Вернетесь, тогда еще потолкуем...

Горячая волна захлестнула курсанта. Он искал какие-то очень теплые и проникновенные слова благодарности, но от волнения они куда-то запропастились. Только и произнес:

— Спасибо, товарищ подполковник!

Вернулся в училище в срок. Начальник курса и не сомневался в этом. Он знал, что выбрал правильный путь. Забирая рапорт назад, Небышинец сказал:

— Очень нужно было съездить домой. Там у меня девушка осталась...

— Так вы и рапорт написали только для того, чтобы ее увидеть?

— Да.

Соколов не стал выпытывать подробности, он понимал: если юноша не остановился перед написанием рапорта, значит, все это очень сложно. Деликатно осведомился:

— Наладили свои дела? Совета или помощи не надо?

— Все в порядке, товарищ подполковник! — На лице курсанта сияла радостная улыбка. — Обещала ждать...

Смущенно кашлянул. Несмело спросил:

— Разрешите вопрос, товарищ подполковник? Скажите, пожалуйста, как вы догадались о настоящей причине?

— Это, Саша, первейшая особенность нашей с тобой профессии: знать человека. Подумай об этом на досуге...

Курсант понимающе кивнул головой... На пятом курсе, перед выпуском, он женился на той девушке.

— Сколько таких историй было на курсе — не сосчитать, — улыбается Николай Кондратьевич. — К окончанию училища почти все мои ребята стали женатыми людьми. Многим пришлось бороться за свою любовь, пройти трудные испытания. Нелегко давать советы вообще, в этом же деле — особенно. Мир чувств, пожалуй, самый сложный. Нередко и родители были неправы. Приходилось и их переубеждать. А как же? Будущий офицер должен быть не только прекрасным специалистом, а и нравственно богатой личностью.

О курсе подполковника Соколова много говорят и спорят.

Много говорят потому, что курс этот выделялся из всех других. Уже на первом году учебы воспитанники Николая Кондратьевича заняли первое место в училище по спортивным показателям, внутреннему распорядку. Но самого главного успеха курс добился на третьем году. Впервые за историю училища третьекурсники заняли первое место по всем показателям. А ведь на третьем курсе наибольшая учебная нагрузка, «пик науки», как говорят курсанты. Обычно первое место занимает четвертый или первый курс. Воспитанники Николая Кондратьевича первыми нарушили эту давнюю традицию. И на четвертом, и на

пятом курсах они прочно удерживали первое место, завоевали право называться отличным курсом. Только трое получили удовлетворительную оценку за дипломные проекты, остальные защитились на «отлично» и «хорошо».

Много спорят об этом курсе потому, что ищут ответа на вопрос: каким образом удалось Николаю Кондратьевичу добиться таких успехов? Нет, о каких-то необыкновенных способностях его воспитанников говорить не приходится. Курсанты как курсанты.

Уже в первом семестре выяснилось: есть ребята покрепче, есть середнячки, есть и совсем слабые. Подполковник Соколов поставил задачу: отстающих — до уровня отличников! Предложил и один из способов решения этой задачи: разделить учебные группы на «тройки». Преподаватели поддержали это новшество.

Как это выглядит на практике? В каждую «тройку» входят три курсанта — отличник, середняк и отстающий. Во время самоподготовки они занимаются три часа. Четвертый — для закрепления темы. Трудные вопросы, если они возникают, разъясняет сильный курсант.

Командиры взводов помогают организовать соревнование между «тройками». Раз в неделю подводятся результаты. На комсомольских собраниях заслушиваются сообщения руководителей «троек» и отчеты слабо успевающих курсантов. И вот напротив ранее остававших Владимира Корелова, Владимира Яцуляка, Валерия Евдокимова и других появились отличные оценки. Хорошо справились со своими комсомольскими поручениями отличники учебы Игорь Пивницкий, Владимир Шестопалько, Сергей Медведев. Они вывели товарищей в число передовиков.

Деление учебных групп на «тройки» оправдало себя. С легкой руки подполковника Соколова эта новинка распространилась по всему училищу.

Уже на втором курсе в партийную организацию стали поступать заявления курсантов с просьбой о приеме в партию. Кандидатские карточки получили

отличники учебы Александр Руднев, секретарь комсомольской организации курса Александр Пархоменко и другие. На третьем году учебы число таких заявлений возросло. К концу шестого семестра большую половину воспитанников Николая Кондратьевича составляли члены партии. Это подтягивало, дисциплинировало весь курс. Стало больше ответственности, серьезности и у остальных ребят.

Николай Кондратьевич добился того, о чем мечтает каждый командир: гордости за свой коллектив, ответственности каждого за его доброе имя. Именно этим руководствовался Саша Аспидов, когда его однокурсник Чикин попал в госпиталь. Чикин пропустил много лекций, мог отстать от товарищей и нахватать троек на экзаменах. Саша регулярно навещал его, приносил конспекты, учебники. Выйдя из госпиталя, Чикин сдал сессию на «отлично».

О воспитательных методах подполковника Соколова, о его работе с курсантами можно рассказать немало поучительного. Получить семнадцать поощрений — это значит не жалеть ни времени, ни сил, отдавать весь свой опыт, все свои знания воспитанию и обучению завтрашних командиров. Пять лет жизни ушло на то, чтобы неумелых, угловатых юношей в неразношенной курсантской форме, настороженно смотревших на него, превратить вот в этих стройных молодцеватых лейтенантов, одинаково уверенно держащихся в кабине радиолокационной станции и в огневом городке, за пультом ракетной установки и на танцевальной площадке, в зале филармонии и в спортивном городке.

Пять лет жизни... Нет, не зря они прошли.

...За столом, накрытым красным сукном, — члены государственной комиссии. Идет распределение воспитанников.

— Товарищ генерал! Лейтенант Антонов по вашему приказанию прибыл!

— Где желаете служить, товарищ лейтенант? Ого, да у вас право выбора! Окончили по первому разряду. Итак, куда желаете поехать?

Лейтенант четко называет отдаленную «точку».

Лицо генерала светлеет от удовольствия.

Один за другим входят лейтенанты Марушкевич, Шунто, Червяковский. Они тоже просят направить в отдаленные гарнизоны.

Генерал не скрывает восхищения:

— Вот это курс! Поздравляю, Николай Кондратьевич...

...Подполковник Н. К. Соколов готовится к очередному занятию.

— Товарищ подполковник! Вам снова целая пачка писем!

Он смотрит на адреса. Знакомые фамилии:

Пархоменко, Богданов, Остапенко. Вскрывает первый конверт: «Здравствуйте, дорогой Николай Кондратьевич!..»

Разные это письма. Но есть в них нечто, и оно роднит, сближает авторов.

Многое из того, о чем они пишут, воспринимается ими так, как воспринимал бы он сам. Разве есть для преподавателя что-нибудь дороже свидетельств осуществления мудрого завета: «Учитель, повторишь в ученике!»

БЛОКНОТ IV

Пунктирная линия. ПОВЕСТЬ ИЗ НАГРУДНОГО КАРМАНА

23—28 августа. Лола

Уже в городке. Учения закончились. Вчера был разбор, и кадэ озадачил коллектив. Короче, работы теперь будет до чертиков: и физо, и техника, и еще много чего разного. В сентябре приезжает инспекция из Москвы. Сегодня воскресенье, и мы моем и чистим технику.

Выступление командира нашей части было злым, но деловым. Не смотрел ни на должности, ни на чины. Несколько раз поднял Войтенкова, кадэ-три, и тот стоял без фуражки, опустил голову перед всем личным составом в летнем театре.

Нашла Зульфия, поздравила с возвращением, что-то говорила о переживаниях Лолы, о ее боязни привыкнуть ко мне: ведь я уеду домой, а как быть ей? Потом передала письмо, предупредив, чтобы я не говорил о нем Лоле: она-де велела порвать его, а Зульфия не послушалась. О содержании все же Тупиева-старшая знает, потому что сказала:

— Что-то вы в плохом настроении. Ну ничего, прочитаете письмо, легче станет.

Прочел. Очень нежное, внимательное и заботливое письмо. Боится, как бы я не простудился, называет «Славиком».

Не знаю, что из этого выйдет. Иногда противно становится: кому нужна такая игра? Ладно, поживем — увидим.

До конца службы остается два месяца и восемь дней. Как-нибудь дотяну.

Главное — книга о ракетчиках. Надо писать десятую главу. Должен закончить всю работу в армии, а дома только слегка подшлифовать.

А времени в обрез. Особенно сейчас, перед проверкой. Там, на «гражданке», особенно в последний день, не знал, куда деваться. А здесь...

* * *

Вчера мы были дежурным подразделением и ездили за девяносто пять километров разгружать дрова. Целый вагон разгрузили. Шли туда восемь километров, работали до десяти вечера, а назад уже ехали автобусами. Спрашивается, а почему туда шли, а не ехали?

Вернулись в казарму в одиннадцать, поужинали в каптерке холодным чаем и легли спать, многие не умываясь. Устали безмерно.

Утром с постели кросс на три километра. Пробежал плохо — двойка. Видно, сказалась вчерашняя перегрузка. Впервые почувствовал жжение в сердце. Подбежал Прокурат из санчасти:

— Может, нашатырь дать?

— Нет, не надо.

А самого заносит.

Копаем огромный кювет в техническом парке. Я начальник землеройных работ. С этим строительством целая история. Сначала рыли канаву под руководством Нарывного, по его же указанию, а потом пришел командир части и приказал все переделывать.

Устал порядком за этот день. Работал лопатой и ломом. И хотя сам делил участки для рытья, себе отмерил на редкость трудный, на том месте когда-то была свалка.

Пахали не покладая рук. Под конец не чувствовал ног. А в семь вечера физо. Принимал новый кадэ.

О Лоле Тупиевой.

В воскресенье прибегают с КПП:

— К тебе гости.

Смотрю — Лола. Поговорили не более десяти минут. За мной примчался Сейфулин, прокричали очередное построение. Она была очень красивая: в желтой юбке и такой же кофте. Ушла.

Вчера я просил ее мать отправить мои бандероли и заглянул в санчасть. Зульфия позвонила дочери, и я с ней поговорил по телефону. Обменялись дежурными фразами.

А сегодня Зульфия говорит:

— Лола придет на КПП.

И вот через несколько минут прибежал посыльный из штаба:

— К тебе приехала девушка.

Но я не пошел. Сказал, чтобы ей передали — я на строевой. Сам не знаю, почему так сказал. Как отреагирует на это ее мамаша?

Сегодня 25 августа. Три года назад мы уже приехали с Синих Озер и наслаждались уютом городской квартиры.

Остается 67 дней до конца службы. Писать вряд ли удастся: с 15 сентября будет проверка, и для нас начинаются трудные дни. Свободного времени совсем не будет. Дописывать придется, видно, уже дома. И осталось-то совсем мало.

Ну да ладно. Допишу дома. Что тут такого? Я видел немало.

Кончаю. В теле свинцовая тяжесть, и глаза слипаются.

* * *

Не прикасался к блокноту три дня. Были причины: плохое настроение, физическая усталость — строительство «великого канала» имени подполковника Нарывного продолжается. Ну а вчера был в карауле.

Ночью уже холодно. Приближается осень. На следующий день, после того как я не пошел на КПП, на

стройку канала пришел Данилов, лейтенант из первого дивизиона.

— Лола вчера говорила, что вы не пришли. Видно, я заберу вас в воскресенье.

— Пожалуйста.

Он переговорил с Лисиным, Кошельковым, и вопрос, кажется, решен положительно.

А позавчера прибегает Шершунович из санчасти:

— Айда со мной. Зульфия ждет.

Прихожу, а там Лола.

После обеда поскакал в клуб. Открываю двери библиотеки — снова Лола. Проторчал там почти до пяти часов — в тот день я заступал в караул и имел право на отдых до построения.

В воскресенье, видно, придется идти к ним. Вчера Зульфия снова нашла меня и говорила, говорила... О Данилове, которому якобы я конкурент, о Лоле, о службе мужа. И о том, что я должен остерегаться Данилова.

Сегодня после ужина стрельба из личного оружия. Поход с полной выкладкой.

Данилов, оказывается, все передает Лоле, что я ему говорю, даже мелочи, а она — матери.

Ну и люди!

И хочется побыть в теплой уютной квартире, и противны все эти людишки, мелкие, завистливые, серые...

Идти или не идти?

Посмотрим. Время покажет.

Третьего сентября Вета возвращается из отпуска.

Это воскресенье пройдет впустую. А вот остальные восемь надо использовать полностью.

29—30 августа. Помогаем совхозу

Сижу сегодня у копны соломы в совхозе. Да, да, в совхозе.

В общем, дело было так. Вчера ходили стрелять ночью. Наши все промазали, за исключением Гопюка.

И вообще в батарее нашлись только несколько человек, которые стрельнули хорошо. Прямо на стрельбище комбат сказал, что пятеро из батареи пойдут в совхоз и будут там помогать убирать урожай. В их число попал и я.

Страшно зудят ноги. Но мозолей нет. Закаляюсь.

Здесь, в совхозе, мы будем до завтра. Так что предстоит ночевка. Значит, не сбыться мечтам об увольнении в город. Ничего, схожу в понедельник. Представляю, что творится с Тупиевыми. Вечером будем смотреть фильм.

* * *

Снова сижу у копны соломы. Нет работы. Вернее, ее много, но нет трактора. Вчера после обеда собирали солому в копны, а сегодня их разбрасываем — сушим. Кто нами руководит, непонятно. Неразбериха. Многие попросту спят, зарывшись в солому. Фалалеев поймал ужонка и забавляется с ним.

Кормят хорошо: молоко, помидоры, яблоки. Работаем до шести вечера. Вот-вот должны привезти обед.

В совхоз уже не поедем — все взяли с собой: и рюкзаки, и шинели. Организация труда никудышная: кто спит, кто лежит.

Ночевали в клубе, на сцене, подстелив под бок шинели, а под голову положив рюкзак. Вечером показывали какой-то американский фильм, какой — не усек. Что-то о дельфинах. Спал до бесстыдства много.

Интересно, есть мне что-нибудь по почте или нет? Представляю, что творится с Тупиевыми. Завтра надо будет сходить в город. Непременно.

Итак, сегодня тридцатое августа. Послезавтра начинается сентябрь. Первый месяц осени. А там октябрь. И на службе армейской можно ставить точку. Каких-то два месяца остается.

Все чаще думаю о доме, о том, чем буду заниматься после дембеля.

Вчера после обеда ходил в город. Отправил, наконец, деньги матери. Едва отпросился. Комбат дал увольнение с условием — купить на всю батарею вешалок. объездил весь город, но приказ так и остался невыполненным. Все магазины закрыты: понедельник.

Искал свою книгу, но в киосках не видел, а магазины на замке.

Из совхоза вернулись в воскресенье поздно вечером. В совхозе дали машину, но когда проехали километров тридцать, выяснилось, что шофер пьян. Тогда Чернов назначил вместо него солдата. Проехали немного, стали, оказалось, тормоза не работают. А когда стемнело и надо было включить свет, фары не светили.

Вернулся, а в казарме на койке письмо от Елкина. Сообщает, что все письма получил, а вот «Колокольчика» не помнит. «Я солдат, мама» был напечатан, правда, с большими сокращениями и добавлением «нужных» кусков.

Сегодня написал ему, чтобы выслали мне тот номерок. Зинуля почему-то перестала высылать мне родной «Юный романтик».

Уже осень. Листья желтеют и паутина в воздухе.

Остается шестьдесят дней. Вета уже, видно, приехала из отпуска.

На удивление жаркий день. Все еще пашем на технике — чистим, красим.

* * *

Утро. Политинформация. Проводит комбат. Что-то опять о портянках.

Вчера навевывалась Лола. Пошел дождик, и мы бродили по дороге возле *досов*. А потом спрятались под березой. Дождь не утихал. Было мокро и сыро. Мы говорили. Обо всем: о литературе и о службе, о книгах и о девушках.

Не знаю, как дальше будут складываться наши отношения. Неужели все у нее искренне? Но тогда при чем ее мамаша, которая устраивает наши свидания? Неужели все подчинено цели устроить дочь в Холмске?

Ну почему она приходит ко мне? Почему? Неужели у нее что-то есть ко мне?

Не могу больше так. Надо предпринимать какой-то решительный шаг. Больше так продолжаться не может.

* * *

Вчера весь день были занятия на местности. В секретном классе занимались. Потом пришел Яцишин со своими гвардейцами. Просил дать автограф. Оказывается, книга уже появилась в продаже в Боровске.

Подошли с Каранкевичем к прилавку, говорим: дайте нам книгу. Ее наш солдат написал.

Матчастью занимались два-три часа, а потом — болтовней. После обеда оборудовали площадку для техники.

Сегодня ночью едва не сгорела наша станция. Ее красили и забыли выключить питание в компрессоре. А рядом с кабелем лежал чехол. Обгорел край. В двух метрах станция, в которой 750 килограммов топлива.

Рассадин и Миляр пишут объяснительные. Будет дознание.

С утра вытряхивали постели. А в семь пришел подозрительно веселый Куценко и объявил, что для разнообразия будет кросс.

Поворчать поворчали, но побежали. Мы шли в паре с Гопюком. Бежали хорошо до конца, а другие слукавили, срезали дистанцию. Потому мы отстали слегка и к финишу прибыли в числе последних.

Тут Мозоль и набросился:

— Побежите перед обедом!

— Хоть десять раз! — зло ответил я.

Слегка поцапались. Ну его к черту!

Я полностью его раскусил — он добивается порядка в батарее не потому, что любит справедливость, он это делает не во имя идеи, а ради собственной выгоды.

Что он мне сделает? Осталось каких-то 57 дней. Если начнет придирааться, напишу рапорт и вспомню все его проделки. Старшиной ему после этого не быть. Это я устрою запросто. Но, думаю, на обострение он не пойдет. Не такой уж он дурак.

Долго разговаривал вчера с Тупиевой-старшей. В воскресенье у нас будут увольнения, и я, видно, пойду тоже. Возьму со второй половины дня, а заберут меня с утра. Майор Тупиев заступает как раз оперативным дежурным.

Мне нужна встряска. А потом видно будет, что к чему.

Сегодня от нашей батареи внутренний наряд по части, и, конечно же, Мозоль не обойдет меня своим вниманием. Но в книге приказов я прочитал, что в семнадцать в клубе семинар агитаторов. Значит, и мне скажут идти туда. Следовательно, в наряд ставить не будут. А может, и поставят, кто их знает.

Сейчас политзанятия, а после полоса препятствий.

Ну и денечки пошли — ни одной свободной минуты. Даже на ужин приходим с опозданием.

О том, чтобы над книгой работать, даже не помышляю. Буду писать оставшиеся три главы уже дома. Пусть хоть в этих главах будет дух всей книги: служба окончена, у меня в руках армейская записная книжка, я читаю старые, размокшие от дождей и пота записи и вспоминаю...

* * *

Получил письмо от Елкина. Пишет, что «Полевая сумка» выйдет до 24 сентября, а из «Летних лагерей» он выберет одну главку и даст в праздничный номер. Остальные куски вряд ли пройдут в газете — они написаны не так, как надо писать.

Сегодня иду в увольнение. После обеда. У Тупиева ничего не получилось насчет того, чтобы уйти на весь день. Комбат ссылается на соответствующий приказ командира соединения.

Ребята вчера были в увольнении, приобрели мою книжку, и я сейчас раздаю автографы.

Новость — у нас новый начальник станции. Лисин переведен старшим техником по счетно-решающим приборам. Вместо него лейтенант Сагдеев, татарин, окончил училище с отличием. Лисин сильно переживает. Да, сомнений нет: его съел комбат. Слишком Лисин робкий да тихий. Кошельков таких не любит.

Сейчас утро, дежурным по части Куценко. Он уже кричит:

— Строиться!

Значит, будет пахота. Все батареи отдыхают, а наша на пахоту.

* * *

Итак, по порядку.

Я был в полной уверенности, что увольнение у меня после обеда, с шестнадцати, и был очень удивлен, когда узнал, что увольнительная записка с утра, с десяти. Узнал об этом в одиннадцать утра. Быстро собрался, направился к Куценко — он был дежурным по части.

— Продлите мне на часок, ведь я позже уйду.

Продлил на два часа, до восемнадцати. Было холодновато. Долго ждал автобуса, не дождался и решил отправиться пешком. Дошел до перекрестка, сел в подошедший автобус, сошел возле гастронома. Хотел найти конфет. Встретил Збышека Михневича в гражданской форме с милостливой худенькой женщиной. Это была его жена Таня.

— Збышек, ты в гражданке, возьми «аква виты»!

Мы постояли с Таней возле гостиницы, а он слетал в магазин. Принес. Купили газет в киоске, Збышек придал пакету форму букета с цветами, и я по-

топал. По дороге купил коробку конфет и потопал дальше.

Подошел к дому, позвонил у входа, но оказалось, что звонок не работал. Постучал. Дверь открылась. На пороге появилась Лола в цветастых брюках и в вязаной кофточке.

Мы расположились в ее комнате. Она достала бутылку венгерского искристого, я поставил свою «аква виту». Пиршество началось.

Потом пришел ее отец, отведая нашего угощения. Вскоре он ушел отдыхать. Мы остались вдвоем. Потом она еще пошла за «аква витой», я дал ей деньги и уговорил купить. Пиршество продолжалось...

Что было дальше, плохо помню. Мне стало дурно, я ощутил тошноту. Выпито все-таки было много. Вернувшись из умывальника, сел на диванчик, устроился удобнее и... задремал.

Разбудила Лола.

— Уже половина шестого. Тебе пора собираться.

Мне очень не хотелось уходить, я совсем разомлел и зло буркнул:

— Я сам знаю, когда мне надо уходить.

— Но ведь уже время...

И тут я схватил фуражку, сказал «до свидания» и пулей выскочил на лестницу.

Возле перекрестка догнал ее отец. В часть пришли вместе. Я опоздал примерно на полчаса, но Куценко отметил, что прибыл я вовремя. Поблагодарил его.

Весь день было дурацкое настроение. На политинформации написал ей письмо, а в обед отдал Зульфие. Ох, и Зульфия! Тут же провела параллель с Ерохиным, который однажды обмочился у них в квартире, и с тех пор перестал навещать.

— Я уже намеревалась послать за вами Шершуновича. Всю ночь не спали, гадали, что с вами, не на гауптвахте ли случаем? Или, как Ерохин, не будете больше приходить?

Посмеялись, хотя тень какой-то натянутости, неловкости присутствовала. Ну ничего, обойдется. Соб-

ственно, а что тут особенного произошло? Ничего.

Да, Лола показала мне письмо, написанное ею, но не отправленное. Там было что-то о том, что я ей нужен.

Получил письмо от Елкина. Сообщает, что в октябре уезжает в Болгарию на отдых.

Сегодня весь день шел по расписанию, а сейчас собирают комсомольский актив в клубе. Пойду послушаю, что там будут говорить.

Вот тебе и встряска, которую я все время ждал.

Любопытно, что ответит Лола? И как будут складываться наши отношения? Не надо торопиться. Время покажет.

Много в жизни смешных потерь. Не надо думать ни о чем, Слава. Абсолютно ни о чем. Что было, то было.

* * *

Сегодня в карауле. Погода резко ухудшилась. Холодно. Не спасает даже шерстянка, взятая напрокат у Кравченко. Он тоже одногодичник, окончил пединститут в Холмске и даже работал преподавателем до призыва.

После обеда пошел дождь. Мне достался самый отдаленный пост. Шестой, за пределами военного городка. Намучился основательно, спал не более трех часов в сутки. Возвращаюсь с поста и слышу «радостную» весть: сегодня ночные стрельбы. Это восемнадцать километров пешим ходом!

Да, Зульфия принесла записку от Лолы. Содержание знает, потому что позвонила в караульное помещение и сказала:

— Вам записка.

Не письмо, а именно записка.

Лола пишет, что не обиделась на меня за прощание, и чтобы сказал ее матери, когда ей удобнее прийти ко мне.

Ничего писать не буду. И встречаться не хочу. С этим надо кончать. И так далеко зашло. Все рав-

но у нас с ней ничего не будет. Надо прекращать отношения, пока дело не зашло еще дальше. Потом будет поздно.

Совсем немного осталось служить — всего пятьдесят два дня. Осень заметна все более. Листья желтеют, холодает. Ранняя осень.

Все чаще думаю о демобилизации. Читал в карауле Стругацких «Трудно быть богом». Сильно сделано!

11 сентября. Елкин и Валя

Вчера было письмо от Вали, подружки Елкина, благодарит за книжку. Пишет, что Елкин собирается в Болгарию в отпуск, что они ссорятся и мирятся, что она строит свой угол — двухкомнатную кооперативную квартиру и приглашает меня на новоселье. Оно состоится в апреле — мае будущего года.

Хотел было ей ответить, но потом раздумал: она подруга Елкина, а я кто ей? К тому же, вспоминая, Елкин говорил, что Валя сказала сразу, что мы с Лидой жить не будем. Валя развелась с прежним мужем, он офицер и служит в ГСВГ. И она там жила, а потом развелась и приехала в Холмск. У нее сын, она устроила его в круглосуточный сад, а сама живет на окраине в микрорайоне, снимает комнатушку.

Елкин познакомился с ней случайно, встретил на остановке, выйдя из ресторана. С тех пор они вместе почти четыре года. У нее ребенок, и он препятствие к тому, чтобы им сойтись, — мать Елкина против.

Вчера же приходила Зульфия насчет встречи с Лолой. Сказал, что не знаю, буду ли свободен вечером, и что буду проситься в увольнение на субботу, тогда и встретимся.

Но с увольнением ничего не получилось, я без того довольно часто хожу, во всяком случае, больше всех из нашего расчета, даже больше Татарова. Ну да ладно, Бог с ними. Вообще-то правильно, с тех пор

как мы вернулись из Пустынного Места, Татаров ни разу не был в увольнении. Я особенно и не стремлюсь к Лоле.

Служба идет привычно и буднично. Остается пятьдесят дней. Мелихов уходит, он сдает пусковую, приказа об увольнении долго не было, Тупиев сам ездил в округ и привез приказ.

Насчет проверки прояснилось. Та комиссия из Москвы, которая должна была нас проверять, срочно переброшена в другой округ. Нас с первого февраля будет проверять наш округ, а Москва в феврале. Тогда же нам запланированы боевые пуски. Значит, все совпадает. Да, москвичи работают крупным планом, всякая мелочь им не нужна.

Неслыханное событие — сейчас у нас самоподготовка по радиотехнике. Впервые за десять месяцев! А все потому, что командир сказал: проверю, как идут занятия. И вот команда — всем на самоподготовку.

Вчера были учебные стрельбы, боевая работа, и у нас в станции сидел командир соединения. Работал расчет Татарова. Старались ребята, командир отозвался о них одобрительно, и оба заработали по два увольнения в город вне очереди.

Новый начальник станции ничего парень. Знающий, рассудительный и даже имеет свою собственную методику проведения занятий. Сегодня изучали матчасть, и он объяснял толково, основательно.

Жду не дождусь, когда же будет увольнение.

12 сентября. Лейтенант Мелихов

Ну и денечек!

С утра кросс на три километра. Потом два часа строевой. После два часа на штурмовой полосе. А еще должен быть кросс перед обедом, так как пробежали утром плохо.

В увольнение не попал — комбат не разрешил. До него дошел слух, что последний раз я опоздал. Абсо-

лютно уверен, что это дело рук Мозоля, вернее, его длинного языка. И Куценко тоже хорош, сказал Кощелькову, что я опоздал, а сам в журнале отметил, что прибыл вовремя.

В общем, как хотят, так пусть и разбираются. Мне это абсолютно безразлично. Намекнул ему, что не стоит портить со мной отношения.

Да ну его к черту, дурака набитого! Нужен он мне! Смотреть не могу больше на него.

Сегодня проводили Мелихова. Провожали на разводе всей части, командир вручил грамоту, пригласил на трибуну, и мы в последний раз прошли перед ним торжественным маршем. Обменялись адресами. Приеду когда-нибудь к нему. Показалось, что с комбатом Мелихов попрощался несколько сдержанно.

Итак, жду, что будет дальше. Конечно же, в увольнение меня больше не пустят. Ну и шут с ними — осталось каких-то шесть—семь воскресений.

Завтра предстоит какой-то грандиозный воскресник, придуманный комсомолом. Посмотрим, что это такое.

Грустно оттого, что уехал Мелихов. Один из немногих, с кем можно было отвести душу.

Сходил в библиотеку, взял пособие юнморам и буду сейчас читать, благо отбой в 23.30.

Ну и строевая сегодня была. Пот градом, хоть гимнастерку выкручивай. В ногах тяжесть свинцовая. Ничего, выше голову!

14 сентября. Лола

До обеда вчера работал на стройке. Копал канаву, даже две. И это в воскресенье! Сразу после обеда позвонила Зульфия:

— Почему же вы не приехали?

— Не отпустили.

— Так Лола к вам приедет.

Пошел на КПП. Она пришла. Бродили, говорили,

сидели в комнате для посетителей. Потом начал говорить я. Обо всем. Что помочь ей не могу, а вот насчет наших встреч надо подумать.

Она много курила и, кажется, обиделась. Я говорил все, что думал. Сказал, боюсь усложнения отношений. Не надо, не надо, не надо! Пока не зашло совсем далеко...

На прощание она протянула узкую ладошку. Мы простились. Итак, я совершенно свободен.

Сегодня был развод. Похольчик опоздал из увольнения на час, и комбат объявил ему пять нарядов вне очереди. Обо мне пока молчит.

Сегодня, очевидно, будут ночные стрельбы. Если нет, то прицеливание вечером. Оказывается, нас не пускали на полигон потому, что кто-то из хоззвода стащил полигонный велосипед.

Правильно ли я поступил по отношению к Лоле? Да, правильно. Все равно у нас с ней ничего не будет, она просто стремится попасть в Холмск. Это было ясно с самого начала. Пустенькая, избалованная барышня, кроме своих офицериков не знающая ничего и не желающая ничего знать. Ее и в университет устроили, ведь способностей у нее ни на грош. Видел что-то в местной районке, подписанное ее фамилией. Кончается так: «Успехов тебе, Валентина!»

Главное для нее — попасть в большой город, а я средство для достижения цели. И еще Масловский, Корниевский и прочая компания. Нет, она не для меня. Я поступил правильно.

Комбат пока молчит, и я тоже молчу. Сегодня уже четырнадцатое, и служить остается каких-то полтора месяца.

Вчера к двум солдатикам приехали родители, и их отпустили на сутки в увольнение. А они, естественно, набрались на радостях. Поэтому командир принял решение, которое и объявил на разводе:

— Впредь в увольнение солдат, к которым приезжают родители, не пускать. Для этих целей есть

комната свиданий. Не можете ценить свободу — не надо. .

«Ценить свободу». Наконец-то она названа своим именем.

* * *

Все время думаю о гражданской жизни. Да, за этот годик мне многое предстоит сделать. Столько придется писать!

Честное слово, начну заниматься зарядкой. И сил больше, и не устаешь, и закалка отличная.

В прошлом году в кармане лежала повестка на призывную комиссию. А в позапрошлом году вернулся из Киева и носился с идеей написать книгу о Древней Руси.

16—22 сентября. В гарнизонном карауле

Итак, наше соединение передали в подчинение гвардейской Краснознаменной армии. Армия знаменная, участвовала в боях на Курской дуге, брала Берлин.

В связи с этим наводили порядок. Почти до отбоя драили казарму, чистили, убирали, наводили лоск.

Я, правда, попал к строителям, вместе с разведчиками таскал на носилках гравий к бетономешалкам. Ничего, тяжелый труд облагораживает.

Сегодня с утра занимались подготовкой к строевому смотру, а потом начался этот самый смотр, вернее, опрос относительно жалоб и заявлений. Комиссию возглавляет начальник ПВО армии, высокий, с громким голосом полковник.

Это самая главная новость — передача в подчинение армии.

Вчера Зульфия принесла десять экземпляров моей книжки, я раздавал их ребятам и подписывал — на память. А так больше ничего нового нет. Комбат молчит, и я молчу.

Если вспомнить — ничего особенного ни в про-

шлом, ни в позапрошлом году не произошло. Так, текли обычные дни.

Обычные они и сейчас.

Поговаривают, что завтра заступаем в гарнизонный караул.

* * *

В гарнизонном карауле. Вчера нас привезли в комендатуру, грязных, оборванных. Посмотрел на нас дежурный по гарнизону, поморщился и отправил в городок переодеться в новое хабэ.

Стою на особо важном посту, охраняю боеприпасы. Здесь разрешается применять оружие без предупреждения. Службу несу на вышке. Довольно холодно.

Чего-то жду, то ли почты, то ли еще чего, не знаю. Но ощущение ожидания не оставляет. Ничего не произошло и не происходит.

Да, вчера подошел Миша Дайнович:

— Тебя Зульфия хочет видеть.

Пришел. Оказывается, Лола сегодня едет в Холмск, намеревается зайти в редакцию. Справляется, нет ли у меня поручений. Намекает, что в воскресенье Лола могла бы прийти ко мне в часть. Пусть приходит, коль охота.

Сегодня уже восемнадцатое. До конца службы остается сорок три дня. Совсем немного. Как медленно тянется время...

Окончательно вырисовался план главы «Друзья мои, ракетчики» — в виде новеллок, подзаголовки по фамилиям. Это уже решено — последние три главы буду дописывать дома. Сейчас совершенно нет времени. И комбат что-то говорил насчет проведения занятий по защите от оружия массового поражения в личное время.

Был вчера в карауле. Прочел за день «Где не ждут тишины» Круговых. О ракетчиках. Почти все знакомо. Ничего. Во всяком случае, быт ракетчиков и их порядки описаны правильно. Видно, хорошо знает, о чем пишет.

Весь день думал о том, чем буду заниматься после дембеля. Да, это решено — приеду домой, допишу книгу о ракетчиках (кстати, придумал окончательный заголовок «На далеком километре»). После этого напишу письмо в Главпур и поеду в ГСВГ. Побуду там два года, напишу книги: одну — «Вдали от Родины», а вторую — «По дорогам Германии». Изучу немецкий язык. Ну и, естественно, приеду на своей машине. Мне будет тогда двадцать пять лет. Сразу же после возвращения поступлю в аспирантуру, окончу ее и защитю диссертацию.

Это моя программа-максимум.

О новостях. Аксенов поступил в заочную ВПШ. Правильно сделал.

Он еще молодой, но генералом не станет: нет военного образования. А так он успешно будет работать в обкоме или райкоме. Лола вернулась из Холмска. Заходила в «Юный романтик», видела Елкина. Мне об этом говорила ее мамаша. Есть передача, но придет сама Лола и принесет сухой рыбки и пива. Вот только где лакомиться будем: комната посетителей на замке.

Ходят слухи, что с первого октября поедem на офицерские курсы. Вчера Зульфия что-то об этом говорила. Правда, она еще твердо не уверена, но Тупиев намекнул, и Рынкевич тоже слышал.

Неужели все-таки поедem? Было бы здорово, так как офицеру ехать в Германию куда проще, чем солдату. Я бы устроился там в военную газету.

Глава «Строка на обелиске» получила неожиданное продолжение, и, таким образом, придется писать еще одну. Но это уже дома.

С нетерпением жду вечера, прихода Лолы. Какие там новости в Холмске?

Сейчас будет боевая работа, ЗОМП (занятия по защите от оружия массового поражения), а после обеда строевой смотр. Для ЗОМПа очень холодно. Интересно, какой расчет будет работать?

Уже конец сентября. А с первого октября до дем-

беля — месяц. Это как отпуск, во время которого журналист решил поменять профессию и стать ракетчиком. Так быстрее время идет.

24—28 сентября. Ждем проверку

О событиях двух последних дней. Во-первых, слегка прихворнул — занемели шея и правое плечо. Занимались ЗОМПом в холодную погоду на ветру, и вот результат — не могу повернуть шею. Перемотал, перевязал ее, окаянную.

Во-вторых, приходила Лола. Приносила рыбку, но без пива. Решили: а пусть-ка рыбка ожидает лучших времен, сейчас в Боровске нет пива.

Рассказывала о Холмске, о редакции. Она заходила. Елкин сидел один, Веты не было. Елкин жалуется, что много работы, спрашивал, думаю ли я возвращаться в «Юный романтик».

Гуляли мы с ней очень недолго, с полчаса, не более, было очень холодно. И расставались холодно. Она во мне не вызывает абсолютно никаких эмоций. Может, потому, что всегда вспоминаю ее не в меру деятельную мамашу?

О курсах ни слуху, ни духу.

Снова новость — проверять нас будет первый заместитель министра обороны.

В городке творится невообразимое. Все нервничают, суетятся, мечутся. Ждут инспекторской проверки. Вернулся из отпуска Шишкан.

* * *

Шее моей стало лучше. Уже не так сильно болит. Сегодня баня, и надо будет крепко пропотеть. Вчера ровняли дорогу на технической территории, зашел на станцию к Кравченко. Немного отвел душу.

Городок наш напоминает большой муравейник, встревоженный, конечно. С этой проверкой все с ума

посходили. Каждый день новые варианты репетиций. Как дети.

Стало очень холодно. Надо будет написать домой, чтобы прислали теплые вещи. Вот возьму прямо сейчас и напишу.

Все. Есть окончательный вариант книги «На далеком километре». Сначала собирался написать вторую часть, но потом раздумал, не надо.

В прошлом году в это время кутил и со страхом думал об армии. Двадцать седьмого октября у меня была призывная комиссия.

А в позапрошлом что было — не помню. Да ну его к лешему, это прошлое! Я начинаю новую жизнь — содержательную, интересную, наполненную трудом. В ней не будет места женщинам. Ну их к дьяволу. Жизнь и так коротка, а сделать в ней еще много надо.

Сейчас политзанятия, а потом три часа инженерной подготовки — будем учиться ставить мины. Посмотрим, что это.

* * *

По-прежнему в состоянии запарки. Сегодня воскресенье, но работы идут вовсю. Рабочий день продолжался и вечером. В личное время проводил с батареей политзанятия. А сегодня утром тревога. Так, без выхода техники. Разбор еще будет. Готовятся к проверке. Не исключена и поездка в Пустынное Место. Проверяет нас все-таки Москва.

Новостей никаких нет. Поедем на курсы или нет — неизвестно. Слухи самые противоречивые.

Вчера красил умывальное помещение, а сегодня печатаю списки к проверке — работа почти по специальности.

Шишкан вручил удостоверение о присвоении специалиста радиолокационных средств третьего класса. Удостоверение внушительное, с золотым тиснением. На обложке: «Министерство обороны СССР». Ну, и значки соответственно. Оказывается, я уже отличник Советской Армии. А я и не знал.

Вчера был в буфете. Подходит ко мне паренек с эмблемами духового оркестра. Это Новиков, из Холмска. Пишет стихи, мечтает о журфаке. Перед отбоем пришел ко мне в казарму, показал свои писания. Так себе. В Холмске он сотрудничал с «Вечеркой».

Тупиева-старшая принесла «Журналист» за сентябрь и «Литературку». В журнале нового почти ничего. «Литературку» буду читать.

Сегодня уже двадцать седьмое. В этот день я проходил призывную комиссию. Да, службе вот-вот конец.

Что-то долго нет ничего из издательства. Подожду до первого октября, а потом напишу заявку и план-проспект. А может, даже и сегодня, если будет время.

О Вете почти совсем не думаю. Зачем мне все это? У нас с ней ничего не будет. В этом я уверен.

Завтра снова строевой смотр с оружием. Опять топтать два часа.

* * *

Состояние запарки достигает апогея. Сегодня понедельник, с утра была строевая в парадной форме и с оружием. После матчасть до обеда.

Полнейшая сумятица и неразбериха. Моем, скребем, красим. Все какие-то нервные, взвинченные, кричат и ругаются без устали.

Сейчас боевая работа, но я в казарме. Работает расчет Татарова. Вроде бы боевая работа будет до 24.00, а подъем завтра на час позже. Новый кадэ приказал всем остающимся в казарме не делать отбоя до конца боевой работы, а задействовать их.

Вчера написал заявку в издательство, а потом порвал письмо. Нет, в Москве книгу издавать не буду. Лучше в Холмске, знаю я этих москвичей. До сих пор нет ответа на письмо.

Очень долго мучаюсь над заголовком. «На далеких километрах» забраковал. Появился новый: «Послуш-

ные молнии». По-моему, ничего. Лучше прежнего. И интригующий, и точно отражающий содержание: работа ракетчиков.

Завтра наш наряд — кухня. Комбат составил списки, и я тоже попал. Пойду, а что тут такого? Здесь, в городке, на кухне я был только один раз. Дважды — в Пустынном Месте. Боевые расчеты в наряды на кухню посылают редко.

Все-таки кухня лучше, чем караул. Вторая батарея идет в гарнизонный, а третья во внутренний. Сейчас очень и очень холодно. А на кухне ночь можно спать спокойно. Конечно, поработать тоже придется изрядно. Но ничего...

Читаю повесть Беляева «Облака над нами» — о современных десантниках. Что-то не очень, чтобы очень...

* * *

Сегодня среда, утро, и я в гарнизонном карауле. Сам себя обхитрил. Наша батарея должна была заступать на кухню, и один человек должен был дополнять вторую батарею, заступающую в гарнизонный караул. Ну, я и попросил Мозоля, чтобы меня поставили дополнять. А вчера перед обедом наряд с нашей батареи сняли, а мне одному пришлось идти в караул.

Собственно, еще неизвестно, кому повезло. Здесь хорошо, хоть можно отдохнуть от сутолоки и суеты. То ли сегодня, то ли завтра прибывает комиссия, и я не завидую тем, кто остался в городке. Там сейчас наводят капитальный порядок.

Итак, скоро октябрь. Последний месяц службы. По предварительным данным, мы все же выедем на небольшие учения примерно с пятого по седьмое октября. Тоже неплохо, потом почти неделю будем чистить технику. Опять же время быстрее пройдет. Вот только плохо, что холодно.

Новостей нет. Все по-прежнему. Нарывный уехал на сборы. Все визжат от радости и веселятся, как дети.

Еще бы! Уехал самый непопулярный в офицерской и солдатской среде командир.

Да, забыл про самую главную новость. Вчера Зульфья сказала: Тупиев звонил в округ — на курсы мы не поедем. Ну что ж, тем лучше. Быстрее уеду домой. Присвоят звание и так.

Стоял сегодня на посту и все время думал, думал, вспоминал: Вету, октябрь прошлого года, мой призыв в армию, проводы. Интересно, как мы встретимся в ноябре?

Не знаю, не решил еще, как мне держаться с Ветой. То мне хочется вообще не разговаривать с ней, не замечать ее, то, наоборот, обращать внимание, шутить, смеяться и делать вид, что ничего особенного не произошло. Не знаю, не знаю.

Но я твердо решил, как буду жить дальше. Это будет абсолютно новая жизнь, полнокровная, интересная. В ней будет все: и зарядка по утрам, и обтирание холодной водой, и кроссы, и лыжные прогулки, и театр, и концертные залы. Я обворовывал себя раньше, не следил за своим здоровьем. А ведь так и загнуться можно.

Как здорово — лыжный костюм, солнце, снег, морозец, лыжня! Отлично!

1—5 октября. Проверка

И все-таки нас проверяет Москва, председатель комиссии — первый замминистра обороны. Завтра ожидается его прибытие.

Вчера в столовой было собрание, и командир соединения говорил, что за двадцать девять лет его службы в армии это первая такая проверка.

Сегодня был строевой смотр, и нас поздравили с началом проверки. Прошли торжественным маршем возле высокого начальства, а потом с песней.

Завтра ленинский урок. Интересно, что там будет и как он пройдет. Завтра же смотр техники.

В субботу с утра сдаем политподготовку. Наша батарея сдает за соединение. Ну а я — помощник руководителя. Задача одна — сдать на отлично!

С пятого октября тактическое учение. Выезжаем по тревоге.

Сегодня неожиданно пришел гонорар. Я уже собирался написать матери, попросить денег, а он тут как тут. Вовремя. Только проблема их получить — увольнения запрещены.

Ничего, Галанин получит и передаст мне. Деньги понадобятся. Надо будет купить электробритву (это когда буду ехать домой) и кое-какие подарки.

Сейчас послеобеденное время, у нас политзанятия, и проводит их сам Шишкан. Дай-то бог, чтобы все сдали.

Итак, первый день последнего месяца. Чтобы он быстрее пролетел, представим, что у меня в октябре отпуск и я решил временно, на месяц, поменять профессию. И стать ракетчиком.

Итак, с сегодняшнего дня я поменял профессию. А служить-то осталось, Вячеслав Петрович, суший пустяк.

* * *

Проверка в разгаре.

Вчерашний день начался необычно — проводился ленинский урок. Только проснулись, а в казарме музыка. Потом было торжественное построение на плацу, а после митинг. Выступали командир соединения, Аксенов, секретарь Боровского райкома комсомола, секретари парткомов местных предприятий. Они вручили подарки — библиотечки некоторым комсомольским организациям, в том числе и Главинскому из второй батареи нашего дивизиона.

Потом гости разошлись по подразделениям. У нас в батарее присутствовал бывший секретарь Боровского подпольного райкома комсомола, ныне директор одного из предприятий города. Говорил довольно тол-

ково и главное — грамотно. После него доклад сделал Шишкан. Доклад получился скучным и нудным, надерганым из газетных передовиц, и читал он его монотонно. Впечатление тягостное.

После обеда комиссия проверяла сбережение техники и уход за ней. Нашей батарее поставили четверку за уход за техникой и пятерку за готовность к эксплуатации. Бедному Косиловичу досталось от комбата — его установка получила двойку.

Сегодня сдавали политподготовку. Вчера и позавчера усиленно готовились. Занятия проводили Шишкан, комбат, Куценко и я. Аж охрип и проснулся с тяжелой головой.

Сдавали в девять часов утра. Проверял полковник, представитель Главпура. Присутствовали Аксенов, Шишкан, комбат, Куценко. В общем, ничего. Правда, пятерку батарея не получила — не добрала одной пятерки, и Галстян получил тройку. Собственно, ему надо было ставить двойку, он не сказал ни единого слова.

Мое выступление, по словам проверяющего, было признано лучшим. А Аксенов объявил благодарность. Атмосфера была такая, что я подумал — сейчас объявит отпуск. И все так подумали.

Ждем тревоги и выезда на тактические учения, которые пройдут с пятого по седьмое октября. Скорее всего, тревога будет завтра после ужина.

Очень холодно, солнца нет, под ногами слякоть, моросит дождь. На учениях, очевидно, тоже будет холодно. Но это еще ничего. Главное — чистка техники после учений.

В личной жизни ничего нового. Отправил письмо матери. Никаких вестей. Елкин уже, наверное, в Болгарии. К Зульфие не ходил и не видел ее.

Завтра День учителя. Остаются День работника сельского хозяйства и День рождения комсомола.

Как там мой Тимка? Ему уже два года и два месяца. А тогда было всего четыре месяца.

Уже осень. Настоящая осень.

Сижу сейчас в палатке НП батареи и блаженствую: сапоги высушил, портянки тоже. Сушил от турбины, нарушая технику безопасности. Ничего. Зато тепло и сухо, а под турбиной даже жарко. Только вот дым ест глаза.

Вчера выехали по тревоге. Ее ждали весь день, было несколько ложных сигналов. Настоящая была перед отбоем.

Погода была совсем плохая. Дождь, слякоть, грязь. Глядел на станцию, и сердце кровью обливалось. Была такая чистенькая, вылизанная. Ни единой песчинки. А теперь... Да, предстоит работенка.

Всю ночь дежурил на радиостанции. Немного удалось подремать — часа полтора.

Сегодня уже пятое октября. Учения 'продлятся до завтрашнего дня. Завтра в ночь выезжаем в городок.

Все думаю о своей книжке. О Лиде заставляю себя не думать. Думается о доме, работе, будущей жизни. Да, последние главы надо сделать во что бы то ни стало, это пятьдесят—шестьдесят страниц. Темы есть, и неплохие.

Итак, «Послушные молнии».

8 октября. После проверки

Отвоевались и уже в городке. Вчера вечером вернулись. Второй день учений прошел весьма своеобразно.

Позавчера вечером объявили походное положение, и мы вытянулись в колонну, подъехали к станции обнаружения целей (СОЦ). Но потом поступила новая команда, и мы снова двинулись на старую позицию.

Комбат назначил караул, и меня начальником караула. Функции мои заключались в том, что я в основном спал. В половине второго ночи нам передали сигнал «походное положение». Двинулись на новую стартовую позицию.

Было очень холодно, лил дождь. И — ни одной цели. Недалеко от позиции маленький лесок, и мы с Миляром перебазиrowались туда. Разложили костерок, я принес картошки, и получилось знатное пиршество. Картошка получилась очень вкусная, с жару. Не беда, что без соли.

А вечером дали отбой, и снова походное положение. В 23.00 прибыли в часть. Да, перед маршем нас построили, и посредник Симонов объявил оценки: боевая работа — отлично, ЗОМП — отлично, военнo-инженерная подготовка — отлично.

Сегодня уже в городке. До обеда чистили технику. Мы выбили все траки. Действовали согласно наставлениям Шишкана — командир дивизиона на утреннем разводе отсутствовал. А после обеда выяснилось, что вся наша работа насмарку, потому что через два дня перегоняем технику в боксы. Вот тебе и траки!

А после обеда сгребали листья и сваливали их в одну кучу. Плащ-палатками.

В буфете поймал Кучкаров:

— Там тебя Зульфия вызывает.

Ходил, вернее, встретил ее... Что ей от меня надо? Не выдерживают нервы. Вот прилипчивая женщина.

Удивлен: комбат советуется со мной, кому дать отпуск. Я назвал Похольчика, Рассадина и Бодряшкина. В принципе он согласился.

Встретил сегодня маршальского тезку. Ходит в шинели, воровато оглядываясь по сторонам, и все жалуется, скулит. Вот уж человечиска.

Ходят слухи, что проверка продлена, но нас будет проверять армия, в состав которой мы вошли. Посмотрим, нам не впервой.

Умер Сухомлинский. Я даже не знал. В «Комсомолке» отрывок из его новой книги. Довольно интересные мысли. Надо будет сохранить вырезку.

Прошла первая неделя последнего месяца службы. Все ближе и ближе тот день, когда комбат вручит

мне обходной лист. Остается всего 24 дня. Совсем ничего.

Становлюсь каким-то задумчивым и рассеянным, думаю о доме и о жизни.

Писем давно уж ни от кого не получаю. Да, собственно, и не жду их больше. Кто мне станет писать? Никто.

Двадцать седьмого октября напишу матери, чтобы больше мне не писала, — вот-вот приеду сам. И все. Писать больше некому.

В дивизионе снова нехорошие вещи творятся — пропадают деньги, предметы. Я ничего своего не прячу, все кладу в карман гимнастерки и обмундирование на ночь укладываю на табуретке.

* * *

Сегодня, во время чистки, мелькнула сумасшедшая мысль: а что, если попросить Аксенова, чтобы моей дембельской работой была книга, то есть завершение злополучных последних глав? В политотделе сейчас не до меня: провожают комиссию. Надо будет при случае поговорить с Аксеновым или Шишканом. Комбату я докладывал, он обещал выделить время, да вряд ли что путное из этого получится. Будет создана особая команда, и она никакого отношения к комбату не будет иметь. Не сидеть же мне сложа руки, когда все будут работать.

До 15 октября предстоит перевод техники на зимнее техобслуживание. А потом уже дембельские работы.

14 октября. Воспоминания о побывке

Это было девятого. Утром я подошел к Шишкану, как раз после того, как командир части собирал дембелей.

— Товарищ майор, можно с вами посоветоваться насчет одного деликатного вопроса?

— Пожалуйста.

— Товарищ майор, а что, если моей дембельской работой будет книга о ракетчиках? Только мне ее надо дописать. Осталось несколько глав.

— Завтра вы поедете домой, вернетесь, тогда видно будет.

— Как домой?

— В отпуск денька на три.

Сказка, да и только. Я поехал в тот же день вечером. Прямо из бани вызвали и вручили отпускной билет.

Приехал домой ночью. Конечно же, никто меня не ждал. Отоспался дома, а в субботу вышел в город. Кажется, все подросли — и дома, и деревья.

Прошелся по проспекту. Забежал в «Юный романтик».

Словно чувствовал, что Вета будет на работе. Правда, она пришла позже, накануне дежурила. Я сидел в секретариате, когда она заглянула в дверь. Испуг застыл в ее глазах — меня она никак не ожидала увидеть.

Потом я зашел к ней в комнату, и мы долго говорили.

Вот так сюрприз — к ней вернулся муж, и они помирились. То, чего она боялась, что произойдет со мной, случилось с ней самой. Оправдывалась, что я не писал ей, что ей стало жаль мужа — он совсем погибал.

Я смеялся нервным смехом, кусал губы от ярости, не хотелось жить. Словом, произошло то же, что и в момент разрыва с Лидой.

Вот такие, Бомель, дела. И остался ты один-одиношенок. Ни товарища у тебя, ни подруги.

Вчера мы были с ней за городом. Простились тихо, без упреков. Она пообещала, что напишет мне.

А зачем, собственно? С ней все кончено. Такой неожиданный финал.

Что же мне делать теперь? Что?

Какой неожиданный удар! Вот тебе и заверения в любви, и клятвы, и жаркие слова. Ну почему так все случилось?

Вернулся в городок и стал жить новыми заботами. В состав дембельской команды не включен. После

обеда ежедневно комбат дает мне время для работы над книгой. И это даже кстати — меньше буду думать об «ударах судьбы», изменах и т. д.

Директива о демобилизации уже поступила. Первая партия уезжает шестнадцатого ноября. Когда же отпустят меня? Вчера вечером почувствовал, как мало осталось служить.

Что же мне теперь делать? Работать. Пока над книгой, а там видно будет. С Ветой все кончено.

Да, трудно. Невыносимо. Но — выдержать, непременно выдержать! Осталось так мало до конца, каких-то две недельки, и тогда начинаю новую жизнь.

Итак, план — окончить к первому ноября книгу.

Шут его знает, может, все, что случилось, к лучшему. Может быть, я и не женился бы на Вете... А тут такая неожиданная развязка.

Главное — работа. Работа, работа, и ничего, кроме работы.

Итак, десятая глава: «Жена приехала».

Ничего, душевная боль пройдет, утихомирится, заживет. Мне это не впервой.

15—19 октября. Дембельские листочки

Итак, мне дают время после обеда, но ни одной строчки пока не написано. Причин много, ну, и, конечно, мое посещение Холмска не прошло бесследно.

Плохо то, что негде писать. Сегодня просидел четыре часа в ленкомнате, но сосредоточиться невозможно, шум мешает.

Был сегодня у Аксенова. Задавал вопрос насчет времени. Обещал поговорить с Шишканом. Нет, я не жаловался, я все честно сказал о времени, комбат дал мне его после обеда, но этого мало.

Да, новость — из издательства пришло письмо. Откликнулся главный редактор. Сообщает — редсовет второго октября принял решение о включении моей

книжки в план. Так что остается только писать, и больше ничего. Письмо пришло в то время, когда я находился в Холмске, и благополучно дожидалось меня в подушке преданного Похольчика.

Сегодня Аксенов зачитывал директиву о демобилизации. Первая отправка восемнадцатого ноября. Но мне по секрету сказал, что ожидается отправка и до этой даты и что он поговорит насчет меня. Да и Тупиева-старшая говорила, что перед праздниками предполагается отправка. Так что есть перспектива убыть до восемнадцатого.

В связи с получением письма от главного редактора резко изменил планы. Вместо четырех глав буду делать только три: «Друзья мои, ракетчики», «Спросите у тишины» и «Тревожный чемодан». Собственно, остается первоначальный вариант книги. А «Жена приехала» писать не буду. Не приезжала жена.

Завтра с утра полудня. Обдумаю план «друзей». Хватит откладывать. За работу, и немедленно! Довольно хандрить!

Сегодня уже пятнадцатое. В прошлом году был в Старой Пуше, писал о ней очерк. Он вышел накануне моего призыва в армию. Это был последний материал в «Юном романтике» доармейского периода.

Когда был в Холмске, очень тосковал по Тимке. Зайти к ним не решился, хотя был уверен: Лида дома.

Да, в «Юном романтике» вышла моя «Старая полевая сумка». Урезанная, но вышла.

Все ждут дембеля, и все разговоры ведутся только на эту тему. Готовлюсь к новой жизни. Ее нужно начинать уже сейчас, — быть спокойным, ровным, не делать глупостей, держаться с достоинством.

Во что бы то ни стало окончить книгу. Вот здорово будет: буду ехать домой, а в чемодане книга, написанная за год.

Вчера видел графа Потоцкого, он попал в дембельскую команду и пашет по-черному, то есть с подъема до отбоя строят блок.

С утра были политзанятия. Потом собирал дембельские листочки и сжигал их. Затем пришла Тупиева-старшая и принесла виноград, присланный с ее родины. Еще Зульфия интересовалась, смогу ли я прийти в увольнение. Ответил, что не знаю. Комбат сегодня заступает дежурным по караулам, и без него вряд ли что получится.

Сегодня шестнадцатое. В этот день после окончания университета я пришел в «Юный романтик». В позапрошлом году был на Севере, собирал материал для книги. То было счастливое время.

А сейчас пишу про жену, которая приехала. Это будет десятая глава.

Дембель вот-вот. Остается каких-то две недели.

Пишу десятую главу. Что-то очень медленно продвигается дело. Не знаю почему: то ли поездка в Холмск причина, то ли еще что, ожидание дембеля, например. Ладно, будь что будет. В конце концов писать — это не значит водить пером по бумаге. Это и обдумывание, и вынашивание материала, и мучительный поиск поворота, хода, развертки сюжета.

Родился окончательный вариант названия книги — «Крылатые молнии» (Из дневника ракетчика). Этот вариант наиболее удачный, и я на нем остановлюсь.

Завтра воскресенье, однако у нас рабочий день. Видно, будем прокладывать траншею. После обеда пойду в увольнение. Зульфия всё-таки добилась у Сагдиева. Деятельное участие принимал и Куценко. Так что завтра буду у Лолы. Вообще-то мне не хочется идти. Честное слово. Но ничего не поделаешь.

Похолячика посадили на гауптвахту. Не последнюю роль в этом сыграл Мозоль. Пахал мой дружок полтора года, как папа Карло, и вот результат: вместо отпуска гауптвахта. Сорвался, не выдержали нервы.

Кажется, нашел ход главы — через звездочки маленькие фрагменты, быстрые, телеграфные, типа «мелькнула чья-то ладная фигура». И в конце — «они не сказали друг другу ни слова, так молча и разъехались. Оба показали себя людьми, человеками».

Уже двадцать минут восьмого. Пора кончать. Итог: за три полудня у меня полторы странички блокнотных листов большого формата. Ну ничего, сколько успею, столько и напишу. Остальное дома. Пить я не буду, друзей у меня нет, подружки тоже, поэтому времени будет предостаточно. Там спокойнее, лучше, увереннее можно написать. Да и обстановка будет писучая, как сказал однажды Похольчик.

Вета говорит, что я только и живу своими идеями, проблемами, книгами, статьями. Вот Елкин, говорит она, пишет отлично, но писать не хочет и почти ничего не говорит о работе. Значит, он равнодушный. Слишком категоричное и спорное утверждение.

Вета... От нее писем нет. Значит, писать она не станет. Она утверждает, что писала мне в Пустынное Место. Но, честное слово, я не получил ни одного письма. Неужели почта виновата? Да будь проклято это Пустынное Место! Но почему же тогда я получал письма от всех, кроме нее?

Ладно, хватит об этом. Что было, то было. Я пойду своим путем. План у меня на ближайшее время есть, и это главное. И — работа, без которой я не могу, которая для меня — все. Из-за этой проклятой и сладкой работы я теряю уже вторую любовь.

Конечно же, без сомнения, Вета уже ничего не пишет. Она счастлива тем, что к ней вернулся муж и у нее дома тишь да благодать. А я остался один на один со своей мечтой.

Честное слово, все-таки это очень жестокий удар. Ведь она сама установила этот испытательный срок, и сама первая его не выдержала. Ведь она должна была ждать, ждать, несмотря ни на что, в том числе и на мое молчание (допустим и такое), ждать, пока я не вернусь, а уж потом что-то предпринимать.

Я ей это высказал, а она в ответ:

— Вот ты опять о себе думаешь. А о нем ты подумал?
«О нем» — это о ее муже.

Кому из нас было лучше? Кого в первую очередь надо было спасать?

Ну да ладно. Не буду об этом. Не надо. Не надо, хотя она и обещала прислать мне свой дневник. Не надо. Я не верю ей, ни одному ее слову.

20 октября. Лола

Я в гарнизонном карауле. Пришел с поста усталый, замерзший, а мои боевые друзья-товарищи, о которых столько пишу и которых изучаю, не оставили завтрака, слопали все, что было, не подумав, что там, на вышке, стоят их голодные собратья.

Ну да ладно, издержки небольшие.

Итак, был в гостях у Тупиевых. Комбат как раз заступал дежурным по гарнизону, а дежурным по части Сагдиев. Он и выдал мне увольнительную:

Зашел к ним, кажется, не совсем в подходящий момент. Дверь открыла Лола. Сделала удивленное лицо:

— А мы вас так рано не ждали.

Минутное замешательство. Я развел руками:

— Так что, мне назад возвращаться?

— Что ты, что ты!

Прошел в комнату. На диване восседал сам майор Тупиев, на столике аппетитно возвышались закуски. Оказывается, его провожали в отпуск.

Я удостоился чести сидеть рядом с товарищем майором. Подзакусили. Потом Тупиев начал собираться на вокзал, и Зульфия пошла его провожать. Он попрощался со мной, сказал, что до седьмого ноября будет отправлена первая партия и что, очевидно, я тоже в нее попаду.

Мы с Лолой остались вдвоем. Прошли в ее комнату. Она принесла яблоки.

Не знаю, как это случилось, но я до нее дотронулся и не выдержал — поцеловал. Что потом было! Она

буквально обвивалась вокруг меня, шептала горячо и жарко:

— А ты не будешь меня ругать?

— Нет.

— Тогда поцелуй меня еще.

Потом пришла ее мать, принесла пива, мы потягивали его и играли в подкидного. Потом они начали говорить о каких-то своих женских пустяках, а я удобно устроился на диване и смотрел телевизор, вернее, пытался смотреть. Потом Лола пыталась затащить меня к какому-то Тугакину, но я отказался. Потом мы снова оказались у нее в комнате. Кто-то пришел за ней, как оказалось, тот самый Тугакин, и Зульфия сказала ему, что Лолы нет дома.

Потом Лолина мать положила мне подушку на диван, чтобы я немного отдохнул, так как время приближалось к девяти, а в десять кончалось мое увольнение. Я лег, Лола не уходила.

По-моему, она была сильно пьяна. Да, перед этим она показывала свои фотографии, и я попросил у нее две. Она подписала их.

Потом пришло время уходить — было около девяти вечера. Губа у нее сильно вспухла, и она распустила волосы, чтобы скрыть припухлость. Зульфия, кажется, заметила.

Сразу же, как только мы вышли из подъезда, она смело взяла меня под руку. Я обнял ее, и она сразу же повисла у меня на плече. Мы шли и целовались. Время торопило нас.

Прибежали к городку — было около десяти. У меня осталось четыре минуты! И я рванул в городок. Едва успел.

Настроение было какое-то странно сумбурное. Ночью спал плохо, несколько раз просыпался.

Вчерашний день прошел словно в тумане. Все казалось сном. Но это был не сон — в кармане лежали ее фотографии.

Не знаю, как она добралась домой. Ходил к ее мамаше в санчасть, но не застал. Обычно она сама меня

ищет. Может, что-нибудь случилось? Не знаю. Не должно бы.

Гарнизонный караул заканчивается. Завтра уже двадцать первое. А двадцать седьмого октября прошлого года у меня была призывная комиссия. Вот, пожалуиста, и год проскочил.

Почему-то мне кажется, что Лола должна написать письмо. Непременно. Она не выдержит. В таких ситуациях женщины не выдерживают. Особенно те, у кого много свободного времени и очень мало дел.

О моих делах.

К первому декабря должен закончить «Крылатые молнии», а к первому января — «Найденные годы».

Этот план окончательный и пересмотру не подлежит.

На ближайшее время — писать десятую главу «Молний», и, таким образом, по первоначальному плану у меня будет двенадцать глав. А если появится время и желание, напишу и тринадцатую. Там видно будет.

В самое ближайшее время написать письма:

а) в издательство — сообщить новый адрес, спросить, нужны ли заявка и план-проспект, на какой год они планируют издавать книгу, сроки сдачи рукописи;

б) после получения письма от матери сразу же написать ей, чтобы она сюда мне больше не писала, и относительно пальто.

У нас, кроме политических, никаких занятий нет. Одни хозработы. Вчера, например, ездили за картошкой. До обеда погрузили и разгрузили одну машину.

Вот такие мои дела — и служебные, и личные.

Жду. Что-то должно произойти.

21—23 октября. Военврач Корпель и рядовой Ивашко

Ничего не произошло, если не считать слухов о самоубийстве Александра Петровича Корпеля, зубного врача из нашего медпункта. Причины и мотивы неизвестны. Ведется следствие.

До обеда сегодня чистили технику — завтра предстоит красить гусеницы. Работали не покладая рук, а после обеда комбат дал время на мою работу. И снова просидел в ленкомнате полдня, и снова ни одной строчки.

В ленкомнате совершенно невозможно сосредоточиться. Собираются дембеля и шумят. Надо идти или в офицерский класс, или в кабинет начальника клуба. Иначе ничего не сделаю, только потеряю время.

Старшиной теперь Бодряшкин, так как Мозоля ввели в дембельскую команду. Мне сейчас будет легче. Бодряшкин до призыва работал наездником на конезаводе, в принципе парень неплохой.

Мой план остается в силе — «Молнии» завершить к первому декабря. Да, сегодня написал в издательство.

От матери что-то давно ничего нет. От Веты я ничего не жду — ясно, что она не ответит, то есть не напишет мне. К тому же она сейчас в командировке.

Зульфия меня не ищет, и я плачу ей тем же. Неужели с Лолой что-то произошло? Или всему причина — ее вспухшие губы? Не знаю.

Итак, «Молнии» должны быть завершены к первому декабря.

Очень болят глаза, шумит в голове.

* * *

Жизнь продолжается. Сегодня утром комбат сказал:

— Бомель, подмените Олехновича до обеда. Ему надо машину переводить на зимний период эксплуатации.

Олехнович — шофер. Подменил. Потом во время обеда нашу батарею распорядились отправить на работу на местный ремзавод и Олехновича тоже. Но комбат не забыл меня — подменил Галстяном.

Так что после обеда сидел в ленкомнате и писал десятую главу. Работа идет.

Было заседание комитета комсомола дивизиона. Обсуждали персональное дело Ивашко. Не исключили, строгий выговор с занесением. Не понравилось выступление Кравченко, все про себя говорил, хвастался, любовался собой.

Потом Шишкан подошел к нам с Кутяковым и сказал:

— Вы присмотрите, чтобы Ивашко дел не натворил. С отчаяния. Он же на комитете плакал.

Слухи относительно Корпеля подтвердились: он покончил с собой ударом ножа в сердце. Возле тела обнаружили конверт, на нем большими буквами выведено: «РАК». Говорят, что у него была язва двенадцатиперстной кишки, которая переросла в раковую опухоль. В самом деле, он был какой-то изможденный, не пил и не курил. Все-таки надо иметь большое мужество, чтобы покончить с собой, да еще таким образом. Он же медик и мог бы принять сильнодействующий яд.

Непонятно, почему нет письма от матери. Получила ли она деньги? От Веты нет ничего. Я знаю, она уже не напишет. И то, что она обещала там, в Холмске, — это чепуха. Я там почувствовал, что писать не будет. Она счастлива, у нее есть дом, муж. Зачем ей я, какой-то неудачник?

Тупиеву-старшую не вижу. Она занята хлопотами по похоронам Корпеля. От Лолы никаких вестей. Сегодня четверг, приближается выходной. Может, сходить к ней в увольнение? Не знаю.

Читаю книгу «Суд». Автор — японец. Фамилия не запомнилась, о летчике, который сбросил атомную бомбу на Хиросиму. Очень сложный роман — философский, психологический, многомерный. Мне дала его Лола.

Сегодня уже двадцать второе октября. В прошлом году в эти дни вышла моя последняя публикация в «Юном романтике» доармейского периода. Собирал характеристики в военкомат.

Дембель все ближе и ближе. Увольнение начнется с восемнадцатого ноября, но первая партия — десять

человек — уйдет до седьмого ноября. Пусть бы и меня включили в эту десятку. Аксенов пообещал поспособствовать.

Все. Кончаю. Сейчас будет построение. Вон уже и дневальный объявляет:

— Приготовиться на вечернюю прогулку! —

* * *

Ничего нового, за исключением письма от матери. У нее сейчас новое увлечение — ремонт с модернизацией обстановки квартиры. Пишет, что купила шкаф. Это правильно, ибо старый совершенно никуда не годен. А на месте старого шкафа надо поставить трюмо.

А так все по-прежнему. Была баня — предпоследняя. После обеда снова писал. Идет работка вовсю. А до обеда — так, времяпрепровождение. Сейчас одни хозработы. Ничего интересного.

В тумбочке вдруг появилась книга о пограничниках. Сейчас буду смотреть, что это такое.

Надо будет черкнуть домой, чтобы мне больше не писали. До конца остается восемь дней. Ура!

24—25 октября.

Маршальский тезка и Филимонов

Проснулись, вышли было на физзарядку, а на улице дождь проливной. Весь октябрь было сухо, а тут хляби небесные разверзлись. Развод проводили в казарме.

Комбат даже похвалил меня, сказав во всеуслышание:

— Всем заправлять кровати так, как Бомель!

Оказывается, и я кое на что способен. До обеда, вернее, до часа дня, были работы на строительстве бокса. Шел снег, было слякотно и зябко.

Сразу же после обеда нас встречал комбат, на выходе из столовой. Посмотрел: нет Габриеля и Пешкура.

— Ну-ка сюда их! Я им покажу увольнение! — грозно крикнул он.

Не знаю, чем все кончилось.

Видел маршальского тезку. Пустейший человек, у которого за душой ничего нет.

Филимонов, говорят, остается в Боровске, в райкоме комсомола, инструктором на девяносто рублей. Поехал советоваться с женой. В принципе ему можно, он совсем молодой.

Сижу в сержантском классе и пишу. Завтра у нас выходной, и я должен непременно закончить десятую главу.

* * *

Проснулись сегодня, а вокруг белым-бело. Выпал первый снег, и шел почти до обеда. Сейчас уже вечер. Снег начал таять, но полностью еще не сошел.

Сегодня перешли на зимнюю форму одежды. Получили зимние шапки-ушанки.

Что-то плохо у меня со зрением. Вчера ходил в санчасть, Миша Шершунович проверял, очень худо. Вижу только два верхних ряда букв. И только. А их в таблице не менее десяти.

Болит зуб. Миша закапал чем-то, но все равно болит. Надо что-то делать, а то приду домой, и буду бегать по больницам, терять драгоценное время.

Завтра заступаем во внутренний караул. Не знаю, как его переживу: сапоги дырявые, а на улице слякоть. Завтра с утра строевой смотр.

Нашел место, где писать, — класс для подготовки офицеров. Беру ключ у секретчика, закрываюсь и пишу. Во сто крат лучше, чем в шумной ленкомнате.

Сильно болит голова. Пойду сейчас на ужин. А после подготовка к завтрашнему дню.

27—30 октября. Вета

Сижу в сушилке, сушу сапоги и портянки. Грязно, снег растаял, в обуви хлюпает.

Я в карауле. Охраняю третий пост, там боевые ракеты.

Вчера ездили на авторемзавод в город. Прибыли в одиннадцать утра, простояли до двенадцати, пока пришли начальство, ну и поработали полчаса. Вот и вся работа.

Рассадин развел бурную деятельность: договорился с каким-то трактористом и загнал ему за литр «чернил» двери, конечно же, чужие. Потом они повезли эти двери, мы ждали-ждали и не выдержали, уехали. А они вдвоем с Немцевым выпили литровку.

Только пообедали, подходит Шершунович:

— Зульфия просит навестить ее.

Не пошел, лень вставать было.

— Скажи, что в караул заступаю.

Только вздремнул, слышу, явилась в казарму сама. Притворился крепко спящим.

Передала журналы и ушла. Проснулся, направился в оружейную за автоматом, она снова у двери сторожит. Поговорили пару минут, и все на этом. Говорит, что Лола интересуется, как я живу.

Ну вот и сегодня в карауле.

В прошлом году в этот день у меня была призывная комиссия — двадцать седьмого октября. С утра обходил разных врачей, а потом просил комиссию направить куда-нибудь подальше от Холмска, за границу, например, но военком рассмеялся: мол, нет смысла одногодичника так далеко отправлять.

Это было до обеда. А во второй половине дня мы все пошли на вечер призывников во Дворец культуры. Там вручали повестки на второе ноября, представители заводских коллективов раздавали подарки и наказывали возвращаться побыстрее назад. Я знал, что на второе ноября мне повестки не будет. И сидел остриженный наголо, но довольный. А стригся я накануне в парикмахерской возле ресторана «Роща золотая». И в тот вечер впервые прикрепил университетский ромб.

Так вот, двадцать седьмого октября, когда был вечер во Дворце культуры, Вета собиралась в коман-

дировку и просила меня позвонить. Я набрал ее номер и сказал, когда будет отправка, — неизвестно, но второго меня не забирают еще, это точно. Она успокоилась и попросила, чтобы я позвонил вечером в любое время. Но я не позвонил. На это были свои причины, о которых вспоминать не хочется.

Вечер кончился, и я уехал домой в полной уверенности, что до октябрьских меня не заберут. Но получилось иначе. Я пожил спокойно всего два дня — двадцать восьмого и двадцать девятого, если это можно назвать спокойной жизнью.

Придя на работу двадцать восьмого октября, в своем столе я обнаружил Ветину записку, в которой она сообщала, что тревожится за меня, но ехать ей в командировку совершенно необходимо, и притом безотлагательно, и что она попросила Зинулю сразу же дать ей телеграмму в гостиницу, если меня призовут до праздников.

Да, мы договаривались с Ветой, что я приеду к ней в Боровск (именно туда она уезжала в командировку) с тридцать первого октября по первое ноября, то есть на выходные, и мы проведем время вдвоем. Эта поездка должна была заменить нам поездку в Вильнюс, куда мы так и не выбрались.

Тридцать первого октября я получил на работе расчет и устроил в «Роще золотой» прощальный пир. Мы уже расселись за столом, как вдруг в проходе показалась Вета в черном платье...

Итак, ровно год, как я проходил призывную комиссию и был уверен, что второго ноября меня еще не призовут. И сегодня двадцать седьмое октября, только другого года. Когда же они меня отпустят?

Собственно, мне и ехать не к кому. Никто не ждет, никому не нужен. Ну и не надо! Я буду деловым человеком. В мире есть еще немало неизведанного, непознанного.

Главное, дембель. А потом видно будет. А то, что найду новую жизнь, — это непременно.

Вчера прихожу с поста, а мне говорят: был Михневич, просил зайти в санчасть.

Зашел. Сидит Лола. Поздоровались. Потом ее мать ушла, а мы остались. Я не понимаю, зачем Зульфия оставила нас вдвоем?

Лола была очень тихая и печальная. Говорила о какой-то неприятности, которая произошла у нее, и вообще старалась показать себя очень умной, заводила всякие мудрые разговоры. Я на них отвечал однообразно:

— Для меня слишком глубоко.

— Неправда, — отвечала она.

Расстались сухо и сдержанно.

Сегодня с утра работали в одной деревушке, копали траншею. Каждому бойцу двадцать пять метров, глубина восемьдесят сантиметров. Оказывается, это наш Смереко отличился. Он ненароком перерубил кабель, соединяющий Боровск с соседним райцентром, и прервал таким образом связь между нами. Вот районный узел связи и прислал счет на наш доблестный дивизион. Теперь мы и отрабатываем, прокладывая кабель по всему району.

Ничего, грунт мягкий, копать можно. Мы с Пешкуром отправились на местный сахарный завод в столовую, славно пообедали и запили сладким лимонадом.

Сажу в офицерском классе. Что-то не пишется. Болит голова, ноет зуб, и вообще скверное настроение. Видно, малость простыл. Ветер был сильный, а я работал без шинели, в одном хабэ.

В прошлом году я спокойно ожидал повестку. Вета была в Боровске, сегодня утром я прочел ее записку.

Новый зам по снабжению майор Халилов. Оказывается, он взял из бытовки стол и приказал отнести его к себе домой. Теперь я понимаю, почему так настаивал Украинец на составлении списка мебели и на том, чтобы ее принимали по описи. Так вот в чем дело.

Итак, сегодня уже двадцать восьмое октября. Остаются считанные дни.

Тупиева-старшая говорит:

— Вы же так не уедете домой? Зайдете к нам? Вот уж мы замоем ваш дембель!

* * *

С утра снова работали в деревне. И снова ходили на сахарный. И снова там вкусно пообедали.

Сегодня скверная погода. Шел мокрый снег с дождем, под ногами хлюпает. Сапоги сразу же промокли.

С утра собирали нас в штабе, предлагали ехать на стройки по комсомольским путевкам.

В прошлом году в эти дни ничего существенного не произошло. Вета была в командировке, а я ждал повестки.

Говорят, что мы будем принимать участие в военном параде в Боровске. Сегодня был общий развод, и мы учились ходить коробками. Но строевым шагать трудно: под ногами снег, вода, грязь. И отцы-командиры поняли, что из этого ничего не выйдет, посеку и отдали приказ прекратить строевые занятия.

Сегодня видел во сне, будто отпустили до праздников.

Да, а линию мы тянем к заведующему магазином. Дело в том, что он достал какую-то вещь начальнику узла связи и тот в благодарность — квартирный телефон.

* * *

До обеда снова ездили в деревню, на этот раз закапывали траншею. Был сильный мороз, земля замерзла.

После обеда только взялся за блокнот, как пришел Украинец:

— Сегодня собрание актива городка.

— Во сколько?

— В пять.

И Шишкан тут как тут, тоже искал, чтобы передать о собрании. На активе просидел до восьми вечера. Так и не написал ничего.

Командир части остроумно поддел майора Халилова. Сказал:

— Вот майор Халилов всегда может выкрутиться, пусть даже противник применит атомный удар. Кстати, я недавно был в отделе кадров в округе и предложил его на выдвижение. Правда, мне сказали, что сначала там были не очень высокого мнения о нем.

Сначала похвалил за расторопность, а затем предложил на выдвижение. Если хороший работник, то зачем его отдавать?

Видно, всем стало известно о таинственном исчезновении стола из бытовки.

Сегодня комбат составил список лиц, попадающих на парад в Боровске. Попал и я. Значит, будут тренировки. Это каждый день по три-четыре часа строевой по грязи.

В прошлом году сегодняшний день был четвергом. Придя с работы домой, я увидел в столе повестку из военкомата. Я сразу же рванул туда. Мне сказали, что отправка будет второго ноября и чтобы завтра, тридцать первого октября, я пришел за повесткой на отправку. Я сразу же заскочил на почту и дал телеграмму Вете в Боровск, сообщил, что я к ней не приеду, потому что отправка второго. После этого поехал домой. А назавтра отправился за повесткой в военкомат. Елкин в это время уехал в Крым и не знал, что меня забирают.

31 октября — 1 ноября. Вета

Сегодня утром общий развод. Пришел командир части, поприветствовал нас, мы ответили, но недружно. Командир сделал паузу, потом сказал:

— Плохо здороваетесь. Тренироваться в течение часа!

И вот мы кричим во всю мощь своих легких.

Пошел дождь, очень сильный. Мы все вымокли как мыши. Но громко кричали: «Здравия желаем, товарищ майор!» Вот уже дождь превращается в сплошной ливень, но мы изображаем шаг на месте и кричим. В сапогах дождь, он стекает за воротники, шинели набрякли и обвисли на нас, а мы по-прежнему кричим во все горло.

Наконец дождь утих, кончилась наша тренировка, и нас развели по казармам. Была уборка территории, а меня комбат отпустил писать книгу, что вызвало недовольство Мозоля. Он вообще ко мне равнодушен. Действительно, как это так: писать книгу, если нужно мыть полы в туалете. Работал до обеда, сделал одну подглавку. Надо будет показать еще специфику комсомольской работы в войсках. Сейчас вечер, мы только пришли с ужина, я сижу в ленкомнате, но писать невозможно: домино, приемник, а в сержантском классе — дембеля с их пресловутыми чемоданами.

Завтра воскресенье, оно у нас нерабочее, и я снова буду писать.

Комбат подсел ко мне:

— Ну как у вас дела с книгой? Продвигаются?

— Да. Осталось страниц сорок. К десятому ноября должен закончить.

— Ну а там и домой скоро. Вы уедете в начале ноября. Я говорил с командиром дивизиона, он не возражает.

— Спасибо.

Неужели меня так быстро отпустят? Вот было бы здорово! До пятого вряд ли отпустят, а до пятого мне надо дописать эту главу.

Год назад я получил повестку. Приехал на свою работу, мне быстро заготовили приказ о расчете. Я отвез все бумаги домой, а затем мы отправились в «Рошу золотую». Не было только Елкина.

Да, приглашенные собрались не сразу. Мы уже сидели за столом, когда появились Вета с Зинулей. Зи-

нуля, оказывается, тоже дала телеграмму. Вета приехала тридцать первого и сразу же мне позвонила. Я сказал, что собираемся в «Роще золотой», в нашем любимом месте.

Из ресторана высыпали все гурьбой, шумной и веселой. Потом начали расходиться. Я со всеми распрощался, и вдруг оказалось, что мы остались с Ветой вдвоем. Взяли такси и поехали к ней домой. Условились — я заеду к ней в субботу, первого ноября.

С тем и расстались.

Так окончился этот день. Она обещала ждать, говорила, что любит. И вот что случилось год спустя.

Завтра капитан Щербина из третьего дивизиона уезжает в Холмск за молодым пополнением. Значит, скоро нас действительно отпустят.

Отпустят.. Отпустят.. Отпустят..

Завтра год, как я в армии. Вот и отслужил свое. Со дня на день должны отпустить.

2—8 ноября. Последний караул

Сегодня ровно год, как я солдат Советской Армии. С сегодняшнего дня начинается сверхсрочная служба. Интересно, на сколько она затянется?

Вчера видел Филимонова. Он сообщил, что списки заготовлены на шесть человек — отличников — и этих шестерых отпустят шестого ноября. В этом списке есть и я. Мне стоит общая оценка отлично по всем предметам за год обучения. Списки заготовлены, но Аксенову никак не удается уговорить командира подписать их.

Сейчас сижу на станции и прогреваю ее. Жаль, не захватил свою папку — писал бы.

Сегодня ночью должны привезти карантин.

А ветер сильный-пресильный. Такой же был в этот день и в прошлом году. Уже год прошел, как я ношу гимнастерку. Наконец-то дождался.

Но — не расслабляться? Делать свое дело. Писать! Я должен закончить эту главу к седьмому ноября. Обязательно.

Вчера, в воскресенье, первого ноября, приходила Лола. Так себе, поговорили. Я острил, хохмил. Она едет в Холмск и будет там до праздников. Спросила, нужно ли мне что-нибудь в городе. Ответил, что нет.

Вчера отбой был сразу после ужина, а подъем в четыре пятнадцать. Ходили в Боровск тренироваться перед парадом. Прошли два раза и вернулись назад. Должны были ехать в лес за елочками, обсаживать дорогу в городке, но машина сломалась. Убирали территорию.

После обеда писал. Осталось четыре листка из блокнота большого формата. Сегодня работалось плохо: сказался ранний подъем. Болит голова. И вообще какая-то тупая усталость.

О дембеле пока ничего не слышно. Мне хочется и не хочется отсюда уезжать. Не представляю, как буду жить дома, у меня там не осталось никого.

Сегодня получил поздравительную открытку от Вали. Не забыла все-таки! Видно, Вета рассказала ей, как мы искали ее дом. Елкин небось уже собирается выезжать из Болгарии, если уже не выехал. Седьмого ноября у него день рождения, и он должен быть в это время дома.

С седьмого на восьмое мы заступаем в караул — во внутренний. У меня снова пост что надо — боевые ракеты. Интересно, какая будет погода? Торжественное заседание намечено шестого ноября в шестнадцать. А что, если отпустят шестого?

В общем, с отдыхом на праздники ничего не получится. С утра седьмого парад, потом караул. Говорят, девятого будет отгул.

Командир соединения проводил сегодня собрание всего личного состава. Говорил о крохоборстве отдельных солдат, которые раньше всех забегают в столовую и подают все самое вкусное и лучшее. Выступал и Аксенов.

Служу уже сверхсрочно — перевалило на второй год.

А привык я, черт возьми, к дневнику. Видно, буду вести и дома, на «гражданке».

В части дембельская лихорадка. Все бегают, таскают чемоданы, дерутся из-за фото, спрашивают друг у друга, когда домой. Лишь один я спокоен. Спокоен ли?

* * *

У меня ухудшается зрение. Был сегодня в гражданской поликлинике — минус ноль семьдесят пять. Выписали очки для дали. Теперь смотреть кино и телевизор только в очках. Читать и писать без очков.

А два дня был инструктаж для тех, кто заступает в наряд. Проводил Аксенов.

После обеда было торжественное собрание личного состава нашего дивизиона. Я сидел в президиуме вместе с Шишканом и кадэ. Много поощрений: отпуска, присвоение очередных званий, благодарности и т. д.

Сегодня точно узнал, что командир не подписал приказ о моем увольнении. Так что рухнули надежды уехать до праздников.

В семь вечера нас собирали Аксенов и командир соединения. Было сказано, что первая партия уедет семнадцатого ноября. Еще говорили об отношении к молодым, которые сегодня прибыли в городок.

Ничего не писал — не было времени. Может, завтра удастся поработать?

Вышли с Михневичем из поликлиники, зашли в магазин, купили булку за двадцать пять копеек и, разломив по-братски пополам, с наслаждением ели. Очень вкусно! Сели в автобус, и нате вам, пожалуйста, — Зульфия! Подсела поближе к нам. Счастье-то какое!

Оказывается, искала мне дембельский подарок. Колеблется: карты или Галину Серебрякову? Лично я предпочел бы Серебрякову, да ведь не скажешь. И чего она прилипла ко мне словно банный лист?

Седьмого ноября у Лолы день рождения, ей двадцать два года, надо что-то подарить, но как я смогу

это сделать? Поздравить могу, но нет желания. Я вообще никого не поздравил с праздником.

Вышел на работу Рослов, он был в Холмске. Приехал розовощекий и довольный, рассказывал, что был в обкоме комсомола, мое письмо там получили, но у Рослова нет высшего образования и секретарем ему не светит. Да, сглупил он насчет сверхсрочной, ведь папаша-то у него — полковник!

Говорят, причина — женитьба. Родители были против его избранницы.

* * *

И снова в городке ЧП. Разбилась наша машина.

Один солдатик погиб, трое в госпитале. Помяло и майора Мальцева.

До обеда будет статья в «Боевом посту». Завтра в клубе нашей части торжественное собрание.

Доклад и праздничный приказ. До обеда, очевидно, будет уборка территории и подготовка к собранию. Да, с утра политзанятия.

* * *

Караул окончен. Возможно, последний. Следующий раз батарея заступит с семнадцатого на восемнадцатое ноября. Может, меня уже и не будет в армии.

Праздники отгремели. Завтра предстоит отгул за праздничный наряд.

Шестого ноября было торжественное собрание. Присутствовал генерал из армии. Прошло сухо и сдержанно. На всех лежит печать трагедии, случившейся на днях в городке. На шоссе разбилась наша машина с солдатами из технической батареи. Один погиб сразу, другой скончался в госпитале. Оба должны были увольняться в ноябре. Приезжала мать одного из погибших. Это было как раз шестого. Печальная история.

Мне вручили грамоту начальника войск ПВО армии. Лежит в моей папке.

Вечером шестого в казарму пришел Аксенов. Сел на мою табуретку. Немного поговорили. У него с четвертого по двадцать четвертое января сессия в Холмске, приглашал к себе в общежитие. Он будет жить на пятом этаже общежития ВПШ. Числа девятнадцатого меня отпустят.

Седьмого ноября ходили на демонстрацию в Боровск. Стояли коробкой. Был морозец, падал снежок. Послушали выступающих на митинге, померзли, потом прошли торжественным маршем перед трибуной, где на самой нижней ступеньке стояли наши отцы-командиры. Потом направились в свой городок. Я лег и проспал до обеда, а после обеда заступил в караул.

Никаких писем, телеграмм и поздравлений ни от кого не получил. Ну и не надо. Тупиева-старшая передала гостинец — конфеты, печенье, яблоки. А Лолу даже не поздравил — у нее седьмого день рождения.

Последнюю главу начну писать завтра. Буду писать про комбата — шут с ним.

Сегодня в карауле слегка поцапался с Сагдиевым. Да ну его к дьяволу! Все равно максимум через десять дней уеду.

Эту ночь спал плохо — вспоминал Лиду, Тимку. Старался думать о другом — о книге, о будущем.

9—10 ноября. Лола и ее мама

Вчера была общая вечерняя поверка. Вызывали всех: и офицеров, и сверхсрочников.

Сегодняшний день начался с развода. Командир остался недоволен внешним видом и заставил устранять недостатки здесь же, прямо на плацу.

Было очень холодно. Мороз да еще колючий, пронизывающий ветер. И вот в такую погоду одни должны были стричься, другие — пришивать пуговицы, погоны и т. д. Ничего не поделаешь: армия! А приказ был таков: никто не уходит с плаца до тех пор, пока не приведет себя в порядок.

Почти весь день мы приводили себя в порядок.

Беседовал с комбатом о его славной жизни, взял кое-какие факты, начал писать двенадцатую главу. Последнюю. Надо к семнадцатому ноября закончить. У меня целая неделя впереди, плюс воскресенье.

После обеда лег отдыхать. Спал часа два-три. Позволил себе такую роскошь. Ничего. И отдохнуть иногда маленько надо.

Сегодня попрощался с Рассадиным и Галстяном — они уехали в отпуск на десять дней каждый, и я их уже, видно, не застану:

После обеда во время сна приходила Зульфия. Сделал вид, будто сплю. Вот уж действительно неугомонная женщина.

Родилась тема диссертации, примерная: «Роль ВЛКСМ в укреплении единства международного молодежного движения». По-моему, тема новая, ее никто не разрабатывал и можно сделать кое-что стоящее. Сразу, как приеду домой, заведу папку и буду собирать все по теме: газетные вырезки, статьи, брошюры. Надо будет просматривать (по возможности регулярно) журнал «Вопросы мира и социализма».

Вот такие мои планы.

Да, получил поздравительную (очень шикарную) открытку от Тупиевых — всех. А сам так никого и не поздравил. Черствую?

* * *

Были политзанятия. Комбат на сборах. Писал Шишкану речь. А потом заканчивал последнюю главу.

В обед приходила Зульфия. Поймала наконец. Обижалась, что не поздравил. Просит, чтобы пришел к ним в воскресенье, помог Лоле написать курсовую. Ей вернули с оценкой «неуд».

А еще они хотят, чтобы Лола работала в Холмске. И просят меня устроить ее там. Куда я ее устрою? Она же ничего не умеет делать. Господи, как они мне все надоели!

Говорит, что Михневич собирается уезжать домой в субботу, четырнадцатого ноября. Я пока не знаю, когда мне предстоит ехать, и, собственно, мне все равно.

Противно все это.

Сегодня начал собирать материал для диссертации. Вырезал две статьи из «Комсомолки». Одна весьма важная: программное заявление ВФДМ.

Комбат сегодня пообещал, что с завтрашнего дня будет давать время для работы с утра. Великолепно!

Двенадцатая глава пока пишется нормально. Работал и сегодня. К дембелю надо окончить и привезти книгу «Шпоры ракетчика» — так теперь она будет называться.

На следующей неделе меня отпустят. И — конец моей службе. Год пролетел, как один день.

Лола... Она совершенно ничего не имеет за душой. Обыкновенная избалованная и пустая офицерская дочка.

Ну их к чертям, этих дочек с их поклонниками.

* * *

Весь день провел в ленкомнате. Писал. Теперь творю с утра. Двигается дело, хотя дьявольски трудно писать про человека, которого хорошо знаешь.

Ажиотаж насчет дембеля достиг апогея. Ходят самые невообразимые слухи, друг друга подстегивают, подзуживают. Я же удивительно спокоен. С чего бы это?

В воскресенье, пятнадцатого ноября, должен закончить книгу. Осталось совсем немного — десяток страниц.

Завтра будет показательное занятие для сборов комбатов на примере нашей батареи по внутреннему порядку. Будем имитировать подъем, заправку кроватей, утренний осмотр, отправку в столовую, в баню и т. д. В общем, смехоты будет. Правда, комбат обещал, что меня освободит от этого занятия.

Он стал добрым ко мне, называет по имени-отче-

ству, дает время писать с утра и даже принес свою фотку. Вот с чего надо было начинать свою службу. Эх ты, идеалист, воспитанный «Юным романтиком».

Прожил двадцать два года, а жить не научился! А может, как раз и научился?

Видел Рустамчика. Он передал, что Зульфия желает меня видеть. Но я не пошел в санчасть — не хочу.

Итак, задача: закончить двенадцатую главу к понедельнику, шестнадцатого ноября. Это задача номер один.

И — да благословит меня комбат!

12 ноября. Старшина Мозоль

Был общий развод. Командир обошел наше войско, поздоровался, мы ответили недружно, и он снова поздоровался, предварительно заметив, что, видно, мы не извлекли уроков из прошлого развода.

Потом он приступил к осмотру внешнего вида, остался им недоволен и приказал остричь всех под полубокс. Но я под полубокс стричься не буду, просто укорочу немного волосы, и все. Будь что будет.

Весь день пишу в ленкомнате. Завтра, видно, окончу. Сегодня было натирание пола мастикой, и Мозоль явно хотел, чтобы я участвовал в столь «героическом» мероприятии. Но комбат освободил меня и на этот раз. Мозоль кипит от ненависти и злости, цепляется по мелочам.

Терплю. Я знаю, чего он хочет: чтобы я не сдержался. Но я начеку постоянно. Завтра баня. Неужто последняя?

13—17 ноября. Последняя баня

Ура! Окончил книгу! Сегодня дописал последнюю строку.

Устраиваю себе по этому поводу маленькую разминку после обеда до отбоя. Взял Гренвея «Человек,

который похитил королеву и распустил парламент», и буду читать.

Завтра начну писать эпитафии к главам. На четырнадцатое и пятнадцатое есть увольнения, но я не пойду. Буду работать над эпитафиями.

Зульфия обиделась, не появляется. Ну и как хочет, мне все равно.

Итак, разминка, и — за работу!

Сегодня была баня. Видимо, последняя. Отмывались добела.

* * *

Я еду восемнадцатого. Сказал об этом Шишкан тринадцатого вечером, комбат и Аксенов вчера, в буфете. Списки уже подписаны. И я там есть.

Восемнадцатого будет среда, в этот день проходит общий развод. Так что постою на трибуне. Жаль только, что наша батарея заступает в караул — не попрошаюсь со всеми. В караульное-то я зайду, а вот те, кто на постах, — с теми не повидаюсь.

Вчера приходила Тупиева-старшая несколько раз, просила всех, чтобы отпустили меня в увольнение, комбат сказал: как хочешь. Я не захотел. Узнал, что она сказала: «Я майорша, а буду ходить к солдату».

Я вас понял, уважаемая Зульфия!

Вчера написал предисловие и послесловие к книге. Сейчас сижу в штабе (сегодня воскресенье), возьмусь за эпитафии.

Завтра, вероятно, дадут обходной листок.

Не нахожу себе места — какое-то странное состояние...

22 ноября. Домой

На трибуне постоять не довелось.

У одного из новобранцев подменили шинель, подозрение пало на дембелей, и на построении командир объявил: никто не уедет домой, пока не отыщется злополучная шинель.

Шинель не нашлась. Мы устали ждать, и я отдал свою, она имела сносный вид, носил я ее всего одну зиму. Мне в каптерке подобрали латаную-перелатаную.

Торжественных проводов не было. За ворота КПП мы выходили по одному.

Основная линия.

НОВЕЛЛЫ ИЗ ПИСЬМЕННОГО СТОЛА

СТАРАЯ ПОЛЕВАЯ СУМКА

Он проснулся сразу и по привычке рывком поднес часы к глазам. Светящиеся стрелки на циферблате показывали двадцать пять минут седьмого. «Подъем!» — мысленно приказал он себе, и чуть было не вскочил с постели. Но тут его взгляд скользнул по белоснежной простыне, накрахмаленной наволочке, на огоньки, мелькавшие за окном, и он вспомнил, что сегодня можно и не вставать за пять минут до общего подъема — поднимать на физзарядку некого: батарея осталась в городке, а он едет в поезде, который мчит его домой.

Он полежал еще несколько минут под одеялом, с удовольствием ощущая свежесть постельного белья. Последнее время батарея находилась в полевых лагерях, и он, как и все, жил в тесной палатке, сушил мокрые портянки возле печурки, растапливаемой сырыми от проливных дождей дровами, ел кашу из солдатского котелка, мыл его остатками холодного чая, — словом, жил суровой походной жизнью. Да разве только это последнее время? Полтора года его армейской жизни заполнены бесконечными тревогами, большими и малыми учениями с их постоянными тяготами и лишениями, которые они, воины-ракетчики, должны стойко переносить.

«Да, Ваня, отвык ты от комфорта», — мысленно сказал он сам себе, блаженно потягиваясь в постели. Но тут же спохватился: «Товарищ старший сержант,

что это у вас за барские замашки, а?! Может, вам еще кофе в постель подать? Какой желаете: черный или со сливками?»

Он быстро вскочил, достал из чемодана неразлучный эспандер и, выйдя в тамбур, занялся утренней гимнастикой. Пассажиры еще спали, и в проходе не было обычной утренней толчеи. Он выполнил все упражнения, привычно ощущая, как перекачиваются под рукавами нижней сорочки тугие бицепсы. Еще в далеком детстве отец научил его начинать день с физзарядки. Постепенно утренние упражнения стали привычкой, от которой он не мог уже отвыкнуть.

Умывшись и причесавшись, старший сержант достал из кармана маленькое зеркальце, на правую сторону которого мастерски был прикреплен портрет удивительно красивой блондинки; имя ее было неизвестно даже лучшим его друзьям. Правда, некоторые утверждали, что уже видели где-то эту девушку, но старший сержант говорил, что она живет очень далеко отсюда, в Москве. Собственно, это и давало некоторым повод делать выводы о том, что никакие, даже самые большие расстояния не влияют на силу чувств влюбленных. Остричь остригли, но каждый в душе завидовал другу, к которому девушка приезжает даже на край света.

Поглядев на портрет девушки, он мельком взглянул в зеркальце. На него смотрело крупное, слегка продолговатое лицо, уже знакомое с прикосновением бритвы. Черные кустистые брови подчеркивали неожиданную для брюнета синеву глаз. Крепко сжатые губы свидетельствовали о внутренней силе. Две едва прорезавшиеся морщины на лбу говорили о том, что человек начинает задумываться над жизнью и ее смыслом. До призыва в армию этих морщин не было — мир казался удивительно прост и понятен. Не обозначилось еще и этой складки крепко сжатых губ — они были полуоткрыты. Это придавало лицу наивное выражение.

Старший сержант удовлетворенно хмыкнул, подмигнул своему отражению и, спрятав зеркало в кар-

ман, удобно устроился у окна. Мимо проплывал знакомый пейзаж Подмосковья: леса, перелески, большие и малые села, скворечни на березах, грачи на черных, выступивших из-под снега полянах, — весна широким фронтом шла по земле его детства.

Полтора года не был дома этот ладный парень с нашивками старшего сержанта, сейчас сидящий у окна вагона. Уходил в армию вихрастым пареньком, уличным озорником, а возвращался на побывку возмужавшим, спокойным и рассудительным старшиной батареи.

Старшина ракетной батареи... Он чуть улыбнулся про себя, вспомнив, как удивленно смотрели на него молодые ребята, несколько дней назад ставшие солдатами. Конечно же, старшина в их представлении должен быть обязательно сверхсрочником, с пышными усами, ну и, естественно, пожилым, много повидавшим на долгом солдатском веку. А тут перед ними стоял их ровесник, двадцатилетний парнишка, такой же, как и они, отличающийся только тем, что у него на погонах широкие сержантские нашивки.

Старшина — первый помощник командира батареи. Он составляет наряды, ведает имуществом батареи, следит, чтобы личный состав подразделения был одет, обут, вовремя и сытно накормлен. От него во многом зависит порядок и дисциплина в батарее.

Старшиной подразделения старший сержант назначен недавно — полгода назад. До этого служил в соседнем подразделении, получил военную специальность и звание младшего сержанта. Через некоторое время после прибытия в батарею он стал сержантом и командиром отделения. А еще спустя некоторое время — старшим сержантом и старшиной батареи.

Командир не ошибся, назначив его на эту должность. Дисциплина в батарее поправилась, улучшился внешний вид солдат: они стали более молодцеватыми, всегда аккуратно и по форме одетыми.

Он вспомнил собрание сержантов части, на котором ему пришлось выступить и поделиться своим

опытом по укреплению дисциплины в подразделении. Он говорил горячо, со знанием дела:

— Рядовой Петров опоздал на построение. На первый взгляд, ничего особенного. Подумаешь, какие-то там две-три минуты! Вроде бы мелочь, о которой и говорить не стоит. А между прочим, это уже происшествие. Сегодня этот солдат опоздал в строй, завтра замешкается на подъеме, а послезавтра потеряет драгоценные секунды во время подготовки ракеты к старту. Сейчас, в современных условиях, когда судьбу боя решают секунды, это опоздание может стать роковым не только для него лично, но и для многих сотен людей. А ведь начинается все с мелочи...

Его выступление вызвало горячие отклики. Начальник политотдела, присутствующий на собрании, то и дело одобрительно кивал головой и делал какие-то торопливые пометки в своей записной книжке. А после, в выступлении, назвал его доклад своеобразным рефератом по морально-психологической подготовке воинов.

По мере приближения поезда к Москве мысли старшины постепенно переходили от армейских дел к домашним, семейным. Отца, конечно, дома не будет — служит на Дальнем Востоке. А вот мама обязательно будет. Он специально не написал ей, что едет в краткосрочный отпуск. Пусть его приезд будет для нее радостной неожиданностью.

Безусый старшина размечтался, глядя в окно купе на приближавшиеся коробки домов. Навстречу плыли предместья знакомого с детства города.

В то самое время, когда поезд, в котором ехал старший сержант, прибыл на один из вокзалов Москвы, к небольшой дальневосточной станции подошел скорый пассажирский. Он стоял немного — всего пять минут, и подполковник едва успел попрощаться с людьми в высоких папахах, очевидно, друзьями, пришедшими проводить его.

Поезд тронулся, и подполковник с дорогими мне эмблемами на петлицах парадной шинели уже на ходу вскочил на подножку. Стоя на верхней ступеньке, он обеими руками махал товарищам:

— Прощайте!

Подполковник был угрюм и неразговорчив. Это сразу заметили соседи по купе. Один из них, дородный, полный мужчина, пытался было завести разговор с новым пассажиром, но безуспешно. Подполковник отвечал на вопросы кратко и неохотно, и навязчивый сосед наконец понял, что новому пассажиру не до разговоров о канарейках, на что сосед, большой любитель певчих птиц, втайне надеялся, зная, что у военных бывает самое неожиданное хобби.

Поезд набирал скорость, ведя счет дальневосточным километрам. Подполковник удобно устроился у окна и смотрел на проплывающие мимо столбы линий электропередач.

В пути человека всегда одолевают воспоминания. Задумался, глядя в окно вагона, и подполковник.

Несколько дней назад его торжественно проводили в запас. Он знал, что это произойдет неизбежно, притом в самое ближайшее время, и все же медлил с рапортом, надеясь на какое-то чудо. Но чуда не было, а врач все чаще и чаще озабоченно собирал гармошку морщин у переносицы, укоризненно качая головой:

— Совсем не бережете вы себя, товарищ подполковник...

Он знал, что болезнь прогрессирует, но старался не думать о ней. Однако она напоминала о себе все чаще и чаще. И вот неумолимое заключение врачебной комиссии...

Перед его глазами стояли недавние проводы. На плацу, выстроившись в две шеренги, замерла часть. Вверху в первых лучах солнца алело боевое знамя. Он с трепетом прикоснулся губами к алому бархату святыни, с которой не расставался много лет, начиная с того знойного июльского дня сорок первого, когда

его, насмерть перепуганного мальчонку, подобрала артиллерийская разведка и привезла в полк, почти неделю сдерживавший атаки гитлеровцев.

Столько лет под этим знаменем! Правда, были некоторые перерывы, когда он уезжал из полка — после войны учился в училище, затем в академии, защищал кандидатскую диссертацию. После снова возвращался в свою, ставшую родной, часть. Когда-то она усыновила его, а потом Родина доверила ему командовать этим полком, — теперь уже зенитным ракетным. Вся его жизнь связана с этой войсковой частью, и он не мыслил себя без нее. Ему, родному полку, он отдавал все свои силы без остатка, сумев не только вывести его в число передовых, но и удерживать звание отличного на протяжении многих лет.

И вот теперь пришла пора расстаться не только со своим полком, с боевыми друзьями, но и вообще с армией. А все эта проклятая болезнь...

Он уже сообщил жене о том, что скоро вернется к ней насовсем. Накануне отъезда дал телеграмму. Представил, как она обрадуется, узнав, что он приедет домой навсегда, и не будет больше бесконечных переездов с места на место, постоянного беспокойства за него. Жена... Ему так и не удалось пожить своим домом, испытать семейный уют и покой. Добрую половину семейной жизни они прожили вдали друг от друга — такова армейская жизнь с ее бесконечными тревогами, выездами в полевые лагеря, боевыми дежурствами. Он где-то ездил, проводил учения, ночевал на дальних «точках», а ей оставалось только одно — ждать писем, ждать его.

Поезд мчался все дальше и дальше. В вагоне шла обычная жизнь. А подполковник все думал и думал, вспоминал прожитые годы. Он может смело и прямо смотреть в глаза людям, с которыми его сводила военная судьба — они не могут упрекнуть его в отсутствии чуткости, человечности, доброты. Да, совесть чиста, на ней нет ни одного черного пятнышка, за которое было бы больно или стыдно. Он всегда ста-

рался быть справедливым и честным, как когда-то учил его седой комиссар Чертков.

Комиссар был до самозабвения влюблен в армию. Еще задолго до призыва на срочную он бредил ею. Он был рожден для армии, этот веснушчатый, вихрастый паренек, и в роте, куда он попал, сразу это поняли. Молодой солдат был послан на учебу в школу младших командиров. Революцию он встретил прапорщиком, большевиком стал сразу же после штурма Зимнего, в Гражданскую командовал красной сотней.

В сорок первом Чертков был комиссаром в той части, которая усыновила перепуганного мальчонку, потерявшего родителей. Отец мальчика был командиром-пограничником, весть о нападении фашистов застала его дома, и он бросился на заставу, не успев даже попрощаться с семьей. Больше они его не видели. Семьи пограничников посадили в вагон и отправили на восток, но на небольшой железнодорожной станции на эшелон налетели самолеты с черными крестами. Мальчик бегал в это время за водой и лишь поэтому уцелел. Все остальные погибли, в том числе мать и братишка.

Комиссар Чертков привязался к осиротевшему мальчонке. Сам он не обзавелся семьей, и весь жар своего отцовского чувства перенес на найденного разведчиками мальчика. Именно он привил найденьшу любовь к армейской службе, суровой и в то же время романтической.

Подполковник вздохнул: комиссар Чертков привил ему любовь к армии, а вот он сам, видно, не сумел сделать этого по отношению к своему Ивану. Как ни уговаривал сына поступить в военное училище, ничего не получалось. Радиотехника нравится. Ну и чудак: разве современной армии не нужны радиоспециалисты? Нет, заупрямился — лучше, мол, в гражданский институт.

В гражданский так в гражданский. Перечить не стал. Но в радиотехнический сын не поступил — не прошел по конкурсу. Месяц или два бегал по городу,

работу подыскивал, а тут повестка из военкомата. Служит. Старший сержант уже. За полтора года. Подполковник улыбнулся: такими темпами и отца не мудрено догнать!

Он порядком устал от дальней дороги и был бесконечно обрадован, когда наконец поезд прибыл в Москву. Еще из окна вагона подполковник увидел жену и высокого, рослого парня в военной форме с нашивками старшего сержанта.

— Иван? — удивился подполковник и, шагнув навстречу, произнес:

— Как ты здесь очутился?

И днем и ночью спешат по стальным магистралям поезда. Вспыхивают зеленые семафоры, стучат колеса. Позади остаются большие и малые города. Короткие остановки, и снова — вперед, вперед.

Спешат поезда, спешат люди.

Сделав короткую остановку в городе своего детства, старший сержант был снова в пути.

Десять суток отпуска пролетели, как одна минута. Он и оглянуться не успел, как пришла пора возвращаться в часть, к своим друзьям.

Провожать пришли отец, мать и та удивительная девушка, имя которой было овеяно романтической тайной. Она смущалась, розовела, и от этого становилась еще более привлекательной и милой.

По давней привычке он достал из внутреннего кармана зеркальце и посмотрел на портрет девушки. Перед отъездом они обо всем договорились, обсудили все подробности будущей совместной жизни. Он поделился с ней своими планами, и, кажется, она одобрила его решение.

Да, он будет профессиональным военным.

Отец не убеждал его предпринимать этот шаг, как раньше, после окончания школы.

На этот раз он позвал его в свой кабинет, весь заставленный стеллажами и полками с книгами. Кабинет отца был знаком Ивану с детства.

Он отметил, что все предметы расположены в том же порядке, что и полтора года назад.

Все было на своих местах: олени рога, письменный стол, журнальный столик, секретер. Над столом висел портрет строгого человека в военной форме. Иван знал — это портрет дедушки. Он погиб в сорок третьем под Сталинградом.

— Вот такие, сынок, дела, — устало сказал отец, опершись локтями о край массивного письменного стола. — Отвоевался я...

Иван чувствовал, что отец переживает свой уход из армии. Как-то сразу сдал — постарел, осунулся. Раньше отец казался ему сильным и крепким, особенно в военной форме, а сейчас перед ним сидел седой и больной человек в домашнем халате.

Но таким отец был только одно мгновение. Он скоро взял себя в руки, поборов чувство растерянности, которое вдруг охватило его, кадрового военного, приговоренного врачами к спокойной и размеренной жизни, уже в первые дни не знающего, куда девать время. Перед Иваном снова сидел отец — волевой, решительный, собранный.

— Ничего, Ваня, не унывай. Есть еще порох в пороховницах! Как-никак я же кандидат наук... Буду молодежь учить. Сдаваться не намерен.

Он закурил трубку и, затянувшись, сказал:

— Раз ты достиг таких успехов в армии — старшиной батареи стал, так и быть, подарю тебе одну вещьцу...

Он выдвинул ящик письменного стола и вынул старую полевую сумку. Сколько Иван помнит своего отца, она всегда висела у него через плечо. Сумка была из кирзы, еще довоенного образца, порыжевшая, местами вытертая почти до дыр, но отец упорно предпочитал ее всем самым современным образцам полевых сумок.

— Носи, сын, — протянул он сумку. — И не смущайся ее непривлекательного вида. Сначала выслушай ее историю...

И тогда Ваня узнал, что сумку эту отец носит с

1943 года, с того трагического дня, когда они, комиссар и его воспитанник Петр Струмилин, шли в одну из батарей по узкому ходу сообщения. Их накрыл вражеский снаряд. Очнувшись, Струмилин увидел на краю небольшой воронки знакомую полевую сумку — она уцелела каким-то чудом.

И тогда он зарыдал громко и неутешно. Фамилия комиссара была Чертков. Для мальчика не было человека ближе и роднее. Все формальности по усыновлению Пети комиссар думал провести после окончания войны.

— Вот он, комиссар Чертков, — сказал отец и показал на портрет.

Иван удивленно вскинул на него глаза:

— Папа, это же дедушка!

Отец снова спрятался в клубах дыма:

— Нет, сын. Это комиссар Чертков. Хотя ты прав: он твой дедушка. Потому и фамилию мы с тобой носим двойную: Струмилины-Чертковы. Он был очень хорошим человеком, комиссар Чертков. Настоящим отцом. Что у меня есть хорошего — всем ему обязан. У него не было близких: в Гражданскую порубали бандиты всю его семью. А память о нем должна жить. Я так решил...

С трепетом взял старший сержант подарок отца.

— Спасибо, папа...

Он долго не спал в ту ночь, осмысливая сказанное отцом. Именно тогда и родилась у него мысль: да, отцу нужна замена. Но он в то время ничего не сказал о своем решении — пусть для отца это будет приятным сюрпризом. Вернется в часть, напишет рапорт в училище. Понятно, какое: зенитное ракетное.

Та удивительно красивая девушка согласилась стать женой курсанта-ракетчика.

Поезд мчался уже в ночи, а у окна по-прежнему сидел человек в погонах с нашивками старшего сержанта и думал об удивительных людях, о великом счастье жить рядом с ними.

РАЗВОДЯЩИЙ ЕЩЕ НЕ ПРИШЕЛ

С некоторых пор подполковник Иван Григорьевич Гриценко начал ощущать в себе смутное чувство беспокойства. Не читается, не спится. По едва заметным признакам он задолго угадывает приближение этого состояния.

И тогда, чтобы не поддаться ему, не выбиться из привычного ритма, он до предела загружает себя работой. Не помогает.

В груди зреет какая-то удивительная нота. В ней есть что-то от величавости молчаливого леса, окружающего военный городок, крика идущего на водопой лосенка, чистоты и прозрачности бьющего из-под земли ключа.

Это состояние имеет свои закономерности. Оно приходит дважды в год — осенью и весной. Правда, ощущение легкой грусти возникает иногда и чаще, но об этом особый сказ.

Обычно все начинается ранней весной и ранней осенью. Первые же симптомы он начинает ощущать еще раньше. Сейчас конец зимы, а та нота уже начинает зреть в груди.

Военный городок невелик, в считанные минуты обойдешь все хозяйство. Казарма для солдат, домики для семейных офицеров, столовая, караульное помещение, склады, боевая техника, спортивный комплекс. Ну что тут особенного? Городок как городок, сколько таких в армии!

А для него, подполковника Гриценко Ивана Григорьевича, все это почти десять лет жизни! И каких лет! Каждый прожитый год — запомнившаяся веха в командирской судьбе.

Любит Иван Григорьевич пройтись по территории городка, заглянуть в учебные классы, в ленинскую комнату. И не потому, что обязан как командир лично проверить несение службы в дивизионе. Для него это стало внутренней потребностью. Он знает всех своих подчиненных настолько глубоко и всесторонне, что может на память назвать их родителей по

имени-отчеству и даже адреса, по которым они проживают. Каждый приход командира дивизиона то ли в учебный класс, то ли на полевое занятие обогащает и самого Ивана Григорьевича, и его подчиненных.

Высокий, худощавый, удивительно спокойный и сдержанный в словах и жестах, он полюбился всем. Говорить с ним одно удовольствие. Есть собеседники, которые говорят только сами, любят себя своим красно-речием. Иван Григорьевич Гриценко не из таких. Одно из его достоинств — умение слушать, умение понять человека.

Резкий контраст с предыдущим командиром! Молодые офицеры не знают этого, а вот старожилы городка — помнят. Уж больно любил распекать подчиненных прежний командир дивизиона. Если бы еще за дело, куда бы ни шло. А то ведь не выслушает, слова человеку не даст сказать в оправдание. Сыпал высканьями направо и налево. Особенно доставалось молодежи.

Замполит, партийные активисты и другие офицеры постарше пытались по-товарищески подсказать, что такими методами дела не поправишь, наоборот, отобьешь всякую охоту проявлять инициативу. А ведь молодым нужно расти, набираться опыта, приобретать командирские качества. Кричать, мол, любой сумеет. Люди же инструмент тонкий, к каждому особый подход нужен.

Не прислушивался прежний командир к дружеским советам.

— Строгость нужна, ясно?! — парировал он все попытки помочь ему же. — Молодым тем паче. Чтобы служба медом не казалась... Я как командир отвечаю за боеготовность подразделения и добиваюсь ее командирскими методами. У меня не школа-интернат, а зенитный ракетный дивизион! Прошу этого не забывать. Воспитание личного состава — это больше по вашей части...

Сгоряча выпалил, не подумав. Кстати, как и все остальное, что ни делал. Ему казалось: чем быстрее

примет решение, поставит задачу, тем больше укрепится его командирский авторитет. «Вот какой у нас командир решительный да волевой», — с восхищением будут думать о нем подчиненные. Выходило наоборот. Возникали обиды, конфликты, размолвки.

В дивизионе вроде бы все шло по-старому: проводились занятия, изучалась боевая техника, несли службу караульное подразделение и суточный наряд. Но в этом прежде хорошо отлаженном механизме все чаще и чаще возникали перебои, заминки, несогласованность между отдельными узлами и звеньями. Захромала дисциплина, снизилось качество учебных занятий. Все это, несомненно, отразилось на степени боеготовности дивизиона. И, как закономерный итог, — решением вышестоящего штаба командир был снят с должности.

Вот здесь, в этой тесной комнатке, прежний командир передавал дела ему, Ивану Григорьевичу Гриценко, тогда еще молодому капитану. Кажется, это было вчера... Да, летит времечко...

Подполковник Гриценко задумчиво поднял глаза от газет, лежавших на столе, подошел к окну. День был чудесный — солнечный, тихий. Хорошо, если бы такая погода выдалась и на 23-е февраля. Праздник стал бы светлее вдвойне. Кстати, подумалось ему, надо бы посоветоваться с замполитом насчет празднования Дня Советской Армии. Капитан Ковалевич Александр Александрович политработник инициативный, горазд на выдумку. В прошлом году торжественное собрание состоялось в солдатском кафе. Был зачитан праздничный приказ министра обороны, он, Иван Григорьевич, сделал доклад, потом был концерт солдатской художественной самодеятельности, спортивные состязания, викторины, игры.

Приказ министра обороны... Он вдруг снова почувствовал приближение того знакомого ощущения. Со всем недолго осталось до другого приказа.

В дверь постучали, и на пороге появился розовощекий с мороза, в полевой форме, ладно обтягивающей крепкое, мускулистое тело, капитан Ковалевич:

— Разрешите, товарищ подполковник?

Из-за спины замполита выглядывала чья-то высокая фигура в шинели. Гриценко узнал: это был начальник клуба их части.

— Проходите, товарищи. Садитесь. А я как раз подумал: надо бы посоветоваться насчет празднования Дня Советской Армии...

Сообща обсудили план торжеств. Иван Григорьевич решил несколько вопросов, возникших у политработников. Начальник клуба собрался уезжать.

— Товарищ капитан, — остановил его подполковник. — Вы сейчас в часть или в другое подразделение? В часть? Вот и прекрасно. Передайте, пожалуйста, в штаб этот список...

Капитан Ковалевич краем глаза глянул в тетрадный листок. Командир дивизиона подполковник Гриценко просил командование части поощрить грамотами и краткосрочными отпусками с выездом на родину группу солдат и сержантов. Фамилии представляемых были не знакомы. Замполит догадался: Иван Григорьевич печется о военных водителях из другой части. Вроде бы не его воины, «чужие»...

Горячая волна захлестнула капитана Ковалевича. «Ах, Иван, Григорьевич, Иван Григорьевич! Золотой ты мой человек! Разве не счастье служить с таким командиром!» Эти и еще много других хороших слов хотел сказать замполит подполковнику Гриценко. Но он сдержался, и только взгляд выдал состояние души капитана. Командир ненароком поймал этот полный восхищения и преданной любви взгляд, смущенно кашлянул и, словно оправдываясь, произнес:

— Водители поработали на совесть. Марш был трудный. Двое суток без горячего питания, на сухом пайке. Продвигались скрытно, по разбитым, заброшенным дорогам...

Замполит вышел проводить приезжего капитана, а командир остался в своем тесном кабинетике. В комнате стояла тишина, изредка прерываемая монотонным журчанием воды в трубах парового ото-

пленя. В том трудном марше Иван Григорьевич участвовал сам. Ему-то что, он привычен к такого рода испытаниям, а вот водителям впервые пришлось узнать, почему фунт лиха. Ничего, выдержали. Он помнит, как удивленно посматривали на него те ребята: все-таки подполковник, командир дивизиона, мог бы и глаза смежить на полчаса, и посидеть на привале, ожидая обеда. Ан нет, как все, так и он. Уважительный подполковник, сказал про него один из водителей.

Иван Григорьевич как-то не задумывался над тем, строг он или добр. Ведь первое предполагает второе, и наоборот. Главное, он может смело и прямо смотреть в глаза людям, с которыми сводила его армейская судьба — они не могут упрекнуть его в отсутствии чуткости, человечности, сердечности. Да, его совесть чиста, на ней нет ни одного пятнышка, за которое было бы мучительно больно и стыдно.

Тогда, несколько лет назад, принимая дивизион, он многое понял. И самое главное — командир должен оставить о себе добрую память. Таковую, какую оставили первые командиры дивизиона — полковники Акельев и Максимов. Да, все преходяще — и командиры, и офицеры, и солдаты. Одни увольняются, другие становятся в строй. Постоянной остается только история подразделения, и в ней всем воздается по заслугам. И второе, что хорошо усвоил он, тогдашний капитан, командир батареи, присматриваясь к методам управления дивизионом прежнего командира, — необходимо знать людей, понимать их, видеть в каждом человеке личность, правильно определять главенствующие черты характера и, способствуя укреплению последних, содействовать преодолению отрицательных качеств.

Откровенно говоря, вступив в командование дивизионом, он в глубине души сомневался, потянет ли. Уж больно быстро поднимался Гриценко по служебной лестнице. На первой должности — командиром взвода — он пробыл всего полгода. Старательного, добросовестного лейтенанта заметили, выдвинули за-

местителем командира батареи. Потом — должность комбата, капитанские погоны, медаль «За боевые заслуги». Комбатом пробыл дольше всего — три года. Последнее время — командир дивизиона. Через год после вступления в эту должность дивизион стал отличным...

Чтобы отделаться от воспоминаний, он надел шинель, фуражку и вышел из штаба. Заглянул в учебный класс. Старший лейтенант Альфред Табатадзе, проводивший занятия, доложил, что воины первой батареи изучают Уставы Вооруженных Сил СССР. Подполковник решил присутствовать на занятиях.

Молодые солдаты хорошо усвоили материал. На все вопросы отвечали четко. Иван Григорьевич тоже задал несколько вопросов и получил правильные ответы.

Старший лейтенант Табатадзе приступал к объяснению новой темы. При ее закреплении начался заинтересованный разговор о воинской вежливости, о взаимоотношениях между подчиненными и командирами. Одного новичка удивило, что отныне он должен называть своего закадычного дружка, односельчанина, с которым в школе за одной партией сидели, не иначе как на «Вы», да еще «товарищ младший сержант». Дружок-то, оказывается, получил военную специальность и звание младшего сержанта и сейчас требует, чтобы к нему обращались согласно Уставу.

Табатадзе объяснил новичку требование Устава, разницу между обязанностями подчиненного и командира. Во внеслужебной обстановке можно, конечно, и на «ты», по-дружески, но на службе нужно поступать так, как требует Устав.

Командир дивизиона одобрительно кивал головой. Правильно, старший лейтенант, правильно. Это не мелочь, как может показаться на первый взгляд.

У него самого был подобный случай. Даже два. Это произошло через несколько дней после вступления в командование дивизионом. Был у него товарищ хороший, офицер. Так получилось, что тот офицер отставал от него на ступеньку. Гриценко стал

взводным, когда тот уже продолжительное время командовал взводом. Вскоре Гриценко стал комбатом, а товарищ — заместителем комбата. Иван Григорьевич принял дивизион, а он — батарею. И вот, проверяя матчасть его батареи, Гриценко обнаружил немало недоработок и, естественно, подверг критике на разборе. После разбора тот подошел к нему и сказал:

— А еще товарищами были! На посмешище выставил. И вообще, к тебе сейчас не подойти: все некогда. Конечно, разве до нас, простых смертных, теперь снизойдешь?

В тот момент Иван Григорьевич ему ничего не ответил. Задел за живое выпад товарища. Конечно, он мог бы резко оборвать его, поставить, что называется, на место. А вдруг комбат прав? Вдруг его отношения к товарищам изменились?

Через пару деньков Иван Григорьевич пришел к нему домой. Тот от изумления даже привстал. Гриценко сел в кресло, повернулся к товарищу:

— Хочешь, расскажу тебе один случай из своей лейтенантской молодости?

— Слушаю вас, товарищ капитан! — нарочито по-установному ответил хозяин.

Они просидели почти весь вечер. Давненько это было, и тот комбат уже командует дивизионом. Иван Григорьевич вспомнил, как они недавно встретились.

— А знаешь, Иван Григорьевич, приняв дивизион, я очутился почти в такой же ситуации, — поведал давний сослуживец. — В дивизионе один из офицеров мой однокашник по училищу. Сначала не клеилось. А потом вспомнил тебя, пошел к нему домой. Так что спасибо за науку.

Все это вспомнил подполковник Гриценко, сидя на занятиях, которые проводил старший лейтенант Табагдзе, один из лучших офицеров в дивизионе.

Кого же благодарить за науку ему, подполковнику Гриценко? Он мысленно перебирал в памяти фамилии людей, оказавших влияние на его командирское ста-

новление. Каким бы долгим не получился этот список, первой в нем будет значиться фамилия отца — Григория Семеновича, секретаря райкома партии на Полтавщине, умершего в 1941 году в тридцатилетнем возрасте. Именно отец, служивший в армии до выдвижения на партийную работу, привил сыну любовь к военной службе. И не случайно все пятеро юношей, окончивших в 1952 году средние школы (вдумайтесь в эту цифру — пятеро юношей на весь район!), поступили в военное училище. То, что только пятеро остались во всем районе, — прямой итог фашистской оккупации. Пятеро полтавских парубков и решили стать профессиональными военными, чтобы не допустить пожара новой войны.

Вторым в списке он поставил бы бывшего командира дивизиона, фронтовика, ныне преподавателя Минского высшего инженерного зенитного ракетного училища Николая Михайловича Табатадзе, отца старшего лейтенанта Альфреда Табатадзе. Много лет назад Табатадзе-старший дал Ивану Григорьевичу рекомендацию для вступления в партию. Никогда не забудет он и бывшего замполита, майора Ф. И. Колязина, и ныне подполковника в отставке Ю. А. Ижика, и многих других армейских коммунистов, сыгравших заметную роль в его жизни.

Нет, чувство легкой грусти и внутреннего беспокойства не проходило. Он поднялся, сказал привычное: «Продолжайте занятия» — и вышел из учебного класса. По дороге в столовую думал о Табатадзе-младшем: перспективный офицер. Руководит техническим кружком в своей батарее. Двадцать девять рационализаторских предложений внедрено в дивизионе только за прошлый год, и большая часть новшеств в первой батарее, заместителем командира в которой Альфред Табатадзе.

Вообще-то, в дивизионе все офицеры — как на подбор. Майор Дитченко Станислав Петрович, его заместитель, старшие лейтенанты В. Толкач и Н. Койпиш, лейтенант Н. Гулов — авторитетные, думающие командиры. А сколько офицеров, прошедших школу

становления в дивизионе Гриценко, получили повышение по службе! Майоры Мельситов, Маршалко, подполковник Казак, еще недавно занимавшие у него должности комбатов, продвинулись по служебной лестнице. Командир части как-то сказал: «Да у тебя, Иван Григорьевич, настоящая академия!»

Академия не академия, а про воспитательную школу подполковника Гриценко хорошо знают. Присматривается он к молодым офицерам внимательно, тонко подмечает их достоинства и недостатки, осторожно наводит на размышления о самовоспитании.

Был у него в дивизионе лейтенант Григорий Кольцов. Сейчас он капитан, комбат в другом подразделении. А прибыл таким смущающимся новичком. Поначалу не получалось у него. Не хватало командирских качеств. Иван Григорьевич и посоветовал ему самому заняться воспитанием необходимых навыков.

Кое-кто из опытных офицеров высказал опасение: молод лейтенант, ему больше растолковывать надо. А Иван Григорьевич в ответ:

— Что молод — это хорошо. Энергии больше. Образование высшее, общее развитие прекрасное. Слышали, как он о генетике да бионике рассуждает? Надо приучать к самостоятельности.

С помощью подполковника Гриценко молодой офицер разработал программу самовоспитания. Иван Григорьевич контролировал, как вырабатывает лейтенант качества, которых ему недостает. Пошло дело! Свидетельство тому — выдвижение на должность командира батареи.

Методы воспитания у подполковника Гриценко разные, в зависимости от личности. Они содействуют главной цели — повышению боеготовности подразделения. Это — как цепная реакция. Только изучив человека, можно знать меру его возможностей. Вот почему и сам командир, и его помощники главное внимание уделяют людям.

Ивану Григорьевичу есть чем гордиться. Но он никогда не подчеркивает своих личных заслуг. Вот он за-

шел в столовую. Всюду чистота, уют. На столиках керамические кувшины с веточками елок, на окнах веселые домашние занавески. Как-то в дивизионе проходили сборы. И только в конце участники сборов узнали, что все эти домики, склады, подсобные помещения перестроены по его проекту. Узнали от других, не от него.

Убедившись, что в столовой все в порядке, он вышел во двор. Нет, знакомое чувство не проходило. Оно усиливалось. Это оно повело его к небольшому саду, куда он особенно любит приходить. История сада связана с именем сержанта Додона. Перед увольнением в запас решил оставить сержант о себе память — выцарапал фамилию на стене казармы.

Вызвал его тогда командир, укоризненно сказал:

— Разве так о себе оставляют память? Лучше бы уж деревце посадил...

Мысль сержанту понравилась. С тех пор в дивизионе стало традицией: перед увольнением в запас каждый высаживает деревце.

Любит приходить сюда Иван Григорьевич. Их много, деревьев, и каждое — это целая человеческая судьба, порой трудная и сложная. Откуда только не пишут ему солдаты! Здесь, в дивизионе, индивидуалисты становились коллективистами, молчаливые — общительными.

А разве легко расставаться командиру со своими воспитанниками? Вот почему два раза в году приходит к нему светлая грусть, как будто он нашел и вынужден отдать что-то очень дорогое его сердцу...

Он остановился в задумчивости посреди заснеженной аллеи. Это сколько же лет он в армии? Сколько воинов проводил в запас? Как быстро мчатся годы! Вот и седина уже на висках... Невольно вспомнилась семья: жена, дочь. Жена... Добрую половину совместной жизни они прожили вдаль друг от друга — такая армейская жизнь.

Пройдет совсем немного времени, и сюда, к этому месту, придет очередная группа его воспитанников. Посадят деревца, попрощаются и уедут — в родные дома, к невестам, матерям. А он останется.

Тишину солнечного морозного дня нарушил размеренный топот ног. Разводящий повел караульных менять посты. Когда же придет разводящий и к нему?

Когда-нибудь придет. Обязательно. Этот день надо приближать всему его дивизиону, лично ему, подполковнику Ивану Григорьевичу.

Ведь совсем скоро на ветвях проклюнутся зеленые листочки, напоминающие форму, которая на новобранцах...

БАЛОВЕНЬ СУДЬБЫ

Везло ему просто-таки поразительно. Чем только не объясняли это везение: и счастливой звездой, под которой он будто бы родился, и пресловутой сорочкой, и особым расположением со стороны капризной и непостоянной фортуны.

Он еще молод (недавно было тридцать), а уже четвертый год носит капитанские погоны и столько же командует ракетной батареей.

Сразу нашел себя, свое место в жизни, свое призвание — не колебался, не бросался из крайности в крайность, не мотался по белу свету — понял, что ему суждено стать ракетчиком. Отсюда и успехи.

Судьбе было угодно распорядиться так, что все подразделения, которыми он командовал после окончания зенитного ракетного училища, включая и ракетную батарею, становились отличными.

У него универсальные технические знания: в батарее более десятка специальностей, притом самых разных и даже полярных друг другу, и нет такого специалиста, за которого он не мог бы работать. Навыки в работе приходят только с опытом, с годами. А он за короткое время сумел на целую голову подняться среди коллег-командиров.

Он достиг высшего признания как командир: все его подчиненные, с которыми приходилось беседовать, не задумываясь, пошли бы на любой подвиг — командир олицетворял для них Родину. Они беспредельно верили ему, как сыны верят сединам отца и

слезам матери, — он заменил им отцов, матерей, друзей, с которыми они расстались на два долгих года, они беспрекословно повиновались каждому его слову — знали: так надо, его устами приказывает Родина...

В газетах часто пишут об армейских командирах, имеющих много звездочек на погонах. Это явление времени: в армию идут энергичные, талантливые молодые люди, считающие, что здесь они найдут широкое поле для применения своих способностей. И, как правило, не ошибаются: современная армия нуждается в высококвалифицированных специалистах самого разнообразного профиля. Людям науки и техники здесь есть где развернуться, показать, на что они способны.

В большой степени помогает им сделать этот выбор срочная служба в рядах Советской Армии, во время которой вчерашние школьники, надевшие шинели, воочию убеждаются, что такое современная армия и каких знаний требует она от них, не говоря уже о требованиях, предъявляемых к командирам.

Так было и со старшиной второй статьи Балтийского флота Иваном Кошельковым, радистом на морском «охотнике».

Сейчас Кошелькову завидуют, что он сразу нашел свое место в жизни, что ему неведомы мучительные поиски своего «я», огорчения и разочарования.

А ведь они были. Были!

Да еще какие!

В школе ему пророчили будущее ученого-математика. У него были все качества прирожденного математика. На выпускных экзаменах за десятилетку он предложил двенадцать способов решения алгебраического уравнения, чем поверг комиссию в неопишное изумление. Десятиклассник из глубинного белорусского села показал такой образец математического мышления, которым обладает далеко не каждый выпускник математического факультета.

Старичок из района взял юного «Ломоносова» на заметку, но тот вдруг забредил... морем.

Все началось с «Огонька». В номере был опубликован фоторепортаж о военных моряках Черноморского флота. Особенно привлек один снимок: в уютном кафе на берегу моря играет эстрадный оркестр; возле него угол маленького тонконогого столика, на котором стоит высокий стеклянный сосуд с соломинкой (его, сельского жителя, соломинка поразила больше всего), а рядом со столиком двое — он и она. Они танцевали — его рука осторожно полуобнимала ее за тонкую, хрупкую талию, а лицо... Он долго всматривался в лицо моряка. Оно было крупное, с крутым волевым подбородком, иссеченное штормами и ураганами. Под снимком стояла подпись: «Завтра снова в море...»

Иван представил — безбрежное море вокруг и в нем большой военный корабль, ошестинившийся орудиями, антеннами, ракетами. Сколько он пробудет в море, никто не знает. Месяц или полгода?... У моряка отпуск. Сейчас вот последний танец, а завтра бескрайнее море и небо. Ивану вдруг мучительно захотелось стать таким вот моряком, чтобы полгода плавать в море, а сойдя наконец на берег, танцевать с самой красивой девушкой города в тихом уютном кафе.

На призывной комиссии в военкомате он так и сказал полковнику:

— Во флот желаю, товарищ полковник!

Его просьбу удовлетворили.

Суровой оказалась Балтика, негостеприимной. Косматые тучи, словно налитые свинцом, низко плыли над волнами. Было холодно и слякотно, когда их, новобранцев, определили в учебный отряд.

Он вышел из отряда старшиной второй статьи и попал на морской «охотник» радистом. К этому времени как раз на вооружение стражей неба начала поступать новая могучая техника — более совершенные ракетные комплексы, новейшие, более мощные радиолокационные средства обнаружения противника. Требовались специалисты, способные управлять этими сложнейшими комплексами. Таких специалистов на-

чали готовить военные училища, распахнувшие двери для молодых энергичных людей.

Случайно Кошельков встретился с представителем одного из таких училищ противовоздушной обороны, приехавшим на Балтику для подбора кандидатов в курсанты. Эта встреча стала поворотной в его жизни. Представитель училища нарисовал перед ним заманчивую перспективу, вдохновенно рассказал о войсках ПВО, и сердце молодцеватого старшины дрогнуло, он подсознательно, каким-то шестым чувством, понял: вот оно, то настоящее дело, уготованное ему судьбой.

Он отлично знал, на что идет. Знал и то, что после окончания училища придется сидеть где-нибудь на отдаленной «точке», за сотни, а может, и тысячи километров не то что от культурных центров — от жилья. Он отлично знал, на что обрекает себя, и тем не менее подал рапорт о зачислении курсантом военного училища.

Нет, это было не очередное увлечение, как с морем. Тогда он просто поддался первому чувству, его увлекла внешняя сторона морской службы. В семнадцать лет кем только мы не хотим стать! Приятно пройтись по родной деревне в морских клепах, в бескозырке с лентами.

Что он знал тогда о море? Что оно сердитое и ласковое, любит смелых и отважных? Этого, пожалуй, недостаточно, чтобы посвятить ему всю жизнь. Нужно нечто более основательное. И на втором году службы он вдруг начал понимать: нет в нем тех качеств, которые заставляют человека посвятить всего себя морю. Он был отличным матросом, ревностно относился к службе, выполнял все свои обязанности. Но не было в его делах внутреннего огня, душевного горения, без которых немислимо любимое дело. Вернее, все это было, но только сначала, когда начинал постигать азы своей новой военной специальности.

Техника вызывала у него благоговейный восторг и тихий душевный трепет. Вот почему, когда он изучал радиостанцию, ему было интересно. За короткое время

изучил не только эту станцию, но и ряд других радиосредств связи. Пытливый ум требовал новых систем и конструкций.

И тут вдруг появляется возможность иметь дело со сложной радиоэлектронной и полупроводниковой аппаратурой. Не на короткое время, а надолго — на всю жизнь. Так старшина второй статьи Кошельков стал курсантом училища.

Учиться было интересно, и вскоре он понял, что не ошибся, новая специальность была именно его призванием. Наконец-то он нашел его, пройдя через не легкие жизненные испытания.

Его никогда не охватывало чувство сожаления по поводу потерянного времени, он не упрекал себя за поспешность в решениях, вызванных излишней мечтательностью. Даже сейчас, оглядываясь на прожитые годы, он считает: те полтора года во флоте не прошли зря. Человек сам должен искать свое счастье, свое призвание. Только так можно приобрести определенные жизненные навыки, самоутвердиться.

Обычно он приводит такой пример: человек хочет научиться плавать. Как он быстрее научится: когда сразу окунется в воду на предельной глубине или когда его будут учить медленно и постепенно, сначала на мелководье, помогая разными советами, поддерживая и подталкивая, а уже потом — на глубине?

Конечно же, если окунуть на середине течения — психологический барьер страха преодолевается сразу, раз и навсегда.

Так должно быть и в жизни.

У него появляется свой мир — мир реле, резисторов, сопротивлений, индикаторов. Он знал: ракетчик-командир должен разбираться во всех этих наисложнейших схемах, блоках, чертежах с завязанными глазами — там, на отдаленной «точке», обращаться за помощью будет не к кому. Наоборот, все вопросы будут адресованы ему. И он взялся за науку с таким усердием, что со второго курса и до окончания был отличником боевой и политической подготовки, гордостью училища.

Учебу курсант Кошельков окончил с отличием, по первому разряду. Командование предложило молодому лейтенанту с незаурядными техническими способностями остаться в училище. Он попросил дать время, чтобы обдумать предложение, и... отказался.

— Хочу в войска!

Председатель государственной комиссии, генерал, пожал руку молодому лейтенанту, пожелал успехов в нелегкой ратной службе.

А она, служба, и в самом деле оказалась нелегкой уже с первых дней. На знающих специалистов был большой спрос, а лейтенанта Кошелькова, получившего новенький диплом с отличием, назначили командиром взвода, на вооружении которого была далеко не новейшая техника.

Кошельков ничего не сказал. Годы, проведенные в училище, дали не только блестящие технические знания, но и умение сдерживаться и подчиняться. Эти качества он должен воспитывать у своих подчиненных. С кого же им брать пример, если не с командира? Поговорив в штабе, он понял, что обижаться нет повода: оснащение войск ПВО новейшей техникой происходит по плану, и ему не так уж долго придется работать на устаревшей технике.

Так и случилось. Вскоре Кошельков стал работать по тому профилю, по которому получил образование. Правда, пришлось самостоятельно изучать принципы ведения боя, сдавать контрольную проверку, по результатам которой взвод стал отличным. А ведь Кошельков знал, что командует взводом временно, что в полк вот-вот придет новая техника. Другой, возможно, и воспользовался бы этим, сидел бы сложа руки и преспокойненько ждал ее прибытия. Кошельков не из таких. Если работать, так работать по-настоящему, с полной отдачей.

Вывести взвод в число отличных за короткое время не так просто, но он был молод, полон жажды деятельности и с присущей ему энергией взялся за изучение имеющейся на вооружении взвода материальной части.

Наконец прибыла новая техника, и Кошельков дни и ночи проводил в машинном парке, настраивая и стыкуя сложную электронную аппаратуру. Начинаются дни боевой учебы — начальник расчета должен вырастить из своих операторов высококвалифицированных специалистов.

Итоги кропотливой, настойчивой работы молодого офицера венчает выезд на полигон и осуществление там пуска боевых ракет. Расчет Кошелькова получает «пятерку» и становится первым отличным расчетом в части.

Командование заметило подающего надежды офицера и вскоре после возвращения с полигона выдвинуло его на новую должность.

Это была очень ответственная работа. Мгновенная реакция, постоянная напряженность, быстрота и точность движений, предельная внимательность — вот далеко не полный перечень качеств, необходимых для эксплуатации радиолокационных станций. Время здесь измеряется секундами и микросекундами: заезвал буквально на мгновение, и все — цель проскочила. А это значит: туда, где спокойно спят тысячи, десятки тысяч людей, ничего не подозревающих, уверенных в своей безопасности, пролетел нарушитель, готовый в любую минуту сбросить смертоносный груз.

Ответственна и сложна служба у операторов радиолокационных средств обнаружения. День и ночь шупают небо чуткие антенны, день и ночь десятки внимательных глаз настороженно следят за светящимися экранами: враг не должен пройти!

Радиолокационные средства обнаружения совершенствуются и модернизируются с каждым годом. Кошелькову пришлось снова сесть за учебники: с такими системами прежде сталкиваться не приходилось.

Потом были сборы, боевые пуски на полигоне, вручение капитанских погон прямо там, на полигоне, назначение на должность командира ракетной батареи, которая тоже вскоре стала отличной.

Отличный взвод, отличные расчеты, отличная батарея — это все позволяет говорить о наличии особой линии, даже направления в методах боевой подготовки личного состава, вверенного капитану Кошелькову.

Самый главный его метод — личный пример. Кошельков считает, что командир не имеет морального права спрашивать с других, если сам не будет служить образцом. Он улыбается, слушая намеки о своей исключительности: нет, о сорочке, в которой он будто бы родился, мама ничего не говорила, знаков особого расположения со стороны судьбы тоже вроде бы не замечал. А вот насчет счастливой звезды — тут что-то есть. Дело в том, что в день его рождения разразилась гроза: гремели раскаты грома, вспыхивали молнии. А согласно народному поверью, тот, кто родился в грозу, обязательно будет счастливым.

— Видимо, природа уже тогда определила мою профессию, — шутит Иван Ильич. — Ракетный гром напоминает небесный...

Это шутка, конечно. Секрет в другом: в высокой требовательности к себе, в стремлении зажечь своим примером других, в постоянном повышении своих знаний.

Мне приходилось встречаться с разными видами увлеченных людей. Но такой степени увлеченности, как у капитана Кошелькова, я еще ни у кого не замечал. Полупроводники, телемеханика, радиоэлектроника — вот боги, которым он поклоняется. Отними их у него, и жизнь потеряет всякий смысл, всякое значение.

Он буквально преображается, когда начинает говорить о технике. Он весь загорается, вспыхивает внутренним светом. У него даже глаза меняются: становятся восторженными, как у девчушки-десятиклассницы, а на лице появляется одухотворенность.

Сложен и многообразен круг обязанностей командира батареи. Он отвечает перед Родиной за боеготовность подразделения, за сбережение боевой техники, за состояние дисциплины и высокий морально-поли-

тический дух воинов и многое другое. Он находит время для самостоятельного изучения специальной литературы, для знакомства с отечественными и зарубежными новинками. Все это, безусловно, сказывается на повышении боеготовности батареи, воспитания у личного состава любви к технике, уходу за ней, стремления постоянно совершенствовать свое мастерство.

Капитан Кошельков недаром говорит: какой командир, такое и подразделение. Действительно, личность командира занимает особое место в структуре военной организации. От него в полной мере зависят состояние воинской дисциплины, степень боеготовности, морально-политическая подготовка воинов, атмосфера, царящая в подразделении, взаимоотношения между военнослужащими.

А что такое воинский коллектив? Это сумма самых разносторонних личностей с особенностями их характеров, резко выраженными индивидуальными чертами. Сплотить их в единое целое, но сплотить так, чтобы, став частичкой этого целого, люди не утратили своих индивидуальных качеств, не растворились в общей массе, не нивелировались как личности, наоборот, чтобы они поняли: именно в этом единении их сила, чтобы осознали необходимость подчинения и беспрекословного выполнения приказаний, — дело очень непростое.

Знакомый офицер как-то разоткровенничался:

— Понимаешь, трудно стало командовать. То ли дело раньше было: отдал приказ, и точка. А теперь такие солдаты пошли, что не знаешь, как и держать себя с ними. Все грамотные, все Эдиссонами и Ньютонами себя считают. Все вдруг в интеллигентов превратились. Что делать, ума не приложу. С чего начинать?

Кошельков хорошо знал этого офицера и его подчиненных. Подчиненные как подчиненные: молодые, крепкие ребята, у многих десятилетка, училище, техникум или даже институт за плечами. Такие же, как и у него в батарее. А вот офицер...

Он тогда прямо сказал коллеге: начинай, братец, с себя. Да, именно с себя. Ибо все беды начались с того, что однажды незаметно он снизил требовательность к себе, расслабился: ничего, мол, после наверстаю. Вроде бы с мелочи началось: двое не встали при появлении командира. Тогда он не придал этому значения. А те двое и на подъемах начали задерживаться, и на вечернюю прогулку под разными «уважительными» причинами не ходит. Кончилось тем, что оба опоздали по сигналу «тревога», в результате чего подразделение получило низкую оценку. Ему бы всполошиться, забить тревогу, а он махнул рукой — все равно им через пару месяцев увольняться в запас, что с них возьмешь! А плохие традиции живучи и переходят, как правило, от одного поколения солдат к другому.

Да, командир — педагог в первую очередь. Но в отличие от педагога гражданского, обучающего молодежь 8—10, а то и больше лет, он должен обучить своих подчиненных за два года. Притом в специфических условиях, преподавая сразу все предметы: и физическую подготовку, и эстетику поведения, и материальную часть, и т. д. Но чтобы обучать, он сам должен знать все, чему обучает. А для этого нужно работать над собой — постоянно, кропотливо, настойчиво. В итоге эта работа сказывается на общем состоянии дел в батарее.

Батарея стала для него второй семьей. Комбат живет ее заботами и тревогами, борется за ее авторитет, добивается, чтобы ей сопутствовала только хорошая слава, чтобы она была лучшей батареей в части.

Он добился этого.

В канцелярии батареи на видном месте стоит кубок лучшему подразделению, который вручается раз в год за лучшие показатели по выполнению учебных нормативов. Кубок стоит здесь уже два года. Ракетчики отстояли его в упорной борьбе — выполнили наказ товарищей, ушедших в запас.

Тренировки продолжались всю зиму, весну и лето. Воины соревновались на длительность пребывания в

противогазах, вели боевую работу, стреляли из личного оружия в средствах химической защиты. Ракетчики оттачивали свое мастерство, несмотря на погодные условия, — в дождь и мороз, на пронизывающем ветру и в палящий зной. Комбат мог упростить занятия, проводить их в классах, в тепле и уюте, но он не упрощал, наоборот, усложнял их, приказав проводить только в поле.

Некоторые роптали, а иные, не выдержав жестоких морозов, спрашивали: «Зачем? Зачем это? Ведь в классах лучше!» Особенно чертыхался рядовой Кулак, молодой солдат, прослуживший несколько месяцев. Явно рассчитывая на слух комбата, он давно уже намекал, что пора бы и в класс.

Комбат вынул секундомер и скомандовал:

— Внимание, батарея, газы! Общевойсковой комплект надеть!

Взметнулись на ветру полы защитных комбинезонов. Воины быстро выполнили указанный норматив. Лишь один Кулак замешкался. Видно было, что ему не хочется снова надевать комплект.

— Смирно! — скомандовал комбат. Все замерли в тех позах, в которых застала команда. Ракетчики, за исключением Кулака, успели надеть комплект.

— Время на отличную оценку истекло, — сказал комбат. — Думаете, это моя прихоть — тренировать в поле? Это моя обязанность: научить вас сохранить свою жизнь. А вы о классе размечтались...

Разговор оставил глубокий след в сознании солдата. Он помог ему понять важность дела, учиться которому он прибыл в армию. Приведенный эпизод, свидетельствующий об огромном значении, которое придает комбат вопросам морально-психологической подготовки воинов, не единственный,

Однако вернемся к кубку.

Батарея не отдала его, снова завоевав первенство в части по защите от оружия массового поражения. Ежегодно часть батарейцев уходит в запас, и они, как и их предшественники, дают наказ молодому пополнению не отдавать кубок. Это называется так: рожде-

ние традиции. Она передается от одного поколения солдат другому, и комбат зорко следит, чтобы эта благородная традиция не только жила, но и развивалась и крепла.

Батарея капитана Кошелькова знаменита и своими спортсменами. На всех спартакиадах, спортивных праздниках она неизменно завоевывала первенство. В ней собрались сильные спортсмены-разрядники. Нет, не пришедшие со спортивными разрядами с гражданки, а свои, воспитанные в батарее.

Он сам отличный спортсмен — любит гимнастику, силовые упражнения и прививает эту любовь всем воинам. Он чудотворец, этот капитан Кошельков: самых неповоротливых, самых безнадежных в отношении физической подготовки солдат превратил в первоклассных гимнастов, кроссменов, легкоатлетов. Младший сержант Татаров, сержант Меньков, рядовой Рассадин стали спортивной гордостью не только батареи, но и части.

Главные помощники комбата — коммунисты и комсомольцы, командиры отделений и расчетов. Он внимательно присматривается к воинам, взвешивает их деловые и моральные качества и только после тщательного и всестороннего анализа выдвигает их на командные должности. Сержантом в батарее стать нелегко, но если уж комбат выберет человека, достойного быть командиром, это будет справедливый и честный человек, как он сам.

Правда, не бывает без исключений. Но и тогда капитан Кошельков не впадает в крайность, не принимает под горячую руку необдуманных, скоропалительных решений. Он знает: наказать легко, перевоспитать труднее.

Так было и с младшим сержантом Татаровым.

Он прибыл в батарею из другого подразделения и сразу попал на полигон. Получил отделение и... в первый же день растерялся. Сам он был исполнительным и трудолюбивым воином, а вот от других потребовать этого не мог на первых порах. Нерешительность, мягкотелость мешали, что ли?

Однажды комбат поставил задачу: навести порядок на закрепленной за батареей территории.

— Назначайте людей сами. Каждому поставьте конкретную задачу, — сказал он.

Через час приходит и видит: территория не убрана, отделение занимается кто чем, только не уборкой, а убирает... сам командир. Аж вспотел, бедняга...

— В чем дело? — спрашивает комбат.

Оказывается, Татаров не довел до каждого воина конкретного задания, даже не построил их, а так, засунув руки в карманы, благодушно сказал:

— Давайте, ребята, уберем маленько...

Много пришлось комбату повозиться с Татаровым, прежде чем он воспитал из него волевого, требовательного командира. Разобрал и первую ошибку сержанта, доказал, что выполнение приказа зависит от тона, которым оно отдается. Если командир отдает приказание перед строем, четко, командным твердым голосом, ставит конкретную задачу каждому — быстрое и точное выполнение приказа обеспечено.

Это был предметный урок для молодого сержанта, ставшего вскоре волевым, инициативным командиром в результате кропотливой, внешне не приметной работы, которую проводил с ним, да и не только с ним, командир батареи.

Сколько поколений воинов, обученных, воспитанных им, проводил он в запас! И в каждом оставил частичку своей души — щедрой, открытой для всех. Вот они, письма тех, кто давно уволился в запас, и по-прежнему не может забыть своего командира. Писем много, целый ящик стола в канцелярии батареи. Они идут из разных уголков страны, и в каждом — горячие строки благодарности.

Да, большое видится на расстоянии. Некоторые только сейчас, спустя много лет, поняли, как много сделал для них комбат. Это и ефрейтор Токарев, и сержант Татаров, и рядовой Николайченко, и многие другие его орлята, люди сложных характеров и трудных судеб, крепко ставшие на ноги, самоутвердившиеся в жизни благодаря своему боевому командиру.

До свидания, товарищ капитан! Спасибо за суровую науку!

Они уезжают домой, к женам. К дорогим невестам, матерям. А он остается — властелин ракетного грома, зорко следящий, чтобы не разразилась страшная, опустошительная гроза, чтобы она не затмила ту мирную, живительную грозу, обновляющую мир и природу, в которую он родился, — на счастье.

Они уезжают, но готовы в любую минуту вернуться к своим грозным боевым ракетам — комбат научил их защищать Родину.

Пусть Родина их только позовет!

ЭПИЛОГ

Год спустя

Перечитав еще раз торопливые, отрывистые записи, сравнив их со специально написанными главами об армии, понял: вот она, настоящая повесть, правдивая и неприукрашенная, об армейских буднях, о человеке в казарме.

Герой Советского Союза, известный журналист и писатель Сергей Борзенко удивительно точно назвал свою книгу воспоминаний «Жизнь на войне». Именно жизнь и не иначе.

Вот об этой внутренней, не всегда заметной жизни солдата в казарме, о мире его чувств и мыслей мне и хотелось поведать тем, кому предстояло надеть армейскую шинель.

Два года спустя

Мужчина рождается трижды: когда появляется на свет, когда призывают в армию и когда, отслужив положенное, уходит из нее.

Да, служба военная не забывается. Чем больше времени проходит, тем больше с благодарностью ее вспоминаешь. Как в песне поется: не послужишь — не узнаешь. Словом, пилотка каждому к лицу!

Она помогла мне иными глазами взглянуть на разлад с Лидой. Теперь мы вместе — Лида, Тимка и я.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Трудным был путь к этой книге.

Прежние — «Друзья мои, ракетчики», «Мальчишки в пилотках» и другие, — рассказывающие об армейских буднях, благополучно расходились, а критика, особенно военная, отзывалась о них благосклонно. И все же что-то не давало покоя, душу отягчало ощущение недосказанности, неполноты.

Сразил как-то Шура Похольчик, однополчанин, его койка рядом с моей в солдатской казарме стояла. Он прочел одну из моих книг, благо автор с дарственной надписью прислал, а при встрече с ним я поинтересовался: «Как книга-то?» Мнется Шурик, глаза отводит. «Нет, ты правду в глаза режь!» — «Правду, так правду, — решается приятель. — Только не обижайся: армию-то ты изнутри знаешь, сам служил, а пишешь, будто с праздничного парада. Все у тебя гладко, красиво. Офицеры — одно загляденье, подчиненные — умнички и паиньки. Разве так бывает? Вспомни-ка наших макаренок». — «Ты прав. Но, поверь, об армии так принято было писать. Воспитание на положительном примере во главу угла ставилось». И тут он вспыхнул: «Вот и приходит в строй новичок, воспитанный на армейских пасторалях. А что он видит в казармах? Жизнь, совсем не похожую на идиллию. Ну не смешно ли: ошибки, конфликты, противоречия, некомпетентность, застой и закостенелость есть во всех сферах, кроме одной-единственной — армейской. Кто поверит в эту сказку?»

Мысли, сходные с теми, которыми по-дружески поделился бывший однополчанин, встречались и в письмах читателей. Большинство из них хотели бы видеть правду, какой бы горькой и нелицеприятной она ни была. Что же это происходит, спрашивали авторы писем, читаем книжки, смотрим передачи об армии — одно, возвращаются сыновья домой — слышим совсем другое. Кто же прав?

В жизни все гораздо сложнее. Многое зависит и от обстоятельств, и от самих людей. Не является исключением и армия. Бушуют страсти в обществе — неизбежны они и в его частичке — армии. Здесь все взаимосвязано и взаимообусловлено. Наивно было бы полагать, будто, попав в армейскую среду, молодой человек оставляет за воротами контрольно-пропускного пункта все, что составляло содержание его жизни до воинского призыва. Не учитывать этого, создавать видимость, что восемнадцатилетний паренек и знать больше ничего не желает, кроме интересов военного городка, значило бы сознательно ограничивать, обеднять духовный мир нашего молодого современника, призванного выполнять конституционный долг.

Жизнь в армии, увы, вовсе не такая, какой ее иногда представляют в книгах. Каждый человек, даже если он в военной форме, — это Вселенная. Сложен и противоречив его внутренний мир. Самым удивительным образом отражаются на настроении и состоянии восемнадцатилетнего мельчайшие детали бесед с командирами и сослуживцами, а собственная мыслительная деятельность его находит свой ответ не только на случайно услышанную чью-то короткую реплику, но и на брошенный в сердцах тяжелый взгляд из-под насупленных бровей. В армейской обстановке ничто не проходит бесследно. Каждая мелочь имеет значение и даже может вызвать непредсказуемые последствия.

Об этом и рассказано в моей книге. Как вы уже знаете, в ней действуют далеко не идеальные герои. Они живые, земные, такие, какими бывают в самой жизни. Многим из них, в том числе и главному персонажу, от имени которого ведется повествование,

свойственны иногда отнюдь не украшающие их поступки. Конечно же, это не ангелы. В армии мне их встречать не приходилось. Но я не думаю, что герой повести вызовет у читателей антипатию. Допустим, что такое произойдет. Но кто сказал, что воспитывает только положительный пример? Может, хватит потчевать читателя сладкими приторными пирожными, может, ему больше по вкусу прозаический борщ, по которому он давно соскучился, да такой, чтобы улавливался запах каждой травки, опущенной в это реальное, столь любимое народом, наваристое блюдо?

Но вернемся к главному герою. Разве не вызывают сострадания его душевные муки и сомнения, трудности и переживания? А то, что в сложных условиях он оставляет за собой право чувствовать себя личностью, и самое главное — мыслить, притом мыслить критически и независимо, — не вызывает ли это симпатию? А разве неистребимое стремление иметь свое суждение не заставляет других уважать и ценить собственное человеческое достоинство, в том числе и твое, читатель?

Ноябрь 1969—ноябрь 1970

НЕПОБЕДИМАЯ И ЛЕГЕНДАРНАЯ

МИНИСТРЫ (НАРКОМЫ) ОБОРОНЫ СССР

Н. И. Подвойский (1917—1918), Л. Д. Троцкий (1918—1925), М. В. Фрунзе (1925), К. Е. Ворошилов (1925—1940), С. К. Тимошенко (1940—1941), И. В. Сталин (1941—1947), Н. А. Булганин (1947—1949 и 1953—1955), А. М. Василевский (1949—1953), Г. К. Жуков (1955—1957), Р. Я. Малиновский (1957—1967), А. А. Гречко (1967—1976), Д. Ф. Устинов (1976—1984), С. Л. Соколов (1984—1987), Д. Т. Язов (1987—1991), Е. И. Шапошников (1991).

НАЧАЛЬНИКИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР

А. И. Егоров (1935—1937), Б. М. Шапошников (1937—1940 и 1941—1942), К. А. Мерецков (1940—1941), Г. К. Жуков (1941), А. М. Василевский (1942—1945 и 1946—1948), А. И. Антонов (1945—1946), С. М. Штеменко (1948—1952), В. Д. Соколовский (1952—1960), М. В. Захаров (1960—1963 и 1964—1971), С. С. Бирюзов (1963—1964), В. Г. Куликов (1971—1977), Н. В. Огарков (1977—1984), С. Ф. Ахромеев (1984—1988), М. А. Моисеев (1988—1991), В. Н. Лобов (1991), В. Н. Самсонов (1991—1992).

ГЕНЕРАЛИССИМУС СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Сталин И. В. (1870—1953), 1945¹.

МАРШАЛЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Ахромеев С. Ф. (1923—1991), 1983; Баграмян И. Х. (1897—1982), 1955; Батицкий П. Ф. (1910—1984), 1965; Берия Л. П. (1899—1953), 1945; Бирюзов С. С. (1904—1964), 1955; Блюхер В. К. (1890—1938), 1935; Брежнев Л. И. (1906—1982), 1976; Буденный С. М. (1883—1973), 1935; Булганин Н. А. (1895—1975), 1947; Василевский А. М. (1895—1977), 1943; Ворошилов К. Е. (1881—1969), 1935; Говоров Л. А. (1897—1955), 1944; Голиков Ф. И. (1900—1980), 1961; Гречко А. А. (1903—1976), 1955; Егоров А. И. (1883—1939), 1935; Еременко А. И. (1892—1970), 1955; Жуков Г. К. (1896—1974), 1943; Захаров М. В. (1896—1972), 1959; Конев И. С. (1897—1973), 1944; Кошевой П. К. (1904—1976), 1968; Крылов Н. И. (1903—1972), 1962; Кулик Г. И. (1890—1950), 1940; Куликов В. Г. (1921), 1981; Куркоткин С. К. (1917—2000), 1983; Малиновский Р. Я. (1898—1967), 1944; Мерецков К. А. (1897—1968), 1944; Москаленко К. С. (1902—1985), 1955; Огарков Н. В. (1917—1994), 1977; Петров В. И. (1917), 1983; Рокоссовский К. К. (1896—1968), 1944; Соколов С. Л. (1911), 1978; Соколовский В. Д. (1897—1968), 1946; Сталин И. В. (1879—1953), 1943; Тимошенко С. К. (1895—1970), 1940; Толбухин Ф. И. (1894—1949), 1944; Тухачевский М. Н. (1893—1937), 1935; Устинов Д. Ф. (1908—1984), 1976; Чуйков В. И. (1900—1982), 1955; Шапошников Б. М. (1882—1945), 1940; Язов Д. Т. (1923), 1990; Якубовский И. И. (1912—1976), 1967.

¹ Дата после скобок здесь и далее обозначает год присвоения указанного воинского звания.

АДМИРАЛЫ ФЛОТА СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Высшее воинское звание в советском ВМФ соответствовало званию Маршала Советского Союза. Вручался знак отличия «Маршальская Звезда», учрежденный для маршалов Советского Союза.

Горшков С. Г. (1910—1988), 1967; Исаков И. С. (1894—1967), 1955; Кузнецов Н. Г. (1902—1974), 1955.

ГЛАВНЫЕ МАРШАЛЫ АВИАЦИИ

Воинское звание высшего офицерского состава в Вооруженных силах СССР. Введено 09.10.1943 г. Присваивалось Президиумом Верховного Совета СССР персонально лицам, имеющим звание маршала авиации.

Бугаев Б. П. (1923), 1977; Вершинин К. А. (1900 — 1973), 1959; Голованов А. Е. (1904—1975), 1944; Жигарев П. Ф. (1900—1963), 1955; Колдунов А. И. (1923—1992), 1984; Кутахов П. С. (1914—1984), 1972; Новиков А. А. (1900—1976), 1944.

ГЛАВНЫЕ МАРШАЛЫ АРТИЛЛЕРИИ

Воинское звание высшего офицерского состава в Вооруженных силах СССР. Введено 09.10.1943 г. Присваивалось Президиумом Верховного Совета СССР персонально лицам, имеющим звание маршала артиллерии.

Варенцов С. С. (1901—1971), 1961; Воронов Н. Н. (1899—1966), 1944; Неделин М. И. (1902—1960), 1959; Толубко В. Ф. (1914—1989), 1983.

ГЛАВНЫЕ МАРШАЛЫ БРОНЕТАНКОВЫХ ВОЙСК

Воинское звание высшего офицерского состава в Вооруженных силах СССР. Введено 09.10.1943 г. Присваивалось Президиумом Верховного Совета СССР персонально

но лицам, имеющим звание маршала бронетанковых войск. Упразднено 26.04.1984 г.

Бабаджаниян А. Х. (1906—1977), 1975; Ротмистров П. А. (1901—1982), 1962.

МАРШАЛЫ АВИАЦИИ

Воинское звание высшего офицерского состава Вооруженных сил СССР. Введено 16.01.1943 г. Присваивалось до 26.04.1984 г. Соответствовало званию генерала армии, в ВМФ — адмирала флота. Лицам, удостоенным этого звания, вручалась «Маршальская Звезда». В Вооруженных силах Российской Федерации данное звание не предусмотрено.

Агальцов Ф. А. (1900—1980), 1962; Астахов Ф. А. (1892—1966), 1944; Борзов И. И. (1915—1974), 1972; Ворожейкин Г. А. (1895—1974), 1944; Ефимов А. Н. (1923), 1975; Жаворонков С. Ф. (1899—1967), 1944; Зимин Г. В. (1912—1997), 1973; Кирсанов П. С. (1919—1991), 1982; Кожедуб И. Н. (1920—1991), 1985; Константинов А. У. (1923), 1985; Красовский С. А. (1897—1983), 1959; Логинов Е. Ф. (1907—1970), 1967; Покрышкин А. И. (1913—1985), 1972; Пстыго И. И. (1918), 1975; Руденко С. И. (1904—1990), 1955; Савицкий Е. Я. (1910—1990), 1961; Силантьев А. П. (1918—1996), 1976; Скоморохов Н. М. (1920—1994), 1981; Скориков Г. П. (1920), 1980; Скрипко Н. С. (1902—1987), 1944; Судец В. А. (1904—1981), 1955; Фалалеев Ф. Я. (1899—1955), 1944; Худяков С. А. (1902—1950), 1944.

МАРШАЛЫ АРТИЛЛЕРИИ

Воинское звание высшего офицерского состава Вооруженных сил СССР. Введено 16.01.1943 г. Присваивалось до 26.04.1984 г. Соответствовало званию генерала армии, в ВМФ — адмирала флота. Лицам, удостоенным этого звания, вручалась «Маршальская Звезда». В Вооруженных силах Российской Федерации данное звание не предусмотрено.

Бажанов Ю. П. (1905—1975), 1965; Бойчук Е. В. (1918—1991), 1980; Казаков В. И. (1898—1968), 1955;

Казаков К. П. (1902—1989), 1962; Кулешов П. Н. (1908—2000), 1967; Одинцов Г. Ф. (1900—1972), 1968; Передельский Г. Е. (1913—1987), 1973; Чистяков М. Н. (1896—1980), 1944; Яковлев Н. Д. (1898—1972), 1944.

МАРШАЛЫ БРОНЕТАНКОВЫХ ВОЙСК

Воинское звание высшего офицерского состава Вооруженных сил СССР. Введено 16.01.1943 г. Присваивалось до 26.04.1984 г. Соответствовало званию генерала армии, в ВМФ — адмирала флота. Лицам, удостоенным этого звания, вручалась «Маршальская Звезда». В Вооруженных силах Российской Федерации данное звание не предусмотрено.

Богданов С. И. (1894—1960), 1945; Лосик О. А. (1915), 1975; Полуобояров П. П. (1901—1984), 1962; Рыбалко П. С. (1894—1948), 1945; Федоренко Я. Н. (1896—1947), 1944.

МАРШАЛЫ ВОЙСК СВЯЗИ

Воинское звание высшего офицерского состава Вооруженных сил СССР. Введено 09.10.1943 г. Присваивалось до 26.04.1984 г. Соответствовало званию генерала армии, в ВМФ — адмирала флота. Лицам, удостоенным этого звания, вручалась «Маршальская Звезда». В Вооруженных силах Российской Федерации данное звание не предусмотрено.

Алексеев Н. Н. (1914—1980), 1979; Белов А. И. (1917), 1973; Леонов А. И. (1902—1972), 1961; Пересыпкин И. Т. (1904—1978), 1944.

МАРШАЛЫ ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК

Воинское звание высшего офицерского состава Вооруженных сил СССР. Введено 16.01.1943 г. Присваивалось до 26.04.1984 г. Соответствовало званию генерала армии, в ВМФ — адмирала флота. Лицам, удостоенным этого звания, вручалась «Маршальская Звезда». В Воо-

руженных силах Российской Федерации данное звание не предусмотрено.

Аганов С. Х. (1917—1996), 1980; Воробьев М. П. (1896—1957), 1944; Геловани А. В. (1915—1978), 1977; Прошляков А. И. (1901—1973), 1961; Харченко В. К. (1911—1975), 1972; Шестоपालов Н. Ф. (1919), 1981.

АДМИРАЛЫ ФЛОТА

Воинское звание высшего офицерского состава в ВМФ СССР. Соответствовало званию генерала армии, маршала рода войск и специальных войск. Вручался знак отличия «Маршальская Звезда», учрежденный для маршалов родов войск.

Егоров Г. М. (1918), 1973; Касатонов В. А. (1910—1989), 1965; Лобов С. М. (1913—1977), 1970; Сергеев Н. Д. (1909—1999), 1970; Смирнов Н. И. (1917—1992), 1973; Чернавин В. Н. (1928), 1983.

ГЕНЕРАЛЫ АРМИИ

Алтунин А. Т. (1921—1989), 1977; Антонов А. И. (1896—1962), 1943; Апанасенко И. Р. (1890—1943), 1941; Батов П. И. (1897—1985), 1955; Белик П. А. (1909—1980), 1969; Беликов В. А. (1925—1987), 1983; Белобородов П. П. (1903—1990), 1963; Варенников В. И. (1923), 1978; Васягин С. П. (1910—1991), 1976; Ватутин Н. Ф. (1901—1944), 1943; Галицкий К. Н. (1897—1973), 1955; Герасимов И. А. (1921), 1977; Гетман А. Л. (1903—1987), 1964; Говоров В. Л. (1924), 1977; Горбатов А. В. (1891—1973), 1955; Грибков А. И. (1919), 1976; Гусаковский И. И. (1904—1995), 1968; Епишев А. А. (1908—1985), 1962; Ермаков В. Ф. (1935), 1991; Жадов А. С. (1901—1977), 1955; Зайцев М. М. (1923), 1980; Захаров Г. Ф. (1897—1957), 1944; Иванов В. Д. (1900—1968), 1961; Иванов С. П. (1907—1993), 1968; Ивановский Е. Ф. (1918—1991), 1972; Ивашутин П. И. (1909), 1971; Казаков М. И. (1901—1979), 1955; Козлов М. М.

(1917—2004), 1979; Колпакчи В. Я. (1899—1961), 1961; Комаровский А. Н. (1906—1973), 1972; Крейзер Я. Г. (1905—1969), 1962; Кривда Ф. Ф. (1923—1998), 1984; Курасов В. В. (1897—1973), 1948; Курочкин П. А. (1900—1989), 1959; Лашенко П. Н. (1910—1992), 1968; Лелюшенко Д. Д. (1901—1987), 1953; Лизичев А. Д. (1928), 1986; Лучинский А. А. (1900—1990), 1955; Лушнев П. Г. (1923—1997), 1981; Лященко Н. Г. (1910), 1968; Майоров А. М. (1920), 1977; Максимов Ю. П. (1924), 1982; Маландин Г. К. (1894—1961), 1948; Малинин М. С. (1899—1960), 1953; Мальцев Е. Е. (1910—1981), 1973; Маргелов В. Ф. (1908—1990), 1967; Маряхин С. С. (1911—1972), 1968; Масленников И. И. (1900—1954), 1944; Матросов В. А. (1917), 1978; Моисеев (1939), 1989; Обатуров Г. И. (1915—1996), 1979; Павлов Д. Г. (1897—1941), 1941; Павловский И. Г. (1909—1999), 1967; Пеньковский В. А. (1904—1969), 1961; Петров И. Е. (1896—1958), 1944; Плиев И. А. (1903—1979), 1962; Поплавский С. Г. (1902—1973), 1955; Попов М. М. (1902—1969), 1953; Пуркаев М. А. (1894—1953), 1944; Радзиевский А. И. (1911—1979), 1972; Салманов Г. И. (1922—1993), 1979; Сорокин М. И. (1922), 1981; Стученко А. Т. (1904—1972), 1964; Сухоруков Д. С. (1922), 1982; Третьяк И. М. (1923), 1976; Тюленев И. В. (1892—1978), 1940; Федорчук В. В. (1918), 1982; Федюнинский И. И. (1900—1977), 1955; Хетагуров Г. И. (1903—1975), 1968; Хрулев А. В. (1892—1962), 1943; Цвигун С. К. (1917—1982), 1978; Цинев Г. К. (1907—1996), 1978; Чебриков В. М. (1923—1999), 1983; Черняховский И. Д. (1906—1945), 1944; Шабанов В. М. (1923—1995), 1981; Шавров И. Е. (1916—1992), 1973; Шкадов И. Н. (1913—1991), 1975; Штеменко С. М. (1907—1976), 1968; Щеглов А. Ф. (1912—1995), 1970; Щелоков Н. А. (1910—1984), 1976; Яковлев И. К. (1918), 1980.

ВИДЫ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР

Ракетные войска стратегического назначения (РВСН).
Созданы 17.12.1959 г. Главкомандующими РВСН

были: М. И. Неделин (1959—1960), К. С. Москаленко (1960—1962), С. С. Бирюзов (1962—1963), Н. И. Крылов (1963—1972), В. Ф. Толубко (1972—1985), Ю. П. Максимов (1985—1992).

Сухопутные войска (СВ). Возглавлялись главнокомандующим — заместителем министра обороны СССР. Ему подчинялся Главкомат (Главный штаб и управления) Сухопутных войск. Главнокомандующими СВ были: Г. К. Жуков (1946), И. С. Конев (1946—1950, 1955—1956), Р. Я. Малиновский (1956—1957), А. А. Гречко (1957—1960), В. И. Чуйков (1960—1964), И. Г. Павловский (1967—1980), В. И. Петров (1980—1985), Е. Ф. Ивановский (1985—1989), В. И. Варенников (1989—1991), В. М. Семенов (1991—1996).

Войска противовоздушной обороны (ПВО). Их появление связано с боевым использованием авиации в Первой мировой войне. В СССР первые зенитно-артиллерийские дивизии были сформированы в 1932 г., в 1937 г. — корпуса ПВО. Предназначались для защиты от ударов с воздуха и из космоса административных, промышленно-экономических центров и районов СССР, группировок Вооруженных сил, важных военных и других объектов. Организационно были сведены в округа ПВО, 3-ю отдельную армию ПВО, несколько корпусов и дивизий ПВО. Командующие ПВО: М. С. Громадин (1941—1943 и 1946—1948), Н. Н. Воронов (1943—1946, одновременно командующий артиллерией Красной Армии), Л. А. Говоров (1948—1952), Н. Н. Нагорный (1952—1953), К. А. Вершинин (1953—1954); главнокомандующие Войсками ПВО: Л. В. Говоров (1954—1955), С. С. Бирюзов (1955—1962), В. А. Судец (1962—1966), П. Ф. Батицкий (1966—1978), А. И. Колдунов (1978—1987), И. М. Третьяк (1987—1991).

В Российской Федерации Войска ПВО и ВВС в 1998 г. объединены в один вид — ВВС.

Военно-воздушные силы (ВВС). Создавались вместе с Красной Армией. 24.05.1918 г. было образовано Главное управление Рабоче-Крестьянского Красного Военно-Воздушного Флота. В годы Великой Отечественной

войны 2420 летчикам присвоено звание Героя Советского Союза, 65 летчиков удостоены его дважды, а А. И. Покрышкин и И. Н. Кожедуб — трижды. ВВС возглавляли: К. В. Акашев (1917—1918, 1920—1921), М. А. Соловов (1918), А. С. Воротников (1918—1920), А. В. Сергеев (1921—1922), А. А. Знаменский (1922—1923), А. П. Розенгольц (1923—1924), П. И. Баранов (1924—1931), Я. И. Алкснис (1931—1937), А. Д. Локтионов (1937—1939), Я. В. Смушкевич (1939—1940), П. В. Рычагов (1940—1941), П. Ф. Жигарев (1941—1942, 1949—1957), А. А. Новиков (1942—1946), К. А. Вершинин (1946—1949, 1957—1969), П. С. Кутахов (1969—1984), А. Н. Ефимов (1984—1990), Е. И. Шапошников (1990—1991), П. С. Дейнекин (1991—1997).

Военно-морской флот (ВМФ). Предназначен для решения стратегических и оперативных задач на океанских и морских театрах военных действий. В СССР создавался и развивался как составная часть Вооруженных сил. Состоял из морских стратегических ядерных сил и морских сил общего назначения. Включал подводные силы, надводные силы, морскую авиацию и береговые войска, а также силы ПВО, соединения и части специальных войск и тыла флота. Главной ударной силой ВМФ СССР были подводные лодки и морская ракетноносная авиация. ВМФ СССР возглавляли: П. Е. Дыбенко (1917—1918), В. М. Альтфатер (1918—1919), Е. А. Беренс (1919—1920), А. В. Немитц (1920—1921), Э. С. Панцержанский (1921—1924), В. И. Зоф (1924—1926), Р. А. Муклевич (1926—1931), В. М. Орлов (1931—1937), М. В. Викторов (1937), П. А. Смирнов (1937—1938), М. П. Фриновский (1938—1939), Н. Г. Кузнецов (1939—1946, 1951—1956), И. С. Юмашев (1947—1951), С. Г. Горшков (1956—1985), В. Н. Чернавин (1985—1992).

ВОЕННЫЕ ОКРУГА

Первые военные округа в России (Виленский, Варшавский, Киевский и Одесский) были образованы в 1862 году. К началу Первой мировой войны их было 12. В СССР ко-

личество военных округов менялось. В последний год существования Советского Союза (1991) было 16 военных округов.

Краснознаменный Белорусский военный округ. Образован 28.11.1918 г. как Минский военный округ. 14.12.1918 г. переименован в Западный военный округ. С 02.10.1926 г. — Белорусский военный округ. С 29.07.1938 г. — Белорусский особый военный округ. В сентябре — ноябре 1939 г. действовал как Белорусский фронт, войска которого участвовали в походе Красной Армии в Западную Белоруссию. С 17.07.1940 г. переименован в Западный особый военный округ. С началом Великой Отечественной войны преобразован в Западный фронт. С 15.10.1943 г. на базе Московской зоны обороны вновь создан БВО. С января 1945 г. назывался Белорусско-Литовским военным округом. 09.07.1945 г. разделен на Минский и Барановичский военные округа. 29.01.1946 г. эти округа вновь объединены в БВО. Управление с января 1947 г. находилось в г. Минске. С 1984 г. войска БВО входили в состав Главного командования войск западного направления. Награжден орденом Красного Знамени. Упразднен 06.05.1992 г. Войсками округа командовали: А. И. Корк, А. И. Егоров, И. П. Уборевич, И. П. Белов, М. П. Ковалев, Д. Г. Павлов, В. Н. Курдюмов, С. К. Тимошенко, С. Г. Трофименко, В. Н. Комаров, В. А. Пеньковский, С. С. Маряхин, И. М. Третьяк, М. М. Зайцев, Е. Ф. Ивановский, В. М. Шуралев, А. И. Костенко.

Краснознаменный Дальневосточный военный округ. Образован 17.05.1935 г. на базе упраздненной Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА). 02.06.1935 г. вновь переименован в ОКДВА с сохранением за ней функций военного округа. 28.06.1938 г. ОКДВА была развернута в Дальневосточный фронт. Вновь ДВО образован 10.09.1945 г. В 1967 г. ДВО по преемственности был передан орден Красного Знамени, которым была награждена ОКДВА. Командующие войсками округа: В. К. Блюхер, М. А. Пуркаев, Н. И. Крылов, Р. Я Малиновский, В. А. Пеньков-

ский, Я. Г. Крейзер, И. Г. Павловский, О. А. Лосик, В. Ф. Толубко, В. И. Петров, И. М. Третьяк, Д. Т. Язов, М. А. Моисеев, В. И. Новожилов, В. С. Чечеватов.

Краснознаменный Закавказский военный округ. Образован 17.05.1935 г. на территории Азербайджанской, Армянской, Грузинской ССР, Дагестанской и Северо-Осетинской АССР. 23.08.1941 г. преобразован в Закавказский (с 30.12.1941 г. Кавказский) фронт. Вновь образован 25.05.1946 г. Управление округа находилось в г. Тбилиси. В январе 1993 г. ЗакВО преобразован в Группу российских войск в Закавказье. Войсками ЗакВО командовали: М. К. Левандовский, Н. В. Куйбышев, А. И. Егоров, И. В. Тюленев, М. Г. Ефремов, Д. Т. Козлов, В. Н. Львов, И. И. Масленников, Ф. И. Толбухин, А. И. Антонов, И. И. Федюнинский, К. К. Рокоссовский, К. Н. Галицкий, А. Т. Стученко, С. К. Куркоткин, П. В. Мельников, О. Ф. Кулишев, В. М. Архипов, К. А. Кочетов, И. Н. Родионов, В. А. Пантелеев.

Краснознаменный Киевский военный округ. Образован 12.03.1919 г. на базе существовавшего с 1862 г. Киевского военного округа Российской империи. 12.03.1919 г. расформирован, 23.01.1920 г. образован вновь. 21.04.1922 г. упразднен, вошел в состав Украинского военного округа. 17.05.1935 г. вновь создан в результате деления Украинского военного округа на Киевский и Харьковский. С 26.07.1938 г. Киевский особый военный округ (КОВО). В сентябре 1939 г. на его базе создан Украинский фронт, участвовавший в походе Красной Армии в Западную Украину. С 14.11.1939 г. вновь КОВО. С началом Великой Отечественной войны на его базе создан Юго-Западный фронт. 15.10.1943 г. КОВО вновь был восстановлен. В 1968 г. награжден орденом Красного Знамени. В 1991 г. в округ входили территории Днепропетровской, Донецкой, Киевской, Кировоградской, Луганской, Полтавской, Сумской, Харьковской, Черкасской и Черниговской областей Украинской ССР. Упразднен в 1992 г. Командующие войсками округа: М. С. Богданов,

В. Козловский, В. В. Ягушевский, В. В. Шарапов, А. И. Егоров, Н. Н. Петин, И. Э. Якир, И. Ф. Федыко, С. К. Тимошенко, Г. К. Жуков, М. П. Кирпонос, В. Ф. Яковлев, В. В. Косякин, В. Ф. Герасименко, А. А. Гречко, В. И. Чуйков, П. К. Кошевой, И. И. Якубовский, В. Г. Куликов, Г. И. Салманов, И. А. Герасимов, В. В. Осипов, Б. В. Громов.

Краснознаменный Прибалтийский военный округ. Существовал с 11.07.1940 г по 22.06.1941 г, с 30.10.1943 г по 23.03.1944 г, с 09.07.1945 г по 15.11.1991 г. Образован на базе упраздненного Калининского военного округа. 17.08.1940 г. преобразован в Прибалтийский особый военный округ (ПриБОВО). С началом Великой Отечественной войны преобразован в Северо-Западный фронт. После окончания войны включал территорию Латвийской, Литовской, Эстонской ССР и Калининградской области. Управление округа находилось в г. Риге. В 1974 г. награжден орденом Красного Знамени. 15.11.1991 г. преобразован в Северо-Западную группу войск, упраздненную 01.09.1994 г. Войсками ПриБОВО командовали: А. Д. Локтионов, Ф. И. Кузнецов, Н. Н. Биязи, И. Х. Баграмян, А. В. Горбатов, П. И. Батов, И. И. Гусаковский, Г. И. Хетагуров, В. Л. Говоров, А. М. Майоров, С. И. Постников, А. В. Бетехтин, В. И. Гришин, Ф. М. Кузьмин, В. И. Миронов.

Краснознаменный Приволжский военный округ. Образован 04.05.1918 г. В 1974 г. награжден орденом Красного Знамени. Управление ПриВО находилось в г. Куйбышеве (Самаре). В 1989—1992 гг. объединен с Уральским военным округом в Приволжско-Уральский военный округ. ПриВО командовали: А. Ф. Долгушин, И. И. Межлаук, И. Л. Коган, П. А. Петряев, Б. И. Гольдберг, Д. П. Оськин, С. В. Мрачковский, А. И. Седякин, Г. Д. Базилевич, Б. М. Шапошников, И. Ф. Федыко, П. Е. Дыбенко, М. Н. Тухачевский, М. Г. Ефремов, П. А. Брянских, К. А. Мерецков, Т. И. Шевалдин, В. Ф. Герасименко, М. Т. Попов, С. А. Калинин, М. С. Хозин, В. Н. Гордов, В. А. Юшкевич, Г. Н. Перекрестов, В. И. Кузнецов, В. Н. Ко-

маров, А. Т. Стученко, И. Г. Павловский, Н. Г. Лященко, Н. В. Огарков, А. М. Паршиков, Ю. А. Науменко, П. Г. Лушев, В. Н. Кончиц, А. Я. Ряхов, В. А. Патрикеев, А. М. Макашов, А. И. Сергеев.

Краснознаменный Прикарпатский военный округ. Образован 09.07.1945 г. Управление округа сформировано на базе полевого управления 4-го Украинского фронта, сначала находилось в г. Черновцы, затем в г. Львове. ПриКро располагался на территории Волынской, Ровенской, Житомирской, Винницкой, Хмельницкой, Тернопольской, Львовской, Ивано-Франковской, Черновицкой и Закарпатской областей Украинской ССР. Округом командовали: А. И. Еременко, К. Н. Галицкий, И. С. Конев, П. И. Батов, А. Л. Гетман, П. Н. Лященко, В. Э. Бисярин, Г. И. Обатуров, В. И. Варенников, В. А. Беликов, В. В. Скоков.

Краснознаменный Одесский военный округ. Образован на базе одного из первых военных округов, созданных в царской России. Существует с 1862 г. В советский период — с 09.04.1919 г. по 05.08.1919 г., с 11.10.1939 г. по 10.09.1941 г. и с 23.03.1944 г. В 1968 г. награжден орденом Красного Знамени. К 1991 г. в него входила территория Молдавской ССР, Одесская, Николаевская, Херсонская, Запорожская и Крымская области Украинской ССР. Войсками округа командовали: Е. И. Чекваная, А. Т. Кривошеев, Б. И. Краевский, И. В. Болдин, Я. Т. Черевиченко, Н. Е. Чибисов, И. И. Иванов, И. Г. Захаркин, Я. Н. Первущин, В. А. Юшкевич, Г. К. Жуков, М. В. Ивашечкин, Н. П. Пухов, К. Н. Галицкий, А. И. Радзиевский, А. Х. Бабаджанян, М. Г. Луговцев, А. Г. Шурупов, И. М. Волошин, А. С. Елагин, И. С. Морозов, В. Г. Радецкий.

Краснознаменный Северо-Кавказский военный округ. Образован 04.05.1918 г. Упразднен 23.09.1918 г. Восстановлен 31.03.1920 г., упразднен 04.08.1920 г. Вновь восстановлен 04.05.1921 г. Существовал до 21.08.1942 г. и с 02.07.1943 г. по 09.07.1945 г. Реорганизован в три военных округа — Кубанский, Донской и Ставропольский. 04.02.1946 г. Донской военный округ переимено-

ван в Северо-Кавказский военный округ. 22.08.1949 г. СКВО был переименован в Донской военный округ, а на Кубани создан СКВО. 09.11.1953 г. ДонВО расформирован и включен в СКВО. В 1968 г. СКВО награжден орденом Красного Знамени. Управление округом расположено в г. Ростове-на-Дону. Командующие войсками СКВО: А. Е. Снесарев, Г. Д. Базилевич, К. Е. Ворошилов, Н. И. Муралов, И. П. Уборевич, И. П. Белов, Н. Д. Каширин, С. К. Тимошенко, С. Е. Грибов, В. Я. Качалов, М. Г. Ефремов, Ф. И. Кузнецов, И. С. Конев, М. А. Рейтер, Ф. Н. Ремезов, В. Н. Сергеев, В. Н. Курдюмов, Н. К. Клыков, П. А. Белов, В. З. Романовский, С. Г. Трофименко, И. И. Бойков, Н. П. Пухов, А. И. Еременко, И. А. Плиев, А. Т. Алтунин, Д. И. Литовцев, В. А. Беликов, С. И. Постников, В. К. Мерещков, В. В. Скоков, Л. С. Шустко, А. Н. Митюхин.

Краснознаменный Сибирский военный округ. Образован 24.12.1919 г. на базе существовавшего с 1865 г. Сибирского военного округа Российской империи. В период с 25.01 по 03.12.1920 г., с 08.05.1922 г. по 12.06.1924 г. и с 09.07.1935 г. по 04.01.1936 г. назывался Западно-Сибирским военным округом. Управление СибВО находилось в Омске (1919) и Новосибирске. В 1974 г. награжден орденом Красного Знамени. Командующие округом: М. О. Шипов, Я. П. Гайлит, Р. П. Эйдеман, М. М. Лашевич, Н. Н. Петин, Н. В. Куйбышев, М. К. Левандовский, П. Е. Дыбенко, М. А. Антонюк, С. А. Калинин, Н. В. Медведев, В. Н. Курдюмов, Н. П. Пухов, П. К. Кошевой, Г. В. Бакланов, С. П. Иванов, В. Ф. Толубко, М. Г. Хомуло, Б. В. Снетков, Н. И. Попов, В. А. Востров, Н. В. Калинин, Б. В. Пьянков.

Краснознаменный Среднеазиатский военный округ. Образован 04.06.1926 г. на территории Узбекской и Туркменской ССР, Таджикской, Киргизской и Казахской АССР в результате преобразования Туркестанского фронта. В Великую Отечественную войну в соответствии с советско-иранским договором войска округа находились на территории Ирана. 09.07.1945 г.

расформирован, 24.06.1969 г. образован вновь. Включал территорию Казахской, Киргизской и Таджикской ССР. Управление находилось в г. Алма-Ате. В 1975 г. награжден орденом Красного Знамени. В июне 1989 г. реформирован, вошел в ТуркВО. Командующие округом: К. В. Авксентьевский, П. Е. Дыбенко, М. Д. Великанов, И. К. Грязнов, А. Д. Локтионов, Л. Г. Петровский, И. Р. Апанасенко, С. Г. Трофименко, И. С. Курбаткин, М. Ф. Липатов, Н. Г. Лященко, П. Г. Лушев, Д. Т. Язов, В. Н. Лобов, А. В. Ковтунов.

Краснознаменный Туркестанский военный округ. Образован 04.05.1918 г. в границах, существовавших с 1867 г. С 07.03.1920 г. преобразован в Туркестанский фронт. Вновь создан 09.07.1945 г. в результате разделения Среднеазиатского военного округа на Степной и Туркестанский военные округа. Управление ТуркВО находилось в г. Ташкенте. В 1968 г. награжден орденом Красного Знамени. Упразднен 30.06.1992 г. Округом командовали: К. П. Осипов, Н. Я. Федермессер, И. Е. Петров, А. И. Радзиевский, А. А. Лучинский, И. И. Федюнинский, Н. Г. Лященко, С. Е. Белоножко, Ю. П. Максимов, Н. И. Попов, И. В. Фуженко, Г. Г. Кондратьев.

Краснознаменный Уральский военный округ. Образован 04.05.1918 г. 03.10.1919 г. переименован в Приуральский военный округ. С 17.05.1935 г. вновь переименован в УрВО. В 1974 г. награжден орденом Красного Знамени. Управление округа — в г. Свердловске (Екатеринбурге). Командующие округом: Ф. И. Голощекин, С. А. Анучин, И. И. Гарькавый, Я. П. Гайлит, Г. П. Софронов, Ф. А. Ершаков, А. В. Катков, Ф. И. Кузнецов, Г. К. Жуков, М. И. Казаков, Н. И. Крылов, Д. Д. Лелюшенко, Я. Г. Крейзер, И. В. Тутаринов, А. А. Егоровский, Н. К. Сильченко, М. А. Тягунов, И. А. Гашков, Н. Ф. Грачев, Н. Г. Мадудов, А. М. Макашов, А. И. Сергеев.

Ордена Ленина Забайкальский военный округ. Образован 03.11.1921 г. Упразднен 02.05.1922 г, вновь образован 17.05.1935 г. На его базе 15.09.1941 г. был создан Забайкальский фронт. 25.05.1947 г. ЗаБВО снова был

восстановлен. Управление округом находилось в г. Чите. В 1974 г. награжден орденом Ленина. Командующие округом: С. М. Серышев, А. Я. Лапин, И. К. Грязнов, М. Д. Великанов, М. Г. Ефремов, В. Ф. Яковлев, Ф. Н. Ремезов, И. С. Конев, П. А. Курочкин, М. П. Ковалев, К. А. Коротеев, Д. Н. Гусев, Е. Г. Троценко, Д. Д. Лелюшенко, Я. Г. Крейзер, Д. Ф. Алексеев, П. А. Белик, Г. И. Салманов, С. И. Постников, А. В. Бетехтин, В. М. Семенов, В. С. Третьяков.

Ордена Ленина Ленинградский военный округ. Образован 20.03.1918 г. как Петроградский военный округ РККА. 01.02.1924 г. переименован в Ленинградский военный округ. Вынес основную тяжесть советско-финляндской войны 1939—1940 гг. 24.06.1941 г. на его базе был создан Северный фронт, в августе 1941 г. разделенный на Ленинградский и Карельский фронты. 09.07.1945 г. ЛВО восстановлен. В 1968 г. награжден орденом Ленина. Войсками ЛВО командовали: Б. П. Позерн, П. П. Исаков, Д. Н. Авров, А. И. Егоров, В. М. Гиттис, Б. М. Шапошников, А. И. Корк, М. Н. Тухачевский, И. П. Белов, П. Е. Дыбенко, М. С. Хозин, К. А. Мерецков, С. К. Тимошенко, М. П. Кирпонос, М. М. Попов, Т. И. Шевалдин, Л. А. Говоров, Д. Н. Гусев, А. А. Лучинский, М. В. Захаров, Н. И. Крылов, М. И. Казаков, С. Л. Соколов, И. Е. Шавров, А. И. Грибков, М. И. Сорокин, Б. В. Снетков, В. Ф. Ермаков, В. Н. Самсонов.

Ордена Ленина Московский военный округ. Образован 04.05.1918 г. на базе военного округа, созданного в 1864 г. В годы Великой Отечественной войны в МВО было образовано 3 фронтовых, 23 армейских и 11 корпусных управлений, сформировано 128 дивизий, 197 бригад, свыше 4100 маршевых пополнений общей численностью около 4,5 млн человек. В 1968 г. округ был награжден орденом Ленина. Командующие округом: Н. И. Муралов, С. П. Нацаренус, А. А. Бурдуков, П. А. Петряев, К. Е. Ворошилов, Г. Д. Базилевич, Б. М. Шапошников, Н. В. Куйбышев, И. П. Уборевич, А. И. Корк, Б. С. Горбачев, И. П. Белов, С. М. Буденный, И. В. Тюленев, П. А. Артемьев, К. А. Мерец-

ков, К. С. Москаленко, Н. И. Крылов, А. П. Белобородов, Е. Ф. Ивановский, В. Л. Говоров, П. Г. Лушев, В. М. Архипов, К. А. Кочетов, Н. В. Калинин.

В Российской Федерации осталось семь военных округов: Дальневосточный, Ленинградский, Московский, Приволжский, Северо-Кавказский, Сибирский и Уральский.

ФЛОТЫ

Дважды Краснознаменный Балтийский флот. Образован в январе 1918 г. на базе одного из старейших российских флотов, созданного в ходе Северной войны 1700—1721 гг. Принимал участие в Гражданской войне, советско-финляндской войне 1939—1940 гг. и в Великой Отечественной войне. В феврале 1946 г. Балтийский флот был разделен на два самостоятельных оперативных объединения — 4-й Военно-морской флот и 8-й Военно-морской флот. В декабре 1954 г. снова объединены в единый Балтийский флот. Основными пунктами базирования были Балтийск Калининградской области и Кронштадт. Корабли флота выходили в Атлантический океан, Средиземное море, совершали визиты в порты Северной и Западной Европы, Ближнего Востока, Кубы, Западной Африки. Награжден двумя орденами Красного Знамени (1928, 1965). После распада СССР силы Балтийского флота покинули Таллиннскую и Лиепайскую военно-морские базы. В 1994 г. включен в состав Калининградского особого района, который по совместительству возглавляет командующий флотом. В советский период флотом командовали: А. М. Щастный, С. В. Зарубаев, А. П. Зеленой, Ф. Ф. Раскольников, В. А. Кукель, И. К. Кожанов, М. В. Викторов, А. К. Векман, Л. М. Галлер, А. К. Сивков, И. С. Исаков, Г. И. Левченко, В. Ф. Трибуц, В. А. Андреев, А. Г. Головкин, Ф. В. Зозуля, И. М. Харламов, В. А. Касатонов, А. Е. Орел, В. В. Михайлин, А. М. Косов, В. В. Си-

доров, И. М. Капитанец, К. В. Макаров, В. П. Иванов, В. Г. Егоров.

Краснознаменный Северный флот. Создан 11.05.1937 г. на базе образованной 01.06.1933 г. Северной военной флотилии, берущей свое начало от Беломорской флотилии, созданной в конце XVII века. Принимал участие в советско-финляндской войне 1939—1940 гг., в Великой Отечественной войне. В 1963 г. атомные подводные лодки Северного флота совершили подледное плавание и всплытие на Северном полюсе, где водрузили Государственный и Военно-морской флаги СССР. В 1966 г. впервые в истории атомные подводные лодки этого флота осуществили кругосветное совместное плавание в подводном положении. Корабли Северного флота участвовали во многих длительных и морских океанских плаваниях, несли боевую службу в Атлантике, Баренцевом, Норвежском и Средиземном морях. В 1965 г. флот награжден орденом Красного Знамени. Командующие: К. И. Душенов, В. П. Дрозд, А. Г. Головкин, В. И. Платонов, А. Т. Чабаненко, В. А. Касатонов, С. М. Лобов, Г. М. Егоров, В. Н. Чернавин, А. П. Михайловский, И. М. Капитанец, Ф. Н. Громов, О. А. Ерофеев.

Краснознаменный Тихоокеанский флот. Создан 11.01.1935 г. на базе Морских сил Дальнего Востока. В Великую Отечественную войну находился в постоянной боевой готовности. Часть его личного состава была передана в действующие флоты и на сухопутные фронты. Во время советско-японской войны 1945 г. Тихоокеанский флот содействовал войскам 1-го Дальневосточного фронта в освобождении Северной Кореи, участвовал в Южно-Сахалинской и Курильской десантных операциях. В 1947 г. был разделен на 5-й с главной военно-морской базой во Владивостоке и 7-й в Советской Гавани ВМФ. В 1953 г. снова объединены в ТОФ. Награжден орденом Красного Знамени (1965). Командующие ТОФ (5-м и 7-м ВМФ): М. В. Викторов, Г. П. Киреев, Н. Г. Кузнецов, И. С. Юмашев, А. С. Фролов, Ю. А. Пантелеев, И. И. Байков, Г. Н. Холостяков, В. А. Чекуров, В. А. Фокин,

Н. Н. Амелько, Н. И. Смирнов, В. П. Маслов, Э. Н. Спиридонов, В. В. Сидоров, Г. А. Хватов, Г. Н. Гуринов.

Краснознаменный Черноморский флот. Вел свое начало от русского военного флота, созданного на Черном море из кораблей Азовской и Днепровской флотилий. Его история связана с именами выдающихся флотоводцев Ф. Ф. Ушакова, Д. Н. Сенявина, М. П. Лазарева, П. С. Нахимова и др. Образован в январе 1935 г. на базе Морских сил Черного и Азовского морей, созданных в январе 1920 г. В годы Великой Отечественной войны оборонял базы и побережье, действовал на коммуникациях противника, участвовал в боях за Одессу, Севастополь, Новороссийск, Туапсе, в битве за Кавказ. В послевоенные годы силы флота несли боевую службу в Средиземном море и на Атлантике. После распада СССР разделен на Черноморский флот России и ВМС Украины с отдельным базированием. В 1965 г. награжден орденом Красного Знамени. Командующие Черноморским флотом в советский период: А. В. Немитц, А. И. Шейковский, Н. Ф. Измайлов, А. В. Домбровский, Э. С. Панцержанский, А. С. Максимов, А. К. Векман, М. В. Викторов, В. М. Орлов, И. К. Кожанов, П. И. Смирнов, И. С. Юмашев, Ф. С. Октябрьский, Л. А. Владимирский, Н. Е. Басистый, С. Г. Горшков, С. Е. Чурсин, В. С. Сысоев, Н. И. Ховрин, А. М. Калинин, М. Н. Хронопуло, И. В. Касатонов.

ГРУППЫ СОВЕТСКИХ ВОЙСК ЗА ПРЕДЕЛАМИ СССР

Группа советских войск в Германии (ГСВГ). Создана в июне 1945 г. как Группа советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ) для контроля за выполнением требований Акта о безоговорочной капитуляции вооруженных сил Германии в советской зоне оккупации. Управление Группы располагалось в г. Потсдаме, затем — в Вюнсдорфе. В 1949 г. в связи с образованием ГДР преобразована в ГСВГ. Являлась важным зве-

ном в организации Варшавского Договора. В июле 1989 г. ГСВГ переименована в Западную группу войск. Главнокомандующие: Г. К. Жуков, В. Д. Соколовский, В. И. Чуйков, А. А. Гречко, М. В. Захаров, И. И. Якубовский, И. С. Конев, П. К. Кошевой, В. Г. Куликов, С. К. Куркоткин, Е. Ф. Ивановский, М. М. Зайцев, П. Г. Лушев, В. А. Беликов, Б. В. Снетков.

Ограниченный контингент советских войск в Афганистане (ОКСВ в Афганистане). Введен 25.12.1979 г., выведен 15.12.1989 г. Включал: 40-ю армию, три мотострелковые и одну воздушно-десантную дивизию, девять отдельных бригад и семь отдельных полков, четыре полка фронтовой и два полка армейской авиации, а также тыловые, медицинские, ремонтные, строительные и другие части и подразделения. Наибольшая численность (108,7 тыс. человек) составляла в 1985 г. Военную службу в Афганистане прошли около 620 тыс. военнослужащих, в том числе в составе ОКСВ — 525,2 тыс. человек. Потери составили: убитыми и умершими — 13 833 человека, ранеными — 49 985. Общее руководство ОКСВ осуществляла оперативная группа МО СССР, которую возглавлял С. Л. Соколов, с 1985 г. — В. И. Варенников. Командующие 40-й армией: Ю. В. Тухаринов, Б. И. Ткач, В. Ф. Ермаков, Л. Е. Генералов, И. Н. Родионов, В. П. Дубынин, Б. В. Громов.

Северная группа войск (СГВ). Создана 29.05.1945 г. на базе войск 2-го Белорусского фронта. Временно располагалась на территории Польши. Правовой статус был определен правительственными соглашениями между СССР и Польской Народной Республикой от 17.12.1956 г. Упразднена в сентябре 1993 г. с завершением вывода войск на территорию России. Главнокомандующие СГВ: К. К. Рокоссовский, А. И. Радзиевский. Командующие СГВ: М. П. Константинов, К. Н. Галицкий, Г. И. Хетагуров, С. С. Маряхин, А. П. Рудаков, Г. В. Бакланов, И. Н. Шкадов, М. Н. Танкаев, И. А. Герасимов, О. Ф. Кулишев, Ю. Ф. Зарудин, А. В. Ковтунов, И. И. Корбутов, В. Я. Дубынин, Л. И. Ковалев.

Центральная группа войск (ЦГВ). Создана 19.06.1945 г. в соответствии с соглашениями союзных держав для контроля за выполнением требований, вытекающих из Акта о капитуляции Германии. В 1945—1955 гг. временно находилась на территории Австрии и Венгрии. Управление было сформировано на базе полевого управления 1-го Украинского фронта. ЦГВ была расформирована в 1955 г. в связи с подписанием СССР, США, Великобританией, Францией и Австрией Государственного договора о восстановлении независимой и демократической Австрии. Главнокомандующие: И. С. Конев, В. В. Курасов, В. П. Свиридов, С. С. Бирюзов, А. С. Жадов. Новая Центральная группа войск с временной дислокацией на территории Чехословакии была создана 16.10.1968 г. в соответствии с Договором между правительствами СССР и ЧССР. Упразднена в июле 1991 г. с завершением вывода войск на территорию России. Командующие: А. В. Майоров, И. И. Тенищев, Д. С. Сухо-руков, Д. Т. Язов, Г. Г. Борисов, В. Ф. Ермаков, Э. А. Воробьев.

Южная группа войск (ЮГВ). Создана 15.06.1945 г. на территории Румынии и Болгарии для контроля за выполнением соглашений о перемирии, заключенных представителями союзных держав с Румынией и Болгарией. Управление этой Южной группы войск было сформировано на базе полевого управления 3-го Украинского фронта. ЮГВ расформирована в 1947 г. после подписания мирных договоров с Румынией и Болгарией. Главнокомандующие: Ф. И. Толбухин, В. Д. Цветаев. Новая Южная группа войск была создана в 1956 г. на основании соглашения между правительствами СССР и Венгерской Народной Республики и дислоцировалась на ее территории. Упразднена в сентябре 1992 г. с завершением вывода войск на территорию России. Командующие: М. И. Казаков, М. Т. Никитин, П. И. Батов, К. И. Провалов, Б. П. Иванов, Ф. Ф. Кривда, В. И. Сивенок, К. А. Кочетов, А. А. Демидов, М. П. Бурлаков, В. Е. Шилов.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЗВАНИЯ В СССР

До 1935 г. командиры в Красной Армии и ВМФ различались по занимаемым должностям. 22.09.1935 г. были установлены персональные звания.

1. Сухопутные войска, ВВС, Военно-морской флот, военно-политический состав

Генералиссимус Советского Союза (с 26.06.1945).

Маршал Советского Союза (с 22.09.1935).

Главный маршал авиации, артиллерии, бронетанковых войск, инженерных войск, войск связи (с 09.10.1943).

Маршал авиации, артиллерии, бронетанковых войск, инженерных войск, войск связи (с 16.01.1943).

Командарм 1-го ранга (с 22.09.1935) — генерал армии (с 07.05.1940); флагман флота 1-го ранга (с 22.09.1935) — адмирал флота (с 07.05.1940); армейский комиссар 1-го ранга (с 22.09.1935).

Командарм 2-го ранга (с 22.09.1935) — генерал-полковник (с 07.05.1940); флагман флота 2-го ранга (с 22.09.1935) — адмирал (с 07.05.1940); армейский комиссар 2-го ранга (с 22.09.1935).

Комкор (с 22.09.1935) — генерал-лейтенант (с 07.05.1940); флагман 1-го ранга (с 22.09.1935) — вице-адмирал (с 07.05.1940); дивизионный комиссар (с 22.09.1935).

Комдив (с 22.09.1935) — генерал-майор (с 07.05.1940); флагман 2-го ранга (с 22.09.1935) — контр-адмирал (с 07.05.1940); дивизионный комиссар (с 22.09.1935).

Комбриг (с 22.09.1935 по 07.05.1940); бригадный комиссар (с 22.09.1935).

Полковник (с 22.09.1935); капитан 1-го ранга (с 22.09.1935); полковой комиссар (с 22.09.1935).

Подполковник (с 01.09.1939); капитан 2-го ранга (с 01.09.1935); старший батальонный комиссар (с 01.09.1939).

Майор (с 22.09.1935); капитан 3-го ранга (с 22.09.1935); батальонный комиссар (с 22.09.1935).

Капитан (с 22.09.1935); капитан-лейтенант (с 22.09.1935); старший политрук (с 22.09.1935).

Старший лейтенант (с 22.09.1935); политрук (с 22.09.1935).

Лейтенант (с 22.09.1935); младший политрук (с 05.08.1937).

Младший лейтенант (с 05.08.1937).

2. Военно-хозяйственный и административный состав, военно-медицинский состав, военно-ветеринарный состав (звания введены 22.09.1935).

Арминтендант, армврач, армветврач.

Коринтендант, корврач, корветврач.

Дивинтендант, дивврач, дивветврач.

Бригинтендант, бригврач, бриветврач.

Интендант 1-го ранга, военврач 1-го ранга, военветврач 1-го ранга.

Интендант 2-го ранга, военврач 2-го ранга, военветврач 2-го ранга.

Интендант 3-го ранга, военврач 3-го ранга, военветврач 3-го ранга.

Техник-интендант 1-го ранга, старший военфельдшер, старший военветфельдшер.

Техник-интендант 2-го ранга, военфельдшер, военветфельдшер.

Младший техник-интендант (с 1939).

3. Военно-юридический состав (звания введены 22.09.1935).

Армвоенюрист, корвоенюрист, диввоенюрист, бригавоенюрист, военный юрист 1-го ранга, военный юрист 2-го ранга, военный юрист 3-го ранга, военный юрист, младший военный юрист.

СОДЕРЖАНИЕ

Как служили в Советской армии. (Вместо предисловия)	3
Блокнот I	5
Пунктирная линия. ПОВЕСТЬ ИЗ НАГРУДНОГО КАРМАНА	5
Основная линия. НОВЕЛЛЫ ИЗ ПИСЬМЕННОГО СТОЛА	43
Ты у меня одна	43
Мужчины среди мужчин	54
Бальное платье	78
Двое в ночи	90
Блокнот II	105
Пунктирная линия. ПОВЕСТЬ ИЗ НАГРУДНОГО КАРМАНА	105
Основная линия. НОВЕЛЛЫ ИЗ ПИСЬМЕННОГО СТОЛА	168
Пусть встретится аист	168
С контактом все в порядке	178
Бронзовый солдат	192
Блокнот III	204
Пунктирная линия. ПОВЕСТЬ ИЗ НАГРУДНОГО КАРМАНА	204
Основная линия. НОВЕЛЛЫ ИЗ ПИСЬМЕННОГО СТОЛА	243
Жена приехала	243
Золотая пора	250
Масштабная линия	260
Кто вы, майор Шостаков?	273
Пять лет жизни	281
Блокнот IV	294
Пунктирная линия. ПОВЕСТЬ ИЗ НАГРУДНОГО КАРМАНА	294
Основная линия. НОВЕЛЛЫ ИЗ ПИСЬМЕННОГО СТОЛА	349

Старая полевая сумка	349
Разводящий еще не пришел	359
Баловень судьбы	369
ЭПИЛОГ	383
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ	384
Приложение. НЕПОБЕДИМАЯ И ЛЕГЕНДАРНАЯ	387

Документально-публицистическое издание

Николай Александрович Зенькович

БЫЛА ТАКАЯ АРМИЯ

Книга-эпитафия

Редактор *Е. Кожедуб*
Младший редактор *Н. Пастухова*
Художественный редактор *А. Гладышев*
Технический редактор *Н. Ремизова*
Компьютерная верстка *И. Слепцовой*
Корректор *Л. Беляева*

Подписано в печать 31.05.04.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84. Тираж 5000 экз.
Изд. № 04-6602-ДО. Заказ № 2355.

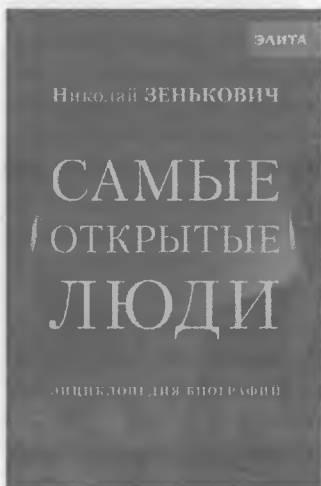
Издательство «ОЛМА-ПРЕСС Образование»
129075, Москва, Звездный бульвар, 23, стр. 10
«ОЛМА-ПРЕСС Образование» входит в группу компаний
ЗАО «ОЛМА МЕДИА ГРУПП»

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
127473, Москва, Краснопролетарская, 16

Удостоверить историческую истину можно только одним способом: быть внутри истории, а не ее исследователем, наблюдателем. Быть Хрущевым, Горбачевым, Сталиным. В противном случае — останется читать Зеньковича, что, в общем-то, совсем неплохо.

Сергей Митрофанов

В авторской серии писателя, историка, признанного мастера «литературы факта» Николая Зеньковича впервые в мировой историографии публикуются собранные и систематизированные им биографические данные о представителях советской и российской элиты: политической, управленческой, законодательной, военной. В каждой книге — множество малоизвестных фактов из жизни влиятельных общественных и политических фигур. Органичное сочетание энциклопедической широты охвата материала и беллетризованной формы изложения не имеют аналогов на российской книжном рынке.

«Самые открытые люди»

Книга посвящена властной элите новой России — биографии самых известных представителей государственной исполнительной власти: президентов РФ, руководителей администрации президентов РФ, премьер-министров, вице-премьеров и министров федерального уровня. В книгу вошли все изменения в Правительстве РФ, связанные с отставкой кабинета М. М. Касьянова и формированием нового правительства М. Е. Фрадкова.

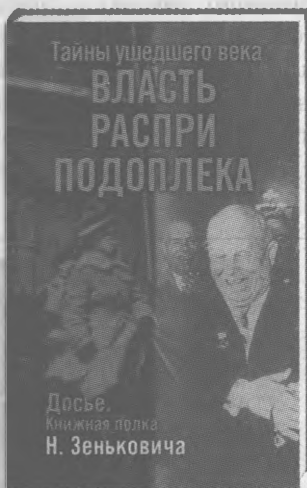
Выходят в свет:

- «Самые открытые люди. Энциклопедия биографий»
- «Самые закрытые люди. Энциклопедия биографий»
- «Комсомольские вожди»
- «Политбюро. Семейные тайны»

Серия

«Досье. Книжная полка

Николая Зеньковича»

В серии представлены все бестселлеры известного писателя, признанного мастера «литературы факта», посвященные острым проблемам общественной и политической жизни России, знаковым политическим фигурам в истории нашей страны. Автор дает объективные портреты политических и общественных деятелей, приводит уникальные факты частной жизни известных людей, которым довелось вершить судьбы России.

Выходят в свет:

Тайны ушедшего века. Власть. Распри. Подоплека

Тайны ушедшего века. Сенсации. Антисенсации.

Суперсенсации

Тайны ушедшего века. Лжесвидетельства.

Фальсификации. Компромат

Тайны ушедшего века. Границы. Споры. Обиды

Веселые министры, депутаты и артисты

Вожди и сподвижники: Слежка. Оговоры. Травля

На КГБ работали и "Стар" и "Млад"

Новости из Кремля, сэр

Покушения и инсценировки: От Ленина до Ельцина

Россия. Избавление от талантов

Борис Ельцин: разные жизни. В двух книгах

Была такая страна

Мальчики в розовых штанишках

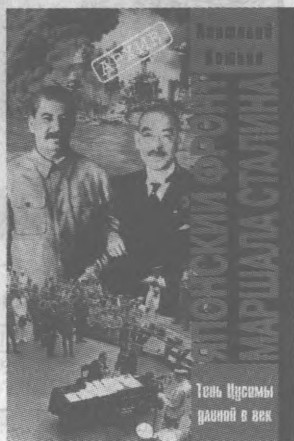
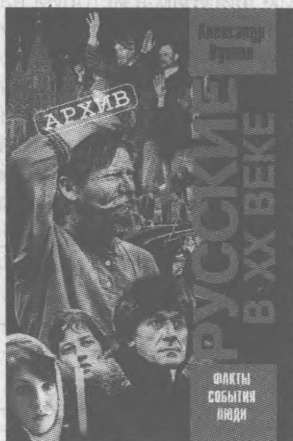
Маршалы и генсеки

Михаил Горбачев. Жизнь до Кремля

ЦК закрыт, все ушли...

АРХИВ

Интереснейшие сведения о знаменательных событиях в сложные исторические периоды России и зарубежных стран, неизвестные факты из жизни известных людей. Страницы мировой истории, составленные на основе уникальных, ранее не публиковавшихся архивных документов и свидетельств очевидцев, позволят читателю другими глазами взглянуть на эпохи, события, личности и, возможно, изменить устоявшееся отношение к ним.

Новинки:

Вдовин А.
Кошкин А.

Лопатин В.
Авторский коллектив
Усов В.

Скоро:

Платошкин Н.
Горбунов Е.
Жемчугов А.

- Русские в XX веке•
- Японский фронт маршала Сталина. Тень Цусимы длиной в век•
- Светлейший князь Потемкин•
- Операция «Багратион». Освобождение Белоруссии•
- Китайский Берия Кан Шэн•

- Гражданская война в Испании. 1936–1939 гг.•
- Операция «Рамзай». Триумф и трагедия Р. Зорге•
- Китайская головоломка•

Издания серии «XXI век. Политика и общество» объединяет актуальность поднимаемых вопросов в диапазоне от внешней политики России до конкретных национальных градостроительных идей.

Серию составляют книги известных общественно-политических деятелей: министра иностранных дел РФ И. Иванова, директора центра стратегических исследований А. Агеева, председателя общественного движения «Партия России» Ю. Крупнова, президента Национального градостроительного института А. Кривова, известного американского политолога С. Коэна, советника Председателя Совета Федерации Федерального собрания РФ Н. Зеньковича.

Выходят в свет:

И. Иванов

«Россия в современном мире: Ответы на вызовы XXI века»

А. Кривов, Ю. Крупнов

«Дом в России. Национальная идея»

А. Агеев

«Модели четвертой мировой войны»

А. Агеев

«Почему Россия может стать Америкой»

Н. Зенькович

«Третье лицо в государстве. Феномен Миронова»

ДОСЬЕ

Николай Зенькович — писатель, историк, признанный мастер «литературы факта», автор 30 бестселлеров, переведенных на болгарский, польский, румынский, чешский, китайский языки, а также языки стран СНГ.

Самовольное оставление воинских частей с оружием. Расстрел сослуживцев. Жуткие случаи смерти солдат от недоедания и болезней, самоубийства... Подобными сообщениями о трагических происшествиях в Российской армии средства массовой информации потчуют нас почти еженедельно.

«Когда мы служили, такого не было», — утверждает Николай Зенькович. А как было? Как служили в Советской армии? Автор приводит интереснейшие сведения о воинской службе в Царской, Красной и Советской армии. Исследует особенности армейской системы СССР. Дает объективные характеристики высших воинских чинов Советской армии.

Т Р И Э П О Х И А Р М И И Р О С С И И

ИЗДАТЕЛЬСТВО
**ОЛМА
ПРЕСС**

ISBN 5-94849-639-2

9 785948 496399